

Общество «МЕМОРИАЛ»

РЕАБИЛИТАЦИЯ И ПАМЯТЬ

Отношение к жертвам советских
политических репрессий
в странах бывшего СССР

Москва
«Мемориал» – «Звенья»
2016

ББК 66.3(2Рос)6

Р31

**Издательская программа Международного общества
«Мемориал»**

Редакционная коллегия

Александр Даниэль, Лариса Еремина, Елена Жемкова, Татьяна Касаткина, Никита Охотин, Ян Рачинский, Арсений Рогинский (председатель)

В книге представлены материалы международной конференции «Долгое эхо диктатуры. Жертвы политических репрессий в странах бывшего СССР – реабилитация и память», прошедшей в Москве 10–12 сентября 2014 г. в рамках проекта «Судьба жертв политических репрессий – право на реабилитацию и память».

При реализации проекта были использованы средства государственной поддержки (грант) в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 29.03.2013 № 115-рп.

Издание осуществлено при поддержке
Фонда им. Генриха Бёлля.

Координатор проекта Наталья Колягина

Составитель Ян Рачинский

За помощь в работе над проектом благодарим Бируте Бураускайте, Игоря Гарькавого, Галину Жданову, Елену Жемкову, Льва Иванова, Анатолия Разумова, Марию Сбитневу, Марину Суслову, Ирину Щербакову.

ISBN 978-5-78700-124-2

© Международный Мемориал,
составление, 2016

© Д.Сенчагов, оформление, 2016

От издателей

Основой сборника, предлагаемого вниманию читателей, стали доклады участников международной конференции «Долгое эхо диктатуры. Жертвы политических репрессий в странах бывшего СССР – реабилитация и память» (Москва, 10–12 сентября 2014 г.). Проведение конференции стало возможным благодаря поддержке Фонда им. Генриха Бёлля (Германия) и Института проблем гражданского общества (Россия).

Хотя подготовка издания несколько затянулась, внести существенные изменения в тексты докладов не потребовалось – к сожалению, власти большинства постсоветских стран не считают проблемы, связанные с реабилитацией жертв политических репрессий, первоочередными. Собственно, низкий (почти повсеместно) уровень внимания к положению жертв коммунистического террора и вызвал желание обсудить проблему и сопоставить ситуацию, сложившуюся в бывших республиках СССР, – в разных странах с общей недавней историей.

Конечно, проблема не ограничивается постсоветским пространством – именно поэтому конференцию предваряла серия «круглых столов», посвященных опыту стран более или менее дальнего зарубежья, также переживших период диктатуры. В Интернете помещены материалы этих встреч с экспертами из Албании (<http://urokiistorii.ru/memory/conf/52136>), Венгрии (<http://urokiistorii.ru/memory/conf/52046>), Польши (<http://urokiistorii.ru/memory/conf/52074>) и Португалии (<http://urokiistorii.ru/memory/conf/52087>).

Круг вопросов, на которые мы хотели получить ответы в рамках проекта, довольно широк – это и состояние законодательства о реабилитации (кто подлежит реабилитации и каковы процедуры), и социальный статус реабилитированных (в том числе меры государственной компенсации и поддержки), и положение с увековечением памяти жертв репрессий (Книги Памяти, музеи, памятники и памятные знаки), и доступность архивных материалов, и – в каком-то смысле главный показатель – уровень общественного внимания (и понимания). Надо сказать, что не во всех странах нам удалось найти экспертов для ответов на поставленные вопросы, но и собранный материал, на наш взгляд, представляет несомненный интерес.

Вошедшие в сборник доклады описывают ситуацию в Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане, Киргизии, Латвии, Литве, Молдавии, России, Украине и Эстонии.

Структура докладов различна, как различна и ситуация во всех этих странах, но есть и общее, определяемое самой темой, есть проблемы, которые неизбежно возникают в каждой стране. Эти проблемы вставали и при разработке российского закона о реабилитации – и, поскольку он появился одним из первых, мы сочли уместным перед докладами участников конференции поместить написанную еще в 1992 году статью А.Л.Кононова, одного из авторов российского закона. В каком-то смысле она может служить точкой отсчета для оценки пройденного пути.

Мы искренне признательны всем коллегам, принявшим участие в проекте, и его координатору Наталье Колягиной. Надеемся, что публикуемые в сборнике материалы будут содействовать совершенствованию законодательства и выработке общих подходов на основе накопленного опыта.

А.Л. КОНОНОВ,
кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ,
в 1991–2009 гг. судья Конституционного суда РФ

К истории принятия российского Закона «О реабилитации жертв политических репрессий»

Правовой смысл реабилитации

Понятие реабилитации в праве имеет два аспекта: во-первых, восстановление доброго имени, репутации неправильно обвиненного или опороченного лица, во-вторых, восстановление в прежних правах путем отмены решения о виновности данного лица и о применении к нему конкретных юридических санкций.

В нашем законодательстве слово «реабилитация» почти не встречается. Нет его в юридических словарях и комментариях. Например, в ст.385 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР упоминается о том, что процесс может быть возобновлен по вновь открывшимся обстоятельствам, даже в случае смерти осужденного, в целях его реабилитации. Очевидно, здесь подразумевается именно первый аспект данного понятия.

Обычный рутинный процесс отмены судебных и административных решений вполне обходится без понятия реабилитации. В уголовном процессе, например, пересмотр приговоров возможен в кассационном и надзорном порядке, причем только в первом случае – по жалобе осужденного. В порядке же надзора дело может быть пересмотрено лишь по протесту определенных должностных лиц (председателя суда, прокурора) областного и вышестоящих рангов.

Существует более десятка оснований прекращения уголовного дела и оправдания обвиняемого. Только два из них – за отсутствием события преступления или за отсутствием в деянии состава преступления – можно считать полностью реабилитирующими. Что же касается, например, такого основания, как «недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления» (ст.208 УПК РСФСР), которым правоохранительные органы зачастую прикрывают свои ошибки, то, хотя лицо и будет считаться невиновным и оправданным, на практике за ним все равно остается некий шлейф подозрения и двусмысленности.

Отсутствие понятия реабилитации в отечественном законодательстве далеко не случайно. Ведь сам факт пересмотра и отмены решения сводится лишь к формальному признанию его неправомерности, что далеко не всегда влечет за собой все аспекты реабилитации. В этом как бы отразилась вся советская концепция права с его приоритетами общественного над личным, государственно над частным, с его сугубо репрессивной политикой и пренебрежением к защите прав человека.

Частному лицу было практически невозможно пробиться сквозь плотный заслон бюрократических структур, доказывая свою невиновность, не говоря уж о публичной реабилитации своего имени. Число оправдательных приговоров у нас всегда было ничтожным. Практически не применялась ст.7 Гражданского кодекса РСФСР о защите чести и достоинства. Только в 1981 г. стало возможным возмещение материального ущерба, причиненного незаконным привлечением к ответственности или осуждением. До настоящего времени нет законодательной основы для возмещения материального вреда.

Таким образом, исходя из смысла понятия реабилитации, новый закон должен был решать эту проблему

во всех аспектах, включая максимально упрощенный процесс отмены прежних решений, порядок и объем восстановления нарушенных прав и возмещения вреда, публичное восстановление доброго имени и репутации репрессированного.

Реабилитация как политический процесс в конце 1950-х – середине 1960-х годов

В общественный лексикон и правовое сознание слово «реабилитация» вошло в связи с событиями середины 50-х годов — разоблачением так называемого культа личности Сталина и «преодолением его последствий». Начавшийся параллельно с этим массовый процесс освобождения заключенных носил прежде всего политический характер, правовая его сторона обладала такой же политической ущербностью, как и сами репрессии.

Если раньше, чтобы осудить человека, достаточно было заочного решения «двойки» или «тройки» при полном пренебрежении нормальной судебной процедурой и гарантиями прав обвиняемого, то теперь «для проверки обоснованности осуждения» также были созданы внесудебные органы — комиссии (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24.03.56 г. «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления»). В комиссии включались представители партийных и советских органов, прокуратуры, Министерства юстиции и т.п., которые, по существу, решали вопросы «о целесообразности (!) содержания в заключении тех лиц, которые хотя и совершили политические <...> преступления, но не представляют государственной или общественной опасности».

В последующем дела на этих лиц могли быть пересмотрены по протестам прокуроров в судах и трибуналах. Однако следует отметить, что весь этот процесс регули-

ровался прежде всего партийными решениями и подзаконными актами ведомственного характера, как правило, не подлежащими публикации. Ввиду огромного количества дел пересмотр их тянулся крайне медленно (за десять лет, начиная с 1954 г., было реабилитировано лишь 500 тысяч человек. См.: Реабилитация // Правда. 1989. 31 января). Данные эти также носили закрытый характер, а с целью сокрытия масштабов репрессий и периодов массовых казней в справках, выдаваемых родственникам, намеренно указывались произвольные даты и причины смерти репрессированных.

Из соображений политической конъюнктуры целый ряд дел (в основном громкие политические процессы 1930–1940-х годов) вообще не пересматривался. Реабилитация коснулась лишь определенного исторического отрезка времени и ограничивалась отдельными категориями дел. По существу, она не включила громадные массы административно репрессированных, депортированных по национальному признаку, по социальным, классовым и иным мотивам. В связи с изменением политической обстановки к середине 1960-х годов процесс реабилитации практически прекратился. Начинаясь новый виток политических репрессий, в частности в отношении тех, кого потом называли «узниками совести».

Реабилитация. Новая попытка в конце 1980-х годов

Процесс демократизации общественной жизни, начавшийся в середине 1980-х годов, вновь поставил в повестку дня вопрос о реабилитации. Характерно, что в решениях о реабилитации отразились как бы все этапы развития общественно-политической мысли страны в этот период, этапы переосмысления исторических реалий, переоценки ценностей.

Первоначально реабилитация мыслилась всего лишь как продолжение того, что было недоделано в 1960-е годы. Как и раньше, вначале было партийное слово. 11 июля 1988 г. было принято Постановление Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по завершению (!) работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30-40-е годы и начале 50-х годов». Органам прокуратуры и КГБ было предложено продолжить пересмотр дел независимо от заявлений граждан. Однако уже вскоре стало ясно, что эта работа, проводимая прежними методами, может затянуться на неопределенно долгое время.

Позже было принято Постановление ЦК КПСС, где речь шла уже не о «завершении работы», а о «восстановлении справедливости», и «лица, необоснованно репрессированные» были прямо названы жертвами. В соответствии с этим был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.89 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». Этим указом отменялись все решения, вынесенные в этот период внесудебными органами («тройками», коллегиями ОГПУ, «особыми совещаниями»), а граждане, репрессированные этими органами, считались реабилитированными. Вместе с тем предусматривался целый ряд ограничений из общего правила. Так, реабилитация не распространялась на «изменников Родине» и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников националистических бандформирований и их пособников, работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления.

Вообще, эти исключения с точки зрения общих принципов правосудия вряд ли можно признать правомер-

ными. Хотя так называемые тройки, особые совещания и тому подобные органы создавались на основании решений высших органов власти (ЦИК и СНК СССР) и им придавались судебные функции, совершенно очевидно, что они не могут быть признаны таковыми. Их создание противоречило Конституции. Они не обладали даже сколько-нибудь минимальными признаками нормальной судебной процедуры. Их решения справедливо названы в Указе от 16.01.89 г. внесудебными, следовательно все они без исключения не могут иметь юридической силы. Эта проблема встала и при подготовке российского закона о реабилитации, о чем будет сказано ниже.

На практике в соответствии с указаниями генерального прокурора СССР и председателя КГБ СССР от 04.02.89 г. действовал порядок сплошного пересмотра указанных дел, по каждому из которых составлялось соответствующее заключение Прокуратуры и КГБ, и только после этого выдавалась справка о реабилитации.

Одновременно с этим действовала и обычная процедура пересмотра дел в порядке надзора Верховным судом СССР. Характерно, что пересмотру в Верховном суде громких политических процессов, вошедших в историю партии, предшествовало развернутое заключение по этим делам специальной комиссии ЦК КПСС по реабилитации, аргументация которого фактически предопределяла решение суда. Здесь не обошлось и без юридических курьезов. Так, бывший руководитель НКВД Ягода, осужденный по делу Бухарина и других, оказался единственным из всех, кто остался не оправданным и не реабилитированным по этому делу, хотя обвинение его было столь же очевидно абсурдным и бездоказательным.

В ноябре 1989 г. Верховным Советом СССР была принята Декларация «О признании незаконными и преступ-

ными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Законодательное решение об отмене этих актов было принято Верховным Советом лишь 07.03.91 г., причем в постановлении отмечалось, что это «не означает автоматического решения вопросов национально-государственного устройства и административно-территориального деления, возникших вследствие насильственного переселения отдельных народов». Порядок восстановления законных прав репрессированных, включая предоставление соответствующих льгот, предлагалось определить Кабинету Министров СССР совместно с республиками.

Наконец, 13.08.90 г. был издан Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов», представляющий новый этап осмысления исторических реалий. В Указе уже прямо говорилось о политическом и массовом характере репрессий, о попрании законности и произволе, выражалось принципиальное осуждение этих репрессий и их несовместимость с нормами цивилизации. Однако и здесь сказалось упрямство идеологических установок: вся вина за репрессии возлагалась на «сталинское руководство».

Существенно по сравнению с предыдущими документами расширялись исторические рамки, в которых предполагалась реабилитация, включая 1920-е годы. Наряду с уже называвшимися ранее категориями необоснованно репрессированными признавались теперь крестьяне, пострадавшие во время насильственной коллективизации, духовенство и граждане, преследовавшиеся по религиозным мотивам, а также все другие граждане, репрессированные по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам.

Сделав некоторый шаг вперед в политической оценке событий, Указ тем не менее остался чисто декларативной

акцией, поскольку не определял конкретного нормативного порядка реабилитации, восстановления нарушенных прав. Это предлагалось сделать в последующих законодательных актах, проекты которых поручалось подготовить Совету Министров. В этом плане президентский Указ сыграл отрицательную роль, поскольку во многих местах работа по реабилитации стала приостанавливаться и вовсе прекращаться в ожидании готовящихся решений. К слову сказать, за полтора последующих года поручение Президента так и не было выполнено.

Идея российского Закона

Идея российского Закона о реабилитации возникла уже в июле 1990 г., как только был создан Комитет Верховного Совета РСФСР по правам человека. Можно даже сказать, что и сам Комитет в определенной мере был создан из единомышленников, сплоченных этой идеей. Этот законопроект значился в числе первоочередных в перечне, утвержденном Верховным Советом. Первоначальное его название звучало так: «О реабилитации лиц, осужденных в 60-80-е годы за правозащитную деятельность».

Концепция такого закона представлялась довольно простой. Речь шла о лицах, которых называли диссидентами, правозащитниками, инакомыслящими, узниками совести и т.п., осужденных в послесталинскую эпоху в основном за «антисоветскую агитацию и пропаганду» (ст.70 УК РСФСР), «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй» (ст.190-1 УК РСФСР), а также за религиозную деятельность (ст.142 и 227 УК РСФСР).

Одиозность и несправедливость их осуждения к этому времени стали абсолютно очевидны. Уже была исключена из Уголовного кодекса РСФСР статья 190-1, изменена редакция статьи 70, отменены некоторые акты о лишении

гражданства видных писателей и общественных деятелей, вынужденных покинуть страну. Однако официально эти репрессии не были признаны политическими, подавляющее большинство приговоров и решений не отменено. Вот почему особенно остро и актуально стоял вопрос о реабилитации этих лиц, восстановлении справедливости.

Обсуждение концепции закона привело к тому, что российский закон не может ограничиться только периодом 1960–1980-х годов. Во-первых, потому, что указанный период не представляется каким-либо особенным в истории советского государства с точки зрения его репрессивной политики, подавления инакомыслия, игнорирования прав и свобод человека. Речь могла идти только о масштабах этих явлений и, может быть, о специфике методов принуждения. Во-вторых, как уже сказано выше, союзные нормативные акты о реабилитации обладали целым рядом серьезных пробелов, фактически носили декларативный и поручительский характер, неоправданно сужали круг лиц, подлежащих реабилитации, и сам период, в который репрессии признавались незаконными и несправедливыми, и, самое главное, в них отсутствовал конкретный механизм реабилитации. Нельзя было допустить и упрека в том, что бывшие диссиденты, пришедшие теперь к власти, хотят реабилитировать только себя и получить соответствующие льготы. (Среди разработчиков закона несколько человек, в том числе народные депутаты РСФСР, ранее были репрессированы за политические убеждения.) Таким образом, мы пришли к мнению, что российский закон должен реабилитировать всех жертв политических репрессий за весь период советской власти с момента ее провозглашения 7 ноября (25 октября) 1917 г.

Не было никаких оснований исключать и период послереволюционного произвола, красного террора, Граж-

данской войны, что упорно делала официальная пропаганда, ограничивая репрессии сталинским периодом.

Можно ли написать хороший закон о реабилитации

Конечно, в правовом государстве, в нормальной системе права не требуется какого-либо специального закона о реабилитации. Действует обычный механизм пересмотра судебных и административных решений, в случае отмены которых лицо должно восстанавливаться в утраченных правах, получать соответствующую компенсацию, должно быть восстановлено его доброе имя на основе действующего законодательства. Необходимость в законе о реабилитации возникает в переломные моменты истории и связана прежде всего с политическими мотивами – революционной перестройкой сознания, кардинальной переоценкой ценностей, переосмыслением всех прежних взглядов на существующее государство и право, осознанием трагических последствий несправедливости и беззакония. Обычный порядок восстановления нарушенных прав здесь неприменим хотя бы потому, что нарушения носили массовый, тотальный характер, затрагивали целые народы и социальные слои, длились многие десятилетия. Поэтому закон о реабилитации в своем роде уникален.

Вместе с тем следует осознавать, что полная реабилитация, полное восстановление справедливости невозможно вообще, причем тем больше, чем дальше по времени отстоят репрессии. История, к сожалению, необратима. Невозвратима человеческая жизнь. Ничем не возместить горе и страдания жертв. Материальные затраты на полную компенсацию пострадавшим от репрессий за столько лет составили бы такую колоссальную сумму, что с нею не справится ни одно государство, тем более наше в нынешней экономической ситуации. Наконец, полное вос-

становление в прежних правах одних может существенно затронуть права и интересы других, ныне живущих и совершенно не причастных к репрессиям людей. Яркий пример этому – сложности с реабилитацией репрессированных народов.

Поэтому, с точки зрения справедливости, закон о реабилитации заведомо обречен на определенные изъяны. Российский закон ставит перед собой более скромные задачи: дать политическую и юридическую оценку репрессивной политике тоталитарного государства, объявить прежние решения о политических репрессиях незаконными, восстановить публично доброе имя и репутацию жертв, определить порядок восстановления их в утраченных правах и обеспечить посильную в настоящее время компенсацию материального и морального ущерба.

Преамбула закона. Политика и право

Характерная особенность закона о реабилитации в том, что он не может ограничиться чисто нормативными положениями, только юридической материей. Он неминуемо должен носить и политический характер. Оба эти элемента в законе тесно связаны, и именно политическая оценка дает опору юридической норме.

Наиболее ярко политический характер закона выражен в преамбуле. Именно здесь дана оценка тоталитарному характеру советского государства, осуждаются многолетний террор и массовые преследования народа как несовместимые с идеей права и справедливости, заявлено о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека.

Проект предусматривал реабилитацию всех подвергшихся политическим репрессиям в период с 7 ноября 1917 г. до вступления в силу настоящего закона. Хотя мы не обладали официальными данными о политических

репрессиях в самые последние годы, но и в отсутствии их нельзя было быть уверенным наверняка. Вот почему возникло это «до...». Закон как бы должен был поставить последнюю точку, заявить о необратимости процесса демократизации.

Вся преамбула в целом и особенно признание периодом репрессий всей послереволюционной истории страны вызвали яростную критику со стороны некоторой ортодоксальной части депутатского корпуса и экспертов правоохранительных органов. Предлагалось исключить преамбулу вообще, «освободить законопроект от положений ненормативного характера», «от идеологических оценок», «сузить временные рамки» и т.п. Один из депутатов во время слушаний заявил не без иронии, что это первый официальный документ, в котором узакониваются начало и конец советской власти. И он был недалек от истины.

В последующем преамбула законопроекта была несколько сокращена при сохранении, однако, ее сути. Интересно, что аналогичный украинский закон, принятый 17.04.91 г., без всяких трудностей воспринял во многом именно ту редакцию преамбулы российского проекта, которая вызвала столько споров.

Отрицательную оценку получил этот законопроект и в КГБ. В отзыве КГБ в частности подвергалось сомнению право законодательного органа республики реабилитировать лиц, репрессированных союзными органами (судами, трибуналами, «тройками», «особыми совещаниями»), предлагалось подождать союзного закона о реабилитации «в целях единого урегулирования этих вопросов для всех республик». Особенно циничным в отзыве КГБ было утверждение о соблюдении якобы процессуальной законности в 1960–1980-х годах в отношении лиц, осужденных по ст.70, 142, 190-1 и 227 УК РСФСР, и предложение пересматривать эти дела «в обычном порядке».

Еще один камень преткновения в продвижении законопроекта заключался в том, что предметом его регулирования была индивидуальная реабилитация жертв репрессий. Он не решал и не мог разрешить одновременно вопросов политической, территориальной, культурной реабилитации репрессированных народов в целом. Совершенно очевидно, что эти вопросы должен был решить другой закон, проект которого готовился, но встретил колоссальные трудности. Неудовлетворенность этой ситуацией довольно сильного национального лобби в парламенте России переносилась и на рассматриваемый законопроект.

Острое политическое звучание закона и неоднозначное отношение к нему депутатского корпуса привело к тому, что законопроект, вынесенный на представление Верховному Совету 30 октября 1990 г., кстати, в традиционно отмечаемый День политзаключенного, даже не обсуждался, а, как гласила предложенная резолюция, всего лишь принят к сведению и направлен на доработку в комитеты и комиссии.

Волокита с принятием законов о реабилитации жертв политических репрессий и о реабилитации репрессированных народов были предметом обсуждения на II Съезде народных депутатов РСФСР, и в специальном постановлении от 11.12.90 г. «О жертвах политических репрессий в РСФСР» Съезд предложил ускорить разработку и принятие этих законодательных актов.

Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в очень общей декларативной форме был принят 26.04.91 г., что же касается рассматриваемого законопроекта, то принятие его затянулось почти на год. Под разными предлогами он откладывался с недели на неделю, с сессии на сессию. В первом чтении закон был принят на палатах Верховного Совета в июне 1991 г., и только после

августовских событий, когда он уже не вызывал резко-го политического неприятия, был принят окончательно 18 октября 1991 г.

Что такое политические репрессии

Термин «политические репрессии» пронизывает все содержание законопроекта, и хотя в многочисленных замечаниях содержалось пожелание дать ему адекватную юридическую формулировку, сделать это оказалось чрезвычайно затруднительно. Ничего подобного не было ни в каких прежних законах, международных нормах, ни даже в теоретических трудах юристов и политологов.

Репрессии, то есть различные меры принуждения, лишения или ограничения прав граждан, применяемые государством, его органами или должностными лицами, можно назвать политическими в тех случаях, когда со стороны тоталитарной власти имелись на то политические мотивы. В качестве таких мотивов могу выступать преследование политических противников, подавление инакомыслия, объявление социально опасными для государства и политического строя определенных социальных групп. Это могли быть репрессии за любые деяния, представляющиеся власти политически вредными, или просто за принадлежность к определенной национальности (репрессированные народы), к «социально-вредной» группе (бывшие помещики, духовенство, казачество, члены семей «врагов народа» и т.д., и т.п.). Огромное количество дел было просто сфальсифицировано. Политические акции мирного характера (например, публичный протест против каких-либо действий правительства) могли квалифицироваться как чисто уголовные деяния (хулиганство и т.п.). В орбиту политических репрессий попадали по доносам, по каким-либо личным мотивам должностных лиц, по совер-

шенно случайным причинам. Очевидно, что ни одно из определений не может исчерпать всех признаков и видов политических репрессий. Во многих случаях они не поддаются логическому осмыслению.

Учитывая специфику законопроекта и многочисленные пожелания при его обсуждении, авторы сочли необходимым дать в статье 1 как некий ориентир наиболее общее определение.

«Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами».

Кто подлежит реабилитации

Авторы законопроекта осознавали, что понятие «политические репрессии» сложно для применения в каждом конкретном случае, поскольку политические мотивы труднодоказуемы. Эта трудность в значительной мере устранялась тем, что в статьях 3 и 5 законопроекта выделялись более определенные категории репрессированных, которые, по нашему мнению, охватывают практически всех лиц, подлежащих реабилитации.

Это, во-первых, лица, осужденные по политическим мотивам любыми судами на территории РСФСР за государственные и иные преступления. О некоторых исключениях из общего правила скажем ниже. Что касается государственных преступлений, то они в уголовном законодательстве выделяются в одноименный раздел и политический их характер несомненен. Под иными преступлениями имелись в виду такие деяния, которые следствием квалифицировались как общеуголовные, но на самом деле либо являли собой политическую (правозащитную и прочую) деятельность, либо просто были сфальсифицированы в отношении лиц, нежелательных для власти.

Вторая категория включает лиц, репрессированных во внесудебном порядке с применением к ним мер уголовного наказания. Частично такие лица должны были быть реабилитированы на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17.02.89 г., но действие этого Указа, как уже отмечалось, было фактически приостановлено. Кроме того, российский закон значительно расширил эту категорию репрессированных в результате расширения периода реабилитации и списка органов и должностных лиц, применявших репрессии, а также снятия целого ряда ограничений.

Третья категория, может быть, наиболее обширная. Это лица, подвергнутые в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иным ограничениям прав и свобод. Сюда вошли и крестьяне, пострадавшие от принудительной коллективизации, и депортированные народы, и члены семей «изменников Родине» и многие иные ссыльные и высланные как «социально опасные элементы».

К четвертой категории отнесены лица, которые были принудительно помещены по политическим мотивам в пси-

хиатрические и иные лечебные учреждения. Речь здесь идет о тех случаях, когда единственным основанием для такого решения была политическая опасность этих лиц, мотив политического характера. Реабилитация в данном случае, естественно, не может касаться чисто медицинского диагноза, но может служить основанием для его пересмотра.

Об исключениях

Здесь мы подходим к сложному вопросу законопроекта, вызвавшему много споров, – к исключениям из общего правила. Любые исключения были нежелательны хотя бы потому, что реабилитация в таком случае ставилась в зависимость от оценки каждого конкретного случая с точки зрения этого исключения. Учитывая массовый характер репрессий, реабилитация затянулась бы из-за этого на многие годы. И это уже подтверждала прошлая практика. Проводить по каждому случаю новое разбирательство было бы невыносимо.

С точки зрения «чистого права» следовало бы отменить сразу все без исключения внесудебные решения неконституционных «троек», «особых совещаний», «коллегий исполнительных органов» и т.п., а лиц, подвергнутых ими уголовным репрессиям, считать реабилитированными, поскольку судебным приговором их вина не установлена. Однако этими органами осуждались и бывшие военные преступники, бандиты, каратели. Проводить в отношении них новое расследование и судебное разбирательство по прошествии многих десятков лет невозможно по многим причинам, а будучи реабилитированными, они автоматически получали бы статус жертв политических репрессий и льготы наравне с участниками Великой Отечественной войны. Такого общественное сознание вынести не могло, и авторы законопроекта вынуждены были ввести исключения.

Они касались таких форм общественно опасных деяний, которые хотя и носят политический характер, но являются наказуемыми в любой цивилизованной стране. В спорах с наиболее консервативной частью депутатов (больше из работников правоохранительных органов) удалось отстоять минимальный перечень исключений, касающихся прежде всего преступлений насильственного характера:

а) измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны или перехода военнослужащего на сторону врага, террористический акт, диверсия,

б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родине и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны,

в) организация банд и участие в совершении ими убийств, грабежей и других насильственных действий,

г) военные преступления (против мира и человечности) и преступления против правосудия (речь идет о фальсификациях уголовных дел и о тех организаторах репрессий, которые сами потом стали жертвами этой системы).

Этот перечень был существенно сокращен по сравнению с союзными нормативными актами. В него не попали, например, такие «деяния», квалифицируемые как измена Родине, как «бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы», «оказание помощи иностранному государству во враждебной деятельности», «заговор с целью захвата власти» (ГКЧП, может быть, единственный пример реального преступления за всю историю советской власти), печально известное «вредительство», «участие в антисоветской организации», «контрреволюционный саботаж», часто вынужденное «пособничество оккупантам»

или рядовое участие в банде, если данное лицо само не совершало каких-либо насильственных действий, и т.д.

О свободе совести и мнений

Свобода совести и мнений, право на информацию, диссидентство и правозащитная деятельность – казалось бы, общепризнанные человеческие ценности, узаконенные международными пактами о правах человека. Однако в нашем законодательстве до последнего времени существовали составы преступлений, попиравшие эти права, считавшие подобную деятельность преступной.

Поэтому статья 5 закона полностью и без каких-либо оговорок реабилитирует лиц независимо от фактической обоснованности обвинения, осужденных за «антисоветскую агитацию и пропаганду» (ст.70 УК РСФСР в редакции до Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.09.90 г. и аналогичная ст.58-10 УК 1926 г.), за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй» (ст.190-1 УК РСФСР исключена Указом ПВС РСФСР 11.09.90 г.), за «нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви» (ст.142 УК РСФСР) и за «посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов» (ст.227 УК РСФСР).

Особо следует сказать про две последние статьи, вызвавшие споры при принятии закона. Сторонники их существования в Уголовном кодексе демагогически утверждали, что они «защищают личность от религиозного фанатизма». Однако на самом деле оба эти состава на практике были направлены против свободы совести, религиозных убеждений и необоснованно ограничивали или запрещали деятельность, связанную с отправлением религиозных культов.

Лукавством законодателей представлялся, например, состав ст.227 УК РСФСР, запрещающий исполнение религиозных обрядов или пропаганду таковых, если они причиняют вред здоровью или иным образом (?) посягают на личность и права граждан. Поскольку при причинении конкретного вреда здоровью или иных преступных посягательствах против личности подобные действия требуют квалификации по совокупности с соответствующими статьями Уголовного кодекса (а их в УК предостаточно, чтобы защитить личность граждан), то собственно «религиозный» элемент ст.227 вряд ли мог представлять общественную опасность, а возможность его расширительного толкования давала основания к произволу.

Большинство депутатов согласились с этими аргументами. Одновременно с принятием закона обе эти статьи были исключены из действующего Уголовного кодекса.

Порядок реабилитации

Впервые в законодательстве был установлен процессуальный порядок реабилитации жертв политических репрессий. В отличие от пересмотра дел в порядке надзора он значительно упрощен. Право обращения с заявлением предоставлено практически любому заинтересованному лицу или общественной организации, например, обществу «Мемориал». Такие заявления должны быть рассмотрены в трехмесячный срок органами внутренних дел – по делам об административных репрессиях, или органами прокуратуры – в отношении прочих репрессированных. Эти же органы выдают справки о реабилитации. Заявления рассматривают по месту нахождения органа, принявшего решение о репрессиях. Причем для органов прокуратуры установлен сплошной порядок пересмотра всех дел и материалов (даже без заявлений).

Если органы прокуратуры при проверке судебных дел или материалов о внесудебных репрессиях придут к выводу, что данное лицо на основании исключений, предусмотренных законом, не подлежит реабилитации, то, при наличии заявлений, такие материалы направляются в суд. Суд рассматривает дело в надзорном порядке и либо выносит решение об оправдании данного лица в полном или частичном объеме предъявленного ему обвинения, либо в реабилитации отказывает. Отказ в реабилитации органами внутренних дел или судом может быть обжалован так же в судебном порядке.

Последствия реабилитации

Этот раздел законопроекта также вызвал жаркие споры, в основном связанные с материальной компенсацией реабилитированным, членам их семей, наследникам. Возврат в натуре собственности, изъятой, национализированной, конфискованной за все годы советской власти, даже если она сохранилась, был невозможен. Это означало бы вселенский передел, новую революцию. Дома, фабрики, заводы, имения слишком давно сменили своих владельцев, ставших добросовестными приобретателями. В подавляющем большинстве случаев эта собственность стала государственной или колхозно-кооперативной. Компенсация за нее составила бы громадную сумму (по подсчетам союзного Минфина только за 1920–1950-е годы компенсация реабилитированным, включая и утраченное имущество, могла составить десятки миллиардов рублей). В сегодняшней экономической ситуации Россия не могла бы справиться с такими расходами.

Некоторые предлагали вообще отказаться от всякой компенсации, не без оснований утверждая, что подавляющее большинство населения так или иначе пострадало за время советской власти, что в настоящее время есть

много социальных групп, не менее нуждающихся в социальной поддержке, и было бы несправедливым возлагать на граждан, которые понесут это бремя расходов, ответственность за ошибки и преступления прежних властных структур. Предлагалось ограничиться только восстановлением репутации репрессированных, а в остальном извиниться перед ними от имени Верховного Совета за невозможность возмещения материального вреда. Кстати, подобная формула извинения присутствовала в первоначальном варианте преамбулы закона, но, к сожалению, была исключена под влиянием критики.

Во время второго слушания законопроекта Верховный Совет не пришел к единому мнению. Совет Республики отклонил главу о льготах и компенсации реабилитированным. Была создана согласительная комиссия обеих палат, которая пришла к компромиссу.

Было принято решение о частичной компенсации тем реабилитированным, кто остался в живых и отбывал самые тяжкие репрессии в виде лишения свободы, – 180 рублей за каждый отбытый месяц, но не более 25 тысяч рублей. Таких лиц, по подсчетам общества «Мемориал», на территории России насчитывалось примерно 50 тысяч, а общая сумма компенсации, согласованная с правительством, составляла около 600 млн рублей. Выплаты предполагалось осуществлять с рассрочкой в три года. Наследникам компенсация не выплачивалась, кроме случаев, когда она была уже начислена ранее.

Большей ценностью для реабилитированных представляются льготы, которые им предоставил закон. В первоначальном проекте они прямо приравнивались к значительным в настоящее время льготам участников и инвалидов Великой Отечественной войны, но потом упоминание о последних было снято по «этическим соображениям». (Якобы многих ветеранов войны могла

оскорбить постановка их в один ряд с бывшими «врагами народа».) Однако почти полный перечень «ветеранских» льгот в законе сохранился. К наиболее важным из них относятся: бесплатный проезд в общественном транспорте, льготы по оплате жилплощади и коммунальных услуг, а также по медицинскому обслуживанию, льготное обеспечение продовольственными и продуктовыми товарами, первоочередная установка телефонов.

Указанные льготы предоставляются лицам, подвергшимся репрессиям в виде лишения свободы, ссылки или высылки, имеющим инвалидность или являющимся пенсионерами. Еще раньше российский закон о пенсионном обеспечении предоставил этим лицам пенсионные льготы.

Закон предоставил также право реабилитированным, членам их семей и потомкам вернуться в места их проживания до репрессий (льгота важная в условиях паспортного режима и особенно для реабилитированных народов и сословий), а в случае отсутствия там жилья – предоставил льготы при постановке на учет по получению государственного жилья или в получении банковской ссуды на постройку дома в сельской местности.

Закон также оговаривает восстановление реабилитированных во всех утраченных ими в результате репрессий социально-политических и гражданских правах, возвращение наград, ученых степеней и воинских званий, восстановление в гражданстве республики.

Реабилитированные, а в случае их смерти – родственники, могут ознакомиться с материалами дел о репрессиях, получить оттуда фотографии, личные документы. Родственники вправе также получить сведения о месте и причинах смерти умерших в заключении.

Предусмотрены также и периодические публикации сведений о реабилитации в материалах центральной и

местной печати. Установлен республиканский День памяти жертв политических репрессий ежегодно 30 октября.

Заключение

В заключение отметим еще один дискуссионный момент, который возник при обсуждении закона. Напомним, что во втором чтении закон обсуждался после событий августа 1991 г., когда многие бывшие коммунисты – члены парламента испытали на себе пресс народного возмущения и были напуганы возможными репрессиями. Тема «охоты на ведьм» широко обсуждалась в печати. Актуальность закона о реабилитации жертв политических репрессий приобрела новый оттенок. В нем хотели увидеть гарантию от политических репрессий вообще, гарантию недопущения их никогда в будущем. Таковой цели, конечно, этот закон не ставил и ставить не мог. У него были весьма определенные задачи. Такие гарантии невозможно установить в одном законе, как хорош бы он ни был. Их может дать только конституционный строй в целом, подлинно правовое государство со всей системой разделения властей, сдержек и противовесов, свободных экономических отношений и т.д.

Тем не менее предложение снять в проекте закона ограничение реабилитации датой вступления закона в силу получило большинство голосов в обеих палатах. Тем самым законодатель оставил как бы некоторый намек на то, что политические репрессии могут последовать и в дальнейшем. Что ж, идеальных законов, наверное, не бывает. Остается надеяться, что заявленное в преамбуле закона «неуклонное стремление добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека» будет воплощено в жизнь.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Сергей РУМЯНЦЕВ,
кандидат социологических наук,
Институт философии, социологии
и права НАН РА

Память о жертвах политических репрессий в Азербайджане: этнизация событий сталинского террора

В Азербайджане, как и повсюду в СССР, широкое обсуждение событий сталинского террора стало актуальным в конце 1980-х годов. Если исходить из перспективы реабилитации жертв и возможного осуждения виновников репрессий, то следует выделить два основных фактора, определявших специфику этих дискуссий. Первый связан с конфликтом за контроль над регионом Нагорного Карабаха. Анализ этого противостояния способствовал существенному снижению актуальности темы сталинских политических репрессий, и основное внимание политиков, публицистов, социальных исследователей и историков сосредоточилось на изучении «белых пятен» в истории армяно-азербайджанских конфликтов. Тема армяно-азербайджанского противостояния 1905–1908 и 1918–1920 гг. заметно потеснила в общественном сознании интерес к советским политическим репрессиям.

Важно отметить, что в условиях разгорающегося конфликта критика советской репрессивной политики быстро этнизировалась. Главными виновниками террора объявлялись чекисты – армяне, русские, грузины и евреи. «Представители некоренных групп» населения – определение, к которому часто прибегают академические исследователи. В контексте широкой историзации современ-

ного Карабахского конфликта, конструирования мифов об «исторических врагах» (армяне, русские и пр.), виктимизации азербайджанцев (нация, пережившая геноцид, и пр.) подобного рода эссенциалистские объяснительные модели находят широкое признание. Объяснение жестокости репрессий через этничность/национальность «палачей» – это банальная версия, понятная не только простому обывателю, но также политику и ученому, воспитанному на советских представлениях об этничности, этносе и нации. Нередко звучит, что немногочисленные чекисты азербайджанцы принуждались к участию в репрессиях и были простыми исполнителями, в то время как чекисты русские, грузины, евреи и, особенно, армяне проявляли изобретательность и повышенное рвение, используя репрессивный аппарат для расправы над азербайджанцами.

Трудно сказать, насколько популярной и доминирующей эта версия репрессий была бы без влияния еще и второго фактора – возвращения к власти в 1993 году советской элиты. Во главе «вернувшихся» во власть стоял Гейдар Алиев – генерал и бывший глава КГБ республики (1967–1969), чья карьера в НКВД начиналась в 1941 году. Даже наиболее ярые оппоненты этого бывшего первого секретаря компартии Азербайджанской ССР (1969–1982) не вменяют ему в вину личное участие в политических репрессиях сталинского времени. Видимо, деятельность Алиева в органах по большей части была связана с внешней разведкой. И все же карьера в сталинском НКВД и КГБ бросает определенную тень на президента независимого и «демократического» Азербайджана. Архивы КГБ, закрытые и засекреченные даже в годы правления Народного Фронта (1992–1993), когда во главе государственного аппарата оказался бывший азербайджанский диссидент Абульфаз Эльчибей, остаются под замком до

сегодняшнего дня¹. Своим авторитетом и властью Гейдар Алиев активно способствовал дискурсивной этнизации сталинских репрессий. Эта политика затронула и память о жертвах. Осторожная официальная коммеморация репрессий коснулась только небольшого числа азербайджанцев, в основном деятелей культуры, и не затронула все другие жертвы и, тем более, представителей «некоренных национальностей».

Рассмотрим подробнее ключевые аспекты различных дискурсов о репрессиях и политике памяти в отношении исполнителей и жертв: законодательство, официальный государственный дискурс, мемориализация событий репрессий, представление репрессий в школьных учебниках истории, в академическом дискурсе и средствах массовой информации.

Законодательство

Юридическое оформление статуса жертв репрессий произошло только 15 марта 1996 г., когда президент Гейдар Алиев подписал Закон Азербайджанской Республики «О реабилитации жертв политических репрессий». По сравнению с Россией (октябрь 1991 г.) этот закон появился с заметным опозданием. Объяснение этому следует искать не только в событиях армяно-азербайджанского противостояния, но и в том, что центральным пунктом памяти о советских репрессиях с января 1990 года становится ввод советских войск в Азербайджан. По официальной версии жертвами тех событий стали 132 человека, в основном погибшие в Баку. Уже 18 января 1992 года

¹ В Азербайджане архивы так и не были открыты. По специальному разрешению к работе в архивах допускались немногие журналисты и исследователи, выполнявшие определенные заказы властей. Таким образом власти жестко контролировали тематику и содержание публикаций и фильмов, создававшихся на основе архивных материалов.

первый президент Азербайджана Аяз Муталибов подписывает Закон Азербайджанской Республики «Об объявлении дня шехидов», т.е. дня героев-мучеников, ставших жертвами борьбы за независимость Азербайджана от советской империи. Этой памятной датой становится 20 января. И с годами значение этого дня памяти только возрастает, в то время как никакого официального дня памяти жертв сталинских политических репрессий в азербайджанском календаре так и не появилось.

Низкий интерес к истории репрессий, их жертвам и виновникам отражается и в весьма лаконичном тексте этого закона. Как, впрочем, и в том, что никаких существенных изменений в него не вносилось до сегодняшнего дня. Временной период, обозначаемый в законе, открывается началом вторжения в Азербайджанскую Демократическую Республику 11-й Красной армии 28 апреля 1920 г. и заканчивается объявлением независимости в октябре 1991 г. К событиям января 1990-го этот закон отношения не имеет, хотя обвиняется в них та же советская империя.

Преамбула закона гласит: *«В результате произвола и насилия, совершавшихся на территории Азербайджанской Республики, начиная с 28 апреля 1920 года тоталитарным государственным режимом, основанным на законах, противоречащих правам человека, сотни тысяч безвинных людей подверглись репрессиям из-за своих политических взглядов, политической деятельности, инакомыслия и по другим причинам».*

Здесь существенно важно осуждение тоталитарного режима и указание на массовый характер репрессий. Далее сказано, что *«целью настоящего Закона является реабилитация, восстановление политических, социальных и гражданских прав жертв политических репрессий, проводившихся на территории Азербайджанской Республики,*

возмещение им моральных потерь, а также ликвидация других последствий произвола».

В первой статье закона дано достаточно широкое определение понятия «политические репрессии»: *«политической репрессией считается лишение жизни или свободы, незаконное помещение в психиатрическую больницу для принудительного лечения, выдворение из страны и лишение гражданства, выселение групп населения с мест их проживания, ссылка, переселение, отправка на спецпоселение, различные меры принуждения в форме привлечения к труду в условиях ограничения свободы, а также другого рода лишение или ограничение прав и свобод лиц, считающихся социально опасными для государства и его политического устройства по классовым, социальным, национальным, религиозным или другим признакам, применяемые государством по политическим соображениям и исполняемые по решению суда и других органов, наделенных судебными функциями, либо в административном порядке исполняемые органами и должностными лицами исполнительной власти, общественными организациями либо органами, наделенными административными полномочиями».*

В определенной степени под это определение попадают также беженцы и вынужденные переселенцы конца 1988 – 1989 гг. Но для беженцев и вынужденных переселенцев 1988–1994 гг., как и для жертв 20 января, разработаны отдельные законодательные нормы, проводится отдельная политика коммеморации.

Статья вторая закона посвящена определению «жертв политических репрессий». Согласно букве закона жертвами признаются не только сами репрессированные, но также и члены их семей. *«Жертвы политических репрессий – это лица, подвергшиеся политическим репрессиям, указанным в статье 1 настоящего Закона, члены их се-*

мей, в том числе лица, находящиеся в местах исполнения репрессии (ссылки, переселения, отбывания наказания) со своими родителями или родственниками, дети, родившиеся в местах исполнения репрессии, в также дети политических репрессированных, приговоренных к смертной казни».

В третьей статье закона обозначены границы его применения. Под категорию жертв политических репрессий попадают все, кто незаслуженно пострадал по политическим мотивам от советского режима на территории Азербайджана. Кроме того, в закон включено и упоминание граждан республики, пострадавших за пределами Азербайджана на территории СССР. Четко определены временные рамки политических репрессий. *«Положения настоящего Закона о порядке предоставления реабилитации распространяются на лиц, подвергшихся политическим репрессиям на территории Азербайджанской Республики за период с 28 апреля 1920 года по 18 октября 1991 года, независимо от места их проживания. Азербайджанская Республика оказывает помощь гражданам Азербайджанской Республики, подвергшимся репрессиям на территории других республик, входивших в состав СССР в указанный период, в получении ими реабилитации».*

В статье четвертой перечислены категории лиц, не подлежащих реабилитации. *«Реабилитация не предоставляется следующим лицам, лишенным свободы законным и обоснованным образом: лицам, сотрудничавшим с фашистскими захватчиками в войне 1941–1945 годов; лицам, участвовавшим в проведении политических репрессий и впоследствии подвергшимся репрессиям; организаторам банд, совершавшим убийства, грабежи и другие насильственные действия, а также лично участвовавшим в совершении таких действий в составе подобных банд».*

Статья пятая описывает процедуру подачи и рассмотрения ходатайств о реабилитации жертв политических репрессий. Круг лиц, которых государство рассматривает в качестве заинтересованных в подаче таких ходатайств, определяется в самых широких рамках. *«Заявление о предоставлении реабилитации может быть подано лицом, подвергшимся политической репрессии, другим заинтересованным лицом или общественной организацией. Заявления рассматриваются в Прокуратуре Азербайджанской Республики в сроки, установленные законом. Прокуратура Азербайджанской Республики с участием Министерства внутренних дел Азербайджанской Республики и Министерства национальной безопасности Азербайджанской Республики проверяет дела лиц, подвергшихся политическим репрессиям, и на основании проверки выносит заключение о реабилитации в связи с репрессией, проводившейся без суда (положительное либо отрицательное решение). Заключение Прокуратуры Азербайджанской Республики об отказе в предоставлении реабилитации может быть обжаловано в Верховный суд Азербайджанской Республики. Дела политических репрессированных, осужденных судами Азербайджанской Республики (Азербайджанской ССР), направляются в Верховный суд Азербайджанской Республики вместе с протестом Прокуратуры Азербайджанской Республики. Верховный суд Азербайджанской Республики в течение одного месяца рассматривает дела и жалобы лиц, подвергшихся политическим репрессиям».*

Шестая статья закона закрепляет возможность установления факта репрессий в ситуации отсутствия архивных материалов. В этом случае необходимы показания свидетелей, которые заслушиваются в судебном порядке. Однако какой-либо достоверной и широкодоступной информации о процессах, на которых разбирались вопросы реабилитации жертв политических репрессий, в постсо-

ветский период нет. Можно, впрочем, утверждать, что никаких сколько-нибудь публичных и широко обсуждаемых процессов по реабилитации в постсоветском Азербайджане не проводилось. В основном для подтверждения статуса жертв использовались документы, полученные членами семей еще в период хрущевской оттепели.

В статье седьмой как раз и подтверждаются права ранее реабилитированных лиц. Принятые до появления этого закона решения о реабилитации сохраняют свою силу, а реабилитированные жертвы получают все права и льготы, предусмотренные в законе.

Согласно статье восьмой, *«реабilitированные лица и их наследники имеют право на получение рукописей, фотокарточек и других личных документов, хранящихся в делах. Органы, хранящие дела, связанные с репрессиями, в архивах, и их должностные лица обязаны по просьбе заявителя сообщить ему время, причину смерти реабилитированного лица, а также место его захоронения»*. В реальности архивы закрыты. Доступ к ним получают только избранные ученые и журналисты. Что касается родственников, то доступ их к материалам определяется не столько законом, сколько личными неформальными связями. Так, например, из воспоминаний художника Таира Салахова известно, что разрешение ознакомиться с документами по делу репрессированного отца он получил лично от Гейдара Алиева еще в годы СССР. Но открытого обсуждения и публичного массового доступа для родственников или массовых обращений в КГБ в постсоветский период не было.

В статье девятой закона лаконично говорится о восстановлении прав оправданных лиц. *«Постановления о лишении реабилитированных лиц государственных премий, научных степеней, воинских званий, пенсий и других прав в связи с политической репрессией считаются*

утратившими силу. Меры, необходимые для поселения вновь на территории Азербайджанской Республики лиц, высланных за пределы территории Азербайджанской Республики в период, указанный в статье 3 настоящего Закона, принимаются государством». Известно, что, например, в Казахстане и теперь проживают потомки репрессированных и высланных с территории Азербайджана граждан, однако какого-либо массового возвращения не происходит, а вернувшиеся никакой серьезной помощи от государства, поддержки в размещении на территории республики не получают.

В двух последних (десятой и одиннадцатой) статьях закона говорится о начислении трудового стажа при определении пенсии и освобождении от государственной пошлины. *«Расчет пенсионного стажа реабилитированных лиц производится в соответствии с Законом «О трудовых пенсиях» [в первоначальной редакции – «Срок, в течение которого реабилитированные лица подвергались политическим репрессиям, включается в их общий непрерывный трудовой стаж, при этом один год периода репрессии считается за три года»]. Исчисление трудового стажа начинается с 16 лет. За подготовку судебных документов в связи с предоставлением реабилитации жертвам политических репрессий и снятие копий с указанных документов государственная пошлина и судебные издержки не взимаются».*

Небольшую денежную компенсацию в 1990-е годы получали также и дети из семей репрессированных, зарегистрированные в «Обществе защиты прав репрессированных и членов их семей». Часто в СМИ эту организацию называли «Азербайджанской ассоциацией жертв политических репрессий». Эта негосударственная организация, выдававшая потомкам репрессированных также и членские билеты, мало была известна в Азербайджане.

Возглавлял ее Ашраф Мехтиев; насколько мне известно, он происходил из семьи репрессированных. Мехтиев (1934 г.р.) был председателем политической партии «Гейрят» и известен в республике попыткой баллотироваться в президенты. 1998 г., когда проводились эти выборы, стал моментом последней публичной активности как общества, так и партии. Ашраф Мехтиев, как и его заместитель в обществе Ибрагим Сафаров, скончались несколько лет назад.

Официальный государственный дискурс

Через год после принятия закона о репрессированных президент Гейдар Алиев указом от 23 марта 1997 г. учредил День профессионального праздника сотрудников органов национальной безопасности Азербайджанской Республики, который отмечается 28 марта². Тем самым подчеркивалось происхождение секретной службы от Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920, далее АДР), а не от советских спецслужб. Торжественное собрание по поводу учреждения этого праздника состоялось с некоторым опозданием – 28 июня 1997 г. На церемонии, проходившей в стенах Министерства национальной безопасности (бывший КГБ), прозвучали программные речи, в которых выступавшие сформулировали официальное мнение о репрессиях, их виновниках и жертвах. Первым выступавшим был министр национальной безопасности генерал-лейтенант Намик Аббасов. Он говорил о новом поколении сотрудников, которые опираются на опыт предшественников из АДР, достойно выполнявших свой священный долг.

² 28 марта 1919 г. – дата основания контрразведки в АДР.

По словам Аббасова, «после установления в Азербайджане советской власти ряд вышедших из народа со-трудников службы безопасности, несмотря на известные трудности, достойно продолжил эти традиции и в самые тяжелые годы, когда страна была охвачена волной репрессий, не свернул с пути, стал для трудового народа воплощением истинного доверия и стойкости. Но нельзя отрицать и тот факт, что армянские дашнаки, которые принимают тысячу обличей, коварные силы, которые только с виду были азербайджанцами, на самом деле жаждали крови народа, за долгие годы, маскируясь в органах безопасности, заклеили тысячи патриотов Азербайджана врагами народа, подвергли физическим и моральным репрессиям видных деятелей науки, искусства, культуры, людей с ярким умом, интеллигенцию. Это черное пятно в истории органов безопасности. 50–70-е годы, которые знаменательны началом реабилитации тех, кто подвергся клевете, были умеренным периодом службы безопасности. Именно тогда в органах безопасности Азербайджана устанавливается новый климат, формируется новое поколение. Именно в эти годы, благодаря исключительным организаторским способностям и гражданской смелости Гейдара Алирза оглу Алиева, который выделялся своей неиссякаемой энергией и решительностью, который благодаря врожденному таланту и уму быстро поднимался по служебной лестнице, стал известен в бывшем Советском Союзе, а затем в мире, тысячи честных патриотов были реабилитированы, в тысячах семей загорелся свет надежды. Из дальней Сибири на родину были привезены и преданы родной земле останки Гусейна Джавида. Сотни известных деятелей науки и культуры вновь слились со своим народом, историей»³.

³ Цит. по: Бакинский рабочий. 1997. 17 июля.

В этой речи в самых общих чертах обозначен установившийся к середине 1990-х годов и актуальный до сих пор официальный взгляд на репрессивную политику. Можно утверждать: глава МНБ безусловно был уверен, что подобная трактовка событий вызовет положительную реакцию Гейдара Алиева. Важный элемент этого представления о репрессиях и жертвах политического террора в Азербайджане – аккуратное их выделение из общесоветского контекста. Тому, что репрессии коснулись всего СССР, не уделяется существенного внимания. Большой интерес вызывает местная специфика. Ошибки и трагедии случались, но главными их виновниками были не-азербайджанцы, волею имперской власти контролировавшие органы безопасности.

Другой важный элемент официального дискурса – его «историчность», обращенность в прошлое. О репрессиях, их виновниках и жертвах говорится не как об актуальной проблеме, требующей изучения и публичной оценки. Эти события остались в прошлом, когда азербайджанцы не обладали полнотой власти и поэтому не могли эффективно воспрепятствовать проведению репрессий. В том же историческом прошлом осталась и реабилитация жертв террора. Все эти проблемы и вопросы следует считать закрытыми. О репрессиях министр говорит лишь вскользь, только чтобы подчеркнуть «выдающийся вклад» Гейдара Алиева в национализацию органов безопасности, в чистку органов безопасности от виновников репрессий – в основном не-азербайджанцев.

Наконец, Намик Аббасов упоминул Гусейна Джавида – поэта, мемориальный образ которого становится наиболее значимым в политике коммеморации жертв репрессий в постсоветском Азербайджане. Символическому образу поэта-мученика отводится центральное место в дискурсе о репрессиях как о политике, направленной в

первую очередь против национальной интеллектуальной элиты, а также об успехах реабилитации невинных жертв политического террора.

Выступление министра слушал находившийся в зале глава государства и бывший коллега большинства присутствовавших на торжественном заседании гостей. Гейдар Алиев, в свою очередь, говорил о долгом, трудном, но славном пути азербайджанских органов безопасности, еще раз подчеркнул их происхождение от АДР, а не от советских спецслужб. В его пространной речи тема репрессий также была далеко не центральной, но все-таки ей было уделено гораздо больше внимания. Поскольку Гейдар Алиев редко обращался к теме политических репрессий, то эту его речь можно рассматривать как программную. Он сказал:

«В 20–30, 40-е годы эти органы [безопасности] нанесли большой вред азербайджанскому народу, его духовности, его жизни. Однако народ вынес все это. Начиная с 1920–1921 годов наш народ перенес политические репрессии, без всякого на то основания целые семьи, тысячи, десятки тысяч людей были высланы в Среднюю Азию, Казахстан, Сибирь. Скольким людям испортили жизнь репрессии 30-х годов. Сколько безвинных людей были лишены жизни, свободы. В частности репрессии 37–38 годов нанесли очень большой вред азербайджанскому народу, его интеллигенции, его интеллектуальному потенциалу. Однако такая политика, такое направление в этих органах продолжалось и в 40-е, и в начале 50-х годов. Это известно всем из истории, но так как я работал в этих органах с молодых лет, то многое видел своими глазами. <...> В то время, как молодой специалист, занимаясь архивными материалами, в частности материалами 37–38 годов, последующего периода, я задавал себе вопрос: кто были эти антисоветские, националистические группы, пытающиеся свергнуть советскую

власть? Часть из них была арестована или же расстреляна и погибла в далекой Сибири. Однако другая часть не была арестована. Но в архивных материалах их имена были в списке тех, кто являлся членами антисоветских, националистических групп, отрядов, организаций. Тогда я подумал: если они были членами антисоветских, антиреволюционных организаций, то почему они на свободе? А если они не являются таковыми, то почему их имена здесь? <...> Имея в то время возможность ознакомиться с материалами 37–38 годов, я делал это. Поэтому знаю, какие удары были нанесены нашему народу, какие трудности он перенес. В то время когда Азербайджанская Республика входила в состав Советского Союза в качестве союзной республики, к сожалению, большинство работавших в таких органах, в частности, в органах безопасности, не были азербайджанцами. В связи с тем, что против азербайджанцев проводились репрессии, очень немногие допускались к таким работам. Рассматривая материалы 37–38 годов, – а вы знаете об этом из печати, – я видел, кто тогда стоял во главе НКВД. Это были Григорян, Маркарян, сегодня прочитал фамилию одного из них – Топуридзе, который был полуармянином-полугрузином. Затем Борщев, не знаю, кто он был по национальности, затем долгие годы – с 1939 по 1953 год – министром был Емельянов. Я все помню. Стоявшие в тот момент во главе Азербайджана люди предавали свой народ, руками врагов Азербайджана, занимавших высокие должности в таких органах, они убрали ценных людей Азербайджана, лишали их свободы, репрессировали. <...> Те, кто проводил репрессии в Азербайджане в 37–38 годах, в 1956 году были осуждены открытым судом. Я присутствовал на заседаниях этого суда, они и сегодня на моей памяти. Кто сидел на скамье подсудимых? Шесть человек. Мирджафар Багиров, Хорен Григорян, Маркарян, Борщев, Топуридзе, Агасалим Атакишиев. Безусловно, ви-

новны были не только они. Однако они, занимавшие высокие должности, были среди первых. <...> Сколько мы перенесли трудностей, чтобы освободить эти органы от предавших Азербайджан людей, работавших там с 30-х, в 37–38 годах, чтобы привлечь туда молодежь. <...> В период Хрущева в Азербайджане, в других местах шел процесс чистки кадров, оставшихся с 37–38 годов. Однако каждый проводил его так, как мог. В Азербайджане же положение было очень сложным, так как большинство руководителей органов, офицерских кадров не были азербайджанцами. Были виновны и некоторые из азербайджанцев, поэтому нужно было и их снять»⁴.

В первую очередь Гейдар Алиев говорит о себе как о представителе «азербайджанского народа», тем самым выделяя себя из среды сотрудников безопасности. Он представитель «народа-мученика», перенесшего все невзгоды несправедливых репрессий, а уже потом сотрудник спецслужб. Он упоминает двух руководителей спецслужб в период 1920–1930-х годов из числа этнических азербайджанцев. Мирджафара Багирова он считает виновным в репрессиях, говорит о нем как об одном из «предателей народа». А Новруза Ризаева, первого председателя ОГПУ Азербайджанской ССР в период с весны 1927 по осень 1929 г., расстрелянного в 1941 г., напротив, изображает героем, выступавшим против массовых репрессий в Азербайджане⁵. *«После него ни одному азербайджанцу*

⁴ Цит. по: Бакинский рабочий. 1997. 16 июля.

⁵ Мы не ставим целью выявление неточностей и ошибок в речи Гейдара Алиева. Он, например, не упоминает Гамида Султанова, недолгое время в 1920–1921 гг. руководившего НКВД АзССР. Впоследствии на этом посту его сменил Багиров, но Султанов успел «отличиться» при подавлении Гянджинского восстания в 1920 г. Или то, что Ризаев в 1937–1941 гг. находился в Казахстане и работал в тесном содружестве с Леоном Мирзояном. Важны не эти, возможно намеренные, неточности, а специфика, цели и практики конструирования дискурса и мифа о репрессиях как проводившихся не-азербайджанцами и потому носивших особенно жестокий характер.

не было доверено руководить этим органом. Руководили и армянин, и русский, и еврей, и грузин, но азербайджанца не было». Так Алиев подводит слушателей к выводу, что Большим террором в Азербайджане руководили не-азербайджанцы⁶.

Личный опыт, личное участие и память о тех событиях, когда он выступал в роли как бы и отстраненного свидетеля, но одновременно весьма осведомленного непосредственного участника, дают Гейдару Алиеву основание для вынесения «окончательного вердикта» по поводу репрессий. Репрессии были ужасны. Виновны в них руководители спецслужб – не-азербайджанцы и немногочисленные предатели «из народа». Никакой дополнительной серьезной ревизии тех событий не требуется. Конечно, далеко не все, но основные виновники наказание уже понесли.

Политические репрессии – это уже история, из которой «мы-нация» должны вынести поучительные уроки. Главный урок: национализация органов безопасности – единственный залог того, что подобные преступления больше не повторятся. И Гейдар Алиев презентует себя в качестве молодого энергичного офицера, одного из активных организаторов чистки и национализации органов безопасности с 1953 г.

Впоследствии Алиев еще несколько раз вспоминал в своих речах о времени политических репрессий, но только воспроизводил уже сконструированную версию. Приведу следующий пример:

«В период советской власти против людей, народов совершались большие преступления. Сколько было ре-

⁶ В современном Азербайджане установились партнерские отношения между руководством еврейской общины и азербайджанской политической властью. Этим отношениям отводится ключевая роль в официальном дискурсе об исторической «толерантности азербайджанского народа». И хотя Алиев упоминает в числе руководителей еврея, он не акцентирует внимание на национальности Тимофея Борщова.

прессий в 1920–1930 годах, сколько людей были высланы со своих родных мест. Наш Азербайджан претерпел очень большие удары в этой области. В то время политика советской власти в общем касалась всех мест. Но из Сибири-то людей не высылали в другие места! Или же из средних областей России, будь он помещик, кулак или враг народа, – их не ссылали в Сибирь или в Казахстан. Ссылали именно наши народы. А если взять высланных из Закавказья начиная с 1920 года до распада советской власти, то нигде не было столько высланных людей, сколько в Азербайджане. В 1937–1938 годах нигде не было столько репрессированных, как в Азербайджане. Репрессия 1937–1938 годов проводилась по всему Советскому Союзу. Но в различных регионах, республиках его масштабы были различными. Если взять Закавказье – мы постоянно сравниваем Азербайджан с Арменией, Грузией – начиная с 1920 года высланных из Азербайджана было больше, чем из других республик. В 1937–1938 годах в Азербайджане многие были подвергнуты репрессиям. Кроме этого, часть азербайджанцев в 1937–1938 годах была выслана отсюда в Иран. Это тоже историческое событие, давно забытое. Высылали тех, у кого было иранское подданство, отовсюду в массовом порядке. После той исторической трагедии прошло уже 60 лет. Сейчас, может быть, никто из вас и не сможет вспомнить те дни. Но я – их свидетель. Я жил в Нахчыване. Наших соседей в течение двух дней, плачущих, посадили в автомобили, увезли на другой берег Аракса. Я видел и сосланных из Нахчывана в 1937–1938 годах в Среднюю Азию по политическим мотивам. Это были девочки, мальчики, обучавшиеся со мной в средней школе, они прощались с нами со слезами на глазах. Мы же не понимали, провожая их, видели лишь то, как однажды всю их домашнюю утварь уничтожали, а их самих сажали в автомобили и увозили. Таким образом, наш народ в

XX веке пережил много трагедий. Но среди них те беды, которые пережил Нахчыван, были наиболее страшными, трагическими, чем в других регионах Азербайджана. В то же время необходимо отметить, что, как и в прошлом, и в конце 1980-х годов, в 1990-х годах нахичеванцы стойко переносили все трудности, лишения»⁷.

Нахичеванская автономная область – малая родина Гейдара Алиева. Неудивительно, что для этого региона конструируется и особенная история. История особых страданий, пережитых нахичеванцами. Но та же модель переносится и на весь Азербайджан. История репрессий в республике представляется как особенная, более жестокая и более трагичная, чем в других местах. Алиев хоть и не в прямой форме, но утверждает, что, например, имперская нация (русские), а также соседи армяне и грузины понесли меньшие потери, меньше страдали. Личные воспоминания вновь мобилизуются как ресурс для утверждения этой модели памяти о политических репрессиях. Кто может поставить под сомнение память первого лица в авторитарном государстве? В целом, как и прежде, память о репрессиях и масштабных жертвах содержит одновременно и указание на счастливый конец этой истории. И нахичеванцы, и все азербайджанцы «стойко пережили» и «успешно преодолели» все невзгоды, выпавшие на их долю, и под мудрым руководством Гейдара Алиева добились свободы и процветания. Жанр этой речи изначально предполагает «счастливый конец». Наиболее ясно подобный жанр дискурсивной репрезентации событий политических репрессий представлен, например, в выступлении Алиева 26 мая 1996 г. в связи с Днем Республики, т.е., по сути, Днем независимости.

⁷ Вступительное слово президента Азербайджана, председателя конституционной комиссии Гейдара Алиева на заседании конституционной комиссии Азербайджанской Республики, цит. по: Бакинский рабочий. 1998. 16, 17, 22 января.

«Мы никогда не должны забывать период с 1920-го до конца 1929 года. В то время в Азербайджане была создана и действовала Советская Социалистическая Республика. Это правительство возглавлял выдающийся сын азербайджанского народа Нариман Нариманов. Правда, эта республика была создана на основе коммунистической идеологии. За два с лишним года, используя возможности определенной самостоятельности, она сыграла большую роль в жизни азербайджанского народа. С конца 1922 года Азербайджанская Республика входила в состав Советского Союза. Как я уже отметил, этот период был очень сложным, противоречивым – с одной стороны, репрессии правящего режима, давление на традиции, духовный мир нашего народа, лишения и ограничения, с другой – одновременно это был период большого развития нашего народа. Репрессии 20-х, 30-х годов погубили жизни десятков тысяч людей. Десятки тысяч азербайджанцев были сосланы в отдаленные места. Их права были нарушены, имущество конфисковано, культурному и духовному наследию азербайджанского народа были нанесены сильнейшие удары. Жертвы тех лет исчислялись тысячами, десятками тысяч, а может, и сотнями тысяч. Среди них были видные личности Азербайджана – Гусейн Джавид, Микаил Мушфиг, Ахмед Джавад, Юсиф Везир Чеменземинли, Салман Мумтаз и другие достойные представители народа. В то же время в тот период азербайджанский народ породил видных деятелей, которые жили, творили, развивая культуру, науку нашей республики. Тяжести, трудности того времени сплелись с большими достижениями. Самое большое достижение состояло в том, что наш народ получил образование, его культурный уровень повысился, была создана большая наука Азербайджана, национальная культура нашей республики достигла высокого уровня. Азербайджан своей культурой, наукой, вы-

соким уровнем образования сумел продемонстрировать всему миру лучшие человеческие качества. Да, в те годы у нас были большие потери. Но, как я отметил, одновременно в те годы созрели выдающиеся личности в нашей культуре, литературе, науке. Столь гениальные наши композиторы как Узеир Гаджибеков, Муслим Магомаев создали новые произведения. Наш гениальный писатель Джафар Джаббарлы внес в литературу азербайджанского народа большой вклад. В нашей литературе появились такие выдающиеся личности как Самед Вургун, Расул Рза, Сулейман Рустам, Сулейман Рагимов. Наши ученые Мирсадулла Миргасымов, Мустафа бек Топчубашев, Гейдар Гусейнов, Юсиф Мамедалиев, Мирза Ибрагимов, многие другие в 1945 году впервые создали Академию наук, вобравшую в себя большую науку Азербайджана. Все это были большие достижения тех трудных, тяжелых лет. В те годы была создана прочная основа для нынешнего независимого существования Азербайджана. Развилась азербайджанская экономика, в Азербайджане был создан экономический, промышленный потенциал. В Азербайджане появились новые города, были благоустроены села, поселки, улучшено благосостояние народа»⁸.

В этой речи в наиболее полной мере представлен и оправдательный дискурс в отношении советского прошлого. Здесь Алиев сосредоточен не на выявлении виновников репрессий, но на критериях оправдания советской системы сталинского периода. В принципе, мы видим довольно типичную и широко распространенную модель. В речи нет упоминания тоталитаризма. Были беды и суровые репрессии, но были и достижения. В конечном итоге Алиев в прозрачной форме намекает на то, что в достижениях советской поры следует видеть его руку.

⁸ Цит. по: <http://lib.aliyev-heritage.org/ru/7861672.html>

И хоть и не говорит сам о себе, но в торжественных речах политической и культурной элиты именно Алиеву отводится наиболее заметная роль в плеяде видных деятелей, появившихся в этот сложный для Азербайджана период. Таким образом, официальный дискурс о политических репрессиях был сконструирован в 1990-е годы под влиянием Гейдара Алиева. В своих речах по случаю Дня Республики нынешний президент Ильхам Алиев уже не упоминает о времени репрессий, но не забывает вспомнить о том, что годы СССР, особенно в период руководства Гейдара Алиева («самая яркая» страница советского периода), были временем развития и успехов⁹.

Осталось только упомянуть, что к настоящему моменту описанная официальная версия получила широкое признание и репрезентируется в ряде нарративов. Например, в описании истории органов безопасности, размещенной на сайте Министерства национальной безопасности Азербайджанской Республики. Здесь можно узнать, что самым славным периодом существования такого рода структур следует считать время АДР. Однако этот недолгий (23 месяца по официальной версии) период независимости был прерван в результате внешнего вторжения.

«В результате российской агрессии 28 апреля 1920 года планы национального правительства по совершенствованию спецслужб оказались нереализованными. В 1920–1940 годах Азербайджанская чрезвычайная комиссия, ставшая через некоторое время Государственным политическим управлением (ГПУ) Азербайджана, а также Народный комиссариат внутренних дел, проводивший имперскую политику и игравший роль административного инструмента, подвергли многих пред-

⁹ См., напр.: Речь Ильхама Алиева на официальном приеме по случаю национального праздника Азербайджана – Дня Республики // <http://ru.president.az/articles/11948>

ставителей нашего народа физическому и психологическому террору. С мая 1920 по июль 1921 года со стороны ВЧК более сорока тысяч наших соотечественников были репрессированы. В 1934–1938 годах 27 845 человек были приговорены к расстрелу со стороны Народного комиссариата внутренних дел. В общей сложности число репрессированных в 1920–1950 годах составляет более чем 400 тысяч человек, а полмиллиона были депортированы. В эти же годы, в результате выражения открытого недовольства по отношению к проводившимся репрессиям, выступавшие против политики русификации Эюб Ханбудагов, Новруз Ризаев и другие были уничтожены. Борющиеся за независимость Азербайджана Мамед Эмин Расулзаде, Алимардан бек Топчубашев, Мирза Бала Мамедзаде, Рустам бек Шафибеков, Абдулвахаб Юрдсевер, Наги Шейхзаманлы, Махмуд Сафикурдский и другие выдающиеся сыны Азербайджана были вынуждены провести остаток своей жизни в эмиграции. С конца 50-х годов в органах безопасности республики была проделана работа в сфере национализации и восстановления исторической справедливости, юридического и нравственного оправдания многих лиц, подвергшихся репрессиям. Этот процесс непосредственно связан с именем выдающегося государственного деятеля, посвятившего большую часть своей жизни органам безопасности, – Гейдаром Алиевым. За период его руководства контрразведывательным управлением КГБ Азербайджана, особенно в 1964 году, после выдвижения его кандидатуры на должность председателя КГБ, заметно принимает широкий размах привлечение местных кадров, назначение их на руководящие должности. Даже в период своей работы как в руководстве Республики, так и Союза Г.Алиев продолжал контролировать деятельность органов спец-

служб и не обделял вниманием и заботой эти учреждения»¹⁰.

Такова еще одна официальная версия, несколько отличающаяся от представленных выше, но в целом содержащая уже описанный дискурсивный ряд, ключевым для которого является утверждение, что репрессии проводились сотрудниками органов безопасности не азербайджанцами. Руководители органов безопасности из числа азербайджанцев (Эюб Ханбудагов¹¹, Новруз Ризаев и пр.) пытались бороться, но потерпели поражение и пали героями. Процесс «восстановления справедливости» – целиком заслуга Гейдара Алиева.

Представление политических репрессий в школьных учебниках истории

Таковую же, с некоторыми интересными вариациями, репрезентацию событий политических репрессий можно найти и в учебниках истории Азербайджана. Следует подчеркнуть, что в стране для использования в средних школах разрешен только один набор учебников, прошедших комиссию в Министерстве образования. Учебники предполагают особенный жанр – упрощенную модель событий и воспитание из детей взрослых патриотов. Как же преподносится история репрессий в азербайджанской средней школе?

О политических репрессиях и сталинском Большом терроре рассказывается в двух учебниках по национальной истории – это вводный курс для 5-го класса и учебник для 11-го (выпускного) класса общеобразовательной

¹⁰ История органов безопасности Азербайджана. Официальный сайт Министерства национальной безопасности Азербайджанской Республики (<http://www.mns.gov.az/ru/pages/48-32.html>).

¹¹ Ханбудагов занимал пост председателя АзЧК в течение трех месяцев в 1920–1921 гг.

школы. В 2000-е годы, когда издавались эти учебники, в стране уже установился культ личности Гейдара Алиева. В контексте сконструированного мемориального образа Алиев становится «великим общенациональным лидером азербайджанского народа». Неудивительно, что урок для 5-го класса, посвященный 1937 году (§ 50), предваряет эпиграф – выдержка из речи Алиева:

«В 1937 году не было такого дня, чтобы чей-то родственник, друг или знакомый не стал бы «врагом народа». На лицах людей не было улыбок, не было настроения. Сердца людей были полны горя и печали. <...> Никто не мог ночью спать спокойно. И дети были в страхе. Прижавшись к родителям, они боялись отойти от них. Они боялись, что у них отнимут их родителей»¹².

Учебник написан для 10-, 11-летних детей, и здесь отчетливо видна попытка рассказать «страшную историю» о давно забытых временах. С этой целью авторы пытаются передать повседневные настроения в обществе того времени. Заметно утрируя, рисуют ученикам безрадостную картину всеобщего страха и печали. Дети узнают, в чем же была цель подобного массового устрашения:

«Основной целью была ликвидация самых дальновидных, самых достойных и умных сынов народа. Потому что такие люди всегда стараются пробудить свой народ и призывают к борьбе за независимость. Самые образованных людей ликвидировали. Уничтожение самых достойных сынов народа проводилось в жизнь по указанию Сталина, людей из его окружения – Микояна и других армянских палачей. На руководящих должностях в Азербайджане, особенно в КГБ и НКВД, было очень много армян, которые проявляли особую активность. После завоевания 28 апреля 1920 года Северного Азербайджана со-

¹² Здесь и далее цит. по: Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество : Учебник для 5 класса : Изд. 3-е. Баку: Тахсил, 2003.

ветскими войсками захватившие важные должности армяне ждали момента для начала очередного геноцида нашего народа. Теперь у них появилась такая возможность. В 1937 году в Азербайджане было расстреляно 29 тысяч невинных людей. В тот год наши враги уничтожили самых достойных людей Азербайджана – видных ученых и интеллигенцию. Дошла очередь и до писателей. Смерть витала над головами наших великих сынов: Микаила Мушвига, Таги Шахбази, Гусейна Джавида, Ахмеда Джавада, Юсифа Везира Чеменземинли, Салмана Мумтаза».

Учебник для 5-го класса – один из наиболее радикальных учебных нарративов, в котором образу (мифу) «исторического врага» уделяется ключевая роль. Это один из немногих текстов, где политические репрессии трактуются как «очередной геноцид». По этой версии жертвами террора становятся самые достойные граждане, и авторы не предпринимают попытки объяснить, почему множество представителей интеллектуальной элиты пережили эти дни «печали и горечи». Следует ли их считать недостойными? Далее в учебнике осуждаются «предатели» из числа азербайджанцев, примкнувших к большевикам¹³. Школьникам внушают, что *«тех, кто дружит с врагом своего народа, всегда постигает подобная участь»*. Таким образом, ученикам преподносится идея, что заслуженное наказание понесли все-таки виновные.

«Это была невиданная в истории трагедия. «Неверные в черных одеяниях» вновь сумели противопоставить брату брата, сына отцу, родственников и друзей друг против друга. Люди должны были доносить и свидетельствовать друг против друга. В этом деле немалую роль сыграли предатели из числа собственного народа. Забыв-

¹³ Особое неприятие у авторов учебника почему-то вызывает расстрелянный в 1938 г. Алигейдар Караев – один из наиболее известных национал-большевиков, но далеко не центральная фигура во власти.

чивость, неумение делать выводы из исторического прошлого, как всегда, дорого обошлись нашему народу».

«Неверные в черных одеяниях» – это конструкт «исторического врага», созданный авторами постсоветских учебников. Образ заимствован из средневекового эпоса «Деде Коркуд».

Учебник учит детей, что историческая память о «врагах» чрезвычайно важна. Это ключевое знание, позволяющее надеяться на то, что «очередного геноцида» никогда не произойдет¹⁴.

Далее авторы утверждают:

«<...> все репрессированные давно получили реабилитацию. Поэты, чьи имена мы боялись раньше произнести, теперь вошли в наши учебники. Их имена увековечены. Благодаря заботе президента Азербайджана Г.А.Алиева останки Гусейна Джавида перенесены из далекого Иркутска в родной Нахчыван и захоронены около его дома-музея. Именем Гусейна Джавида в Баку названы школа, улица, парк. Ему воздвигнут памятник».

Образный ряд репрессированных – это все те же несколько деятелей культуры, все тот же ключевой образ Гусейна Джавида, жизнь и смерть которого стали символом ужасов политических репрессий. Авторы не задумываются о том, что на глазах их учеников в последние пять-семь лет сносились многочисленные памятники национал-большевикам, репрессированным в 1937–1938 гг. Не предпринимают попытки объяснить детям, почему ранее реабилитированные персонажи вновь попали в немилость, почему среди десятков тысяч репрессированных достойны прямого упоминания только несколько человек.

¹⁴ Подробнее см: Румянцев С. Героический эпос и конструирование образа исторического врага // *Ab Imperio* 2. 2005. С.441–468.

Тема политических репрессий вновь возникает в учебнике для 11-го класса в § 22 «Упрочение и усиление административно-командной системы. Массовые репрессии». И тут авторы воспроизводят уже знакомый нам дискурс:

«Массовым репрессиям подвергались в основном наиболее талантливые представители передовой интеллигенции, опытные и способные партийные и государственные деятели. Иногда жертвами репрессий становились и простые, ни в чем не повинные люди – рабочие и крестьяне. В этих случаях преследовалась цель поселить в душах людей чувство страха и ужаса. В плане репрессий Азербайджан мог стать «образцом» в союзном масштабе»¹⁵. Таким образом, авторы предлагают знакомую версию особенного положения Азербайджана и наиболее жестокого политического террора.

Значительная часть урока посвящена размышлениям о виновниках происшедшего террора:

«М.Дж. Багиров, который при поддержке Берии стал первым секретарем ЦК КП(б) Азербайджана и через него приблизился к Сталину, творил массовые беззакония и ужасы, опираясь на своего друга. Собрав вокруг себя Сумбатова-Топуридзе, Григоряна, Маркаряна, Маляна и других армян, являвшихся генетическими врагами тюрок, М.Дж. Багиров с их помощью уничтожил и сослал на каторгу десятки тысяч азербайджанцев. Из-за того что Багиров преданно служил Сталину и палачу Берии, полагался на окружавших его армян, азербайджанский народ потерял два, а может быть, и три поколения своих самых лучших сыновей и дочерей, обладавших высоким интеллектом».

Авторы предлагают ученикам версию последовательной эссенциализации образа врага. В таком контексте

¹⁵ Гандилов С., Мамедов И., ред. История Азербайджана : Учебник для 11 класса общеобразовательной школы. Баку: Чашиоглу, 2002. С.156–162.

Багиров – исключение из правил, «неправильный азербайджанец», «предатель». Главные виновники репрессий – армяне, и это единственное конкретное объяснение, предлагаемое для понимания событий Большого террора. Нужно отметить, что такого рода жесткая критика Багирова в последующие годы становится скорее исключением из правил и сохраняется только в учебнике.

Далее в тексте авторы называют имена ряда видных национал-большевиков, репрессированных в 1937–1938 гг. Видимо, их, наряду с тем же недлинным перечнем поэтов и писателей, ученики и должны считать поколением лучших сыновей и дочерей. Террор в сельской местности тоже упоминается, но главный посыл – основная трагедия заключается в уничтожении «лучших», интеллектуальной элиты. *«В обвинении и осуждении большинства людей, являвшихся «сливками» азербайджанской интеллигенции, большую роль играли армяне, проникшие в карательные органы республики. В годы, когда репрессии достигли своей кульминации, в 31 из 51 районов Азербайджана начальниками районных отделов Народного комиссариата внутренних дел были армяне».*

При описании политических репрессий всегда упоминаются и депортации азербайджанцев из Армении в Азербайджан в 1940-х годах, а также предвоенные депортации иранских граждан (многие из которых были этническими азербайджанцами) в Иран. В вину советскому режиму ставится также массовая эмиграция – бегство от советизации. Вся эта информация содержится и в официальном дискурсе, и в учебниках как значимой составляющей того же дискурса.

Еще один параграф учебника посвящен ужасам и жертвам коллективизации.

Параграфы о развитии экономики и культуры говорят о многих достижениях, имевших место несмотря на

политический террор. Авторы не пытаются преодолеть это противоречие и не задаются вопросом, как был возможен расцвет культуры, если «сливки интеллигенции» уничтожались. В контексте рассказа о «наших достижениях» осуждение сталинизма как системы становится невозможным.

Этнизация причин репрессий и представление их виновников как «генетических врагов» также становится серьезным препятствием для взвешенной дискуссии и критики самой системы. Это центральный момент, в котором сходятся дискурс официальный (политический) и дискурс воспитательный – отказ от осуждения тоталитаризма и авторитаризма. Банализация объяснительных моделей становится серьезным препятствием для возможного осуждения подобных форм правления.

Академический дискурс

Изучая академический дискурс, мы сталкиваемся с теми же проблемами. С одной стороны, даже в ситуации авторитарного политического режима, установившегося в стране, определенная свобода за академическими исследователями все же сохраняется. Но с другой – в контексте армяно-азербайджанского конфликта и широко распространенных эссенциалистских и этно-националистических представлений – в итоге получается все та же схема. Академические исследования интересны тем, что центральный их персонаж Мир Джафар Багиров, именно вокруг оценки его деятельности разворачиваются главные дискуссии.

На сегодняшний день существует только одно академическое исследование, выполненное в соответствии с принятыми в современной науке методологическими правилами. Это монография немецкого историка Йорга

Баберовски, в которой он не только подробно описывает причины и результаты политических репрессий в Азербайджане, но и предпринимает попытку предложить оригинальную интерпретацию тех событий. Помимо всего в книге Баберовски содержится анализ биографий большинства значимых политических деятелей 1920–1930-х годов. В частности, биографии Багирова, которого он описывает как «неограниченного властителя Азербайджана», «монополизировавшего связь между Баку и Москвой», лично участвовавшего в пытках своих жертв и пр.¹⁶ В работах азербайджанских историков причины репрессий и оценка личности Багирова чаще всего представлены иначе.

Первая попытка анализа и описания событий политических репрессий в Азербайджане была предпринята историком академиком Зией Буниятовым. Это небольшая книга, изданная только в 1993 г., состоит из описания нескольких десятков (около 50) биографий репрессированных. В перечне имен попадают и немногие неазербайджанцы (русские). В предисловии к книге Буниятов справедливо утверждает, что речь идет о первой подобной работе. По его словам, в годы репрессий в республике было расстреляно от 70 до 80 тысяч представителей интеллигенции. Виновников этих репрессий он характеризует как бандитскую группировку у власти и называет их имена – Сумбатов, Борщев, Маркарян... Багирова в этом списке нет. Вообще о Багирове в предисловии, где отражены главные представления самого автора, не говорится ни слова¹⁷.

Долгое время этот труд оставался единственным, посвященным истории политических репрессий, пока в

¹⁶ См.: Баберовски Й. Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. С.721–794.

¹⁷ Bunyadov Z. Girmizi Terror [Красный террор]. Bakı: Azər nəşr, 1993.

2004 г. не вышла в свет книга историка Шалалы Мамедовой¹⁸. Из девяти глав этой книги, автор которой претендует на теоретический вклад в дискуссию о тоталитаризме, только одна последняя посвящена истории массовых репрессий 1920–1930-х годов. Период политических репрессий описывается Мамедовой как конфликт между азербайджанским сообществом (в первую очередь элитой) и большевиками. По ее версии даже национал-большевики во главе с Наримановым (она их называет «уклонистами») в начале 1920-х годов мечтали о свержении власти большевиков. Коллективизация и раскулачивание, уничтожение старой элиты в целом трактуется как *«политика советской власти, направленная на устрашение народных масс»*. Мамедова пытается вписать события, происходившие в Азербайджане, в рамки политических репрессий, охвативших весь СССР, связывает события в республике с теми, которые происходили в политическом центре – в Москве.

Мамедова не следует официальной версии и, напротив, подчеркивает, что от репрессий пострадали все жители республики вне зависимости от их этничности. Например, рассказывая о проверке деятельности органов НКВД, осуществленной Багировым по прямому приказу Сталина в конце 1938 г., утверждает, что меньше всего пострадали азербайджанцы. По словам Мамедовой, *«претворяя в жизнь указания Сталина, М.Дж. Багиров отправлял под суд в основном представителей национальных меньшинств республики, так как все важные государственные посты были заняты именно ими. От этой проверки меньше всего пострадало местное население (т.е. азербайджанцы. – С.Р.)*. Из 79 арестованных

¹⁸ Мамедова Ш. Интерпретация тоталитаризма : Сталинизм в Азербайджане, 1920–1930. Баку: Адильоглы, 2004.

высокопоставленных энкавэдэшников лишь 13 были азербайджанцами»¹⁹.

Мамедова расходится с официальной точкой зрения и в другом существенном моменте: *«Парадоксально, но на Южном Кавказе массовые репрессии достигли своего наивысшего апогея на родине вождя народов, в Грузии»²⁰.* В целом можно констатировать, что это единственная исследовательская работа, в которой официальная точка зрения на политические репрессии подвергается серьезному сомнению.

Тема сталинских репрессий затронута и в книге «Власть и народ» известного азербайджанского историка Эльдара Исмаилова, хоть она и не центральная в его работе. Больше внимания автор уделяет личности и деятельности Мир Джафара Багирова. (Фактически, все другие работы, которые имеет смысл упомянуть, также посвящены Багирову.) Исмаилов – второй историк, который предпринимает попытку выйти за границы официального дискурса о репрессиях. Если Мамедова не считает нужным дискутировать с официальной точкой зрения, то Исмаилов, напротив, предлагает критику описанной выше интерпретации политических репрессий. Он пишет:

«В публицистике распространено мнение, что засилье некоренных кадров в органах государственной безопасности Азербайджана явилось одним из главных, если не решающих факторов особенно широких массовых репрессий в Азербайджане в 30-х годах. Действительно, к концу 30-х годов основную часть ведущих работников службы государственной безопасности республики, и прежде всего, центрального аппарата НКВД, составляли русские, армяне, евреи. Это правда. К сожалению, точной инфор-

¹⁹ Там же. С.301–302.

²⁰ Там же. С.304.

мацией о национальном составе работников государственной безопасности тех лет мы не располагаем. Но косвенные данные подтверждают, что в аппарате НКВД абсолютное большинство составляли неазербайджанцы. <...> при формировании центрального аппарата органов госбезопасности долгое время предпочтение отдавалось представителям некоренной национальности. Все это вовсе не дает основания видеть первопричину гибели тысяч представителей азербайджанской культуры, интеллигенции, простых тружеников в национальном составе работников службы государственной безопасности. Прежде всего это была мощная террористическая акция в масштабах всей страны. И никто сегодня не рискнет сказать, в каких республиках было репрессировано людей больше, а в каких меньше. Ведь речь идет о миллионах людей. Репрессии затронули в Азербайджане и азербайджанцев, и русских, и армян, и евреев, да и не только их. Порой представители коренной национальности составляли единицы при проведении той или иной обвинительной кампании. <...> Поэтому вряд ли оправданно изображать репрессии 1937–1938 годов как сугубо антиазербайджанскую акцию. В целом, это была часть общесоюзной карательной акции, в ходе которой в союзных мусульманских республиках самым «удобным» аргументом при массовой фальсификации уголовных дел было обвинение в национализме, панисламизме, пантюркизме. Естественно, такие обвинения в Азербайджане могли быть прежде всего направлены против азербайджанцев. Отсюда репрессии против тысяч партийных и советских работников, деятелей науки и культуры, простых крестьян, прежде всего азербайджанской национальности. Естественно, что при поиске виновных в трагедии простейшим решением представляется обращение к национальному составу работников государственной безопасности той поры.

Тем более что азербайджанцев в их составе было совсем немного. Такой подход мог бы иметь основание, если рассматривать репрессии в Азербайджане в отрыве от того, что происходило по всей стране. В противном случае мы должны согласиться, что первопричиной был отнюдь не национальный состав органов государственной безопасности Азербайджана. Тем более что в ряде случаев азербайджанцы – работники органов государственной безопасности проявляли рвение в разоблачении «врагов народа» не в меньшей степени, чем представители других национальностей. И тем не менее в какой-то степени высокая доля представительства инонационального элемента могла сказаться на масштабах репрессий. Здесь могли сказаться и безразличие, и презрительное отношение, когда речь шла об азербайджанцах, иными словами, те качества, которые были унаследованы работниками советского карательного аппарата от царских чиновников. Для некоторых из армян, которых было много среди работников органов государственной безопасности, кампания уничтожения «врагов народа» стала удобным поводом для выражения их традиционной ненависти к азербайджанцам»²¹.

В интерпретации Исмаилова все же определенная роль отводится и этничности палачей. Нужно сказать, что предлагаемая им интерпретация безусловно имеет под собой определенные логические основания. В 1918–1920 гг. в столкновениях между армянами и азербайджанцами погибли десятки тысяч людей. Нельзя исключить возможность, что кто-то из чекистов воспользовался чистками для личной мести. Возможно, кто-то из них и руководствовался такими мотивами. В данном случае важны не

²¹ Исмаилов Э. Власть и народ : Послевоенный сталинизм в Азербайджане, 1945–1953. Баку: Адильоглы, 2003. С.112–114.

отрицание или признание подобного рода вероятности, а то, что в объяснении причин террора этим мотивам отводится достаточно важная (если не ключевая) роль.

Исмаилов хоть и в более аккуратной форме, но в значительной степени все же воспроизводит официальный дискурс. Наиболее четко это прослеживается в его оценке деятельности Багирова. По мнению Исмаилова, с Багирова нельзя снимать ответственность за злодеяния тех лет, но маловероятно, что он мог действовать в те годы без оглядки на эмиссаров НКВД из Москвы. Он действовал скорее в унисон с требованиями того страшного времени, опасаясь тех же энкавэдэшников, власть над которыми у него была не столь велика²². Но даже если Багиров и не всегда бывал на высоте, по мнению Исмаилова, то, что он был азербайджанским патриотом, не подлежит сомнению. Исмаилов избегает прямых выводов. Но в конечном итоге патриотичностью Багирова (наряду с невозможностью отказаться от выполнения приказов Москвы) оправдывает «темные стороны» его правления.

Такого рода позиция более четко выражена в работах другого известного азербайджанского историка – Джамиля Гасанлы. По его словам, «эпоху сталинизма после ареста азербайджанского партийного руководителя той эпохи М.Дж. Багирова в республике стали называть “багировщиной”»²³. Но Гасанлы трудно назвать критиком «багировского режима». Скорее он видит в Багирове опять-таки азербайджанского патриота²⁴, прилагавшего

²² Там же.

²³ Гасанлы Д. Хрущевская «оттепель» и национальный вопрос в Азербайджане, 1954–1959. М.: Флинта, 2009. С.8.

²⁴ Например, в его книге «СССР–Иран : Азербайджанский кризис и начало Холодной войны, 1941–1946» (М., 2006), посвященной советской политике в отношении Ирана в первой половине 1940-х годов, перед читателем предстает Багиров, прилагавший все усилия для «восстановления исторического Азербайджана», т.е. для присоединения северных провинций Ирана, населенных тюркоязычными жителями, к Азербайджанской ССР.

значительные усилия для национализации республики и ограничившего деструктивное влияние на этот процесс «лиц некоренной национальности». Гасанлы приходит к выводу, что *«проживавшие в крупных городах Азербайджана, особенно в Баку, лица некоренной национальности, воспользовавшись арестом М.Дж. Багирова, объявляли себя жертвами репрессий и завалили Центр тысячами жалоб, ожидая возвращения им привилегий, некогда дарованных верховной властью»*²⁵. В среде этих лиц особенное значение играли армяне, направившие в Москву множество анонимных посланий. В них Багиров обвинялся, например, в закрытии армянского театра. По мнению же Гасанлы, *«в трудные для республики годы М. Дж. Багиров резонно решил, что два армянских театра, причем дотационных, для Азербайджана непозволительная роскошь, и командировал коллектив Бакинского армянского театра в Нагорный Карабах»*²⁶. Автор никак не упоминает репрессии, происходившие в Азербайджане при Багирове. Со страниц его книг перед читателями предстает азербайджанский патриот, с переменным успехом боровшийся с происками представителей «некоренной национальности» и вынужденный, при всем своем нежелании и противодействии, мириться с указаниями «центра».

В ряде работ азербайджанских историков можно увидеть уже нарратив, сама цель создания которого – оправдание Багирова. В качестве примера можно обратиться к книге Тейуба Гурбана «Сильная личность из врагов»²⁷, которую автор посвятил 110-летию со дня рождения Багирова. Предисловие к ней написал народный писатель Азербайджанской Республики Гылман Илькин. Из текста, посвященного в основном судьбе известного азер-

²⁵ Гасанлы Д. С.23.

²⁶ Там же. С.28.

²⁷ Gurban T. Düşmənlərdən Güclü Şəxsiyyət : Birinci kitab. Bakı: Şirvanəşr, 2006.

байджанского композитора Узеира Гаджибекова, можно узнать, как Багиров «покрывал» его и фактически спас от репрессий, несмотря на старания армян в Москве и в самом Азербайджане его уничтожить. То есть в сжатой форме лейтмотив текста народного писателя можно представить следующим образом: армяне пытались убрать великого азербайджанского композитора, но Багиров эту враждебную акцию предотвратил.

Тезис о Багирове как азербайджанском патриоте развивается далее и в самой книге Гурбана. В этой монографии Багиров предстает перед читателем *«достойным сыном своего народа»*. По мнению автора, он сделал много хорошего для своей страны. Развернуто и подробно Гурбан представляет уже знакомую нам версию: Багиров вел постоянную борьбу с *«проармянски настроенными силами в Москве»* и *«скрытыми дашнаками»* в среде советской элиты, среди которых был, например, Анастас Микоян. Репрессии интерпретируются в тех же этнических тонах: они совершались в основном этническими армянами и были направлены против азербайджанского народа. Автор в очень осторожной форме указывает и на определенную долю вины самого Багирова. Но в целом не один Багиров был виновен, главная проблема состояла в самой государственной системе и все в той же *«проармянской политике Кремля»*. Он упоминает и книгу Зии Буниятова «Красный террор» как одну из первых попыток описать события репрессий. Ссылаясь на эту работу, Гурбан упоминает, что на Багирова, возможно, готовилось покушение и за этим стоял Микоян и его соратники. Сам Багиров на суде этот факт отрицал, но, по мнению автора, заговор привел к гибели многих людей.

Тейуб Гурбан оппонирует авторам, пытающимся критиковать Багирова. Например, статью, опубликованную в 2002 г. в газете «Альтернатива», в которой осуждает-

ся и «представляется в самых черных тонах» участие Багирова в репрессиях, в частности в осуждении поэта Зульфугара Ахмедзаде, Гурбан называет «сказкой», а автора упрекает в незнании материала. Одна из глав книги Гурбана носит говорящее название «Люди, спасенные Багировым», а в оправдание Багирова автор говорит о «положительном опыте» его правления – строительстве метро, развитии национального искусства и пр.

Схожую версию находим и в монографии «Несостоявшийся переворот» историка Адигезала Маммедова²⁸. Предисловие к этой книге написал известный азербайджанский публицист и писатель Алиса Ниджат. Уже в предисловии появляется все та же тема вины армян, русских и пр. в массовых репрессиях. Багиров вновь предстает перед читателем как «положительная личность». По представлениям Ниджата, репрессированных по Азербайджану было меньше, чем в других республиках, и что же мог поделать Багиров, если приказы приходили «сверху». По мнению Ниджата, только тот факт, что Багиров спас азербайджанский народ от депортации в Казахстан, «смывает все его остальные грехи»²⁹. Ниджат не удивится, если «завтра» в Баку установят памятник Мирджафару Багирову.

А сам Маммедов заявляет, что цель его книги – разрушить образ Багирова «как палача народа». Автор основывается на той же идее, что Багиров просто не мог предотвратить репрессии, но смог добиться наименьшего урона для Азербайджана, где численность репрессированных была меньше, чем у других народов. Это утверждение основано на материалах статьи из газеты «Аргументы и

²⁸ Məmmədov A. Baş tutmamış çevriliş. Bakı: EL-Alliance, 2007.

²⁹ Среди азербайджанских исследователей и публицистов бытует версия, что Сталин думал о том, чтобы депортировать всех азербайджанцев в Сибирь или Казахстан. Никакого серьезного документального подтверждения подобным планам, как и версии о существовании заговора против Багирова, в работах азербайджанских историков не приводится.

факты», в которой приведена численность репрессированных по этническим группам. Азербайджанцев в этом списке нет, и автор приходит к выводу, что число репрессированных относительно небольшое по сравнению с другими республиками³⁰.

Одна из глав этой книги называется «*Борьба Багирова с армянской политической элитой*». Рассуждая о репрессиях, автор приходит к знакомому выводу, что это была политика сверху и судьбы репрессированных в Азербайджане были в руках не-азербайджанцев, но при этом не упоминает конкретно армян и русских. И здесь Багиров хоть всего лишь исполнял приказы, но несмотря на это спас многих представителей интеллигенции. Далее автор рассуждает о роли армянской элиты и ее связей с диаспорой, используемых для «*достижения своих целей*», т.е. для давления на азербайджанцев.

В книге есть и критика противоположного взгляда на роль Багирова. Маммедов, например, критикует азербайджанский фильм о 1940-х годах в Азербайджане, в котором утверждается, что азербайджанский язык не использовался, не было книг и национальных кадров, и приводит свои данные о школах, применении языка, кадровой политике и пр., видя в «национализации» заслугу Багирова³¹.

Завершая обзор академических дискуссий, можно также вспомнить книгу Фазиля Маммедова с говорящим названием «*Мир Джафар Аббас Багиров*»³². Внимание автора сконцентрировано на биографии первого секретаря Азербайджанской компартии. В книге можно найти множество документов, отрывков воспоминаний, но никаких рассуждений о роли главного персонажа в репрессиях. Перед читателем предстает исключительно положитель-

³⁰ Məmmədov A. Baş tutmamış çevriliş. Bakı: EL-Alliance. 2007. С.40.

³¹ Там же. С.150.

³² Məmmədov F. Mir Cəfər Abbas Bağırov. Bakı: Nurlan, 2007.

ный образ Багирова, который разве что не назван героем («достойный сын» и пр.). В заключительной главе так же нельзя найти ни слова о репрессиях, но только размышления о позитивной роли Багирова в предотвращении массовой депортации азербайджанцев. Событие это могло, по мнению автора, случиться во время войны, и Багиров лично отправился к Сталину с целью предотвращения трагедии. В целом содержание книги – это апологетическое изложение биографии Багирова (особенная роль отводится его сейидскому³³ происхождению), рассказ о его семье и т.п.

Мемориализация событий репрессий

Как уже отмечалось, в постсоветский период в Азербайджане так и не был создан какой-либо мемориал в память о жертвах политических репрессий. Не установлена и государственная официальная дата памяти. В то же время происходил снос памятников, поставленных в 1960–1980-е годы в память о реабилитированных национал-большевиках, подвергшихся репрессиям в годы Большого террора. Этот процесс носил выборочный характер. Например, памятник известному национал-большевику Газанфару Мусабекову демонтировали в 2008 г., а памятник его сестре Айне Султановой³⁴ стоит поныне. В стране совсем немного мемориалов, посвященных женщинам, и этот памятник, видимо, решили сохранить в знак символической приверженности правящего режима политике развития гендерного равноправия, проводимой под влиянием ЕС.

³³ Сеиды считаются потомками пророка Мухаммеда, своего рода святыми в шиитской традиции Ислама.

³⁴ Брат и сестра Мусабековы – советские функционеры, занимавшие различные высшие правительственные посты.

Процедуры сноса одних памятников и сохранения других не сопровождаются сколько-нибудь активными публичными дискуссиями или даже просто официальными заявлениями властей. Неясно, кто и как принимает те или иные решения, но снос и установка памятников в 2000-е годы становятся частыми явлениями.

Главными объектами коммеморации событий политических репрессий выступают, как выше уже отмечалось, деятели культуры и конкретно поэт Гусейн Джавид (настоящее имя Гусейн Расизаде), реабилитированный еще при советской власти. Трудно сказать, почему именно этому поэту достался статус жертвы-символа политических репрессий. Безусловно, ключевой момент – это активное участие в коммеморации памяти поэта Гейдара Алиева в его бытность первым секретарем ЦК компартии Азербайджанской ССР. Впрочем, неясно, почему из 27 репрессированных литераторов Алиев выбрал для этой почетной миссии именно Джавида. Возможно, ему нравились произведения этого поэта. Немалую роль, наверное, сыграло и происхождение Джавида: как и Алиев, он был родом из Нахичеванского региона. А регионализм, клановая и патерналистская система власти – и теперь основа правящего режима.

Последний год пребывания Алиева у власти в качестве первого секретаря ЦК компартии Азербайджанской ССР совпал с празднованием 100-летия Гусейна Джавида. В 1982 г., при непосредственном участии Гейдара Алиева останки поэта были вывезены из Иркутской области и перезахоронены в Нахичевани, во дворе дома, где он родился. Само здание стало домом-музеем. Событие было обставлено как чествование «поэта революции», создававшего образцы советского азербайджанского романтизма, в пьесах которого «утвердилась оптимистическая, социалистическая картина человека и мира» и пр.³⁵

³⁵ Асадуллаев С. Поэт революции : К 100-летию со дня рождения Гусейна Джавида // Бакинский рабочий. 1982. 23 октября.

В официальных биографиях Гейдара Алиева обязательно упоминание о его трепетном отношении к творчеству и наследию поэта. Так, например, утверждается, что в первый же день своего возвращения из Москвы в Нахичевань в 1990 г. Алиев посетил место захоронения поэта. «При виде неухоженной могилы великого поэта Гейдар Алиевич очень расстроился»³⁶. Уже тогда, по мнению его биографов, он задумал установку мавзолея. Можно предположить, что идея памятника в Баку также родилась при Алиеве, в годы, когда готовился юбилей. Но не ему суждено было торжественно открыть этот монумент.

Памятник Гусейну Джавиду установили в Баку 27 мая 1993 г. Автором его стал Омар Эльдаров, скульптор, которому особенно благоволит семья Алиевых, временно оказавшаяся тогда не у власти. Монумент, задуманный еще в начале 1980-х годов, был установлен только в период недолгого правления Народного Фронта в годовщину провозглашения АДР. Мемориал занял место напротив здания Академии наук Азербайджана (сталинский ампи́р). Один из наиболее протяженных проспектов в центре города тогда же получил имя Джавида. На открытии присутствовала дочь поэта – поэтесса Туран Джавид, которая *«запомнила навсегда тот страшный день 4 июня 1937 года, когда был арестован мой отец. <...> И сейчас, в дни празднования нашим народом уже в условиях свободы годовщины независимости Азербайджана, моему отцу, отдавшему жизнь за эту свободу, воздвигается памятник»*³⁷.

На церемонии открытия по традиции присутствовали члены правительства во главе с президентом Абульфазом Эльчибеем. «Гусейн Джавид, – сказал он, – основатель

³⁶ Мираламов Г., Андриянов В. Гейдар Алиев. М.: Молодая гвардия, 2005. С.224–226.

³⁷ Здесь и далее цит. по: Бакинский рабочий. 1993. 1 июня.

романтической школы в азербайджанской литературе, вечно будет жить в сердце народа, борющегося за свободу. Он был нам моральной опорой на трудном пути к независимости, не дал нам пасть духом. <...> Митинг, посвященный открытию памятника, завершился «Маршем патриотов», который написал сын поэта Эртогрул Джавид и который впервые прозвучал в этот день».

Таким образом, монумент так и не стал символом памяти о политических репрессиях. О них вспоминали вскользь. Джавид – поэт, член Союза писателей Азербайджанской ССР, не участвовавший ни в каких политических организациях, борющихся за независимость, символизирует в постсоветский период скорее героическую борьбу за независимость, чем память о невинных и бессмысленных жертвах политических репрессий.

Вторым по значимости поэтом, погибшим в годы репрессий, стал Микаил Мушвиг. Он был реабилитирован в период оттепели, и уже в 1968 г. ему был установлен в Баку небольшой памятник (бюст). После Гусейна Джавида именно Мушвига наиболее часто вспоминают, когда речь заходит о жертвах советского террора. Предполагается, что в его честь будет названа одна из новых станций бакинского метро. В стране в 2000-е годы широко отмечают и юбилеи, связанные с Мушвигом.

В вестибюле здания Союза писателей Азербайджана была установлена памятная доска. Председатель это союза, известный писатель Анар, описывает это событие следующим образом:

«1937 год нанес сокрушительный удар по духовной жизни Азербайджана. Нацию обескровили, уничтожив достойных ее сынов и дочерей. В здании Союза писателей Азербайджана мы повесили памятную мемориальную доску – одну из первых, если не единственную на пространстве бывшего СССР, посвященную репрессированным

писателям. На доске 27 имен – это почти половина состава тогдашнего Союза писателей Азербайджана. Были репрессированы классик нашей литературы, драматург и поэт Гусейн Джавид и совсем молодой, 29-летний поэт Михаил Мушвиг, поэты Ахмед Джавад, Саньлы, Музниб, Эмин Абид, прозаики Сеид Гусейн, Ю.В.Чеменземинли, Кантемир, Т.Шахбази, ученый-языковед Б.Чобанзаде, критики-литературоведы Али Назим, Кязим Алекперли, Мустафа Кулиев, Ханафи Зейналлы и многие другие»³⁸.

В Музее независимости Азербайджана, экспозиция которого состоит из шести залов, один «*посвящен истории Азербайджана в годы сталинских репрессий и героизму азербайджанцев в Великой Отечественной войне*».

Тема политических репрессий довольно активно обсуждается также в отношении немцев-колонистов, проживавших в Азербайджане и депортированных с его территории в годы войны. В 2000-е годы при финансовой поддержке Германии был открыт музей, освещающий историю колонистов, основавших селение Еленендорф (ныне Гей-Гель). Из экспозиции, размещенной в здании церкви, можно узнать о том, как немцы жили в поселке до массовой депортации³⁹.

Таким образом, какой-либо значимой мемориализации памяти о жертвах политических репрессий в Азербайджане не проводится. Памятники поэтам, погибшим в годы Большого террора, – это не столько память о ре-

³⁸ В книге, посвященной 75-летию Союза, упоминаются только 26 имен. См.: Анар. Литература, искусство, культура Азербайджана. 2013. С.19 (kitabxana.net/files/books/file/1369800377.pdf).

³⁹ В постсоветский период в контексте сближения с ЕС тема «исторической дружбы между немцами и азербайджанцами» стала одной из наиболее популярных. На количестве и качестве публикаций сказывается также и финансовая поддержка, оказываемая немецкими фондами. В ряде монографий рассказывается и о сталинских депортациях немцев из Азербайджана. См., напр.: Зейналова С. Немецкие колонии в Азербайджане, 1819–1941 гг. Баку: Араз, 2002; Джафарли М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. Баку: Ветен, 2003.

прессиях, сколько мемориалы деятелям культуры. Конечно, каждое открытие такого мемориала или ритуал памяти, проводимый у памятника, – это повод вспомнить о репрессиях. Но в контексте дискурса о борьбе за независимость образы невинных и бессмысленных жертв заменяются на образы героев-борцов. Это часть истории, которой уже дана окончательная оценка, и справедливость уже восторжествовала.

СМИ и память о жертвах политических репрессий

Сколько-нибудь широкого и активного обсуждения истории советских политических репрессий в азербайджанских СМИ в 2000-е годы не было. Интерес, вспыхнувший в конце 1980-х и начале 1990-х, если и не сошел полностью на нет, то довольно быстро снизился. Центральное место в новостях в постсоветский период занимают события армяно-азербайджанского противостояния.

Впервые память о репрессиях стала темой телевизионных передач и документалистики в конце 1980-х.

Азербайджанский режиссер Васиф Бабаев вспоминал: *«В конце 1987 впервые в истории отечественного телевидения и кино журналист Надежда Исмаилова и я получили доступ в архивы КГБ Азербайджана благодаря его председателю З.М.Юсифзаде. Ознакомившись с делами репрессированных в 30-е годы лучших сынов и дочерей нашей земли, мы создали цикл передач о Микаиле Мушвице, Рухулле Ахундове, Аббас-Мирзе Шарифзаде, Ульви Раджабе, Салмане Мумтазе и многих других»*⁴⁰.

⁴⁰ Бабаев В. Моя жизнь без телевидения и кино невозможна // СССР: плюсы и минусы /сост. Б.Багирзаде. Баку: Шарг-Гарб, 2013. С.193.

Наиболее масштабный проект состоялся в 1999 г., когда на экраны вышел документальный фильм в четырех частях «Красный террор, или Мирджафар Багиров»⁴¹. Автором фильма была Мехрибан Алекперзаде. Фильм транслировался на телеканале Spase TV. Много внимания в нем уделяется причастности Багирова к репрессиям. В первых двух частях нет положительного образа Багирова: он хотя и жертва, но в то же время сам был убежденным сталинистом. Авторы рассказывают о том, что он сам выбирал в приближенные армян, которые впоследствии его и предали. Естественно, багировская политика подбора кадров в фильме критикуется. Мы видим визуальное воплощение все того же дискурса о значимости его роли в репрессиях, но виновата все-таки система, и любой, будучи на его месте, совершал бы те же поступки. Консультантами в фильме выступили известные историки Ирада Багирова и Эльдар Исмаилов.

Значительная часть визуального нарратива построена в фильме на интервью с членами семей репрессированных.

В третьей части ленты появляется прокурор Идрис Аскеров, по мнению которого Багиров пытался спасти многих представителей интеллигенции. Из материалов судебного дела всплывает, например, имя поэта Самеда Вургуна, которого якобы тоже предполагалось репрессировать. Багирову приписывается утверждение, что от него этого требовали, *«но я любил его как поэта, поэтому не позволил»*. Писательница Ульвия Бабаева вспоминает слова титулованного советского поэта Сулеймана Рустамма, сказанные им о Союзе писателей Азербайджанской

⁴¹ Ələkbərzadə M. Qirmizi terror və ya Mircefer Bağirov. 1999 (http://siazanli.ucoz.ru/load/dokumentalnyj/qirmizi_terror_ve_ya_mircefer_bagirov_krasnyj_terror_ili_mirdzhafar_bagirov/10-1-0-1002).

ССР, что это не Багиров их уничтожил, но они сами себя – доносами и пр.

Появляющийся в фильме юрист Ибрагим Исмаилов приводит цифру репрессированных в 50 тысяч, но не указывает конкретно, о каких годах идет речь. Вместе с аккуратным оправданием Багирова в фильме осуждается как «палач и предатель» Алигейдар Караев. Вновь звучит знакомое мнение, теперь от юриста, о том, что Багиров был достойным человеком, но к репрессиям в среде интеллигенции привело то, что он приблизил к себе армян. Как правило, положительная оценка Багирова звучит, когда возникает тема возможной депортации всех азербайджанцев из Азербайджана в 1941 и 1945 гг. Депортацию же азербайджанцев из Армении Багиров не предотвратил, так как не мог *«пойти против Сталина»*. Некую символическую компенсацию авторы фильма усматривают в том, что Багиров выставил за пределы Азербайджана Мариэтту Шагинян и потребовал от Союза писателей, чтобы его члены подготовили критические рецензии на ее работы.

В заключительной, четвертой части предпринимается попытка понять Багирова. Перед зрителями предстает справедливый правитель, выходец из религиозной семьи сеидов, вынужденный публично заявлять о себе как об атеисте. Историк Эльдар Исмаилов критикует точку зрения некоторых исследователей, считающих, что Багиров не был этническим азербайджанцем и этим объясняется жестокость репрессий. Впрочем, в фильме дано слово и Ильмазу Ахундзаде, сыну репрессированного поэта Ахмеда Джавада: *«Я сомневаюсь, что он тюрк из-за того, что он сделал со своим народом и приблизил к себе армян. Ни один азербайджанец такого бы не сделал»*. Сильной позитивной стороной всегда является рассказ о сыне Багирова, героически погибшем на войне. В завершение

автор фильма все-таки приходит к выводу, что Багиров остается палачом и «врагом номер один» азербайджанского народа, но он всего лишь «продукт своего времени».

Что касается печатных и электронных СМИ, то с начала 1990-х появилось только несколько публикаций на интересующую нас тему. В большинстве это рассуждения авторов о роли все того же Багирова. И здесь представлен самый широкий спектр оценок – от осуждения до оправдания. Но в целом оправдание доминирует. Как правило, жертвы репрессий вспоминаются в публикациях, посвященных деятелям культуры, не пережившим сталинский террор. Можно вспомнить только несколько статей, опубликованных в последние годы, в которых говорится о необходимости глубинной оценки и пересмотра политики памяти в отношении истории политических репрессий. В основном это тексты немногих правозащитников.

В 2007 г. новостной сайт «Кавказский узел» разместил материал, составленный по результатам интервью с несколькими правозащитниками. Эльдар Зейналов говорит о необходимости создания музея жертв коммунистических репрессий и осуждает невнимание властей к этой теме. Лейла Юнус актуализирует тему политических репрессий, перенося ее в современный контекст: репрессии продолжаются, и поэтому оценка сталинского террора так важна. В своих последних выступлениях в СМИ правозащитница часто проводит прямые аналогии между современными политическими репрессиями и сталинскими, утверждая, что современный режим еще «страшнее». Уже знакомый нам историк Эльдар Исмаилов высказал удивление, что в Азербайджане так и не появился памятник жертвам политических репрессий. В целом материал, опубликованный под громким заголовком «*В Азербайджане общественность требует установить памятник жертвам политических репрессий*», отражает только

точку зрения очень немногочисленных интеллектуалов и представителей гражданского общества⁴². В 2012 г., в канун Дня памяти 30 октября, те же идеи вновь озвучил в интервью теперь уже газете «Эхо» тот же Эльдар Зейналов⁴³. Столь малое внимание СМИ к проблеме политических репрессий демонстрирует отсутствие в современном Азербайджане интереса к истории сталинского террора.

* * *

Трудно поверить, что в ближайшие годы интерес к истории политических репрессий обретет в Азербайджане второе дыхание. Даже в годы наиболее активных дискуссий не было предпринято никаких шагов для официального утверждения дня поминовения жертв или установки мемориала. Никаких попыток обнаружения мест массового захоронения также не предпринималось. Главная проблема состоит в постепенно все более укрепляющейся тенденции оправдания репрессивного режима и его руководителей. Подобные дискурсы оправдания конструируются через этнизацию причин репрессий. В современной ситуации именно такие дискурсы оказывают все большее влияние.

⁴² См.: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/126414/>

⁴³ Алекперова Дж. Историческое беспомыслие Азербайджана (газета «Эхо», от 31.10.2012; <http://109.127.8.247/article.php?aid=29291>).

Грануш ХАРАТЯН,
кандидат исторических наук,
Институт археологии и этнографии
НАН РА

Реабилитационный ли закон РА «О репрессированных лицах» и кто такие репрессированные в Армении

Политические репрессии в социалистической Армении, соотношение их с общими процессами политических репрессий в СССР, особенности по форме и содержанию, общая социальная атмосфера изучены очень слабо, даже число репрессированных лиц выявлено лишь приблизительно.

Это обусловлено прежде всего ситуацией, которая сложилась в Армении к моменту развала СССР. Обострение армяно-азербайджанских отношений в связи с Карабахским конфликтом, аресты активистов движения за воссоединение НКАО и Армении, последствия страшного спитакского землетрясения в декабре 1988 г., бесконечный поток беженцев из Азербайджана после погромов в Сумгаите, Кировабаде и Баку в 1988–1990 гг., начавшаяся война, блокада Армении со стороны Турции и Азербайджана, долгий энергетический кризис, развал экономики и т.д. отодвинули на задний план волнующие всех граждан СССР вопросы переоценки политического режима недавнего прошлого. Пока в республиках бывшего СССР живо обсуждали вопросы реабилитации жертв коммунистического режима, люстрации, думали о способах предотвратить возникновение новых репрессивных режимов,

в Армении при свете керосиновых ламп обсуждались вопросы обустройства беженцев, депортированных, жертв землетрясения в условиях развала экономики, блокады, энергетического кризиса и войны. В те годы практически невозможно было работать в замерзших, неотопливаемых зданиях архивов и библиотек, хотя архивы КГБ раскрылись в начале 1990 г. по указанию первого министра национальной безопасности независимой Армении Усика Арутюняна, семья которого также была жертвой депортации 14 июня 1949 г.

К двум художественным произведениям на армянском языке, опубликованным на излете хрущевской оттепели (Армен М. Поручено передать вам. Ереван, 1964; Хандамурян Г. Куда везет поезд? Ереван, 1964), в годы перестройки прибавилось немного мемуаров жертв репрессий – рукописей, остававшихся «в ящиках столов», и несколько не богатых источниками исследований¹. Естественно, в этих публикациях не обсуждались ни вопрос о характере политических репрессий, ни тем более проблемы реабилитации.

В 1993–1996 гг. Арменак Манукян (к.и.н., полковник КГБ) опубликовал в газетах (армяноязычной «Айастани

¹ Маари Г. Цветущая колючая проволока. Ереван, 1988 (на арм. яз.); Ханзадян С. Кровавый занавес еще не порвался // Гракан терт. 1989. 17 февр. (на арм.яз.); Алазан В. По пути мучений // Гарун. 1989. № 1 (на арм.яз.); Кочинян А. За колючей проволокой // Гарун. 1989. № 3. С.47–50 (на арм.яз.); Камалян Р. Вариант ссылки // Гракан терт. 1989. 16 июня (на арм. яз.); Газарян С. Это не должно повториться : Документальная повесть. Ереван, 1990; Вирабян А. Массовые депортации в Армении в 1949 г. // Ерекоян Ереван. 1988. 20 июня; Коммунист. 1989. 16 июня (на арм. яз.); Вирабян А. Документы о высылке 1949 г. // Вестник архивов Армении. 1990. № 3. С.68–76 (на арм. яз.); Захарян К. Раздел Армении, большевизация и красный террор // Республика Армения. 1990. 29 ноября; Степанян Ст. Армянская Апостольская Церковь во время сталинского тоталитаризма. Ереван, 1993 (на арм. яз.); Гаспарян Д. Секрет закрытых дверей. Ереван, 1994 (на арм.яз.); Чглян Г. На родину – в Сибирь: Подавленное восстание (документальные эссе и походные записи). Ереван, 1994 (на арм.яз.); Тер-Погосян Э. Свобода опоздала на целую жизнь. Алматы, 1997; Базарян М. Письма из советского «рая» (об иммиграции и иммигрантах). Ереван, 1997 (на арм.яз.) и др.

Анрапетутюн» и русскоязычной «Республика Армения») поименные списки репрессированных в 1930–1938 гг. В 1999 г. этот же автор в предисловии к книге «Политические репрессии в Армении в 1920–1953 гг.» предупреждал, что «необходимо учитывать, что в архивах КГБ не отделены дела политически репрессированных. В этих списках находятся также дела осужденных по обвинению в шпионаже, измене родине, за незаконный переход границы, в бандитизме, большинство из которых нельзя причислить к жертвам политических репрессий, тем более, что часть из них не реабилитированы даже в наши дни»².

К сожалению, неопределенность в понимании того, кто же является «политически репрессированным», в определенной степени сохраняется по сей день. В 1920–1930-е годы обвинения в «бандитизме», «шпионаже», «измене родине» чаще всего были ширмой для политических репрессий в отношении как бывших политических противников, так и оборонявшихся против турецких регулярных войск и мусаватистских банд граждан, которых чаще всего причисляли к «дашнакам», «бандитам», «националистам». Так, например, в 1927 г. к лишению свободы сроком на 10 лет были приговорены Вааг Мурадян, Микаел Додохян, Григор Хачатрян и Григор Ерамов – за то, что они «в дашнакское время вели активную контрреволюционную деятельность и шпионаж в пользу англичан»³. «В дашнакское время» – это, конечно, 1918–1920 гг., годы правления партии Дашнакцутюн в первой Республике Армения.

Судебные решения 1920–1930-х годов в отношении «врагов народа – контрреволюционеров» со ссылкой на «дашнакское время» были столь обычны, что до сих пор

² Манукян А. Политические репрессии в Армении в 1920–1953 гг. Ереван, 1999 (на арм.яз.).

³ Там же. С.15–16.

потомки некоторых приговоренных убеждены в справедливости этих приговоров. Дед одного из моих респондентов из Капанского района Армении был приговорен к смертной казни в 1928 г. «не то как кулак, не то как маузерист, не то как антисоветский»: «Защищал он наших сельчан, защищал жителей соседних сел, когда нападали турки, всегда приходил на помощь. Все знали, что Патвакан (так звали деда) все бросит и пойдет помогать». На мой вопрос «А подали ли вы заявление на реабилитацию деда?» ответил: «А что подавать, я и так знаю, что его судили за дело. Он действительно воевал против турок. Правда, он жил в деревне, занимался хозяйством, но у него были грехи. По большевистским законам грех было воевать против турок. Он был десятником Нжде⁴, а Нжде ведь воевал против большевиков и турок». Этот человек (и таких немало) убежден, что раз судили «по закону» (по какому закону?), то нет смысла ворошить прошлое. Участники Сардарapatской битвы⁵, героически сражавшиеся, спасая родину, тщательно скрывали этот эпизод в своей биографии: ведь сразу после советизации Арме-

⁴ Гарегин Нжде, Гарегин Тер-Арутюнян (1886–1955), армянский политический, военный и государственный деятель. Не признал соглашение о «временном перемирии», которое дашнакские власти Республики Армения были вынуждены заключить с Советской Россией 10 августа 1920 г. и по которому Армения практически отказывалась от Зангезура, Карабаха и Нахичевани, и продолжал возглавлять оборону Зангезура. После установления советской власти в Армении (2 декабря 1920 г.), Нжде созвал 25 декабря 1920 г. съезд зангезурцев и провозгласил «Автономную Сюникскую Республику». Советские власти это событие объявили «зангезурской контрреволюцией». 9 июля Нжде вместе со многими своими соратниками перешел границу и ушел в Иран. Оставшиеся на родине повстанцы подвергались тяжелым политическим преследованиям и репрессиям. Сам Нжде был арестован в Болгарии советскими чекистами после Второй мировой войны и 24 апреля 1948 г. особым совещанием при МГБ СССР приговорен к 25 годам тюремного заключения.

⁵ Сардарapatская битва – сражение 21–28 мая 1918 г. в районе железнодорожной станции Сардарapat (ныне город Армавир, Армения) между армянскими регулярными воинскими частями и ополченцами, с одной стороны, и вторгшимися в Восточную Армению турецкими войсками – с другой.

нии большевики арестовали весь офицерский состав и в начале 1921 г. многих убили в тюрьмах, а других сослали.

И в конце XX в. господствовало мнение, что преследования были вызваны «существованием дашнакской опасности»⁶ (несмотря на то, что в 1923 г. жалкие остатки партии Дашнакцутюн созвали съезд, осудили самих себя и объявили о самоликвидации). Даже в начале XXI в. многие мои респонденты в качестве доказательства несправедливости казни того или иного их предка, говорили, что он не был и не мог быть дашнаком. Это показывает, что в массовом сознании Армении инакомыслие продолжает считаться «грехом»; преследование дашнаков было правильным, а казнь моего предка несправедлива, ибо он не был дашнаком (троцкистом, националистом), а политические репрессии советского режима оправданы необходимостью.

По сведениям А. Манукяна, за 1920–1953 гг. в Армении политическим репрессиям подверглись 41 646 человек. За 1920–1930 гг. по политическим обвинениям были репрессированы 2646 человек (из них приговорены к разным срокам лишения свободы, расстрелу, ссылке 1246 человек, 1400 бывших военных сослали в Россию, в Рязань). За 1930–1940 гг. репрессированы 18 000 человек, за 1940–1953 гг. – 21 000⁷. Других исследований по этому вопросу на сегодняшний день нет.

До сих пор не исследовано сложившееся в обществе отношение к репрессиям, к самим репрессированным и к родственникам разного рода «контр-» и «анти-»: «контр-революционеров», «антисоветчиков», «антигосударственников», «чуждых элементов», «антисталинистов», «анти-

⁶ Манукян А. Указ.соч. С.12; Дашнаки и советские власти : Сб. документов и материалов / отв. ред. и сост. проф. Ж.Газахеян. Ереван, 1999 (на арм.яз.).

⁷ Там же. С.229–239;

колхозников», «бандитов», «шпионов», «националистов», «дашнаков», «социально опасных лиц», «кулаков», «мазуеристов», «троцкистов» и «правых троцкистов», «вредителей», «террористов», «тунеядцев» и прочих «врагов народа». Эти слова взяты не из приговоров, а из рассказов осужденных, сохранившихся в памяти второго-третьего поколения. Многие из потомков даже не знают, по каким конкретно статьям Уголовного кодекса обвинялись их родственники.

Совсем недавно четырьмя этнографами предпринята попытка исследовать общественное восприятие политических репрессий XX в. по индивидуальным воспоминаниям и семейным историям.

При всех оговорках о степени фактической точности рассказов людей, полевые материалы показывают, что относительно масштабов репрессий есть определенная нестыковка воспоминаний с архивными материалами. Например, по данным А. Манукяна, из Капана, одного из южных районов Армении, за 1920–1930 гг. по политическим мотивам осудили 21 человека⁸. В этом районе я лично записала 15 семейных историй у потомков репрессированных. В четырех из 15 семей репрессии начались до 30-х годов, в одном из рассказов дело закончилось расстрелом в 1930 г. по приговору суда, во втором – расстреляли советские пограничники при попытке к бегству (таких случаев было много, но они не отражены в архивных документах и судебных делах), в третьем случае семья не уверена – скончался ли их дед в тюремной больнице в 1929 г. или расстрелян, в четвертом случае – обвиняемый был сослан в город Гурьев (Казахстан).

«Герасим Атаджанян родился в 1889 г. в деревне Гюткум. В 1918–1920 гг. был активным участником самообо-

⁸ Там же. С.12.

роны. В 1920 г. вместе с Нжде ушел в Персию, но вскоре вернулся и, скрываясь, жил в лесу <...> его преследовали как террориста. Но на самом деле он не был террористом. Ночью приходил в деревню, днем уходил в леса. Причем в те леса, где была мельница [моего] деда, а позднее отца <...> Мать Герасима ходила на эту мельницу, брала с собой бахардж [пресный хлеб], сыр, чеснок, лук, будто идет в лес за дровами, чтобы в лесу, где ждал ее сын, дать ему эту еду. Большевики уговаривают Герасима, говорят: приходи, сдайся, мы тебе ничего не сделаем. При этом они идут к Герасиму домой <...> Герасим приходит, добровольно сдается <...> Но здесь его арестовывают, везут в Горис. По дороге он сумел убежать и снова уйти в Персию. Снова тайком вернулся и в 1929 г. при попытке перейти границу через реку Аракс погиб от выстрелов советских пограничников»⁹.

Таких историй в Капане – десятки.

Рассказывает респондент Н.Овсепян: «Мой отец – Николай Осипов – очень известный в Зангезуре человек. Несмотря на то что никогда не был партийным, был на высоких административных должностях¹⁰. Моего отца арестовали в 1929, а расстреляли в 1930 г. Расстреляли его в Шорин дзоре [местность в окрестностях города Гориса], где расстреливали многих. Моего отца увели на расстрел с группой. Видимо, не похоронили нормально, так как на следующий день после расстрела дожди смыли тонкий слой земли и трупы расстрелянных вышли наружу. В следующую ночь мой дед, мамин отец, там же тайком похоронил труп отца».

О групповых расстрелах того времени (да и в 30-е годы) именно в Шорин дзоре ходили ужасные слухи – что

⁹ <http://armeniatotalitaris.am/?p=4318&lang=ru>

¹⁰ В 1919 г. Николай Осипов был главой, мэром города Гориса.

там якобы каждую ночь расстреливают людей без суда и приговора. Говорят, там до сих пор люди наталкиваются на человеческие кости. Вполне возможно, что слухи эти преувеличены, но расстрелы там были, и до сих пор это место в Горисе считается проклятым.

Известны факты расстрела людей без суда и следствия, по сути, убийства так называемых бандитов – скрывающихся в лесах вчерашних защитников Зангезура. И сведений об этом не найти в архивах КГБ и МВД.

По моему мнению, число фактически репрессированных с 1920 по 1930 г. намного превышает цифру 1246 человек.

Кроме того, имели место другие ограничения прав людей. В очень интересной книге о репрессиях в Капанском районе Г.Смбатяна, директора краеведческого музея Капана, основанной на архивных материалах и на устных источниках, приведен список «лишенцев»¹¹ (по-армянски «ձախկազմազրկ», буквально: лишенный голоса, бессловесный). За что же людей лишали голоса? Не за какие-то «действия», просто за бывшее или нынешнее социальное положение и/или вид работы. Вот основные термины, фигурирующие в их делах: «политический ссыльный», «жена политического ссыльного», «десятник», «десятник села», «торговец», «частный торговец», «бывший торговец», «жена торговца», «бывший офицер и комендант Нжде», «хмбапет» (арм.; букв: руководитель группы), «царский офицер, начальник дашнакской армии», «лидер

¹¹ Лишенец – неофициальное название граждан, лишенных избирательного права (не выбирает и не может быть избранным). «Лишение» проводилось по определенным категориям, составленным из соображений возможной опасности данных категорий людей для большевистской власти; по сути формировалось деление на «своих»–«чужих». К категории «лишенцев» причисляли использующих наемный труд и прочих «живущих на нетрудовые доходы» (сюда же относились торговля, религиозная деятельность и пр.).

в гражданской войне по борьбе против советской власти», «помещик», «бывший помещик», «антигосударственный пропагандист», «эксплуататор», «эксплуататор работника по найму на мельнице», «принудитель» (?), «живущий нетрудовыми доходами», «священник», «бандит», «отец бандита», «состоит под опекой», «религиозный фанатик», «занимающийся магией», «находится на попечении священника», «имеет контакт с лишенцем голоса» и т.д.¹² Список лишенцев из 34 сел и города Капана включает 404 человека, права голоса они лишились с 1925 по 1929 г., главным образом в 1928 и 1929 гг. Следует добавить, что больше всего «лишенцев» было в городе Капана – 32 человека, затем идет село Гюткум – 26 человек (в тридцатые годы в этом селе будут репрессированы 42 человека, 13 из которых расстреляны), Срашен – 29 (в тридцатые годы 41 человек репрессирован, 10 расстреляны), Шикаог – 28 (в тридцатые годы 67 репрессированы, 11 расстреляны), Мазра – 19 (в тридцатые 33 репрессированы, 11 расстреляны), Шишкерт – 16 (в тридцатые 34 репрессированы, 6 расстреляны) и т.д.

«Лишенцы», как известно, не имели не только «права голоса». Фактически они лишались права на высшее образование, на вступление в профсоюзы (а в руководство промышленных предприятий и организаций допускались только члены профсоюза), возможности участвовать в любых формах общественной жизни, им не выдавали продуктовых карточек. Поскольку «план по лишению» надо было выполнить, «лишенцами» часто оказывались те, ради кого якобы проводилась кампания, – простые крестьяне и рабочие, проживающие на самые что ни на есть трудовые доходы. Нередко к этой категории причис-

¹² Смбатян Г. По эту сторону железного занавеса. Ереван. 2009. С.454–450 (на арм. яз.). Автор ссылается на фонд 112, с.6, д.367 Национального архива.

ляли лиц, «имеющих контакты с лишенцем». Сколько же было «лишенцев» в Армении в общей сложности – пока неизвестно.

Неизвестно и общее число репрессированных по другим хронологическим периодам. Это необходимо учитывать для исследования вопросов, возникающих в связи с реабилитацией.

Как неизвестно число репрессированных, так неизвестно и число реабилитированных.

Еще до начала реабилитации из мест лишения свободы в Армению вернулись «бериевские амнистированные» (по амнистии 27 марта 1953 г.). К 6 июня 1953 г. их было 5604¹³.

Процесс реабилитации начался в 1954 г. и проходил либо под строгим контролем союзных органов, либо осуществлялся непосредственно ими – никакой инициативы с мест. Процесс сопровождался сильным идеологическим давлением как со стороны Москвы, так и со стороны партийных структур Армении¹⁴.

Так, например, 14 февраля 1954 г. на XVII съезде КП АрмССР было принято постановление, в котором одной из серьезных ошибок бывших руководителей КП Армении в области идеологии называлась «слабая борьба против буржуазной идеологии, в частности, против рецидивов буржуазного национализма»¹⁵. Это несмотря на то, что совсем еще недавно, в начале 50-х годов один из секретарей ЦК Армении З.Григорян учил историков, как с идеологических позиций Компартии раскрыть националистическую сущность дашнаков, «самых ярых врагов армянского народа и агентов англо-американских импе-

¹³ Национальный архив Армении. Ф.1. С.33. Д.33. Л.1–2.

¹⁴ См.: Вирабян А. Армения от Сталина до Хрущева : Общественно-политическая жизнь, 1945–1957 гг. Ереван, 2001 (на арм.яз.).

¹⁵ Там же. С.15.

риалистов»¹⁶, а Бюро ЦК КП Армении поручило обществу отделению Академии наук Армении вскрывать проявления «буржуазно-националистических взглядов у историков и литературоведов»¹⁷. Вторая половина 1951 г. и весь 1952 г. прошли в обсуждениях форм «искоренения буржуазно-националистической идеологии» в научных трудах, клеймились «неправильные» историки, языковеды, литературоведы...¹⁸ Конечно же партийные газеты выходили с передовицами «Искоренить любые проявления буржуазно-националистической идеологии в советской армянской историографии и литературе»¹⁹.

Учитывая, что весь процесс репрессий в Армении изначально был направлен в основном именно против «буржуазного национализма», постановление съезда должно было насторожить тех, кто занимался процессом реабилитации.

Однако на том же XVII съезде Компартии Армении был поднят и вопрос о пересмотре дел приговоренных в 1936–1937 гг., а также сосланных в Алтайский край в 1949 г.

В соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) 1949 г. о выселении дашнаков из Армении в Алтайский край были вывезены свыше 15 000 человек.

5 июня 1954 г. секретарь ЦК КП Армении С.Товмасян обращается в ЦК КПСС по вопросу этих переселенцев. Он сообщает, что из мест ссылки получены жалобы более 14 000 человек. Из пересмотренных 250 дел по 127 вынесено оправдание, однако в МВД СССР обсуждение и решения по делам затягиваются месяцами. С августа 1953 г. в МВД СССР посланы 174 дела, из которых за год

¹⁶ Советакан Айастан. 1951. 24 сентября (на арм.яз.).

¹⁷ Вирабян А. Указ.соч. С.224, 152.

¹⁸ Там же. С.134–155.

¹⁹ Советакан Айастан. 1953. 9 января.

рассмотрены только три. С.Товмасян предлагает обсуждение по делам сосланных в 1949 г. передать Армении²⁰.

9 сентября 1954 г. Генеральный прокурор СССР Р.Руденко, председатель КГБ И.Серов, министры внутренних дел С.Круглов и юстиции К.Горшенко обращаются в ЦК КПСС с предложением передать рассмотрение этих дел в «Комиссию Арм. ССР по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционную деятельность»²¹. 11 сентября ЦК КПСС поручает Комиссии в составе прокурора (председатель), председателя КГБ, министров внутренних дел и юстиции АрмССР по поступившим заявлениям и жалобам пересмотреть дела дашнаков и их семей и освободить из спецпоселений безвинно высланных²².

До 15 августа 1955 г. Комиссия пересмотрела 1015 дел и приняла решение освободить 3074 человека, проходящих по 839 делам.

Освобождали не всех. Как сообщало МВД АрмССР, проверки показали, что в число высленцев попали люди, *не имеющие никаких связей с дашнаками*. Эти люди были сосланы по непроверенным материалам, а при проверке обвинения не подтвердились²³. Из этого следует, что «имеющие связи с дашнаками» (сестры, братья, сыновья, близкие знакомые и пр.) высленцы, если подтверждалась эта связь, не могли претендовать на реабилитацию.

«Кампания» по реабилитации велась довольно робко, с большой оглядкой, параллельно с усилением партийной «самозащиты», что попахивало новыми репрессиями. Параллельно власти применяли разного рода демагогические приемы, сдерживающие процессы реабилитации

²⁰ Национальный архив Армении. Ф.1. Оп.34. Д.61. Л.147.

²¹ Государственный архив РФ. Ф.8131. Оп.32. Д.3286. Л.169.

²² Архив президента РФ. Ф.3. Оп.10. Д.98. Д.123 (А.Вирабян. Диссертация. С.305).

²³ Национальный архив Армении. Ф.1. Оп.33. Д.7. Л.35.

жертв репрессий. Один из наглядных примеров приводит исследователь социально-политической жизни Армении в 50-х годах А.Вирабян. В период подготовки XX съезда КПСС, в 1955 г. инженер-строитель из Еревана Асатур Оганесян написал Первому секретарю ЦК КПСС большое письмо с предложением дать на съезде объективную оценку экономического положения трудящихся, а для этого до съезда провести широкую дискуссию. Письмо из Москвы было направлено в ЦК КП Армении с поручением «обсудить в присутствии автора». 21 октября злочастное письмо обсуждалось на заседании Бюро партии в присутствии представителя ЦК КПСС К.Александрова. Стенограмма заседания, по форме напоминающего допрос, занимает 30 страниц:

«Тов. Товмасян (читает отрывок из письма) – «...скудную зарплату рабочих в 1908» сравниваете с 1940 и 1945 годами. Откуда взяли эти данные?

Ответ – Я взял труды Ленина и проверил. Затем развивал свои мысли.

Тов. Александров – Вы пытаетесь утверждать предположения, что американские рабочие живут лучше, чем советские.

Ответ – Да, правильно.

Тов. Александров – А нам известно, что они живут впроголодь. В магазинах есть товар, а рабочие не могут покупать.

Тов. Товмасян – Значит, мы не построили [социализм]?

Ответ – Руководители говорят, что у нас хорошо. Разве у нас везде хорошо?

Тов. Товмасян – Значит, социализм не построили.

Ответ – Сколько у нас бездомных? Можно ли это называть социализмом?

Тов. Кочинян – Как вы можете компрометировать ЦК партии и правительство? Как вы могли писать такие слова?

Тов. Товмасян – Как вы могли оклеветать такую страну, не имеющую подобных на свете, говоря, что социализм не построен?

Ответ – Я выразил то, что у меня на душе. Если я ошибся, это не повредит партии и правительству. Я выразил только внутреннее состояние».

Бюро ЦК КП АрмССР решило, что «в письме автора содержатся *троцкистские* нападки на партию, клеветнически объявлены нарушенными нормы демократического централизма и ошибочной главная линия партии <...> автор письма вел себя непристойно и утверждал свои антисоветские и клеветнические декларации»²⁴.

Тем не менее 25 февраля 1956 г., в дни XX съезда КПСС, С.Товмасян вновь обращается в ЦК КПСС – с просьбой о реабилитации всех выселенных из Армении в Алтайский край в 1949 г.: «В 1949 г. из Армянской ССР в упрощенном порядке было выселено в Алтайский край 2754 семейства, большинство которых подало заявления о неправильном их выселении. КГБ при Совмине Арм. ССР в результате рассмотрения заявлений выселенных лиц установил явную необоснованность их выселения, и 1057 семейств уже реабилитированы. Учитывая, что пересмотр персональных жалоб требует продолжительного времени, а необходимости в этом нет, ЦК КП Армении просит Вас рассмотреть вопрос о реабилитации всех выселенных из Армении в Алтайский край в 1949 г.»²⁵.

Совсем недавно вышла статья сотрудницы Новосибирского государственного университета Н.Н.Аблажей, в которой она констатирует: «На 1 января 1953 г. численность армянского спецконтингента в Алтайском крае составляла 15 486 человек <...> к июню 1956 г. сняты с

²⁴ Вирабян А. Указ.соч. С.218.

²⁵ Национальный архив Армении. Ф.1. Оп.36. Д.52. Л.43. Отпуск.

учета как спецпоселенцы 1963 семьи, подавшие соответствующие заявления, в том числе 249 семей репатриантов. На 1 января 1956 г. на учете в качестве спецпоселенцев состояло всего 355 «дашнаков», а на январь 1958 г. общая численность армян-спецпоселенцев составляла лишь 152 чел. Оставшиеся спецпоселенцы–армяне были освобождены в августе 1958 г. Часть армян, депортированных в Алтайский край, вернулись в АрмССР во второй половине 1950-х гг., но более тысячи остались на Алтае, положив начало армянской диаспоре»²⁶.

Отчет, посланный в президиум Верховного Совета СССР от республиканской комиссии по выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 г. «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказания за политические, должностные и хозяйственные преступления», свидетельствует о том, что к 4 июля Комиссия пересмотрела 431 дело и были освобождены из мест лишения свободы или реабилитированы 317 человек²⁷.

«Дух свободы» значительно ослаб после XX съезда. Начавшиеся было робкие попытки «самоанализа» и критики партийной линии вскоре стали подавляться. Выступления отдельных членов партии на собраниях в вузах объявлялись антисоветскими, антипартийными, порочащими принципы национальной и внешней политики партии и Советского государства...²⁸ А на майском Пленуме ЦК КП Армении «выступающие против главной линии партии» были объявлены «антипартийными», «отвергаемыми людьми», «рупорами бешеных врагов армянского народа дашнаков», а их выступления – «чистым дашнакизмом»²⁹.

²⁶ Аблажей Н.Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х гг. // Вестник НГУ. 2011. Т.10. Вып.1: история. С.116–121.

²⁷ Национальный архив Армении. Ф.1. Оп.36. Д.53. Л.22.

²⁸ Там же. Д.32. Л.105.

²⁹ Там же. Д.15. Л.25.

Естественно, что в этой атмосфере не только замедлился процесс реабилитации, но и ужесточились критерии. Слова «дашнакцутюн», «национализм», «буржуазный национализм», фигурирующие в приговорах многих осужденных, стали заметно влиять на ход пересмотра их дел.

В феврале 1958 г. Бюро ЦК КП Армении создало проверочную комиссию по делам реабилитации приговоренных невиновных граждан³⁰, которая выявила, что «из-за отсутствия требовательности и необходимых организационных работ по многим делам запаздывает обсуждение архивно-следственных дел больше года»³¹.

Во время проверки оказалось, что с 1956 г. остались нерассмотренными 126 дел на 887 человек, а с 1957 г. еще не пересмотрены 105 дел на 456 человек. Комиссия также отметила, что результатом серьезных недостатков работы КГБ стал большой процент дел с беспочвенным и необоснованным отказом в реабилитации. По рассмотренным КГБ делам из 1579 человек реабилитированы только 642. Из 532 человек, получивших отказы в реабилитации в 1957–1958 гг., 259 подали жалобы в прокуратуры СССР и Армении и были реабилитированы. Комиссия ЦК исследовала 71 дело с отказом в реабилитации и решила опротестовать решения о приостановлении расследования по делам 36 человек; в отношении 71 человека решения об отказе сочла правильными «по политическим мотивам», а 14 дел послала на повторное рассмотрение³². Историк А.Вирабян просмотрел дела 71 человека с отказом в реабилитации «по политическим мотивам» – это в основном бывшие дашнаки и троцкисты³³.

³⁰ Там же. Д.126. Л.5.

³¹ Там же. Л.18.

³² Вирабян А. Указ.соч. С.228.

³³ Там же.

С середины 1960-х годов процесс реабилитации практически свелся к единичным случаям и возобновился лишь в конце 1980-х.

«Закон РА о репрессированных лицах» и динамика изменений в законе за 20 лет

В Армении единственный закон, непосредственно относящийся к политическим репрессиям (если не считать Конституцию и законодательные нормы по правам человека), это «Закон РА о репрессированных лицах», принятый в 1994 г. и с тех пор несколько раз измененный разного рода поправками. Его вряд ли можно назвать законом о реабилитации жертв политических репрессий – скорее он относится к социальным законам. В его тексте нет никакой «философии», в нем не оговаривается ни цель, ни предмет регулирования закона. Не сказано, является ли РА правопреемником Армянской ССР, имеет ли закон целью осудить политические репрессии и предотвратить возможность повторения подобных действий? В законе даже нет самого термина «реабилитация» (либо ее армянского эквивалента – ардарацум).

В первой статье принятого в 1994 г. закона определяется понятие «репрессированный»:

Репрессированным считается постоянно проживающий в Республике Армения гражданин бывшего СССР, лицо без гражданства либо иностранный гражданин, который в период советского строя (начиная с 29 ноября 1920 года) на территории Республики Армения по политическим мотивам был:

а) осужден по статьям 65, 67, 69, а также 206.1 в прежней редакции Уголовного кодекса Армянской ССР 1961 года или по другим статьям того же содержания

Уголовного кодекса Армянской ССР 1927 года, преследующим цель подавления или ограничения политического инакомыслия, и в дальнейшем был оправдан;

б) привлечен к уголовной ответственности во внесудебном порядке;

в) подвергнут в незаконном порядке принудительным мерам медицинского характера;

г) выслан с территории бывшего СССР либо лишен гражданства;

д) сослан или выслан как член семьи репрессированного.

В 1998 г. в эту статью были внесены небольшие, но существенные изменения. В частности, из первого абзаца были убраны слова «начиная с 29 ноября 1920 года», а вместо слов «на территории Республики Армения» включена формулировка «на территории СССР». В пункте а) после слов «Уголовного кодекса Армянской ССР 1927 года» добавлено «или соответствующими статьями уголовного кодекса других республик СССР».

Таким образом, закон о репрессированных РА теперь распространяется на всех репрессированных в СССР граждан, проживающих в Республике Армения. Однако репрессированными по этому определению считаются только лица, осужденные по указанным статьям Уголовного кодекса Армении или СССР. Под действие закона не подпадают лица, подвергшиеся преследованиям в административном порядке – по классовой принадлежности (например, кулаки), а также лица, ограниченные в правах и свободах (например, лишённые права голоса). Кроме того, данное в законе определение ограничивается кругом непосредственно репрессированных, обходя стороной их потомков, в том числе детей, оставшихся в результате репрессий без попечения родителей, оказав-

шихся на иждивении родственников либо выросших в детских приютах и переживших все социальное давление, оказываемое на «детей врагов народа». Члены семьи репрессированных, подвергавшиеся различным видам административных и социальных репрессий (лишение голоса, исключение и/или отказ в приеме в комсомольскую организацию, увольнение с работы, лишение собственности, в том числе собственных домов, постоянное наблюдение за их социальными контактами, разрыв родственных отношений, административное давление, направленное на «отказ» от близких родственников, социальная изоляция и пр.), не входят в определение «репрессированные».

Правда, в соответствии со статьей 12 за наследниками первой очереди репрессированного лица признается право пользования социальными льготами, предусмотренными статьями 6 и 7 этого закона, однако сами наследники не считаются репрессированными.

Очевидно, что закон был принят без достаточного исследования проблемы и без общественно-правового анализа всех видов и форм репрессий.

Следующие три статьи закона закрепляют право репрессированных и/или заинтересованных лиц и организаций на публикацию информации о факте репрессий и реабилитации, на восстановление гражданства, а также степеней и званий.

Статья 2. По требованию репрессированного лица, его родственников либо иных заинтересованных лиц или организаций государственные средства информации обязаны в десятидневный срок передать соответствующее сообщение, в котором должны быть указаны имя, фамилия, отчество, год рождения, место рождения репрессированного лица, род занятий до репрессии, ре-

прессировавший орган, сроки репрессии, обвинение, установленное наказание, постановление и сроки освобождения и оправдания.

Остается неясным, относится ли обязанность государства «в десятидневный срок» предоставить соответствующую информацию заинтересованным лицам только к репрессированным в Армении или также к нынешним гражданам Армении, подвергшимся репрессиям в других республиках СССР? Например, в Таджикистане, Эстонии, Грузии и в Азербайджане, тем более что в последнем было немало репрессированных армян, чьи потомки оказались беженцами в Армении.

Статья 3. Гражданство репрессированного лица, лишенного гражданства Армянской ССР и в настоящее время не являющегося гражданином Республики Армения, восстанавливается в порядке, установленном Законом о гражданстве Республики Армения.

Статья 4. Военские, ученые и иные звания и степени репрессированного лица, которых он лишился вследствие репрессии, восстанавливаются соответствующим правомочным органом на основании заявления репрессированного лица, его родственников либо иных заинтересованных лиц и организаций.

В отличие от этих трех статей, сохранивших первоначальный текст, 5-я и 6-я статьи закона неоднократно менялись.

Статья 5. Сроки лишения свободы, отбывания наказания в месте ссылки или высылки репрессированного лица (начиная с 14-летнего возраста), а также сроки применения к нему принудительных мер медицинского характера включаются в стаж, дающий право на трудовую пенсию на льготных условиях по старости или за выслугу лет в трехкратном исчислении.

Лицо, ставшее нетрудоспособным вследствие репрессии, независимо от трудового стажа обеспечивается трудовой пенсией.

По сути, данная статья сильно урезает количество возможных претендентов на социальную компенсацию в виде пенсий жертвам репрессий. Принятый в 1994 г. закон, ставя возрастной ценз для репрессированных (начиная с 14-летнего возраста), исключает большое число тех, кто в детском возрасте находился вместе с семьей на спецпоселении или в ссылке.

Ничего не говорится и об уехавших из Армении репрессированных.

Сегодня в результате принятых 19.03.2012 поправок статья практически утратила содержание, сообщая лишь, что «пенсионное обеспечение жертв политических репрессий осуществляется в соответствии с законодательством Республики Армения»³⁴.

Проблемнее самая важная в этом законе для репрессированных и более или менее работающая 6-я статья:

Статья 6. В случае, если репрессированное лицо, утратившее жилую площадь, нуждается в улучшении квартирных условий, ему по бывшему месту проживания предоставляется по праву собственности земельный участок установленного размера для индивидуального жилищного строительства и выделяется для этой цели на льготных условиях долгосрочный кредит.

Эта статья претерпела много изменений в 1995, 1998, 1999, 2002, 2005, 2006, 2008 и 2013 гг. Изменения были обусловлены как нововведениями в законы о собственности в РА, так и практикой льготных долгосрочных кредитов. Они касались в основном того, где и на каких условиях

³⁴ <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4520&lang=arm>

репрессированные смогут претендовать на земельный участок и на льготные кредиты (в местах проживания на момент репрессии, по месту жительства в последние три года, кроме Еревана, сроки использования данного права и т.д.). В 1998 г. слова «репрессированное лицо» были заменены на «репрессированное в Республике Армения лицо», в результате чего на улучшение жилищных условий на льготных условиях мог претендовать не вообще репрессированный человек, а только репрессированный в Республике Армения и утративший жилую площадь именно в Армении.

Были оговорены также сроки пользования этим правом: земельные участки по праву собственности предоставлялись до 31 декабря 2005 г.

С 1 января 2002 г. формулировки 6-й статьи были вновь изменены. Отныне «в случае, если репрессированные лица нуждаются в улучшении жилищных условий, то лицам, репрессированным с территории Республики Армения, – по бывшему месту их проживания, а лицам, репрессированным из других республик, – в поселениях, установленных Правительством Республики Армения, предоставляется на правах собственности земельный участок установленного размера для индивидуального жилищного строительства и выделяется с этой целью долгосрочный кредит на льготных условиях.

Критерии потребности в улучшении жилищных условий устанавливаются Правительством Республики Армения».

28.02.2005 было внесено новое изменение в многострадальную 6-ю статью, по которому в течении десяти месяцев, вплоть до 31 декабря 2005 г., репрессированным из Армении давалось право получать земельные участки не только в местах их прежнего проживания, но также по месту их постоянного проживания в последние три года

(кроме Еревана). На десять месяцев продлевалось право и лицам, постоянно проживающим в последние три года в Ереване и не получившим до 15 июля 2003 г. земельный участок по праву собственности для индивидуального жилищного строительства. Кроме того, на льготных условиях предоставлялись кредиты не только для индивидуального жилищного строительства, но также для завершения начатого строительства, для приобретения и для ремонта квартир (в том числе в Ереване).

Спустя год, в 2006 г., пунктом г) дополняется первая часть дополнения 2005 г. статьи 6, по которому сроки получения земельных участков по праву собственности для индивидуального жилищного строительства опять продлеваются на год, до 30 июня 2007 г., а при отсутствии земель государственной и общинной собственности земли для репрессированных покупаются из государственного бюджета. В 2008 г. с внесением новых изменений этот пункт был признан потерявшим силу.

В итоге нескольких изменений в 1999 г. к закону была добавлена новая 7-я статья (статьи 7–12 Закона стали соответственно статьями 8-13) следующего содержания:

Статья 7. В расходной части ежегодного проекта Закона Республики Армения «О государственном бюджете» предусмотреть средства для выделения репрессированным лицам по заявкам, поданным в предыдущем году, долгосрочных кредитов на льготных условиях для индивидуального жилищного строительства. Порядок рассмотрения заявок на индивидуальное жилищное строительство, а также порядок выделения кредитов устанавливает Правительство Республики Армения в трехмесячный срок.

В 2010 г. в Национальное собрание РА был представлен проект закона о внесении изменений в порядок пре-

доставления кредитов на льготных условиях репрессированным. Поскольку 279 человек из числа получивших за десять лет кредиты не имеют возможности из-за социальных условий погашать задолженность, то предлагается предоставлять кредиты через обычные банки под залог. Тем самым фактически прекращаются «льготные условия» предоставления кредитов репрессированным лицам. Оказалось, что к 2012 г. кредиты получили лишь подавшие заявления на получение кредитов в 2006 г., а своей очереди ожидали более 300 человек. Правда, преклонный возраст репрессированных и большая смертность сокращают очередь.

Статья 7 (в старой нумерации). Репрессированное лицо освобождается от платы, взимаемой с целью оформления документов в связи с приватизацией квартир, зданий государственного и общественного жилищного фонда Республики Армения.

Двухлетний срок, установленный для бесплатной приватизации квартир, на репрессированных лиц не распространяется.

Статья 8. В течение приватизации государственных предприятий и объектов незавершенного строительства репрессированный гражданин Республики Армения имеет право на один дополнительный сертификат.

Неизвестно, сколько человек из репрессированных воспользовались правом по статьям 7 и 8 и воспользовались ли вообще.

Статья 9. На территории Республики Армения репрессированное лицо имеет право бесплатного пользования всеми видами городского и междугороднего государственного пассажирского транспорта (кроме такси).

В 1997 г. в связи с тем, что транспортный сервис в республике перешел в основном к частным организациям, в эту статью было внесено изменение. Вместо слов «госу-

дарственного пассажирского транспорта» написано «независимо от вида собственности» и добавлено, что для этой цели «выдается денежная компенсация».

Статья 10. Репрессированное лицо имеет право на пятидесятипроцентное снижение квартирной платы и оплаты коммунальных услуг в здании государственного и общественного жилищного фонда Республики Армения, стоимости лекарств (по рецепту).

В 1997 г. в статью 10 в связи с уменьшением числа «зданий государственного и общественного жилищного фонда» также внесена поправка. Отныне «за оплату употребленного газа, отопления, водоснабжения, телефон и радио выдается компенсация в порядке, установленном правительством Республики Армения».

На практике статьи 9 и 10 последние два года вообще не работают.

Статья 11. За являющееся собственностью репрессированного лица конфискованное имущество, уплаченный им штраф или невыплату ему в течение отбывания наказания заработной платы выдается единовременная денежная компенсация в двенадцатикратном размере минимальной заработной платы, установленной законодательством Республики Армения.

Очень убогая статья. На момент принятия закона минимальная заработная плата в Армении составляла 540 драм (с января 1995 г.), и вся компенсация была в пересчете чуть меньше 20 долларов. Даже сейчас эта сумма составляет менее 1500 долларов. В законе не оговаривается, почему не предусмотрен, например, возврат имущества хотя бы в том случае, если это имущество в виде недвижимости уцелело.

Статья 12. Наследники первой очереди репрессированного лица, приговоренного к смерти, а также умершего во время отбывания наказания в виде лишения

свободы или после отбывания наказания, пользуются льготами, предусмотренными статьями 6 и 7 настоящего Закона.

Социальными правами, перечисленными в «Законе РА о репрессированных лицах», могут пользоваться те, кто получил специальное свидетельство. Оно выдается особой Комиссией по делам репрессированных лиц, созданной 29 ноября 1994 г. в рамках Государственного управления национальной безопасности (теперь – Служба национальной безопасности). Свидетельства выдаются после представления решения о реабилитации или других документов, подтверждающих факт репрессии, и имеют два вида – статус репрессированного и статус «наследник репрессированного первой очереди»³⁵. По статье 535 Гражданского кодекса РА наследниками первой очереди являются дети (в том числе усыновленные) репрессированного, супруг и родители (в том числе усыновители), а также ребенок, который родился после смерти репрессированного. По решению Правительства РА (№ 551 от 29 ноября 1994 г.) свидетельства «наследника репрессированного первой очереди» выдаются в том случае, когда репрессированный был приговорен к смерти или скончался во время или после отбытия наказания.

По данным на сентябрь 1999 г. комиссия выдала свидетельства 14 459 лицам. Из них 6189 человек получили свидетельства о статусе репрессированного, а 8270 человек – о статусе наследника репрессированного³⁶. По данным общественной организации «Ушаматян», в 2013 г. в Армении было 3500 репрессированных.

³⁵ <http://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=5562>

³⁶ Манукян А. Указ.соч. С.241.

Законодательство об архивах

Первый закон об архивах в Республике Армения – Закон «О национальном архивном фонде» – был принят 17 ноября 1997 г. Но 8 июля 2004 г. он был заменен законом «Об архивном деле».

В первом из этих законов в 6-й главе в статье 18 (Порядок использования документов Национального архивного фонда Армении, являющихся государственной собственностью) говорилось: «Переданные на временное или постоянное хранение документы Национального архивного фонда Армении, являющиеся государственной собственностью, выдаются для использования без ограничений, если они не содержат государственную и служебную тайну».

Новым же законом предусмотрены ограничения доступности архивных материалов. В главе 7 (Доступ к архивным документам и их использование), статье 22 (Ограничение доступа к архивным документам) предусмотрены три случая ограничений:

1. Доступ пользователя к архивным документам может быть ограничен в соответствии с настоящим Законом, законодательством Республики Армения, международными обязательствами Республики Армения, а также в соответствии с решением собственников архивных документов, считающихся собственностью юридических и физических лиц.

2. Ограничивается доступ к архивным документам (независимо от права собственности на них), содержащим сведения, составляющие государственную, служебную и иную охраняемую законом тайну, а также к подлинникам уникальных и особо ценных документов и документам Архивного фонда Республики Армения, находящимся в неудовлетворительном состоянии сохранности. Огра-

ничение доступа к архивным документам, содержащим сведения, составляющие государственную, служебную и иную охраняемую законом тайну, отменяется в установленном законом порядке.

3. Ограничение доступа к использованию архивных документов, содержащих сведения о личной и семейной тайне человека, устанавливается на срок 100 лет со времени их создания, если законом не предусмотрено иное. С письменного разрешения человека, а после его смерти – его наследников или на основании решения суда архивные документы, содержащие сведения о личной и семейной тайне человека, могут становиться доступными ранее 100-летнего срока со времени их создания.

По интересующей нас тематике самым важным представляется третий пункт ограничений доступности архивных документов «на срок 100 лет со времени их создания». Что же именуется «архивными документами, содержащими сведения о личной и семейной тайне человека»? В соответствии с пунктом 5 статьи 3 Закона РА от 8 июня 2004 г. «Об архивном деле» таковыми считаются «архивные документы, содержащие информацию, относящуюся к тайне личной и семейной жизни человека – архивные документы, содержащие сведения о состоянии здоровья, семейных и интимных отношениях, об обстоятельствах рождения, усыновления, вступления в брак и развода, личных данных, личной переписки и корреспонденции, нотариальных сделках, имущественном праве, источниках доходов физического лица».

Именно на основании этого пункта в Армении Национальный архив и другие архивы не допускают исследователей к следственным и даже реабилитационным делам репрессированных без драгоценного письменного разрешения самого репрессированного или его прямых

наследников. Более того, даже при таком разрешении ограничивается возможность рассмотрения всего следственного дела, так как там могут оказаться материалы о других физических лицах (давших показания или упомянутых репрессированными в своих показаниях), и выдаются только по решению суда. Это при том, что определение «архивных документов, содержащих сведения о личной и семейной тайне человека» не включает сведения о судимости и судебные документы.

Таким образом, не успели в Армении приступить к исследованию политических репрессий, как в 2004 г. эти возможности резко сократились.

Тем не менее я бы хотела коротко остановиться на некоторых фактах из истории репрессий в Армении, выявленных как другими исследователями, так и нашими полевыми материалами.

В СССР выселение армян по национальному признаку началось еще в конце 30-х годов. Известно, что «в 1939 г. из Азербайджана в Казахстан были выселены курды, армяне и турки»³⁷. Затем последовали высылки хемшилов (хемшенских армян) и армян вместе с некоторыми народами Крыма и Краснодарского края в 1942 и 1944 гг. Армян «по национальному признаку» выселяли также из Башкирии.

1949 год – выселение или депортация?

Репрессии 1949 г. в Армении в литературе не рассматриваются как этническая депортация. В известных российских исследованиях о депортации народов СССР депортация армян во время войны и в послевоенные годы также упоминается лишь вскользь. Больше гово-

³⁷ Сталинские депортации 1928–1953 / под общ. ред. А.Н.Яковлева. М., 2005. С.77.

рится о депортации крымских армян вместе с другими депортированными народами Крыма и так называемых хемшилов/хемшинов, которые подпали под определение «спецпоселенцы». По указу ПВС от 26 ноября 1948 г. и 9 октября 1951 г. «на спецпоселении они оставляются навечно, без права возврата к прежним местам жительства. За побег предусматривалось уже не 8, а 20 лет, да к тому же не тюрьмы, а каторги»³⁸. Об этом пишет и Павел Полян, перечисляя группы, подпавшие под категорию «спецпереселенец»: «Кроме семи тотально депортированных народов указ 1948 года распространялся также и на крымских греков, болгар и армян, турок-месхетинцев, курдов и хемшилов, а также на высланных в 1949 году из Прибалтики. Все эти категории получили новое статусное наименование «выселенцы»: с каждого выселенца сотрудник МВД брал расписку об ознакомлении с этим указом»³⁹. Следует добавить, что «выселенцами» оказались не только высланные в 1949 г. из Прибалтики, но также подпавшие под категорию «с Черноморского побережья», депортированные в том же 1949 г. в количестве 57 680 человек⁴⁰. «Термин “Черноморское побережье” в данном случае условное обозначение, фигурировавшее в документации Отдела спецпоселений МВД СССР. В 1949 г. было осуществлено выселение из Грузинской, Азербайджанской, Армянской ССР, Северного Кавказа и с Черноморского побережья (Одесса и Крым)», – поясняет В.Земсков⁴¹. По сути, это была этническая депортация, по крайней мере в отношении греков и армян.

³⁸ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ – народы в эшелонах, 20–60 годы. М., 1998. С.236.

³⁹ Полян П.М. Не по своей воле... : История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С.145.

⁴⁰ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С.166.

⁴¹ Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные : Статистико-географический аспект. Сноска 13; http://www.pereplet.ru/history/Author/Russ/Z/Zemskov/Articles/HI_USSR.HTM#3-11

4 апреля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР». Аналогичное решение было принято 11 апреля того же года в отношении армян-дашнаков, проживавших в Грузии. 17 мая 1949 г. датировано решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О выселении греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство»⁴².

За этими решениями последовал приказ министра государственной безопасности СССР от 28 мая 1949 г. № 00183 «О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков с семьями с территории Грузинской ССР, Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Черноморского побережья».

Затем последовало постановление Совета Министров СССР № 2214-856сс от 29 мая 1949 г. «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря», подписанное Сталиным, которое предусматривало высылку с вышеупомянутых территорий «дашнаков», турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принявших советское подданство, лиц, имеющих греческое подданство, бывших грекоподданных, имеющих советское гражданство»⁴³. И хотя в этих

⁴² Сталинские депортации, 1928–1953. С.665.

⁴³ Там же. С.668.

документах армяне не упоминаются, изначально очевидно, что «дашнаки» – это армяне.

Н.Н.Аблажей отмечает, что «в современной российской историографии вопросы послевоенных перемещений армянского населения рассматриваются фрагментарно, более того, послевоенная репатриация и депортация 1949 г. интерпретируются как два самостоятельных сюжета. Ряд исследователей оценивают послевоенные депортации с Кавказа в контексте укрепления “южных границ” по аналогии с депортациями конца 1930-х годов, другие трактуют послевоенные депортации в контексте этнических и социальных “чисток”⁴⁴. В другой статье тот же автор пишет: «В середине 1949 г. ряды армян-спецпереселенцев вновь пополнились. Постановление Совета Министров СССР № 2214-856сс от 29 мая 1949 г. “Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря” специально оговаривало существование особой категории – “дашнаков”, к которым были отнесены все лица армянской национальности. Депортированные относились к категории выселенных навечно и квалифицировались как «выселенцы». 2 июня 1949 г. был издан приказ МВД СССР № 00525 “О порядке направления на спецпоселение выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря”, на основании которого и осуществлялась сама депортация. Из общего числа выселенных по данному постановлению (57,7 тыс. чел.) армяне составили чуть больше четверти. В дополнение к вышеперечисленным решениям 5 июня 1949 г. принимается особое решение о депортации армян

⁴⁴ Аблажей Н.Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х годов. С.117.

с турецким, греческим и советским гражданством или без гражданства <...> Депортация армян осуществлялась на основании приказа МВД СССР № 00525 и внутренней инструкции от того же числа, адресованной конвойным войскам и Отделу спецпоселений МВД СССР. Главными управлениями МВД и МГБ СССР были приняты меры к усилению охраны государственной границы в районах выселения. Основные мероприятия по выселению осуществлялись в ночь с 13 на 14 июня 1949 г. Распоряжением Совета Министров СССР № 11897рс от 30 июня 1949 г. утверждался план размещения и устройства данной категории спецпереселенцев в районах вселения. Еще одно специальное решение по дополнительной высылке армян было принято МВД СССР 21 сентября 1949 г.»⁴⁵.

Спецпереселенцы должны были быть конвоированы «по железным дорогам и водным путям» в следующие регионы:

в Алтайский край	дашнаки	3620 семей	13 000 человек
в Томскую область	турки	1500 семей	5400 человек
в Джамбульскую область	греки	6000 семей	21 600 человек
в Южно-Казахстанскую область	греки	1500 семей	5400 человек

Несмотря на обилие категорий («дашнаки», «турецкие граждане», «турки, не имеющие гражданства», «бывшие турецкие граждане, принятые в советское гражданство», «греческие подданные, не имеющие в настоящее время гражданства», «бывшие греческие подданные, принятые

⁴⁵ Аблажей Н.Н. Депортация армян в Алтайский край в 1949 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С.47–48. Автор ссылается на Архив ГУВД по Алтайскому краю. Ф.8. Д.4 (поэшелонные списки). Л.2.

в советское гражданство»), как видим из приведенного списка, вышеупомянутое постановление имело явно этнический характер и касалось, по сути, трех групп – армян (дашнаки), турок и греков.

«Приказ МВД СССР № 00525 об обеспечении перевозок выселенцев регламентировал посадку выселенцев в вагоны строго по национальным контингентам <...> На территории Алтайского края, куда летом 1949 г. направлялись одновременно два национальных спецконтингента – из Молдавии и Армении, в это время размещались 162 спецкомендатуры для обеспечения учета, режима и надзора за спецпоселенцами, численность которых превышала 100 тыс. чел. <...> 14 июня 1949 г. тринадцать эшелонов с армянским спецконтингентом были одновременно отправлены с нескольких узловых станций Закавказской железной дороги. «Загрузка» контингента осуществлялась представителями МВД и МГБ той республики, откуда осуществлялась высылка, в стандартные эшелоны образца 1949 г., в среднем перевозившие 1330 человек. Всего в Алтайский край доставили 13 основных и три дополнительных эшелона с выселенцами-армянами. Эшелоны № 97109–97113 прибыли в период с 28 июня по 2 июля 1949 г., а эшелоны № 97248–97250 – 7 октября. Согласно эшелонным спискам и актам сдачи-приема спецконтингента, на территорию края было перемещено 15 103 чел.».

Как видим из таблицы, эшелонные списки включают выселенцев-армян в основном из Армении и Грузии (за исключением состава под номером 97111, в котором были также армяне из Азербайджана). Приказ же распространялся и на армян (дашнаков) Черноморского побережья. Привлекает внимание также факт, что по приказу министра внутренних дел Союза ССР № 00525 2 июня 1949 г. планировалось выселить в Алтайский край 3620 семей,

«Армянские эшелоны» в 1949 г.⁴⁶

№ эшелона	Начальник эшелона	Откуда	Куда	Дашнаков	
				семей	человек
97103	Гагин, подполковник	ст. Навтлуги ГрузССР	ст. Кулунда	н/д	1026
97104	Павленко, подполковник	ст. Нарошен АрмССР	ст. Славгород	321	1480
97105	Игнатов, майор	ст. Нарошен АрмССР	ст. Славгород	284	1267
97106	Болдырев, майор	АрмССР	ст. Бурла	303	1313
97107	Акинъшин, майор	ст. Кафан, Минджевань АрмССР	ст. Славгород	н/д	1039
97108	Севастьянов, лейтенант	ст. Улуханлы АрмССР	ст. Зоринская, Алтайская	424	1488
97109	Смирнов, капитан	ст. Эчмиадзин АрмССР	ст. Бийск	327	1258
97110	Сапаев, майор	ст. Улуханлы АрмССР	ст. Алтайская	198	825
97111	Крикунов, капитан	ст. Джаджур АрмССР, НКАО АзССР	ст. Алейск	314	1276
97112	Рогинин, лейтенант	ст. Кировакан АрмССР	ст. Рубцовка	318	1325
97113	Саладыкин, майор	ст. Октемберян АрмССР	ст. Алейск	176	739
97114	Копрос, майор	н/д	ст. Алтайская	162	526
97140	Колесов, майор	ГрузССР	ст. Рубцовск	284	1304
97248	Навасардян, капитан	АрмССР, ГрузССР	ст. Алтайская, Барнаул, Бийск	н/д	99
97249	Навасардян, капитан	АрмССР, ГрузССР	ст. Алтайская, Рубцовка, Неверовская, Бийск	41	51
97250	Навасардян, капитан	АрмССР, ГрузССР	ст. Бурла, Славгород, Татарская	63	87
Итого:				15 103	

⁴⁸ Аблажей Н.Н. Депортация армян в Алтайский край в 1949 г. С.48–49. Составлено по материалам Архива ГУВД по Алтайскому краю. Ф. 8. Д. 1-4 (эшелонные списки).

дашнаков (армян) или 13 000 человек, однако в итоге на территории Алтайского края оказались 15 103 «дашнака». А по архивным материалам Армении из республики 13–14 июня были выселены 13 272 человека (2982 семьи)⁴⁷. Если предположить, что в Алтайском крае поселили выселенцев-«дашнаков» из Армении и Грузии (из Армении 13 272 человека, из Грузии 1831), остается вопрос: где поселили выселенцев-«дашнаков» из Азербайджана, с Северного Кавказа и Черноморского побережья (Одесса и Крым)?

Несмотря на то что в известном постановлении Совета Министров СССР нигде слова «армяне», «армянин» не фигурируют, почти наверняка этот документ под «турецкими гражданами», «турками, не имеющими гражданства», «бывшими турецкими гражданами, принявшими советское подданство», «лицами, имеющими греческое подданство», «бывшими грекоподданными, имеющими советское гражданство» подразумевал также, если не прежде всего, армян, спасшихся во время геноцида, бежавших из Турции и впоследствии репатриированных (в том числе из Греции) в республики Южного Кавказа.

Так, семья Арпеник Александрия из Тбилиси была сослана в Томскую область. Им ни при выселении, ни в ссылке не было предъявлено обвинения в «дашнакстве», вообще никакого обвинения предъявлено не было. Арпеник в сибирской ссылке вела дневник, в котором описала и постановку на учет спецпоселения: «Пошли на регистрацию, вел Федя. Видим – на регистрационных листах написано выселенка-турчанка. Вот еще, уже превратили в турок. Мы подняли шум, но все равно надо подписываться и все. Федя объяснил, что это просто *категория выселенцев*, а не нацию трогают. Мы в основных списках опять указаны армянами, а это [турки] – категория выселенцев,

⁴⁷ Национальный архив Армении. Ф.1191. Д.6.

как спецпереселенцы, кулаки, рязанцы и т.д., и т.п. *Папа говорил, напишите русский, китаец, но не турок.* Все это напрасно, так как мы знали, что Гурген сопротивлялся, но все же заставили. Мама, узнав, что подписали и за нее, подняла большой шум, нас ругала и оскорбляла, что мы так быстро изменили свою нацию»⁴⁸. Родители Арпеник Александян – беженцы из Вана, из так называемой Турецкой Армении. В Тбилиси оказались они детьми беженцев, но спустя 34 года судьба депортированных их не миновала: они были «бывшими турецкоподданными».

Они так «турками» и попали в списки «Жертв политического террора в СССР»⁴⁹.

Александян Арай Арамович. Родился в 1885 г. Проживал: г.Тбилиси. Приговорен: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. Источник: УВД Томской обл.

Александян Арфеник Араевна. Родилась в 1926 г. Проживала: г.Тбилиси. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. Источник: УВД Томской обл.

Александян Ашхен Георгиевна. Родилась в 1898 г. Проживала: г.Тбилиси. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. Источник: УВД Томской обл.

Александян Искуи Араевна. Родилась в 1928 г. Проживала: г.Тбилиси. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. Источник: УВД Томской обл.

Александян Сильва Араевна. Родилась в 1935 г. Проживала: г.Тбилиси. Приговорена: Особое совещание

⁴⁸ Александян А. Сибирский дневник 1949–1954 гг. (Антропология памяти 1), Ереван, 2007. С.158–159.

⁴⁹ <http://lists.memo.ru/index1.htm>

№ 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки**. Приговор: спецпоселение в Томской обл. Источник: УВД Томской обл.

Вот они, пять человек из семьи Арпеник Алексанян. Двое из них, отец и мать, Алексанян Арай Арамович, 1885 г.р., и Алексанян Ашхен Георгиевна, 1898 г.р., родились в Западной Армении, в городе Ване, т.е. они – «бывшие турецкоподданные».

Сколько таких людей, думаю, пока никто не знает. Сосланные в 1949 г. из Краснодарского края, Азербайджана, Грузии в основном были направлены в Томскую область, т.е. туда, куда должны были быть сосланы относящиеся к подкатегории «турки». Самое поверхностное ознакомление с опубликованными списками спецпоселенцев в Томской области показывает, что «турками» оказались многие Аракеляны, Вартановы, Арутюновы, Арутюняны, Геворкяны, Манукяны и др. – таких примеров сотни. Вот несколько примеров (источник: УВД Томской области).

Аракелян Ардаш Степанович. Родился в 1928 г. Проживал: Краснодарский кр. Приговорен: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки**. Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Арутюнов Хавша Артюнович. Родился в 1893 г. Проживал: Азербайджан. Приговорен: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки**. Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Арутюнова Мария Хавшовна. Родилась в 1937 г. Проживала: Азербайджан. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки**. Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Вартанов Иосиф Иосифович. Родился в 1937 г. Проживал: Азербайджан. Приговорен: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки**. Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Вартанова Рахиль Саркисовна. Родилась в 1931 г. Проживала: Азербайджан. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Геворкьянц Азгануш Вагричевна. Родилась в 1947 г. Проживала: Краснодарский кр.. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Геворкьянц Вагрич Вартанович. Родился в 1918 г. Проживал: Краснодарский кр.. Приговорен: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Манукьян Люсик Бульбульевна. Родилась в 1886 г. Проживала: Краснодарский кр.. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Манукян Мирон Давидович. Родился в 1929 г. Проживал: Краснодарский кр.. Приговорен: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл.

На 1 января 1953 г. в Томской области на спецпоселении было 1772 турка с Черноморского побережья. Кто же это – этнические турки или армяне, проходившие по учету спецпоселения как турки?

Наверное, сейчас никто не ответит и на вопросы, сколько этнических армян было среди депортированных с Черноморского побережья и насколько основателен тезис Н.Н.Аблажей о том, что «армяне составили чуть больше четверти» от числа этих выселенцев⁵⁰.

⁵⁰ В устной беседе в августе 2014 г. Н.Аблажей жаловалась на проблемы и сложность изучения эшелонных списков и отметила, что приведенные в статье материалы очень далеки от полных.

В.Земсков, например, пишет, что «на спецпоселениях находились тысячи бывших иноподданных, принятых в советское гражданство. Это в первую очередь касалось бывших подданных Греции, Ирана, Турции. У нас нет сведений о их численности»⁵¹. Среди этих бывших иноподданных с большой долей вероятности было немало армян, из-за известных событий во время геноцида осевших на определенное время в Иране и Греции и в итоге оказавшихся «бывшими подданными Греции, Ирана», не говоря уже о беженцах из Турции, потоки которых в 1915–1918 гг. пополняли население Кавказа.

Земсков утверждает также, что «выселенные в 1949 г. с «Черноморского побережья» лица армянской национальности по учету Отдела спецпоселений МВД СССР и 9-го управления МГБ СССР всегда числились как подконтингент “дашнаки”»⁵². Однако, как видно из приведенных выше примеров, многие выселенные из Краснодарского края в Томскую область числились по учету спецпоселения «турками».

Вызывают вопросы также общая и «подконтингентная» численности спецпоселенцев «с Черноморского побережья». В Алтайском крае по данным на 1 января 1953 г. «с Черноморского побережья» было 18 447 человек (в том числе «дашнаки» – 15 437)⁵³, хотя по плану там должно было быть только 13 000 выселенцев-«дашнаков». «Греков» из категории «с Черноморского побережья» тоже было больше запланированного. В Джамбульской области Казахстана, куда по плану должны были быть выселены 6000 греческих семей (21 600 человек), их по данным на 1 января 1953 г. было только 5083⁵⁴, а в Южно-Казахстан-

⁵¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы. С.186.

⁵² Там же. Сноска 14.

⁵³ Там же. С.214.

⁵⁴ Там же. С.221.

ской области по тем же данным на 1 января 1953 г. греков было 24 971⁵⁵, хотя предполагалось выселить туда всего 5400 человек. Всего к 1 января 1953 г. число выселенных греков «с Черноморского побережья» в обеих областях вместе взятых составило 30 054 человека при 27 000, фигурировавших в приказе № 00525. Но вот в Томской области, куда должно было быть сослано 1500 семей турок (5400 человек), по данным на 1 января 1953 г. «с Черноморского побережья» оказалось только 1772 турок (по другой оценке, приведенной тем же автором, – 1794⁵⁶), почему-то 217 греков и еще 2430 «других»⁵⁷. Куда делись 3628 «турок» и кто такие 2430 «других»?

Таким образом, имеется много вопросов относительно выселенцев – армян и «турок» «с Черноморского побережья», и пока мало ответов. Удивительным образом в исследованиях о спецпоселенцах практически не упоминаются ни «дашнаки», ни тем более «армяне», за исключением выселенных в 1940-е годы «крымских армян».

Как уже сказано выше, В.Земсков утверждает, что с «Черноморского побережья» на спецпоселение в 1949 г. прибыло 57 680 человек⁵⁸, причем по состоянию на 15 июня 1949 г. с «Черноморского побережья» в спецпоселения уже прибыло 57 426 чел.⁵⁹ Выселение продолжалось и после 1949 г. Например, было распоряжение Совета Министров №14133РС от 10 августа 1951 г. «О довыселении иранцев, греков, турок и дашнаков из Грузинской ССР»⁶⁰.

Выше мы увидели, что в Алтайском крае по данным на 1 января 1953 г. с «Черноморского побережья» были

⁵⁵ Там же. С.220.

⁵⁶ Там же. С.211.

⁵⁷ Там же. С.215.

⁵⁸ Там же. С.166.

⁵⁹ Там же. С.167.

⁶⁰ Сталинские депортации 1928–1953. С.757.

18 447 человек (из них «дашнаков» 15 437, греков 10). Кто же остальные 3000 человек с «Черноморского побережья» в Алтайском крае? О них ничего не говорится.

Оказывается также, что армяне в спецпоселениях превращались не только в «турок», но также в... «греков». Вряд ли кто-либо сомневается, что Гарник и Сурен Авакяны – армяне. Между тем опять-таки в списках репрессированных (источник: ГУВД Краснодарского края) они оказались «греками» из Краснодара:

Авакян Гарник Адibeковна. Родилась в 1929 г., **гречанка; приговор: репр. по нац. призн.** Реабилитирована 16 апреля 1998 г.

Авакян Раиса Адibeковна. Родилась в 1927 г., **гречанка; приговор: репр. по нац. призн.** Реабилитирована 16 апреля 1998 г.

Авакян Сурен Адibeкович. Родился в 1940 г., **грек; приговор: репр. по нац. призн.** Реабилитирован 16 апреля 1998 г.

И возникает вопрос: эти выселенцы «греки» из Краснодарского края (а в Краснодаре было много армян – «бывших грекоподданных», бежавших от геноцида из Турции и оказавшихся сначала в Греции) – все ли они на самом деле этнические греки?

Н.Н.Аблажей, изучавшая эшелонные списки спецпереселенцев-армян в Алтайском крае, пишет, что в «армянском спецконтингенте выделялись следующие учетные категории: “легионеры”, “дашнаки-националисты”, “репатрианты и члены их семей”»⁶¹. Как видим, категория «выселенцы-турки» по отношению к «армянскому спецконтингенту» в этом списке не упоминается.

⁶¹ Аблажей Н.Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х годов. С.120.

Немаловажно учитывать, что высылка 1949 г. распространялась прежде всего на армян – беженцев из Западной (Турецкой) Армении и на их потомков. Именно поэтому, наверное, она охватила также большое число репатриантов-армян. В связи с этим представляется важным свидетельство Антона Кочиняна, впоследствии Первого секретаря ЦК КП Армении. В 1949 г. он был секретарем ЦК по вопросам кадров. По его рассказу, 11 июня 1949 г. его срочно вызвали в зал заседаний бюро, где он увидел много незнакомых чекистов и первых секретарей районных и городских парторганизаций. «Выступил первый секретарь ЦК КП Армении Г.Арутюнов. Он доложил о политическом и государственном значении организации “чистки”. Затем выступил министр госбезопасности Армении С.Корхмазян, подробно объяснил, что в республику уже прибыли особые военные отряды, которые с помощью партийного актива должны за ночь закончить эту работу. Списки актива – кто в какой район поедет – были заранее подготовлены. Я должен был поехать в Ленинакан <...> Сразу поехали <...> 12 июня пригласили на совещание партийного актива Леникана, на котором выступил представитель МГБ. Он сказал, что из-за начинающейся в мире холодной войны имеет большое значение освобождение от “ненадежных” элементов в республиках и в особенности в приграничных районах <...> надо было за ночь, к рассвету завершить «операцию» <...>

Утром 14 июня вместе с первым секретарем городской парторганизации Армо Аренцем решили увидеть выселяемых. Военный патруль не подпустил нас к собранному вокруг вагонов народу. Наконец с разрешения начальника мы приблизились к этому совершенному кошмару. Всюду плач, крики детей, удивление и негодование <...> В этот день ко мне [за помощью] обратились многие, к сожале-

нию, не мог ничего сделать. Тем не менее записал адреса трех, вернулся в горком Ленинакана. Представитель МГБ и начальник отделения Ленинакана наотрез отказались исполнить мою просьбу об освобождении этих трех семей <...> Проверка показала, что это были вполне невинные, трудовые люди. Я отдал распоряжение всех трех вернуть домой. Когда проверяющие доложили об их невиновности, начальник отделения С.Карапетян сказал в негодовании: «Похоже, нехорошо проверили. Они же родились за границей». Вскоре выяснилось, что старшие члены этих семей – один из Сарикамыша, а двое – из Карса. Только тогда я узнал, что по отношению к родившимся в Западной Армении [высылка] проводится особенно строго»⁶².

Таким образом очевидно, что в решении Сталина о депортации с Южного Кавказа и Черноморского побережья под формулировки «бывшие турецкоподданные», «турки», «бывшие турецкие граждане, принявшие советское подданство», «бывшие грекоподданные» и т.п. попадали прежде всего беженцы из Турции, спасшиеся от геноцида.

Выселение в ночь на 14 июня 1949 г. вообще поражает секретностью и быстротой осуществления. Согласно историку А.Вирабяну, оно мало поддается также документальному исследованию. Документов вообще было очень мало. Не было даже соответствующего решения ЦК КП(б) Армении или Совета Министров Армянской ССР⁶³. Спешность и сверхсекретность этой «операции» почти не оставили документальных следов, по крайней мере в Армении. Для осуществления этой секретной миссии в Армению были командированы высокопоставленные кадры КГБ СССР во главе с генерал-лейтенантом Ю.Едуновым, который освежил свой опыт спешного массового высе-

⁶² Кочинян А. За колючей проволокой // Гарун. 1989. № 3. С.47–50 (на арм.яз.).

⁶³ Вирабян А. Документы о высылке 1949 г. // Вестник архивов Армении. 1990. № 3. С.68–76 (на арм. яз.).

ления при выдворении «бандитов и кулаков» из Литвы (28 981 человек) всего три месяца назад, 25–28 марта⁶⁴.

Все, что осталось от этой депортации в архивах Армении, сводится к рапортам партийных секретарей трех районов Армении об успешно проведенной операции высылки⁶⁵. До сих пор потомки высленцев убеждены, что в 1949 г. ссылали бывших пленных, и многие из них видят несправедливость по отношению к своей семье, отмечая: «у нас не было пленных». Известно также, что было сослано много репатриантов, в том числе из только что прибывших на родину. Даже при очень большом желании они не успели бы совершить ничего «антисоветского». В Национальном архиве Армении среди материалов, переданных из архива МВД АрмССР, сохранились дела 2935 семей (13 272 человек). Согласно А.Манукяну, «это то реальное число, которое отражено в конкретных делах»⁶⁶. А.Манукян, работавший с архивными документами МВД Армении по ссыльным 1949 г., пишет, что обвинения составлены после высылки и почти повторяют друг друга: «Главными обвинениями в них было членство в партии Дашнакцутюн, нахождение в плену в годы войны и служба в “Армянском легионе”»⁶⁷.

Многие высленные лишь после 1990 г. узнали, в чем их «обвиняли». Например, семья Амирзаянов, подвергшихся высылке 14 июня 1949 г., причину высылки узнала только в 1991 г., получив справку из прокуратуры АрмССР. Оказалось, что их выселили потому, что мать и трое детей были семьей «дашнакцакана-националиста» и что это решение датировано 30 ноября 1949 г., т.е. приня-

⁶⁴ Вирабян А. Армения от Сталина до Хрущева. С.165.

⁶⁵ ЦГА ОПО РА. Ф.1. С.29. Д.123. Л.2.

⁶⁶ Манукян А. Указ.соч. С.231.

⁶⁷ Там же. С.230.

то через пять с половиной месяцев после высылки семьи. А до этого, в 1958 г., отец семейства, Грант Амирзаян получил справку о том, что «дело прекращено за недоказанностью обвинения», без упоминания сути обвинения⁶⁸. Таких справок тысячи, и все они однотипные. Проводилось ли выселение без составления дел? И вообще сколько человек депортировали в 1949 г. на самом деле?

Отсутствие точной информации порождает мифы. Этнограф А.Марутян напоминает, что среди населения Армении циркулируют другие цифры⁶⁹. Писатель Серо Ханзаян, свидетель выселений из Армении, писал в 1989 г.: «По моим подсчетам в 1949 г. из Армении были сосланы не менее 100 000 армян. <...> Столько же армян были сосланы из Грузии, из Азербайджана, из Нагорного Карабаха <...> Об этом страшном геноциде не написано ни одной строки. В 1956 г. в органах, правда, всех сосланных «оправдали», однако ничего не опубликовано по этому вопросу. Почему? <...> Необходимо создать комиссию для подробного изучения случившегося, восстановить их точное количество <...> Многие из них живы. Надо внимательно записать их свидетельства и издать вместе со списками <...> Компенсировать потерю домов, квартир, земли, имущества»⁷⁰. Другой автор, Рубен Камалян, сам сосланный с семьей в десятилетнем возрасте из Грузии, в 1989 г. писал: «Не имеет смысла искать сведения о масштабах и характере [ссылки 1949 г.] в справочной литературе. Излишне говорить об учебниках. Несомненно, этому факту должна была быть дана какая-то политическая оценка в годы правления Хрущева (увы,

⁶⁸ Документы из семейного архива дочери Г.Амирзаяна Джулиеты Геворгян.

⁶⁹ Марутян А. Обыкновенная жизнь в необыкновенных условиях (травматический быт в сталинской ссылке и способы его преодоления) // Арпеник Александян. Сибирский дневник. С.37.

⁷⁰ Ханзаян С. Кровавый занавес еще не порвался // Гракан терт. 1989. 17 фев. (на арм.яз.).

до сих пор ничего не известно о такой или хоть какой-нибудь оценке. – Г.Х.), иначе невозможно было массовое возвращение репрессированных⁷¹. Однако до сих пор не обеспечена публичность такой оценки, та моральная атмосфера, которая исключила бы повторение подобных преступлений»⁷².

⁷¹ На самом деле постановление Президиума ЦК КПСС от 17 сентября 1954 г. создаваемой в Армении республиканской Комиссии по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления предоставило право принимать решения об освобождении от спецпереселения «дашнаков» и членов их семей (Аблажей Н.Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х годов. С.121) без какой-либо оценки или хотя бы характеристики. Более того, освобождение (с последующей реабилитацией) так затянулось, что, как сказано выше, 25 февраля 1956 г. секретарь ЦК КП Армении С.Товмсян был вынужден еще раз обратиться в ЦК КПСС с просьбой о реабилитации всех выселенных из Армении в Алтайский край в 1949 г.

⁷² Камалян Р. Вариант ссылки // Гракан терт. 1989. 16 июня. (на арм. яз.).

Гаяне ШАГОЯН,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института
археологии и этнографии НАН РА,
член Армянского центра этнологических
исследований «Азарашен»

Ставить ли памятник Анастасу Микояну? Опыт «социальной люстрации» в Армении

Когда в 2012 г. Армянский центр этнологических исследований «Азарашен» совместно с немецкой организацией Dvv-international начинали исследовательский проект «Armenia Total(itar)is» по материалам устной истории, посвященный советским репрессиям в Армении, то не думали, что через два года тема «советского прошлого» может стать ведущей в общественных дебатах, не сходящей со страниц газет, экранов телевизоров и из соцсетей на протяжении по крайней мере двух месяцев. Это было крайне неожиданно, особенно на фоне нашего полевого опыта, показывающего, что сюжеты советских репрессий загнаны в далекие уголки индивидуальной памяти и, пользуясь терминологией Дж.Олика, в лучшем случае могут стать памятью собранной (collected), но не коллективной (collective)¹. Ситуация резко изменилась, когда родственники советского чиновника высокого ранга Анастаса Микояна, отличившегося политическим долголетием (вспомним знаменитое «от Ильича до Ильича – без инфаркта и паралича»), решили поставить ему памятник в одном из центральных парков Еревана. Заметим, что до

¹ Olick J.K. Collective Memory : The Two Cultures // Sociological Theory. Vol. 17. No. 3 (Nov., 1999). P.333–348.

этого в разных городах и селах Армении стояли (и сейчас стоят) четыре памятника этому советскому деятелю, существование которых до сих пор никто не оспаривал, скорее на них не обращали внимания. Незамеченным прошло и решение муниципалитета 2008 г. назвать в честь Микояна одну из окраинных улиц в Ереване. В этой статье мы попытаемся обсудить, почему и как решение муниципалитета от 30 апреля 2014 г. поставить очередной памятник этому политическому деятелю получило широкий общественный резонанс и, по сути, стало детонатором для горячих обсуждений и пересмотра истории советизации и советской Армении в целом.

Сталинские репрессии в постсоветской Армении официально осуждены и представлены в ландшафте «твердой» (по А.Эткинду²) памяти в виде мемориального камня, а затем и комплекса (открытого в 2007 г., архитектор Дж.Торосян), где каждый год 14 июня, в день депортации в 1949 г. в Алтайский край около 15 000 армян, встречаются жертвы советских репрессий разных лет и их потомки (в качестве «репрессированных» признаны все депортированные, независимо от официальной статьи их высылки, реабилитация обошла только членов «армянского легиона»)³. Представители властей участвовали в этом акте коммеморации в день открытия памятника и на следующий, 2008 г., когда Серж Саргсян, ставший президентом в результате жестокого подавления (10 человек были убиты) протестного движения, не признающего итогов президентских выборов, возложил венок у

² Эткинд А. Время сравнивать камни : Постреволюционная культура политической скорби в постсоветской России // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С.33–76; Etkind A. Hard and Soft in Cultural Memory : Political Mourning in Russia and Germany // *Grey Room* 16. Summer 2004. P.36–59.

³ Манукян А.С. Политические репрессии в Армении 1920–53 гг. Ереван, 1999. С.218–258 (на арм. яз.); Аблажей Н.Н. Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х годов // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2011. Т.10. Вып.1. С.116–121.

памятника – что, видимо, было попыткой воспользоваться этим событием для изменения образа: из «политического диктатора» в деятеля, защищающего демократию и, соответственно, осуждающего тоталитаризм (тогда Армения собиралась становиться частью европейского сообщества, а не вступать в Таможенный союз). Однако подобные мероприятия, видимо, потеряли актуальность уже на следующий год, когда стало ясно, что подобными акциями президенту не восполнить дефицит недоверия и легитимности. Возможно, были и другие, менее очевидные, но веские причины отказа властей от участия в подобных мероприятиях (например, нерешенные социальные проблемы и протесты по этому поводу жертв репрессий, которые как раз 14 июня собираются у мемориала). Коммеморативное значение акций у этого памятника усиливается еще и тем, что 364 дня в году он закрыт на ключ, чтобы туда не забредали собаки и кошки или не поселялись бомжи, которые могут стать единственными «посетителями» мемориала, – остальных он интересуется только в один вышеуказанный день.

Мемориал представляет собой одноэтажное строение⁴, внутри которого установлен мемориальный камень и колокол, звонящий раз в году – 14 июня. Члены организации «Ушаматян» («Книга Памяти»), объединившей жертв репрессий и их потомков, за которыми оставлено право следить за памятником, пока безуспешно пытаются добиться решения о перестройке его в музей репрессий.

Хотя репрессии в Армении были официально осуждены, а специальным законом 1994 г. репрессированным и их потомкам были предусмотрены некоторые социальные

⁴ См.: <http://www.a1plus.am/wp-content/blogs.dir/1/files/post-74347/c35041a6d57c701193b000f378d4f18a.jpg>, <http://armeniatotalitaris.am/wp-content/uploads/2013/07/65.jpg> [<http://pics.livejournal.com/lazaridis/pic/003q4epg/s900>]

льготы⁵, тем не менее ни наличие закона, ни сооружение памятника не решают проблему дефицита внимания к теме репрессий и репрессированных.

Одна из основных функций памятника – спасти событие/человека от забвения, о чем говорит само слово «памятник» (от «памяти», ср. «мемориал» от англ. «memo», арм. «hushardzan» букв.: «памятная скульптура»). Однако отсутствие памятника далеко не всегда означает отсутствие памяти, иногда ситуация противоположна: нет памятника именно потому, что слишком много живой коммуникативной памяти⁶. Соответственно отсутствие памятников не менее важная тема для исследования памяти, чем изучение уже поставленных или снимаемых памятников, о чем немало написано в работах по антропологии памяти, в том числе и по армянским материалам⁷.

Инициатива поставить памятник А.Микояну примечательна тем, что она стала спусковым механизмом для «вспышки памяти»⁸, которая, освещая биографию конкретного исторического персонажа, проливает свет на сопутствующие его деятельности детали, создавая новую «память» об истории этого периода, впрочем, не оставляя без внимания и многие стороны сегодняшнего дня.

Еще одна особенность дискурса вокруг памятника А.Микояну состоит в том, что в условиях достаточно активного армянского интернет-пространства в дискуссии участвуют не только ереванцы или граждане Армении, но

⁵ См. Закон РА о репрессированных лицах, 1994 (<http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1778&lang=rus>).

⁶ Понятие «коммуникативная память» предложено Я.Ассманом (см.: Ассман Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.36–38).

⁷ Abrahamian L. The Fight with Monuments and Memory in the Post-Soviet Space (the case of Armenia) // Acta Slavica Iaponica XX, 2003. P.25–49.

⁸ Pillemer D.B. Momentous Events, Vivid Memories : How Unforgettable Moments Help Us Understand the Meaning of Our Lives. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1998. Neisser. U. (ed.). Memory Observed // Remembering in Natural Contexts. New York: W.H. Freeman. 1982.

и диаспора. Причем диаспора разных стран и сословий в этом вопросе выделяет отличные друг от друга сюжеты, что не менее важно для понимания диапазона национальной идентичности и перспектив видения сегодняшней Армении.

И, наконец, третий, на мой взгляд, один из наиболее интересных аспектов этой дискуссии: противопоставление памяти одной большой семьи памяти коллективной, возможность институционализации частного – с перспективы одной семьи – прочтения истории.

Семейство Микоянов на протяжении многих лет успешно формировало свою версию истории о советском функционере, выводя его «светлый образ» за рамки общей критики советского режима. Доминированию семейной версии биографии Микояна способствовал в первую очередь он сам, написав нескольких автобиографических книг⁹. Кроме того, политическое долголетие обеспечивало ему определенную защиту от критики по крайней мере на весь длительный период его пребывания во власти. Мемуары были написаны и другими членами его семьи (сыном, невесткой¹⁰). Абсолютное большинство документальных фильмов, передач (мною насчитано около 70, имеющих отношение к деятельности Микояна), впрочем, и множество исследований¹¹, где так или иначе

⁹ Микоян А. Партия и казачество : Статьи и речи, Ростов-на-Дону: Советский юг, 1925; Он же. Мысли и воспоминания о Ленине. М.: Политиздат, 1970; Он же. Дорогой борьбы. Кн. 1. М.: Политиздат, 1971; Он же. Так было : Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999.

¹⁰ Микоян С.А. Мы — дети войны. М.: Яуза, Эксмо, 2006. (http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan_sa/index.html); Микоян Н. С любовью и печалью : Воспоминания. М.: Терра-книжный клуб, 1998.

¹¹ Ср., напр., признание автора исследования о советской кухне И.Глуценко о том, что при написании книги она часто консультировалась с членами семьи А. Микояна, см.: Глуценко И.В. Общепит : Микоян и советская кухня. М.: Высшая школа экономики, 2010; Интервью с И. Глуценко : Мы, советские колбасы, широко проникли в массы... // ВВQ. (<http://www.bbqmag.ru/archive.html?article=561#.U7DbEPmSx8E>).

представлена фигура А.Микояна, сняты или написаны при непосредственном участии членов его многочисленного семейства или под влиянием консультаций с ними. Некоторые его родственники (например, двоюродная сестра, а затем и племянница) были задействованы в создании музея в родном селе Санаин, другие направили свои усилия на формирование памяти в городской среде. Они становились инициаторами писем от имени знаменитых российских армян с просьбой назвать улицу или поставить памятник А.Микояну в Ереване (с 2004 по 2010 г. было восемь таких обращений). Именно по инициативе его внуков Владимира Микояна (представителя Торгово-промышленной палаты РФ в Чехии) и Стаса Намина (известного российского рок-музыканта) одна из улиц Еревана в 2008 г. была названа именем Анастаса Микояна, впрочем, об этом названии до нашумевшей истории с памятником знали разве что в муниципалитете. Однако под влиянием развернувшихся споров о целесообразности установки памятника один из гражданских активистов, Вилен Габриэлян, известный в социальных сетях под ником «Раскачивающий лодку», чтобы подчеркнуть абсурдность (с его точки зрения) решения, принятого муниципалитетом, устроил перформативную акцию, на вывеске с названием улицы А.Микояна написав «Энвер», тем самым уравнивая Микояна с одним из организаторов геноцида армян, военным министром Османской Турции Энвером-пашой. Видеозапись этой акции он выложил на YouTube¹².

Надо заметить, что идея поставить памятник Микояну стала поводом для многочисленных оригинальных предложений о форме, в какой он должен быть установлен (например, фигура, держащая в руке эскимо, пробегает

¹² Видеовersion акции см.: https://www.youtube.com/watch?v=i_q_Niai6cY

между каплями дождя – как отсылка к анекдоту о его легендарной изворотливости, позволяющей не промокнуть даже в ливень; или держащий в левой протянутой вперед руке эскимо, а в правой, спрятанной за спину, – револьвер, ногой же попирающий [карибские] ракеты; или в форме пары обуви как идея «следа» без присутствия в Армении; или памятник, раскрашенный в черный и белый цвета), не говоря о появившихся в соцсетях многочисленных демотиваторах, так или иначе развенчивающих идею памятника¹³.

Владимир Микоян, взявший на себя роль главного редактора семейной памяти о деде, с предложением установить памятник в центре города обратился к главному архитектору Еревана, и недавно назначенный на этот пост Тигран Барсегиан вынес это предложение на рассмотрение горсовета. В городской Комиссии по вопросам культуры оно было поддержано единогласно. Но во время голосования в городском совете директор института-музея геноцида армян, д.и.н. Айк Демоян, отсутствовавший на обсуждении вопроса в комиссии,

¹³ См., напр.: <<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=723198074393098&set=a.321535417892701.73712.100001087374765&type=1>>; <[https://www.facebook.com/photo.php?fbid=714534518592787&set=a.321535417892701.73712.100001087374765&type=3&src=https%3A%2F%2Ffbcdn-sphotos-d-a.akamaihd.net%2Fhphotos-ak-xpa1%2Fv%2Ft1.0-9%2F10369136_714539545258951_1806317317989900186_n.jpg%3Foh%3D9b3aa9621c2b8f34b023371c0afec9eb%26oe%3D544A4749%26_gda_%3D1414583793_d8bf24e17d2ee3b4577653640fa47e28&size=474%2C777](https://www.facebook.com/photo.php?fbid=714534518592787&set=a.321535417892701.73712.100001087374765&type=3&src=https%3A%2F%2Ffbcdn-sphotos-e-a.akamaihd.net%2Fhphotos-ak-xap1%2Ft1.0-9%2F10273839_714534518592787_7887969749754850741_n.jpg&size=557%2C504)>; <[https://www.facebook.com/photo.php?fbid=721758117870427&set=a.321535417892701.73712.100001087374765&type=3&src=https%3A%2F%2Ffbcdn-sphotos-net%2Fhphotos-xap1%2Fv%2Ft1.0-9%2F10432491_721758117870427_542732787691559392_n.jpg%3Foh%3D024a0fbf8a214e2848cfb763aa8837bb%26oe%3D54431AE7&size=742%2C553](https://www.facebook.com/photo.php?fbid=715417535171152&set=a.321535417892701.73712.100001087374765&type=3&src=https%3A%2F%2Ffbcdn-sphotos-h-a.akamaihd.net%2Fhphotos-ak-xpf1%2Ft1.0-9%2F10373730_715417535171152_5814401732719324364_n.jpg&size=720%2C557)>

заявил, что будет голосовать против этого предложения, поскольку знаком с документами за подписью А.Микояна, подтверждающими его вину в репрессиях тысяч людей. Члены ереванского муниципального совета от правящей партии, составляющие там абсолютное большинство, как правило, не голосуют против предложений, одобренных мэром Еревана Тароном Маргаряном, членом той же партии, и потому выступление А.Демояна для журналистов не прошло незамеченным. Хотя А.Демоян не является членом правящей партии, но в городской совет он был выдвинут по ее спискам, и в своих публичных выступлениях обычно лоялен к властям. Впрочем, выступление А.Демояна подействовало только на трех депутатов совета, представляющих оппозицию и проголосовавших против, был также один воздержавшийся, тогда как за проект памятника А.Микояну проголосовали остальные – 51 депутат.

Кстати, при обнаружении этого проекта пошли разговоры о том, что еще до решения муниципалитета эта инициатива была одобрена президентом Армении Сержем Саргсяном, на переговорах которого во время поездки в Чехию Владимир Микоян выступал в качестве посредника. Вообще спор об установке памятника Микояну быстро вписался в контекст вступления Армении в Таможенный союз, единоличное решение о котором, принятое Сержем Саргсяном, неоднозначно воспринимается в Армении. Соответственно поддержка партией Сержа Саргсяна инициативы российского чиновника Владимира Микояна стала частью дискуссий о реколонизации Армении Россией.

Другому же внуку Анастаса Микояна, Стасу Намину (настоящее имя – Анастас Микоян), одна из армянских газет послала копии документов с подписью Микояна, в том числе и тот, где последний просит увеличить лимит

на расстрелы¹⁴, и попросила прокомментировать инициативу установки памятника. После ознакомления с фактами, по всей видимости до того ему неизвестными, Стас Намин высказался против идеи памятника, хотя сформулировал свой пересмотр как желание, чтобы память о деде хранилась не в граните, а в сердцах людей¹⁵. Реакция Стаса Намина вызвала недовольство в семье Микоянов, и рок-музыкант был назван «тем, без кого не бывают семьи» (намек на пословицу «в семье не без урода»)¹⁶. Владимир Микоян заявил, что Стас, как нестарший внук, не имеет права говорить от имени семьи¹⁷, объяснение необычное, говорящее о патриархальных устоях в семье советского чиновника.

Неудачно выбранный момент (имея в виду дискурс о целесообразности вступления Армении в Таможенный союз и Евразийский экономический союз), как и чрезмерное желание родственников героизировать своего знаменитого предка вызвали дискуссию, в результате которой А.Микояну как «национальному политическому деятелю» начали отводить совершенно новую роль – роль предателя национальных интересов и функционера советских репрессий.

Хотя по оценке Freedom House пресса в Армении входит в группу «несвободных», но она все-таки занимает позиции, близкие к «частично свободным» (страны с частично свободной прессой имеют 60 и меньше баллов,

¹⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.166. Д.580. Л.10. Подлинник. Машинописный текст, подпись — автограф (<http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1006600>).

¹⁵ Стас Намин против памятника Микояну // *Haykakan zhmanak*. 2014. 28 мая (<http://armtimes.com/hy/read/51749>) (на арм. яз.).

¹⁶ Внук Микояна: «Стас Намин не уполномочен говорить от имени нашей семьи» // *Aravot*. 2014. 31 мая (<http://www.aravot.am/2014/05/31/466221/>) (на арм. яз.).

¹⁷ Там же.

у Армении 62 балла)¹⁸, и оказалась в состоянии устроить жаркую дискуссию относительно установки памятника. Некоторые даже сочли это попыткой отвлечь внимание от более важных современных социально-политических вопросов.

Как участник этих дискуссий могу засвидетельствовать, что некоторые тележурналисты, обращавшиеся с просьбой дать интервью по поводу инициативы с памятником, впоследствии либо отменяли встречу, либо были не уверены, что сделанные съемки пойдут в эфир, поскольку эта тема «в черном списке» и есть внутренняя директива обходить ее. Однако после месяца горячих обсуждений в дискуссионных клубах и соцсетях к этой теме все же обратились и телеканалы, в том числе Первый общественный, который обычно служит рупором правительственных позиций. Дискуссия приобрела такой размах, что ее стало невозможно не заметить или обойти.

Настоящий взрыв произошел в соцсетях. Мной и коллегами¹⁹ за два месяца было зафиксировано более 1000 статусов по этой теме на Facebook-е. Местом обсуждений, так или иначе касающихся А.Микояна, стала фейсбучная группа Armenia Total(itar)is, которая как платформа для обсуждения советского прошлого была открыта в июле 2013 г., а в связи со сбором подписей против установки памятника и дискуссиями вокруг этого события в течение месяца выросла с 80 членов почти до 340.

В том же Facebook-е 30 мая 2014 г. (ровно через месяц после известного решения муниципалитета) была открыта еще одна группа, занимающаяся исключительно

¹⁸ Freedom House: Индекс свободы прессы в Армении снизился // Кавказ Online. 1 мая 2014 г. (<http://kavkasia.net/Armenia/2014/1399007869.php>).

¹⁹ Хочу особенно поблагодарить коллег Асмик Князян и Лусине Харатян, наиболее активно отозвавшихся на мой призыв дублировать в фейсбучной группе Armenia Total(itar)is посты, имеющие отношение к обсуждению установки памятника А.Микояну (<https://www.facebook.com/groups/402824203170801/>).

вопросами памятника А.Микояну («Мы против установки памятника А.Микояну»); к 30 июня 2014 г. в ней было зарегистрировано 304 участника. В описании этой группы говорится: «Мы, сознательные граждане Республики Армения, потомки тысяч жертв сталинских репрессий, против установки в Ереване памятника Анастасу Микояну, участнику преступлений против человечества, осуществленных советским режимом»²⁰. В сборе интернет-подписей против установки памятника участвовало 618 человек (на 30.06.2014).

Тема сталинских репрессий, до этого не пользовавшаяся особой популярностью, оказалась в центре внимания. Были заново опубликованы статьи, семейные воспоминания, отрывки из художественной литературы и публицистики, затрагивающие тему репрессий. Пошел поток новых интервью и записей воспоминаний о лагерях, высылке, тяжелой судьбе детей «врагов народа», расстрелянных в годы советского террора. Казалось, общество разделилось на «потомков жертв» и «умалчивающих о своем происхождении».

Очень скоро появилась формула, что дискуссия заменяет люстрацию, возможность которой была упущена в 1990-х и которую теперь в принципе даже нет необходимости проводить формально, поскольку дискуссия позволила разоблачить многих «сталинистов».

Стремление защитить инициативу муниципалитета не только разоблачало систему ценностей многих функционеров, для которых Микоян был идеалом бюрократического выживания и конформизма, но и спровоцировало дискуссию о степени ответственности отдельного чиновника или гражданина в условиях тоталитарных правил. Кратко позицию сторонников памятника мож-

²⁰ См.: <https://www.facebook.com/groups/513640348763171/?fref=ts>

но сформулировать как «он не виноват, время было такое», в ответ на что появилась другая формула: «время было такое, потому что он/они его сделали таким». Тема «он не виноват, виновато время» стала одной из самых излюбленных для демотиваторов, изображающих с этой надписью самые нелепые ситуации, часто с участием действующих политических персонажей, причем в этом ряду опять появились турецкие политики, обвиняемые в организации геноцида армян²¹. (Вообще стоит заметить, что в армянском публичном дискурсе тема геноцида стала языком описания любой коллективной травмы, неким метанарративом²², поэтому его появление и в этой дискуссии было ожидаемо.)

В медийных репортажах по поводу установки памятника А.Микояну публикаций, занимающих позицию «против», было значительно больше. Авторы публикаций (в том числе интервью), выступающих «за», можно разбить на несколько кластеров: родственники Микояна, историки, получившие советское образование, особенно историки КПСС, представители властей различного уровня (от депутатов, министров, мэра до чиновников более низкого ранга), поддерживающая власть группа интеллектуалов (среди них архитекторы, поэт, композитор, литературовед), представители армянской диаспоры в России. Авторами публикаций (в том числе интервью) «против» в основном оказались (иногда в одном лице сочетая несколько из приведенных социальных ниш): потомки жертв репрессий, представители гражданских протестных движений, правозащитные НПО, члены оппозиционных партий (от депутатов до простых членов),

²¹ См., напр.: <https://www.facebook.com/azatagrum/photos/pb.527160097345402.-2207520000.1407342536./714732315254845/?type=3&theater>

²² Ср.: Alexander J.C. Trauma : A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012. P.6–30.

профессиональные историки, этнографы, некоторые администраторы и работники учреждений, имеющих непосредственное отношение к области культуры и образования (музеи, исследовательские институты), представители армянских диаспор (в основном европейских и американских) и т.д.

В споре между сторонниками и противниками установки памятника А.Микояну одним из ключевых стал вопрос о том, какую версию биографии этого деятеля следует брать за основу. Проголосовавшие «за» члены городского совета утверждали, что включенная в пакет документов биография А.Микояна не содержала ни одного порочащего его факта. Однако представленная на суд муниципального совета «биография» была рассчитана на тех, кто ничего не знает об истории СССР или имеет чрезвычайно смутное о ней представление, не видит «порочащего факта» в том, что человек в годы массовых политических репрессий занимал пост заместителя председателя Совнаркома.

В записке для голосующих членов муниципального совета указывается, что А.Микоян «был награжден многочисленными медалями и орденами различных стран СССР». Вероятно, составители биографии, используя формулировку «страны СССР» (вместо привычного «республики СССР»), тем самым пытались, с одной стороны, повысить ценность полученных наград (вроде бы от разных государств, но на деле от одного – СССР), а с другой – исключить коннотацию с псевдогосударствами, каковыми являлись советские республики, и максимально редуцировать «советский словарь». Кстати, в проекте муниципального решения А.Микоян обозначен просто как «политический деятель» без указания «советский» или «партийный», что также выдает попытку инициаторов проекта по возможности отстранить эту фигуру от

советского контекста и представить ее вне исторического времени и даже пространства. Хотя в записке не упомянут ни один результат деятельности Микояна, имеющий отношение к Армении, вероятно, его армянское происхождение по умолчанию считалось достаточным для обоснования муниципального решения (впоследствии его происхождение особо подчеркивали политические деятели от правящей партии, особенно те, кто родом из того же района, где родился Микоян)²³.

По утверждениям тех, кто готовил материалы для голосования, источником для «официальной биографии» были статьи в 12-томной Армянской советской энциклопедии²⁴ и четырехтомной постсоветской²⁵. Если с советской энциклопедией все ожидаемо, и Микоян в ней представлен как советский государственный и партийный деятель, герой соцтруда и т.д., то ссылка на постсоветскую энциклопедию вызывает недоумение. Текст статьи из нее использован с определенным пристрастием – например, исключено упоминание о командировке А.Микояна в 1937 г. в Ереван, куда он привез письмо Сталина с требованием усилить борьбу в Армении с «врагами народа». Правда, и в постсоветской энциклопедии сюжет, касающийся репрессий, представлен почти иносказательно, с расчетом на знатоков советской истории, которые должны были сами понять, что могло последовать за сталинским письмом. Нет упоминаний, сколько человек было расстреляно или отправлено в лагеря в результате этой «борьбы с врагами народа» и непосредственного участия в самом процессе А.Микояна.

²³ Ср.: Будагян Л. При каждом посещении Алаверди Э. Шармазанов возлагает цветы у памятника Микояну // Aravot. 2014. 23 мая; <http://www.aravot.am/2014/05/23/463525/> (на арм. яз.).

²⁴ Микоян, Анастас Оганнесович // Армянская советская энциклопедия. Т. 7. Ереван, 1981. С.542 (на арм. яз.).

²⁵ Микоян, Анастас Иванович (Оганнесович) // Краткая армянская энциклопедия. Т. 3. Ереван. С.699–700 (на арм. яз.).

Другое отличие постсоветского текста от советского касается особой роли А.Микояна на XX съезде 1956 г. как одного из разоблачителей «культы личности» и сторонника хрущевской позиции в этом вопросе²⁶. Эта история, которая не так однозначна, по крайней мере согласно воспоминаниям самого Н.Хрущева²⁷, вошла в число любимых аргументов как сторонников, так и противников памятника.

Примечательно, что постсоветская энциклопедия отмечает негативное отношение Микояна к решению о силовом подавлении венгерского освободительного движения в том же 1956 г., но не указывает, что именно он был тогда послан в Венгрию и, по сути, нес ответственность за исполнение решения, против которого выступал при обсуждении²⁸.

Отмечается особая роль А.Микояна в разрешении Кабрибского кризиса 1962 г. (что в развернувшейся дискуссии обычно отмечается как самая большая его заслуга), но замалчивается его ответственность за жестокое подавление новочеркасского рабочего бунта в том же 1962 г., за несколько месяцев до событий на Кубе. В общем, составители биографии от муниципалитета действительно могли сослаться на положительный «энциклопедический» образ А.Микояна, которому они решили придать статус «официальной» истории.

Если же опираться на тексты профессиональных историков, то «плюсы» Микояна могли бы даже выйти за указанный список «дипломатических удач» (например,

²⁶ Там же.

²⁷ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть // Портал «Родон». Ч.3 (<http://rodon.org/hns/vlv/3.htm#a55>).

²⁸ Hagedüs A.B. Mikoyan's Overcoat: Discussions and Decisions in the Kremlin, 1956 // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1997. 13:2. P.134–140; Kramer M. The Soviet Union and the 1956 Crises in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings // *Journal of Contemporary History*. Vol. 33. No 2 (Apr., 1998). P.163–214.

участие в корейском кризисе²⁹, переговоры с Китаем³⁰, успехи в международной торговле и создании новых промысловых отраслей³¹, новые подходы к пищевой промышленности, создание советской «пищевой идеологии»³² и т.п.). Однако даже самые ярые постсоветские апологеты Микояна не успели освоить эти сюжеты для их публичного воспроизведения.

Другим источником «официальной» биографии в публичном дискурсе выступает армянская версия Википедии, откуда почерпнул основные сведения о Микояне формальный инициатор проекта, главный архитектор Еревана, чтобы обосновать свою заявку в муниципалитет³³. Любопытно, что уже 4 мая, т.е. через несколько дней после скандального решения ереванского муниципалитета, статья в Википедии была отредактирована и там появилась копия письма Ежова Сталину, где он сообщает о просьбе А.Микояна увеличить расстрельные списки в Армении на 700 человек³⁴. Иначе говоря, начало публичной дискуссии внесло существенные коррективы в самый популярный сетевой информационный ресурс, где из богатой биографии Микояна документальное подтверждение получил только факт его причастности к репрессиям.

²⁹ Lankov A.N. Crisis in North Korea : The Failure of De-Stalinization, 1956 // University of Hawai'i Press. 2005. P.107–108, 136–142, 164.

³⁰ Korzec M. Encounter Over the Chinese Wall : The Secret Contacts between Mao and Stalin, 1948–1950 // UNIV of Michigan on June 7. 2014. P.72–89; Kim D. The Crucial Issues of the Early ColdWar. Stalin and the Chinese Civil War // Cold War History. Vol. 10. No. 2. May 2010. P.185–202.

³¹ Gan I. 'The first practical Soviet steps towards tgetting a foothold in the Antarctic': The Soviet Antarctic whaling flotilla Slava // Polar Record 47. 2011. (240). P.21–28.

³² Geist E. Cooking Bolshevik : Anastas Mikoian and the Making of the Book about Delicious and Healthy Food // The Russian Review. 71. (April 2012). P.295–313.

³³ Агбальян Г. Ставить или не ставить 2,7-метровый памятник Микояну // Haykakan zhamanak. 2014. 7 мая (<http://www.aravot.am/2014/05/07/457956/>) (на арм. яз.).

³⁴ Анастас Микоян // Википедия (<http://hy.wikipedia.org/wiki>) (на арм. яз.).

«Историки» муниципалитета, следующие советской логике, естественным и необходимым считают единое и однозначно признанное черно-белое толкование истории, где А.Микоян либо должен предстать достойным пьедестала героем (иной концепции установки памятников у муниципалитета просто нет), либо нужно доказать, что он «злодей», дабы лишить его подобного пьедестала. Поэтому относительно сбалансированная точка зрения противников установки памятника, например, с позиции нецелесообразности героизировать любых политических деятелей – для сохранения возможности более свободной исторической полемики и во избежание однозначных оценок, навязываемых самим фактом установки восхваляющего памятника, – затерялась в аргументах против памятника именно А.Микояну и в перечислении длинного ряда более достойных для этого персонажей. В этот дискурс была даже включена гендерная тема – с утверждением, что если и требуется пополнение в «скульптурном семействе» Еревана, то это должен быть памятник какой-нибудь выдающейся женщине, чтобы хоть немного выправить «скульптурное гендерное неравноправие»³⁵.

Радикализация позиции происходит и у противников установки памятника как реакция на заданные муниципалитетом правила игры «либо–либо», поскольку именно за городскими властями оставалось право принятия решений и заставить их изменить позицию можно было только убедительными для них доводами. Иными словами, в диалоге с властями представителям движения «против» приходилось апеллировать к тем фактам биографии А.Микояна, которые можно интерпретировать как пре-

³⁵ Арьян С. Ара Санджян: «Памятники не заполняют белых пятен истории» // iLur.am, 2014. 5 мая (<http://www.ilur.am/news/view/28903.html>) (на арм.яз.); Aghvor barer (группа на Facebook-e) // <https://www.facebook.com/aghvor/photos/a.842195492473990.1073741827.842178922475647/911430215550517/?type=1&theater>

ступление. «Степень преступности» ранжировалась по нисходящей: от преступлений перед армянским народом, участия в геноциде поляков, участия в советских репрессиях без учета национальной специфики жертв до равнодушия к друзьям и родственникам, ставшим жертвами репрессий, и неучастия в их судьбе. Это стало причиной тиражирования картины, где А.Микоян выступает однозначным “антигероем”, а не установленный пока памятник – “антипамятником”.

Противники установки памятника Микояну чаще приводили в полемике не те факты, которые были важны для них самих, а те, которые могли подействовать на оппонентов. Поэтому дискурс, который продуцировался и тиражировался в целом оппозиционно настроенными к властям силами (от либеральных до левых), временами приобретал националистический оттенок, поскольку именно “национальные” сюжеты были наиболее весомы для противоположной стороны (в основе официальной идеологии правящей республиканской партии лежат националистические идеи Гарегина Нжде), да и для относительно нейтрального обывателя это были самые воспринимаемые аргументы. Об этом свидетельствует частота выбора тех или иных сюжетов прессой, ориентирующейся на общественный запрос. Например, чаще всего публиковался документ о просьбе расстрелять дополнительно 700 армян, но редко появлялись, хотя в той же мере были доступны, шифровка с согласием на просьбу расстрелять дополнительно 4000 человек в Иркутске или материал о преступлении в Катыни, число жертв которого превышало 22 тысячи человек. Следующими по частоте упоминаний были телеграммы за подписью Микояна с требованием по возможности ускорить передачу Зангезура, Нахичевани и Карабаха в состав Азербайджана (эти тексты сегодня стали особенно актуальными в контексте

Карабахской войны начала 1990-х). История передачи Нахичевани и Карабаха Азербайджану обсуждалась много раз в 1988 г., но акцента на отрицательную роль Микояна тогда совершенно не делалось. Сейчас же его переписка с Орджоникидзе по данному вопросу воспринимается как “национальное предательство”»³⁶.

Третьей, чаще остальных называемой причиной для «низвержения» непоставленного памятника стало сложное отношение Микояна к вопросу геноцида армян в Турции. Если в советских текстах ключевой и драматичный для армян 1915 г. в биографии Микояна ознаменован его вступлением в большевистскую партию, то в постсоветской биографии (напомним, что авторы обеих энциклопедей, очевидно, имели определенные симпатии к А.Микояну) этот год отмечен его участием в обороне армянского города Ван в составе отряда добровольцев, примкнувших к российской армии. Однако служба Микояна прервалась из-за его болезни. По одним рассказам это была аллергия на мясо, по другим – малярия, по третьим – он был ранен. В автобиографии Микоян объяснял свое возвращение с театра военных действий тем, что из-за аллергии на мясо он был вынужден ограничиться безбелковой пищей, в результате чего организм сильно ослаб и он заболел малярией³⁷.

Часто упоминается длинное письмо Микояна к Ленину, где недавний участник обороны Вана предлагает отказаться от любых намерений установления какой-либо формы армянского государства на территории Западной Армении³⁸. Более того, пострадавшие от геноцида

³⁶ Харатян Г. Из темных страниц биографии Анастаса Микояна // Lragir.am, 2014. 3 мая (<http://www.lragir.am/index/arm/0/society/view/98630>) (на арм.яз.).

³⁷ Микоян А.И. Дорогой борьбы. Кн. 1-я, М.: Политиздат, 1971. С.42–45.

³⁸ Барсегов Ю.Г. Геноцид армян : Ответственность Турции и обязательство мирового сообщества. Т.2. Ч.1 (<http://genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v2-1/0648-0685.htm#655>).

армяне в его письме провозглашались приспешниками «мирового империализма», а потому обосновывалась необходимость поддержать турецкую сторону, готовую к сотрудничеству с коммунистами. Неудивительно, что подобные тексты сегодня воспринимаются как откровенно антиармянские.

В другом сюжете Микоян косвенно обвиняется в предательстве своих друзей – бакинских комиссаров³⁹. Эти плохо изученные события, на которые время от времени, шантажируя Микояна, намекал и Сталин, в целом были совершенно непонятны постсоветскому молодому поколению. Но неожиданным образом советские тексты и формулировки относительно «легендарной бакинской коммуны» появились в статье председателя «Союза армян России» Ара Абрамяна в поддержку установления памятника Микояну⁴⁰. Эта статья была наполнена такой откровенно советской риторикой, что стала предметом многочисленных издевательств и шуток (в основном в соцсетях). Одновременно она удостоилась и серьезного анализа⁴¹, деконструирующего многие советские клише, проникшие в текст «руководителя армянской диаспоры в России». Это стало поводом, чтобы история начала XX века предстала в новом прочтении событий времен Первой мировой войны, где Микояну отводилась одна из наиболее непривлекательных ролей.

В фольклоре распространены сюжеты, где Микояну в вину ставились не столько «злодеяния», сколько бездей-

³⁹ Чаренц А. «Нельзя так унижить людей, устанавливая памятник Микояну в центре города» // Azatutyun Radiokayan (<https://www.youtube.com/watch?v=SMFfwZT3WYc>) (на арм.яз.).

⁴⁰ Абрамян А. Анастас Микоян как выдающийся советский деятель и блистательный представитель армянского народа // Azg, N 17. 2014. 20 июня (<http://www.azg.am/AM/2014062005>) (на арм.яз.).

⁴¹ Харатян Г. Несколько ужасающих фактов // Lragir.am. 2014. 23 июня (<http://www.lragir.am/index/arm/0/society/view/100875>) (на арм.яз.).

ствие. В его родном Лорийском марзе⁴² было распространено выражение, что «Микоян даже гвоздя в Армении не забил, чтобы повесить на него собственное пальто»⁴³. Обвинения в бездействии касались и случаев репрессий многих видных представителей армянской интеллигенции или членов их семей. «Преступное бездействие» вменялось ему в фольклорных рассказах устами его родного брата авиаконструктора Артема Микояна и знаменитого художника Мартироса Сарьяна, требующих, чтобы Анастас Микоян поднял вопрос о передаче Армении Карабаха и Нахичевана⁴⁴. Примечательно, что в диаспоральном фольклоре западных армян существует миф о том, что Микоян перешел в стан большевиков после того, как ему дал оплеуху один из главных организаторов обороны армян во время геноцида, генерал Андраник. В воспоминаниях же самого Микояна генерал Андраник представлен как абсолютно положительный герой без всякого упоминания его сложных отношений с СССР⁴⁵.

Окончательное решение об установке памятника было отложено до осени 2014 года, поскольку муниципальный совет ушел в летний отпуск, а ожидаемый на последнем заседании пакет «доказательств» неприемлемости памятника Микояну, обещанный директором музея-института геноцида армян Айком Демояном, не был представлен, как он объяснил, по техническим причинам. Пока вопрос находился в зависшем состоянии, дискуссии приняли неожиданное направление – что может случиться, если муниципалитет не отменит своего решения и памятник установят. Многие бывшие противники этого решения

⁴² Марз – единица территориального деления Армении, аналог области.

⁴³ Полевые материалы. Ереван, 2014.

⁴⁴ Епископосян Р. Мартирос Сарьян Анастасу Микояну: «Анастас, ослиная ты голова» // Magaghat. 2014. 30 мая (<http://www.magaghat.am/2014/05>) (на арм. яз.).

⁴⁵ Микоян А.И. Дорогой борьбы. Кн. 1-я. С.42–45.

стали даже ратовать за установку памятника для получения возможности перформативных акций, которые не дадут утихнуть, по их словам, «процессу люстрации и социальной реабилитации жертв тоталитарных систем»⁴⁶. Уже публично несколько раз прозвучали намерения потомков жертв репрессий осквернить будущий памятник⁴⁷. Удивительным образом тема осквернения памятника актуализировала сюжеты осквернения могил доносчиков и предателей.

Тема «могилы предателя» возникла, возможно, еще и потому, что в качестве памятника родственники Микояна предлагали и даже уже заказали копию его могильного памятника, установленного на Новодевичьем кладбище (еще одна копия установлена в родном селе Микояна Санаине в 2005 г.). Наиболее распространенными формами выражения социального презрения или неформальной «люстрации» были либо отказ участвовать в похоронах доносчиков (в таких случаях невозможно было перенести гроб на кладбище), либо осквернение их могил после погребения. Если в фильме грузинского режиссера Т.Абуладзе «Покаяние» такое осквернение происходит путем выкапывания трупа, то в случае зафиксированных нами устных преданий на могилу мочились или испражнялись. Такой сюжет зафиксирован и в одной притче, где перед смертью известный своей жестокостью человек просит сына сделать так, чтобы после его смерти кто-нибудь благословил его. Все попытки сына заканчива-

⁴⁶ Ср. выступление Давида Санасаряна на конференции, организованной городским комитетом партии АРФ, посвященное вопросу установления памятника Анастасу Микояну (<http://www.yerkirmedia.am/wap.php?act=news&lan=hy&id=20654>) (на арм.яз.).

⁴⁷ Заявления на Facebook-e: (<https://www.facebook.com/argishti.kiviryan/posts/766416170055729>) (на арм.яз.); (<https://www.facebook.com/k.harutyunyan/posts/10152145606020679>) (на арм.яз.); Папян С. Скандал вокруг истории с памятником Микояну // *Lragir.am*. 2014. 2 июня (<http://www.lragir.am/index/arm/0/interview/view/99950>) (на арм.яз.) и др.

ются неудачей, пока он не догадывается изгадить могилу отца и, спрятавшись, становится свидетелем того, как проходящие мимо женщины произносят: «Да будет благословлен отец того, кто отдал по заслугам этому злодею»⁴⁸. В полевых материалах мы зафиксировали легенду о том, как один из известных армянских военачальников, участвовавший во взятии Берлина, после победного кругового танца *кочари* у Рейхстага, отправился со своими солдатами на поиски могилы кайзера Вильгельма II⁴⁹, в котором жертвы геноцида в Турции (военачальник, родом из Западной Армении, был одним из переживших эту трагедию) часто видят одного из главных виновников, для того чтобы коллективно осквернить его могилу.

Что касается доносчиков или председателей колхозов, которые по должности были обязаны составлять списки ссыльных, а потому также попадали в группу «донсчиков», нами зафиксировано несколько историй как коллективного осквернения, так и «дежурства», чтобы зловоние ни на день не оставляло могилу покойника. О зловонии, которое будет исходить от памятника Микояну, также можно было читать во многих фейсбучных (и не только) комментариях. Предлагались формы более «цивильного осквернения» – закрасивание рук памятника красной краской (буквализация выражения «руки по локоть в крови») и т.п. Эти сюжеты, думаю, стали поводом для беспокойства заказчиков памятника, поскольку они забрали незавершенную работу из мастерской и скрывают его местонахождение. Факт исчезновения памятника, как и возможные последствия его установки стали еще одной темой для демотиваторов.

Выбор членов семьи Микояна именно надгробного памятника для установки в Ереване стал поводом для

⁴⁸ Саргсян А. Оставьте места для благословения, не то... // Армянские народные басни. Ереван: Edit Print, 2011. С.125–126.

⁴⁹ На самом деле Вильгельм II похоронен в Дорне, Нидерланды.

новой дискуссии о том, какого типа памятники можно и нужно устанавливать в столице, какую процедуру отбора они должны проходить и т.п. Оказавшаяся в центре критики председатель комиссии по вопросам культуры стала требовать ясного изложения конкретных критериев для принятия подобных решений.

После скандала вокруг памятника А.Микояну принятие почти любого решения относительно памятной стелы или памятника стало подвергаться критике. Общественный резонанс получили, например, решения поставить в Ереване памятник советскому маршалу А.Х.Бабаджаняну, а в Гюмри, на территории и по инициативе российской военной базы, М.Т.Калашникову. Если памятник Калашникову оказался вписан в дискурс реколонизации Армении и насаждения Россией милитаристской идеологии, то памятник Бабаджаняну рассматривался в контексте «ресоветизации» Армении. И снова «темные» страницы советской истории стали предметом общественных дискуссий, поскольку в качестве порочащего факта стали приводить историю ввода в Венгрию в 1956 г. советских войск, возглавляемых маршалом А.Х.Бабаджаняном. В советское время это была одна из редко проговариваемых и почти запретных тем, которая всплывала разве что в советской «туристической мифологии» в сюжете о «недоброжелательном отношении к армянам из-за маршала Бабаджаняна»⁵⁰. Сегодня она стала еще одной обсуждаемой темой, и даже шутили, что экстрадиция Рамиля Сафарова в Азербайджан⁵¹ обусловлена тайной мстью Бабаджаняну⁵².

⁵⁰ См., напр.: Памятник маршалу Баграмяну // *Найкакан zhamanak*. 2014. 20 июня (<http://www.armtimes.com/hy/read/52261>) (на арм.яз.).

⁵¹ См. напр.: В ПАСЕ осудили экстрадицию в Азербайджан Рамиля Сафарова и последовавшее помилование // *Кавказский узел* (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/243374/>).

⁵² Армения на пороге нового скандала // *Lragir.am*. 2014. 24 июня (<http://www.lragir.am/index/arm/0/country/view/100965>) (на арм.яз.).

Таким образом, инициатива поставить памятник советскому политическому долгожителю Анастасу Микояну неожиданно стала поводом для кардинального пересмотра всего советского прошлого, столкновения с собственной историей и раскрытия многих табуированных сюжетов, для обсуждения и осуждения тоталитарных порядков не только исторического прошлого, но и его сегодняшнего присутствия и в ландшафте города, и в действующей системе управления. Иначе говоря, инициатива с установкой памятника, независимо от того будет он поставлен или нет, привела к результатам, для которых обычно и проводилась политическая люстрация. Но если обычно это процесс организуется сверху вниз (как решение новых властей), в Армении он развернулся снизу вверх.

Ираклий ХВАДАГИАНИ,
докторант Университета Ильи, Тбилиси

Жертвы политических репрессий в Грузии: отношение общества и процесс реабилитации

Хотя вопрос о том, кто конкретно и сколько всего людей, когда и почему стали жертвами советского террора в Грузии, волнует граждан по сегодняшний день, понимание причин этой трагедии, мотивации участвующих в ней людей – карателей и жертв – спустя 23 года после падения советского режима не то что не растет, а напротив, становится более туманным и мифологизированным. Недостаток информации и укоренившиеся стереотипы создают широкие возможности для манипуляций.

Общество сегодня не готово критически, отстраненно, не избегая острых вопросов, оценить этот отрезок собственной новейшей истории, осознать тяжесть трагедии старшего поколения сограждан и определить, как подобное могло произойти в нашем обществе с нашим же соучастием.

Неоднозначное отношение общества к назначению компенсаций жертвам советских репрессий и формальный подход к этому со стороны властей еще раз наглядно показывают, насколько разъединено общество и насколько незначительное место в общественном сознании занимают такие фундаментальные ценности, как жизнь и свобода человека.

Сегодня в грузинском обществе еще широко распространено позитивное отношение к советскому режиму,

а значительная часть граждан положительно относится к личности Сталина – соответственно, когда существует подобный настрой к главному символу тоталитарного режима, не должно удивлять безразличие к жертвам этого режима.

В некоторой степени становлению такой реальности способствовало вызванное травмирующим опытом молчание самих жертв репрессий, их голоса «не были слышны», активное самовыражение и борьба за восстановление честных имен и признание не стало длительным процессом и не достигло уровня общенациональных явлений. Ощущение остроты вопроса осталось только во внутренней сфере группы жертв и их потомков, а для других граждан эта альтернативная картина новейшей истории и ее оценка остались чужды. Несмотря на то что большинству положительно относящихся к советскому прошлому и его символу (Сталину) людей хотя бы поверхностно известно о советском терроре и они не пытаются оспаривать эти факты и, соответственно, не желали бы жить в подобной реальности¹. Тем не менее эти преступления часто оправдывают «необходимостью». По нашему мнению, сегодня граждане просто не могут представить масштаб и тяжесть репрессий, что объясняется не только низким уровнем информированности, но и недостаточной коммуникацией с живыми свидетелями, своего рода «медиумами».

Когда интерес общества ничтожен, сознание пронизано стереотипами, а исследование советского прошлого довольно фрагментарно, когда государство не заинтересовано ни в поощрении новых исследований, ни в поддержке существующих проектов, формально относится к восстановлению прав жертв тоталитарных репрес-

¹ См. результаты социологического исследования, проведенного CRRC : <http://crrc-caucasus.blogspot.com/2013/04/nostalgia-for-stalin-in-georgia-between.html>

сий – это следствие комплекса взаимосвязанных проблем. Когда жертва молчит из страха, у соучастника власти не возникает вопросов о собственной роли и стремления ее переоценить; людей, эмоционально не связанных с этими событиями и потому способных рассматривать их объективно, либо они не интересуют, либо отсутствует возможность получить соответствующую информацию. А это в итоге вызывает информационный вакуум, замкнутость группы жертв и табуированность темы о причинах и результатах соучастия в массовых преступлениях.

Практика процесса реабилитации в Грузинской ССР

Анализу динамики и особенностей процесса реабилитации жертв советских репрессий в Грузинской ССР препятствуют существующие комплексные проблемы в архивной сфере Грузии.

С одной стороны, фрагментарность архивов бывшего КГБ и МВД ГССР (сейчас – I отделение архива МВД Грузии), связанная с гибелью значительной части архивных документов во время гражданской войны 1991 г. не даст возможности определить, сколько человек стало жертвами репрессий на территории Грузии с 1921 г. до развала СССР. Из-за недостаточной прозрачности архивной системы и низкой активности исследований нет сведений о том, что стало с документами, частично отражающими деятельность репрессивного аппарата органов безопасности (годовые отчеты, доклады по конкретным вопросам, «дела» антисоветских политических организаций, переписка по актуальным вопросам, коммуникация с подчиненными структурами), которые позволили бы восстановить общую картину.

С другой стороны, главная документальная база для изучения именно процесса реабилитации сохранилась в национальном архиве в фондах Прокуратуры и Верховного суда ГССР, но исследователи до настоящего момента не имеют доступа к этим документам. Национальный архив, опираясь на Закон «О национальном архиве и архивном фонде», под предлогом защиты «персональной информации» не позволяет «третьим лицам» знакомиться с этими документами. Согласно закону, срок секретности документов, связанных с уголовными делами и содержащих персональную информацию, определен в 75 лет, следовательно материалы реабилитации середины 1950-х годов станут доступны для изучения с 2030 года (если не произойдет коренных изменений в законодательстве).

Сегодня невозможно получить и документ с прошедшим сроком секретности, так как, ссылаясь на этот закон, исследователям не дают ознакомиться с описанием фонда (перечнем дел), поскольку в нем представлены как документы, у которых истек срок секретности, так и документы, у которых срок еще не истек. Таким образом, у исследователей нет возможности ни получить материалы о реабилитации конкретной личности, ни обработать полный перечень существующих дел для воссоздания общей картины.

С 1950-х годов различные документы, отражающие процесс реабилитации, рассеяны в архивных фондах властных структур и в архиве компартии Грузии. Из-за закрытости фондов и общего подхода к каталогизации выявление наиболее значимых документов для этой темы весьма затруднено.

Характеризовать начало и динамику процессов реабилитации в Грузинской ССР можно лишь на основе анализа тех незначительных статистических данных и реабилитационных дел конкретных лиц, доступ к которым стал возможен, несмотря на существующие ограничения.

Существенные вопросы, заслуживающие внимания, это статус и восстановление прав тех людей, которые к моменту прекращения активной фазы Большого террора, к концу 1938 г., все еще были под следствием или в ожидании приговора. Несмотря на то, что недостаток данных не позволяет делать обобщений, можно попытаться путем анализа нескольких конкретных дел, имеющих в нашем распоряжении, охарактеризовать положение 1940-х годов с точки зрения возможной реабилитации репрессированных этой категории.

С 1930-х г. по конец 1940-х годов обвиняемые формально имели право опротестовать нарушения и обратиться в прокуратуру, хотя уже сама опись фонда надзорного производства над следственными делами НКВД (Управление госбезопасности, Народный комиссариат госбезопасности, Министерство госбезопасности) показывает, насколько ограниченно осуществлялась эта практика: с 1932 по 1951 г. этим правом смогли воспользоваться менее 1000 обвиняемых², и по значительной части их дел прокурорский надзор не зафиксировал нарушений.

В этом контексте интересно внутреннее противостояние, судебное (внесудебно)-карательными структурами и надзорным органом – прокуратурой.

Если при рассмотрении дел осужденных в несудебном порядке (ОСО или коллегия при ОГПУ и НКВД, особые тройки при НКВД) контроль прокуратуры носил формальный характер (хотя бы в 1930-х годах), то при судебном (Верховный суд, народные суды) производстве прокуратура активно пыталась осуществлять свои законные полномочия, чему противились уже руководители судебной системы, пользуясь лакунами и противоречи-

² Национальный архив Грузии, Центральный Государственный архив новейшей истории Грузии (ЦГАНИГ). Ф.498 – Прокуратура ГССР. Оп.4 – материалы прокурорского надзора над следственными делами КГБ.

ями, существующими в законодательстве³. Это противостояние еще более снижало шансы обвиняемого избежать безосновательного осуждения и, соответственно, уменьшало возможность восстановления ограниченных прав. В этот период для большинства обвиняемых⁴ наилучшим возможным итогом было прекращение следствия и освобождение. Максимумом, как можно заключить из изучения конкретных дел, было восстановление на работе и в партии.

Изученные нами конкретные дела позволяют заключить, что решающее значение для более существенной (полноценной) реабилитации имели связи с высшими партийными и государственными чинами и личная воля лидеров компартии. В частности, с этой точки зрения очень интересно дело Григория Табидзе: он с 1921 г. работал в ЧК и в системе ГПУ, в основном по направлению борьбы с «бандитизмом»; к 1937 г. был начальником Тбилисского районного отделения НКВД ГССР. Его арестовали в июле 1937 г., семью выселили из квартиры. 15 сентября 1937 г. была выдана санкция на осуждение по первой категории (список подписали Сталин и Молотов)⁵, но, в отличие от большинства в этом списке, он не был осужден Военной коллегией к расстрелу, а 19 ноября 1937 г. ОСО при НКВД СССР приговорило его к 5 годам ИТЛ; по решению того же ОСО от 26 марта 1939 г. он был освобожден из Каргопольлага и вернулся в Тбилиси. Ему возвратили конфискованное имущество, восстановили в партии, и в период Второй мировой войны он работал на

³ ЦГАНИГ. Ф.600 (Совнарком ГССР). Перечень № 1. Д.6295. С.160–164.

⁴ Здесь и далее в большинстве случаев подразумеваются граждане, обвиненные в контрреволюционной деятельности.

⁵ Сталинские списки из Грузии – база электронных данных: исследование провел Институт свободного развития информации IDFI при финансовой поддержке Юго-Кавказского регионального бюро фонда Генриха Бёлля и посольства Швейцарии в Грузии. Партнеры проекта – Архив МВД Грузии и Международное общество «Мемориал».

ответственных должностях. Благополучный исход был обусловлен поддержкой, которую жена Табидзе нашла у одного из приближенных Л.П.Берии, и его неофициальным вмешательством⁶.

Подобные исключения, обусловленные личными связями, крайне сложно подтвердить документально. В данном случае основным служит устный источник, но попытка объяснить радикальные изменения в делах ряда других людей толкает к поиску персональных мотивов.

Аналогичный интересный пример – дело старого большевика Серго Кавтарадзе: в 1926–1927 гг. за активное участие в деятельности троцкистской оппозиции в Грузии исключен из партии и сослан в Среднюю Азию; после написания «покаянного» заявления освобожден и даже восстановлен в партии; в 1936 г. снова арестован и в сфабрикованном деле о «Грузинском право-троцкистском центре» стал одним из основных обвиняемых. Подобно другим «руководителям» он полностью признал предъявленные обвинения и дал показания на других членов, но, в отличие от других, ему не вынесли расстрельного приговора и освободили из заключения в 1939 г., в 1940 г. восстановили в партии, и с этого периода он работал на ответственных должностях в Наркомате иностранных дел. Ввиду скудости документальных источников⁷ невозможно утверждать однозначно, но часть исследователей объясняет подобное развитие дела личным вмешательством Сталина.

Своеобразная ситуация, сложившаяся в Грузинской ССР после смерти Сталина, уничтожения Лаврентия Бе-

⁶ Интервью с сыном Г.Табидзе, Нугзаром Табидзе, 13 апреля 2014 г.

⁷ Уголовное дело Серго Кавтарадзе сгорело в 1991 г. Фрагменты его показаний, возможно, остались в делах других членов группы. Существует копия протокола допроса Серго Кавтарадзе при пересмотре дела группы 1955 г., где он объясняет мотивы данных им показаний на следствии 1936–1937-х гг. Интересно, что в архиве нынешнего МВД сохранились воспоминания Серго Кавтарадзе, на которые никто не обратил внимания для изучения этого эпизода.

рии и чистки его окружения, характеризуется борьбой между руководителями компартии, которая была обусловлена противостоянием функционеров на местном уровне. К тому же кампании развенчания «культы личности» вызвала резко отрицательную реакцию со стороны части грузинского общества.

После смерти Сталина были освобождены многие партийные функционеры, арестованные в начале 1950-х годов в рамках «мегрельского дела», которое, как считается, было сфабриковано по указанию вождя для ослабления влияния Бериин. Однако одновременно в Грузинской ССР начались кадровые изменения и новая чистка окружения Бериин. Ряд фигурантов «мегрельского дела» были повторно арестованы и осуждены.

Процесс осуждения «культы личности» на XX съезде вызвал в Грузии сложную реакцию – в информационных материалах, сохранившихся в архиве ЦК компартии Грузии, собраны высказанные в партийных ячейках при обсуждении доклада Хрущева «неприятные вопросы»⁸, касающиеся соучастия автора доклада и правящей группы в становлении культа личности, нарушениях «социалистической законности» и т.п.

Однако распространение в массах интерпретации текста секретного доклада как направленного против грузин (в связи с национальной принадлежностью Сталина) привело к протестным выступлениям в больших городах Грузинской ССР в первых числах марта 1956 г. с требованием «защиты» имени Сталина. Во время разгона военными протестной манифестации 9 марта 1956 г. в Тбилиси были человеческие жертвы.

Это событие полностью перекрыло в коллективной памяти шок, вызванный в 1955 г. показательным судеб-

⁸ Архив академии МВД Грузии (бывший архив МВД, 2 отдел – архив партийных органов). Ф.14 (Центральный Комитет Компартии Грузии). Перечень 31. Д.210.

ным процессом в Тбилиси, на котором группу руководителей террора 1937–1938 и 1940-х годов Авксентия Рапаву (министра государственного контроля, бывшего в 1938–1943 гг. наркомом внутренних дел Грузии), Шалву Церетели (министра внутренних дел республики), Николаза Рухадзе (министра госбезопасности Грузии) и других судили по обвинению в «нарушении социалистической законности». Этот «полуоткрытый» судебный процесс стал первым публичным свидетельством террора и бесчеловечности, царившей в аппарате госбезопасности в 1930–1940-х годах, и подтверждением массового истребления невинных людей.

Несмотря на то что для большей части общества была очевидна пристрастность следствия и вынесенного вердикта, поскольку эти массовые преступления были представлены ответственностью не системы, а конкретных личностей (Берии и его окружения), этот судебный процесс стал сигналом для жертв репрессий, что можно бороться за реабилитацию.

Трагедия 9 марта 1956 г., шок от разгона безоружных манифестантов военными разрушили даже половинчатое ощущение «восстановления справедливости». Опять воцарилась атмосфера молчания – излишняя активность, нежелательные вопросы и критика партии (даже осужденного ею прошлого) для большинства граждан вновь ассоциировались с опасностью. В результате процесс реабилитации граждан, репрессированных сталинским режимом, стал делом только их ближайших родственников и обсуждение причин и степени воздействия массового террора 1930-х годов на общество не развилось даже внутри этого круга.

Поэтому возвращение тысяч живых свидетелей преступлений режима и их реинтеграция в общество очень

слабо отразились в коллективной памяти и в произведениях искусства – в литературе, кино и др.⁹

Мы имели возможность работать только с материалами особого сектора Прокуратуры ГССР¹⁰, в результате анализа которых можно представить лишь общую картину – как на месте осуществлялся контроль за исполнением союзного постановления об амнистии. В 1953–1954 гг., как правило, не амнистировали лиц, осужденных более чем на 5 лет за контрреволюционную деятельность, бандитизм или измену Родине. Поэтому большая часть амнистированных и условно досрочно освобожденных, пересмотр-изучение дел которых проводилось прокуратурой, в основном были ранее осуждены за хищение социалистической собственности¹¹. Несмотря на это, районными органами совместно с республиканскими, а республиканскими – с союзными, постоянно происходило уточнение условий и целесообразности применения амнистии и рамок досрочного освобождения, исправление ошибок, подготовка информационно-статистических материалов об исполнении и т.д.

Не обнаружены информационные материалы и о созданной в 1954 г. Республиканской комиссии по пересмотру дел лиц, осужденных по обвинению в контрреволюционной деятельности: Центральный Государственный архив новейшей истории Национального архива не дал возможности работать с материалами Совета Министров ГССР за этот период, где мы могли бы выявить вероятно существующие информационные материалы о деятельно-

⁹ Интересно, что в запрещенном в 1950-х годах романе Шио Гветадзе «Покаяние» один из главных персонажей, лидер криминального мира, встает на путь преступлений из-за репрессирования родителей в 1937 г. Жена автора романа тоже была из семьи репрессированных.

¹⁰ ЦГАНИГ. Ф.498. Перечень 2.

¹¹ Там же. Д.468, 477.

сти комиссии. Акты заседаний этой комиссии хранятся в архивном фонде Прокуратуры ГССР вместе с коллекцией надзорных дел¹² – минимум 36 томов за 1954–1957 годы.

В описи архивного фонда материалы представлены в хронологическом порядке по следующим разделам:

- Протоколы комиссии,
- Пересмотренные дела с положительным заключением,
- Дела, закончившиеся отказом в реабилитации,
- Просьбы о реабилитации, поданные из мест заключения.

За 1954–1957 годы было пересмотрено до 10 000 дел конкретных лиц или групп лиц. На основе анализа всех доступных документов и сведений из устных источников можно уяснить механизм пересмотра дел¹³.

Как правило, пересмотр дела начинался с обращения конкретного лица (члена семьи, правопреемника...) с требованием о пересмотре дела или о выяснении судьбы репрессированного; в редких случаях инициативной стороной процесса выступают институты, пытающиеся узнать о судьбе бывших сотрудников и восстановить их доброе имя¹⁴. Основная часть архивных уголовных дел была пересмотрена Прокуратурой ГССР, и подготовленные заключения представлены в форме протеста Коллегии по уголовным делам Верховного суда ГССР или Военной коллегии Верховного суда СССР. Частично дела аналогичным порядком представлены Прокуратурой Закавказского военного округа в Трибунал Закавказского военного округа.

¹² Там же. Перечень 4.

¹³ Для сравнения: в 1937–1938 гг. только тройка, существующая при НКВД ГССР, осудила до 21 000 человек. Выездная сессия ВКВС СССР – приблизительно 900 человек. Неизвестна статистика о действиях Коллегии по уголовным делам Верховного суда ГССР и ОСО при НКВД СССР.

¹⁴ Напр.: Союз советских писателей Грузии, Государственный драматический театр им. Ш.Руставели.

Рассмотрение происходило без присутствия стороны заявителя.

Заключение суда и трибунала посылалось стороне заявителя в справочной форме о прекращении дела и реабилитации обвиняемого ввиду отсутствия в деле признаков преступления. Аналогичным образом посылался отказ в реабилитации с подтверждением правильности прежнего решения.

Анализ конкретных дел о реабилитации этого периода позволяет сделать выводы о рамках реабилитационного процесса: восстановление чьих прав и статуса признавалось допустимым, насколько глубоко изучали и оценивали справедливость наказания и возможной реабилитации, а также о материальной стороне – на какую компенсацию мог рассчитывать потерпевший.

Кого реабилитировали? В 1954–1957 гг. в основном пересматривали дела жертв массового террора 1936–1938 гг., так как по официальной версии террор был делом определенной группы (окружения Берии, в то время Первого секретаря ЦК КП(б) Грузии) в указанном временном отрезке. Соответственно, все осуждения, не попадавшие в эту рамку, априори считались справедливыми. Более того, в большей части дел жертв террора 1937–1938 гг., которым было отказано в реабилитации, мотивом отказа указана причастность этих лиц в конце 1920-х годов к троцкистским организациям или сочувствие им. Аналогичный подход прослеживается и по отношению к категории репрессированных, связанных с «антисоветскими» партиями и группами. Массовая реабилитация этих репрессированных стала возможна только после Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. – их число в Грузинской ССР достигало 18 000¹⁵.

¹⁵ http://archive.security.gov.ge/fond_21.html

Тщательность пересмотра. В ряде случаев в материалах пересмотра дел очевидна поверхностность, что вызвано своеобразной «цепной реакцией». Когда внимательно и детально пересмотрели центральные дела 1937–1938 гг. «антисоветских организаций» и известных политических персон и по ним были вынесены заключения о ложности обвинений, в автоматическом режиме были признаны беспочвенными обвинения против всех аналогичных организаций. Часто при пересмотре дела следствие уже не старалось выяснить подлинность фактов, связанных с «преступлениями» 1920-х годов, а основанием для прекращения дела и реабилитации могли стать даже имеющиеся в деле процедурные нарушения. Есть прецеденты, когда Прокуратура Грузинской ССР при пересмотре дела конкретного лица выдала отрицательное заключение, но после обращения заявителя в союзную прокуратуру представляла суду положительное заключение и суд принимал решение о реабилитации. Приведем два примера.

1. **Манасе Гогуадзе** активно участвовал в революционном движении с 1890-х годов, работал в нелегальных типографиях, за это в 1910 г. был приговорен к пожизненной каторге и был освобожден после революции 1917 г. До 1917 г. состоял в большевистской фракции, однако затем стал членом Социал-демократической партии Грузии (меньшевиков). После оккупации и советизации Грузии участвовал в нелегальном антисоветском движении. В 1923 г. был вновь арестован по делу нелегальной типографии, через несколько месяцев подал заявление о прекращении антисоветской деятельности и был освобожден. До 1937 г. работал в типографиях государственного издательства. За этот период несколько раз подвергались арестам два его сына и дочь. В 1937 г. старшего сына с супругой расстреляли по обвинению в контрреволюционной деятельности и вредительстве. Манасе Гогуадзе

особая тройка при НКВД отправила в ИТЛ на 10 лет. До 1956 г. он безрезультатно добивался реабилитации и неоднократно обращался к председателю Верховного Совета СССР и к союзному прокурору. В 1956 г. дело рассмотрела Прокуратура ГССР и дала отрицательное заключение, указав на его связь с антисоветским движением в 1920-х годах. После очередной попытки в 1957 г. Коллегия уголовных дел Верховного суда ГССР рассмотрела очередной протест Прокуратуры ГССР по делу Гогуадзе, и на сей раз, ввиду отсутствия в деле 1937 года фактических доказательств, отменила решение тройки и прекратила дело.¹⁶

2. **Кетеван Думбадзе** – жена старого большевика, советского партийного деятеля Владимира (Ладо) Думбадзе. Ладо Думбадзе вместе с другими лидерами Тбилисской троцкистской оппозиции в 1927 г. был сослан в Крым, в 1934 г. арестован в Башкирии и в 1935-м осужден на 5 лет ИТЛ¹⁷. Умер в тюрьме. Кетеван Думбадзе арестовали в 1934 г. вместе с мужем и Коллегия ОГПУ отправила ее на 3 года в ИТЛ по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации, а в 1937 году по решению особой тройки «Дальстроя» она была расстреляна. В 1937 г. их дочь, Веру Думбадзе, обвинили в контрреволюционном преступлении и приговорили к 10 годам ИТЛ. После возвращения дочь попыталась получить реабилитацию матери (у нее была информация, что мать скончалась в 1935 г. в Карлаге). В 1957 г. Прокуратура ГССР дала отрицательное заключение, на допросе в 1929 г. Кетеван Думбадзе признала, что разделяла троцкистские идеи и принимала участие в распространении нелегальной литературы. При второй попытке, уже в 1961 г., на основании протеста, подготовленного союз-

¹⁶ ЦГАНИГ. Ф.498. Перечень 4. Д.2052.

¹⁷ <http://lists.memo.ru/d11/f416.htm#n131>

ной прокуратурой, Коллегия уголовных дел Верховного суда Грузинской ССР признала обвинение беспочвенным и прекратила дело.

В этом же контексте интересна судьба членов компартии, которых в ходе массовых депортаций переселили в Среднюю Азию и Сибирь в 1941–1951 гг. (около 2000 членов партии и кандидатов). Их партдокументы оставались в местных организациях партии. Часть переселенных коммунистов пыталась из мест переселения определиться с партийным положением и затребовать документы, но решением ЦК КП Грузии им это не позволили, и местным органам была отдана директива об исключении из партии этого контингента. С 1953 г. параллельно амнистиям было принято решение индивидуально изучить дело каждого заявителя и в случае отсутствия компрометирующих материалов восстановить их в партии¹⁸.

Нам неизвестно, существовал ли какой-либо нормативный документ (приказ, указание, инструкция), устанавливающий подобный «фильтр» при реабилитации. Возможно, что эти рамки определялись неформально – такое тоже бывало. Например, в 1955 г. о принципах досрочного освобождения тяжело и неизлечимо больных заключенных¹⁹ начальник надзорного отдела Прокуратуры Грузинской ССР Микадзе по ВЧ-связи беседовал с начальником отдела надзора за местами заключения Прокуратуры СССР Вавиловым. Основной вопрос, требовавший уточнения, – как поступать, когда в эту категорию попадают растратчики крупных сумм, а после освобождения по Указу зачастую вновь совершают то же

¹⁸ Архив Академии МВД (Второй отдел). Ф.14. Материалы заседания бюро ЦК Компартии ГССР по кадровым вопросам.

¹⁹ Указ Президиума ВС СССР от 3 сентября 1955 г. «О досрочном освобождении из мест лишения свободы инвалидов, престарелых, лиц, страдающих тяжелым неизлечимым недугом, беременных и женщин, имеющих малолетних детей».

преступление и, ввиду болезни, снова попадают в категорию освобождаемых. После этого разговора Микадзе дал неофициальное распоряжение устно «намекнуть»²⁰ представителям МВД, чтобы они воздержались от представления в суд материалов на амнистию подобных типов²¹. Можно предположить, что фильтрация осужденных за «контрреволюционные преступления» и «изъятие» нежелательной части лиц этой категории из реабилитации происходили в подобном неофициальном порядке.

Один из существенных вопросов процесса реабилитации 1950-х годов, оставленный практически без внимания, – *возмещение материального ущерба*. В коллективной памяти граждан старшего поколения прочно сохранилась картина конфискации имущества репрессированных и выселения-переселения членов их семей, а изменение социальной картины престижных районов больших городов – наглядная иллюстрация этого процесса. Несмотря на это вопрос, в какой степени смогли репрессированные граждане получить сколь-нибудь осязаемую компенсацию в конце 1950-х годов, никогда не был предметом особого внимания, в отличие от вопроса о компенсации, обсуждаемого в наши дни.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении конкретным делам, можно заключить, что отношение к материальному возмещению урона было формальным. Несмотря на то что постановлением Президиума Верховного Совета СССР вопрос трудового стажа и пенсий реабилитированных был урегулирован более или менее удовлетворительно, очевидно, что определенная тем же порядком компенсация за «вынужденный прогул» была чисто символической (вы-

²⁰ В официальной части переписки этот пункт сформулирован более нейтрально: дело каждого лица следует рассматривать индивидуально и оценивать с учетом государственной безопасности.

²¹ ЦГАНИГ. Ф.498. Оп.2. Д.591. Л.19, 20.

плата зарплаты за два месяца). На практике еще сложнее оказался вопрос возмещения конфискованного личного имущества (квартира, мебель и т.д.) и денег. С одной стороны, репрессированному было очень сложно подтвердить факт конфискации имущества, так как министерство финансов – сторона, обязанная выдать компенсацию, – не обладало конкретной информацией от карательных органов о фактах конфискации собственности, КГБ не находил в своем архиве актов конфискации ввиду процедурных нарушений следствия в 1937–1938 гг., а в архивных материалах основного органа распределения конфискованного имущества, т.н. спецторга, квитанции и документы о продаже вещей уже были уничтожены как макулатура. Таким образом, жертва обладала очень малыми возможностями документального подтверждения факта конфискации и стоимости имущества. Даже в случаях, когда удавалось обойти эти препятствия, поиск конкретных вещей, выкуп от новых владельцев или возвращение были связаны с большими сложностями (формально новые владельцы приобретали эти вещи законным путем), поэтому все равно принималось решение о возмещении стоимости, а в этом случае опять возникал вопрос об оценке вещей, о чем каждая сторона имела свое мнение. Даже при достижении консенсуса добавлялось дополнительное обстоятельство – при денежной компенсации должна была быть учтена денежная реформа, что значительно уменьшало сумму компенсации. Кроме того, при возникновении конфликтных ситуаций одним из законных способов решения о возмещении убытка считалась судебная тяжба, но в большинстве случаев срок давности для подобных гражданских исков (три года) давно прошел и у граждан не было никаких правовых рычагов для продления процесса.

Даже минимальной компенсации не удалось добиться категории граждан, депортированных по этническим

признакам, в частности, депортированным в 1941 г. закавказским немцам, а также депортированным в 1944 г. мусульманам-месхам. В обоих случаях после реабилитации в 1950-х годах абсолютному их большинству не было дано возможности вернуться в собственные дома, так как сразу после депортации там поселились люди из других регионов. Для немцев хотя бы не был введен запрет на возвращение на территорию Грузинской ССР (кроме особой пограничной зоны), но месхам до конца 1980-х годов руководство республики с использованием всех официальных и неофициальных способов не давало возможности возвратиться не только в свои дома, но даже на территорию Грузинской ССР.

Немногом отличается картина в отношении депортированных в 1949 и 1951 гг., абсолютное большинство из которых не смогли вернуть жилые дома в больших городах (особенно в Тбилиси), хотя все-таки удалось обеспечить их жилой площадью.

С точки зрения восстановления прав собственности, а также социального статуса наиболее маргинализованной оказалась категория репрессированных, которых обвиняли в сотрудничестве с нацистским режимом и службе в немецкой армии во время Второй мировой войны. После освобождения по амнистии лишь очень малая часть из них смогли добиться реабилитации.

До конца существования советской власти никогда не вставал вопрос о реабилитации пострадавших в процессе коллективизации в конце 1920-х – начале 1930-х годов (т.н. раскулаченных) и о возмещении им в каком-либо виде и объеме имущественного урона.

Несмотря на обусловленную политическим контекстом 1950-х годов массовую реабилитацию и связанное с ней вынужденное косвенное признание фактов массового нарушения фундаментальных прав граждан, до конца

1980-х годов было невозможно не только ставить под сомнение официальную версию причин террора, но даже в пределах официальной версии заострять внимание на массовых репрессиях.

Наиболее наглядно это иллюстрируется отношением к партийным деятелям, ставшими жертвами террора в 1936–1938 гг. Начиная с 1955–1956 гг. в официальных документах, в названиях улиц, литературе поэтапно восстановили «стертые» Большим террором имена деятелей революционного движения. В 1957 г., в одном из первых сборников биографий старых большевиков в конце биографий реабилитированных указывалось, что они стали жертвами незаконных репрессий²². Однако в дальнейшем ни в одном из подобных изданий о последних годах и репрессиях этих людей ничего не сказано. Более того, даты их кончины намеренно фальсифицированы, чтобы замаскировать факты репрессий. В советской историографии были изъяты абсолютно все сведения о большевиках, деятелях революционного движения, которые стали жертвами репрессий в конце 1920-х годов из-за участия в «троцкистской оппозиции».

Отношение Грузии к теме советского террора в последние годы существования СССР и в настоящее время

В конце 1980-х годов на фоне ослабления цензуры и начала распада СССР обнаружение информации о репрессиях и обсуждение сталинского террора стали одной из главных тем в средствах массовой информации. Критическая оценка тогдашней дискуссии показывает, что она была не столь массовой и глубинной. Анализ грузинской прессой 1980-х и начала 1990-х годов показывает, что

²² Архив Академии МВД (Второй отдел). Ф.14. Перечень 28. Д.390.

процес был запоздалым и фрагментарным. В частности, появление в прессе республиканского значения материалов, обличающих советские репрессии и, тем более, прошлое тоталитарного государства и его наследия, началось летом 1989 г. (после трагедии 9 апреля), и в основном это была публицистика – воспоминания очевидцев и жертв репрессий, реже публикация старых секретных документов и репринты запрещенных эмигрантских изданий – статей и книг. Сравнительно редкими были научно-исторические статьи и работы по этой тематике.

Удовлетворению общественного внимания соответствующим «продуктом» – созданию научных и научно-популярных трудов – мешали нехватка компетентных гражданских активистов и исследователей, а также общий кризисный фон в стране, который уменьшал внимание к этой теме и возможности мобилизации ресурсов.

Постоянные конфликты между группами общества, атмосфера насилия, экономический кризис отвлекли внимание общества от осмысления последствий советского террора, выявления и демонтажа движущих механизмов тоталитарной системы, от реабилитации жертв репрессий.

В итоге попытки начать процесс люстрации, восстановление прав жертв террора и выявление–осуждение преступников остались в основном на уровне замысла. А попытки внести эти вопросы в политическую повестку дня сразу порождали подозрения, и не совсем беспочвенные, об использовании их в качестве оружия для сведения счетов – особенно в отношении люстрации и пересмотра конкретных нашумевших дел.

В частности, создание комиссии для нового расследования дела о попытке угона самолета в 1981 г. и проверки обоснованности осуждения членов этой группы часть общества восприняла как попытку со стороны прези-

дента Звиада Гамсахурдия использовать этот эпизод для выявления участия Эдуарда Шеварднадзе в вынесении строгого наказания угонщикам и дискредитации его. После военного переворота, с 1991 г. по сей день сторонниками президента Гамсахурдия в прессе и в Интернете часто публикуются фото карточек агентурного учета, составленные на политиков, иерархов Грузинской православной церкви и гражданских активистов 1980–1990-х годов, «изобличающие» их сотрудничество с органами государственной безопасности. Несмотря на явную ложность²³, их появление постоянно волновало общество и возбуждало дискуссии о необходимости и возможности или невозможности люстрации.

Изучению процесса и масштабов советского террора, выявлению его жертв мешает и то обстоятельство, что до распада советского государства значительная и наиболее интересная для таких исследований часть архивов оставалась недоступной. Кроме того, у большей части заинтересованных лиц и исследователей не хватало либо компетентности определить, где могли быть интересующие их материалы, либо мотивации, чтобы работать в этом направлении. Для примера: с 1989 до конца 1991 г. получить возможность ознакомиться с материалами архива КГБ удалось всего 2–3 исследователям, а в декабре 1991 г. во время гражданской войны значительная часть архива, который находился в эпицентре боевых действий, была уничтожена в результате пожара.

В то же время для людей, которые обладали хотя бы малой долей исследовательской компетентности, главным предметом внимания и изучения были «известные лица» жертв Большого террора 1930-х годов – писатели, артисты, ученые и т.п., и процесс не пошел в сторону вы-

²³ <http://forum.ge/?f=29&showtopic=33987403&st=15>

явления причинно-следственных связей и механизмов советских репрессий. Например, изучение дел писателей – жертв репрессий так и не дало обществу ясного ответа на вопрос о причинах их уничтожения. И сегодня, несмотря на то что для среднестатистического гражданина жертв сталинского террора олицетворяют известные грузинские писатели, никто не понимает – почему был уничтожен в 1937–1938 гг. тот или иной конкретный писатель и как и почему спасся его коллега, обладающий абсолютно таким же «бэкграундом».

История с писателями – очень характерный пример как для иллюстрации «включенности» общества и заинтересованных сторон, так и для понимания области исследований и политических подтекстов.

В 1991 году Музей литературы Грузии обратился к бывшему Комитету государственной безопасности с просьбой дать сотрудникам музея возможность ознакомиться с делами репрессированных писателей. В ответ представителям музея из архива КГБ передали оригиналы нескольких десятков уголовных дел. Группа заинтересованных исследователей и сотрудники музея начали изучение указанных дел (в частности, ознакомиться с делом отца в это время смогла дочь одного из репрессированных, бывшего председателя Союза писателей М. Торошелидзе). Через несколько недель в Музей литературы явились представители аппарата Канцелярии Президента с просьбой (которая, как говорят очевидцы – сотрудники музея, больше напоминала ультиматум) о временной передаче материалов им, так как президент Гамсахурдия сам заинтересован в ознакомлении с этими делами (есть версия, что Гамсахурдия опасался, как бы в этих материалах не оказалось документов, связанных с его отцом – писателем Константином Гамсахурдия). После оформления соответствующего акта дела были переданы. Через неко-

торое время в Тбилиси произошел военный переворот. Дом правительства и Канцелярия Президента оказались в эпицентре вооруженного противостояния, и по завершении событий в сожженной и разгромленной канцелярии эти документы обнаружить не удалось.

Второй интересный эпизод связан с делом известного репрессированного писателя Михаила Джавахишвили. В конце 1980-х годов один из его потомков опубликовал в республиканской прессе документ, найденный в засекреченных материалах Союза советских писателей Грузии. Документ представляет собой заявление в партийную ячейку Союза писателей с призывом отреагировать на «фашистские высказывания» Михаила Джавахишвили в беседе с несколькими коллегами (в том числе и автором заявления). В предисловии к напечатанному в прессе документу и в конце текста имя заявителя – Якинте Лисашвили (Хомерики) – было изъято, но по недосмотру осталось в самом тексте заявления. Вскоре после этой публикации сын Якинте Лисашвили скончался от сердечного приступа. Авторы опубликованного письма не отметили, что партийная ячейка не отреагировала на это заявление и вовсе не оно стало причиной ареста и расстрела Михаила Джавахишвили. Более того, в уголовном деле Джавахишвили этот факт вообще не зафиксирован, однако продолжаются споры и вражда между потомками обоих писателей и «поддерживающими» их историками до сих пор.

В начале 1990-х годов, несмотря на кризисный период (военный переворот, гражданская война, этноконфликты, экономический кризис) все-таки удалось организационно оформить объединение потомков жертв советских репрессий и заинтересованных этим вопросом людей и начать конкретную работу. С этой точки зрения наибо-

лее значимо проявило себя объединение «Мемориал»²⁴ (особенно в Тбилиси и ряде региональных филиалов), начавшее выявлять данные жертв репрессий, собирать документы из личных архивов, выявлять источники в государственных архивах, а также организовавшее кампанию по разработке и утверждению правового статуса жертв советских репрессий.

В течение 1990-х годов было создано лишь несколько заметных организаций подобного типа, из них активностью отличились объединение потомков жертв антисоветского восстания в августе 1924 г. «Август 1924» и община немцев «Айнунг» (Einung)²⁵.

Несмотря на усилия организаций, привлечение внимания общества к этим вопросам было затруднено из-за тяжелого общего фона, создавшегося в стране. Самым сложным для начала дискуссии в этом направлении и закрепления в коллективной памяти масштабов трагедии было активное «оживление» имен жертв советских репрессий и выявление наглядных «вещественных доказательств» для демонстрации реального лица террора.

В связи с этим начиная с 1990-х годов серьезной проблемой стал вопрос «мест памяти», которые могли бы наиболее действенно способствовать выработке представлений и памяти о сталинском терроре. В Грузии до сих пор нет (кроме двух-трех сомнительных случаев) прецедентов обнаружения мест захоронения жертв репрессий и расстрелянных людей. Кроме того, если не считать редких исключений (Тбилиси – Мтацминдский пантеон, Кутаиси, Зестафони, Телави), не существует каких-либо мемориалов жертвам репрессий. А сегодня уже открыто ставится под сомнение сам факт репрессий, поскольку не

²⁴ <http://memoriali.ge/>

²⁵ Там же.

находится бесспорный аргумент – массовые захоронения расстрелянных людей. Знание о терроре опирается только на архивные документы, которые доступны лишь малой части общества.

Значение вопроса о местах захоронений становится все более очевидным, поскольку и сегодня многие граждане Грузии – потомки репрессированных в 1920–1940 гг., не имеют представления, где могилы их предков, а большинство из них только недавно узнали о том, что их родственники не умерли в лагерях, как значится в выданных в конце 1950-х – начале 1960-х годов справках, а были расстреляны вскоре после ареста.

Первым импульсом для обсуждения темы потерянных могил стала статья Тамаза Квачантирадзе в конце 1980-х годов, которая касалась устройства на Мтацминде символической могилы общественных деятелей, ставших жертвами советских репрессий, что вызвало общественный отклик и даже конкретные проекты.

Однако, когда вскоре на окраине Тбилиси случайно было найдено захоронение группы людей, активность заинтересованных в этом вопросе лиц не нашла широкого отклика и конкретных шагов по изучению могил предпринято не было²⁶.

Интерес к теме снизился в последующие годы, в частности в 1991 г. после появления сведений о предположительном месте массового расстрела у Соганлуги не было предпринято дальнейших необходимых шагов – раскрытия захоронения и его научного изучения.

А на фоне тяжелых политических и социальных процессов в стране не нашла поддержки и попытка потомков жертв и общества «Мемориал» создать мемориальный комплекс. Тема сохраняла некоторую актуальность в

²⁶ По устной информации Кобы Имедашвили и Изолды Швелидзе, август 2013 г.

первой половине 1990-х годов, хотя существенного продвижения в обнаружении мест захоронений не произошло. Одним из последних «пробуждений» стала находка захоронения людей при проведении земляных работ во дворе бывшего здания КГБ в Тбилиси в 1996 г. В связи с этим была создана специальная государственная комиссия, но какие работы она произвела и какое подготовила заключение неизвестно.

Интерес к вопросу несколько возрос в 2000-е годы: после 2003 г. тема советских репрессий стала в известной мере частью «идеологической» политики государства. Открылся Музей советской оккупации, в пантеоне писателей и общественных деятелей на горе Мтацминда появился мемориал репрессированным деятелям искусства, были установлены мемориальные доски жертвам, их именами назвали улицы, хотя все эти действия имели разрозненный, случайный характер и были ориентированы на внешний эффект. В деле установления мест массовых захоронений и мемориализации ни со стороны государства, ни со стороны научных кругов и общества качественно новых шагов не последовало. Почти каждый раз активизация вопроса основывалась на информации, добытой в 1990-е годы, и общество каждый раз заново открывало информацию о местах расстрелов. Один из последних реальных шагов по созданию мемориала жертвам предприняла в 2013 г. группа «Партизанского садоводства», начав обустройство мемориальной аллеи у Руставского шоссе.

По уже названным причинам до 2000-х годов не развивалась практика создания Книг Памяти. Единственное исключение – издание сборника биографий репрессированных медицинских работников²⁷ – связано с активностью конкретного лица.

²⁷ Курхули А. Чтобы помнить : Работники медицины, репрессированные по политическим мотивам советской властью в Грузии. Тбилиси: Регтаим, 2004.

Активность общества и государственная политика несколько изменились после Революции Роз 2003 г. Конкретное действие, направленное на преодоление тяжелого наследия советского прошлого, – начало процесса люстрации – фигурировало в политической программе будущей правящей партии Национального движения и ее партнеров («Десять шагов к свободе») на парламентских выборах 2003 г. Но после их прихода к власти изменения государственной политики не были однозначно позитивными и не привели к согласию в обществе. (На недостатках в законодательстве относительно люстрации и компенсаций жертвам советских репрессий мы подробно остановимся чуть позже.) Конкретные шаги власти после выборов 2003 г. во многом заслуживают основательной критики. В частности, это касается создания Музея советской оккупации – и самой концепции музея, и представленной в нем версии оценки этого отрезка истории. А отдельные действия, например открытие мемориальной доски Константина Абхази или мероприятия 2011 г., связанные с 90-летием советской оккупации, содержали признаки откровенной пропаганды.

В настоящее время только в Государственном университете Ильи существует магистерская программа исследования советской и постсоветских систем.

А из государственных архивов только архив Министерства внутренних дел выпускает связанное с советской историей издание «Архивный вестник», которое в основном включает публикации, подготовленные на основании изучения документов, хранящихся в этом же архиве²⁸.

Два значительных исследовательских и образовательных проекта осуществила неправительственная организация «Институт развития свободы информации – IDFI»

²⁸ <http://archive.security.gov.ge/indexeng.html>

в 2011–2013 гг. – создание электронной базы документов, связанных с событиями 9 марта 1956 г., и электронного сборника биографий людей из грузинской части т.н. Сталинских списков, а также подготовку выставки²⁹.

С 2010 г. неправительственная организация «Лаборатория исследования советского прошлого – SOVLAB»³⁰ осуществила исследовательские и образовательные проекты по темам «Топография красного террора – Тбилиси», «Топография красного террора – Телави», которые представляют собой историко-образовательный тур и карту, где с помощью историй участков, мест, домов старого города и живших там людей объясняются причины и мотивы конкретных этапов советских репрессий, иллюстрируются направления, цели и результаты террора. В 2011–2012 гг. были изданы «Топография красного террора – старый Тбилиси», «Осмысление советского прошлого – сборник дискуссий», «Потерянная история – память о репрессированных женщинах», а также подготовлены документальные фильмы: «Большой советский террор – человеческие истории», «Истории, рассказанные вживую, – память о репрессированных женщинах». В рамках этого проекта в различных городах Грузии были устроены выставки. С того же 2012 г. организация работает над проектом «Общественный архив»³¹, который представляет открытый веб-архив, где размещаются дигитализированные версии уникальных исторических документов, находящихся в личном пространстве – в семьях (в том числе в семьях репрессированных), и устные истории – интервью. В рамках «Общественного архива» готовится сборник, посвященный истории Учредительного собрания Демократической Республики Грузия, который можно назвать парламентом репрессированных (в сборник войдут биографии

²⁹ <https://idfi.ge/en>

³⁰ <http://sovlab.ge/en>

³¹ <http://archive.ge/en>

депутатов и документы), выявляются и изучаются места массовых расстрелов 1920–1940-х годов в Тбилиси, Телави и Гори.

Несмотря на некоторые позитивные сдвиги, уровень информированности общества все-таки остается крайне низким из-за недостаточной активности исследовательских организаций, что вызвано нехваткой человеческих ресурсов и финансов, непрозрачностью архивной сферы, а также индифферентным отношением государственных институций к культуре памяти и тяжелым положением в области образования.

Почти не развивается процесс создания союзов и объединений жертв советских репрессий и борьбы этих союзов за свои права. Несмотря на формальную открытость архивной сферы (уцелевшая часть следственных уголовных дел жертв репрессий хранится в архиве МВД и доступна как исследователям, так и непосредственно указанным лицам и их потомкам), большая часть потомков, а также большинство заинтересованных лиц не пытались ознакомиться с этими документами, а удовлетворялись архивной справкой, необходимой для получения статуса репрессированного. Более того, в нашей практике есть случаи, когда потомки репрессированных только в 2011 г. при истребовании архивной справки узнали, что их предки погибли не в местах заключения, а были сразу же расстреляны в Тбилиси в 1937–1938 гг.

Статус жертвы политических репрессий и выплаты компенсаций

Закон «О признании граждан Грузии жертвами политических репрессий и социальной защите репрессированных» из-за кризиса 1990-х годов был принят довольно поздно, в 1997 г. Закон детально определил критерии

признания жертвой политических репрессий, порядок получения этого статуса и пакет сопутствующих социальных льгот.

Людей, ставших жертвами репрессий по политическим мотивам в 1921–1991 гг., к моменту принятия закона осталось очень немного, в большинстве статус получили наследники репрессированных. Согласно закону (ст. 12), они получили право пользоваться социальными льготами и возможность требовать денежную компенсацию, что и создало в дальнейшем проблемы.

Перечислим основные недостатки закона:

- Несмотря на попытку максимально подробно прописать в определении политических репрессий (ст. 4) возможные обвинения, по которым осуждены жертвы, в законе не предусмотрели, что человек мог быть по политическим мотивам ложно осужден по обвинениям, перечисленным в ст. 5 (которая исключает возможность реабилитации), и что в этом случае существенное значение должна иметь оценка справедливости решения суда (или другого органа, принимавшего решение). Из-за этого суд легко мог отказать в присуждении статуса лицам, репрессированным по обвинению в службе в немецкой армии, или в сотрудничестве с нацистским режимом, или по «криминальным» статьям Уголовного кодекса, независимо от обоснованности обвинения.

- Вне поля действия закона остался вопрос о депортированных по этническому признаку в 1921–1991 гг., по этому поводу содержится лишь обещание принять отдельный закон.

- Закон утвердил право требовать денежную компенсацию за нанесенный репрессией моральный и материальный ущерб, но отложил выплаты до разработки специального закона, регулирующего порядок и механизмы получения компенсаций.

Закон распространялся на всех лиц, имеющих на момент его ввода в действие гражданство Грузии, независимо от того, где они стали жертвами репрессий.

Анализ конкретных дел, имеющихся в нашем распоряжении, показывает, что процесс принятия судебных решений в тот период носил формальный характер: разбирательства по существу не происходило, и суд присуждал статус на основании соответствия выданной архивной справки критериям, установленным законом.

Вопрос о статусе жертв депортации по этническому принципу до сих пор остается нерешенным. Наиболее остро эта проблема стоит в отношении турков-месхетинцев, депортированных из приграничной юго-западной части Грузии в 1944 г.

В 1999 г., при вступлении в Совет Европы, Грузия взяла обязательство создать правовые рамки для репатриации депортированных месхов. Разработка соответствующего закона затянулась до 2007 г., а после ввода в действие («Закон Грузии о репатриации принудительно переселенных из Грузинской ССР лиц в 40-х годах XX века» – несмотря на наименование, закон касается только турок, курдов и хемшинов, переселенных из приграничной зоны Грузинской ССР согласно постановлению Государственного комитета обороны СССР от 31 июля 1944 г. №279) срок принятия заявлений от желающих репатриации несколько раз переносился и к 1 января 2010 г. был закрыт окончательно. По имеющимся данным, желающих оказалось 5841 человек/семей³². Такая низкая активность была вызвана крайне низким уровнем информированности депортированных (которые рассеяны по постсоветским и другим странам) и сложностью формы заявления (перечень необходимых документов – обязательность

³² Депортировано в 1944 г. было около 80 000 человек.

заполнения на грузинском/английском языках). Власти не выразили готовности продлить сроки обращения, а рассмотрение зарегистрированных заявлений все еще продолжается и остается вне активного общественного внимания. По самому закону в случае получения права на репатриацию сопутствующей льготой является упрощение получения гражданства, и не ясно, в каком отношении будут эти граждане с законом «О признании граждан Грузии жертвами политических репрессий и о социальной защите репрессированных», поскольку процесс присуждения статуса репатрианта и гражданства Грузии продолжается, а срок обращения в суд для получения статуса жертвы политической репрессии в пределах упомянутого выше закона истек в апреле 2014 г.

На протяжении длительного времени, с 1998 г., не был разработан отдельный закон о получении жертвами репрессий денежных компенсаций. Поворотным моментом стало рассмотрение Европейским судом по правам человека иска Клауса и Юрия Киладзе против Грузии, в котором истцы в порядке, определенном законом, требовали от властей Грузии именно выдачу компенсаций за перенесенные в советский период репрессии. Их отец, Давид Киладзе, который в 1922–1934 гг. работал в органах ЧК–ГПУ–НКВД Грузинской ССР, а в дальнейшем на других ответственных должностях, был расстрелян в 1937 г. с конфискацией имущества, его жену как члена семьи врага народа отправили в ИТЛ, а малолетние дети оказались в детском доме. Все инстанции грузинского суда вынесли по иску отрицательное решение, а Европейский суд установил нарушение конвенции, так как Грузия в течение ряда лет не создала механизм реагирования на подобные иски (как это было предусмотрено в законе 1997 г.), и обязал ее возместить судебные издержки (около 3500 евро) и в виде компенсации выплатить истцам 4000

евро. Одновременно ЕСПЧ обратился к властям Грузии с рекомендацией/требованием срочно разработать механизм выдачи денежных компенсаций гражданам, имеющим статус репрессированных.

В апреле 2011 г. парламент Грузии внес дополнение (ст. 9) в закон 1997 г. и определил порядок получения денежной компенсации, согласно которому жертва репрессии или его наследник первой очереди должен подать иск в Тбилисский городской суд с требованием денежной компенсации за причиненный ущерб, а уже суд, с учетом всех обстоятельств (тяжесть репрессии, продолжительность, состояние здоровья жертвы/наследника и т.д.) определяет величину компенсации.

Ввиду слабой разъяснительной кампании граждане не получили детальной и четкой информации, как надо действовать для получения денежной компенсации. У абсолютного большинства граждан сложилось впечатление, что сумма, назначенная Европейским судом по делу Киладзе, это и есть сумма денежной компенсации для всех. Возникла иллюзия, что процесс выдачи денежных компенсаций, начатый грузинским государством, должен для всех закончиться аналогичным итогом. Соответственно, с 2011 г. по середину 2012 г. была зафиксирована очень высокая активность репрессированных и их потомков в подготовке судебных исков для получения денежных компенсаций. Для примера – за пять месяцев Ассоциация молодых юристов Грузии, оказывающая в рамках проекта бесплатную адвокатскую помощь гражданам в части подготовки судебных исков и ведения процесса, подготовила 400 исков.

В дальнейшем наглядно проявились недостатки принятого закона, и то, что государство, к сожалению, нашло «легкий выход» и при выдаче компенсаций избрало формальный подход.

Назначение единственной судебной инстанцией для определения денежной компенсации Тбилисского городского суда, с одной стороны, создало большие неудобства жителям регионов, которым приходилось приезжать в столицу по нескольку раз, а с другой стороны – из-за большого числа исков растянуло процесс принятия решений на годы.

В соответствии с последним пунктом дополненной ст. 9 закона, объем компенсации определялся тяжестью репрессии и другими обстоятельствами, и было оговорено, что, если в старом решении суда о признании статуса не была зафиксирована соответствующая информация, истец должен дополнительно истребовать из архива подтверждающий ее документ. Но ввиду низкого уровня информированности абсолютное большинство истцов решили обновить архивные справки, что вначале архивом МВД делалось бесплатно (как и внесение иска освобождалось от судебной пошлины), но через несколько месяцев стало платным по различным ставкам (в срок 10 рабочих дней, ускоренная выдача и т.п.). Кроме того, в случае групповых репрессий для иска была необходима подготовка индивидуальной архивной справки, что также было связано с дополнительными расходами.

Абсолютное большинство граждан обращались за архивными справками в архив МВД Грузии (I отдел – архив КГБ и МВД), где, как было сказано выше, из-за повреждения архива не было полноценных данных. Граждане не получили информацию, где еще можно раздобыть подтверждающий факт репрессии документ (например, в Национальном архиве – в архивных фондах Прокуратуры СССР и Верховного суда, в архиве Верховного суда Грузии). Были случаи, когда жители Батуми пытались получить архивные справки в Тбилиси, в архиве МВД, тогда как им следовало искать документы в архиве Ад-

жарской автономной республики, в материалах МВД и КГБ Аджарской АССР.

Но самой неудачной стороной процесса стал ключевой этап – судебное производство. С конца 2012 г. стали известны первые решения Тбилисского городского суда по данным делам, оказавшиеся, к сожалению, формальными и стандартными. Как правило, в случае лагерного срока компенсация составляла 400 лари (около 8000 руб.), в случае расстрела – 800 лари. Стало ясно, что разбирательства в суде по существу не производится, а сумма компенсаций определяется механически и не подлежит обжалованию, так как суд признавал факт репрессии и соответствующий статус (в противном случае был предусмотрен механизм обжалования), но определение суммы компенсации было его дискрецией. В конечном счете часто оказывалось, что расходы истца на процесс (получение архивных справок, подготовка необходимых документов, заверение в нотариальном порядке, исправление недочетов в старых документах, адвокатское обслуживание, дорога) значительно превышали сумму назначенной компенсации. Поэтому после оглашения первых решений большая часть истцов перестала обращаться в суд. На фоне больших ожиданий репрессированных и их родственников подобная практика – формальное и холодное отношение и ничтожная сумма компенсации – стала дополнительной травмой. К этому добавляется то обстоятельство, что, кроме пенсионной надбавки, остальная часть пакета социальных льгот, определенная законом 1997 г., потеряла силу после принятия нового закона о социальной помощи в 2005 г.

После проявления такого, мягко говоря, недолжного отношения суда общественные активисты начали обсуждение механизмов воздействия на этот процесс и его исправление. В этих вопросах всегда была активна Ассоциация молодых юристов Грузии, с самого нача-

ла процесса помогавшая репрессированным и, соответственно, выступившая первым критиком судебной практики и инициатором разработки альтернативных вариантов.

Параллельно два депутата от правящей коалиции вновь избранного в 2012 г. парламента – Леван Бердзенишвили и Тамар Кордзахия – попытались инициировать законодательные поправки и ввести механизм определения суммы компенсации с учетом пропущенного в результате репрессии рабочего времени. Несмотря на то что в результате сопротивления на комитетских слушаниях работа в этом направлении остановилась, по оценке Ассоциации молодых юристов, это не стало бы справедливым и действенным механизмом для определения объема компенсации в каждом индивидуальном случае. Со своей стороны, Ассоциация молодых юристов Грузии в 2013 г. представила парламенту законодательную инициативу о внесении изменений и дополнений в закон «О признании граждан Грузии жертвами политических репрессий и социальной защите репрессированных», главные пункты которой выглядят следующим образом:

- Изменить наименование закона – вместо «социальной защиты» внести «компенсации».
- Распространить действие закона на ту часть депортированных по этническому признаку, которые судебным путем уже приобрели статус жертв политических репрессий.
- Механизм выдачи компенсации изъять из ведения суда и передать непосредственно в компетенцию Министерства финансов, куда в административном порядке произойдет передача всех необходимых документов, в том числе представление обладателем статуса или наследником первой очереди решения суда о признании жертвой репрессии.

- Срок обращения в суд для признания жертвой политической репрессии продлить до 31 декабря 2015 г.

- Объем компенсации должен рассчитываться в каждом индивидуальном случае отдельно, в соответствии с числом месяцев, проведенных в заключении или на спецпоселении, из расчета по прожиточному минимуму, с установлением минимальной компенсации – 2000 лари и максимальной – 10 000 лари; при невозможности установления точного срока репрессии – 5000 лари; в случае смертной казни или кончины в результате репрессии – 10 000 лари; для случаев, включающих все эти критерии, – 10 000 лари.

- Органы местного самоуправления и общественность должны заботиться о мемориализации мест памяти и повышении информированности общества о советских репрессиях.

- В государственном бюджете ежегодно выделять соответствующие средства.

Законопроект прошел первое чтение в Комитете по правам человека парламента Грузии без существенных замечаний и сопротивления и был одобрен для рассмотрения во втором чтении.

Попытки люстрации – ограничения в правах из-за сотрудничества с тоталитарным режимом

С точки зрения изменений законодательства, осуществленных после 2003 г., весьма интересным прецедентом было принятие в 2011 г. Хартии свободы, которая представляла собой странную смесь, включающую требования, обосновываемые необходимостью укрепления государственной безопасности, и элементы механизмов люстрации. Прообразом этого акта для инициаторов и,

само собой, для правящей политической силы, которая приняла и использовала его, стал USA PATRIOT Act.

Основные значимые пункты первой редакции закона наряду с координацией работы против терроризма с целью укрепления национальной безопасности, мероприятиями по контролю границ и охране объектов стратегического значения вводили ограничения на назначение и пребывание на должностях, связанных с принятием решений, бывших секретных сотрудников органов безопасности СССР и высоких чинов коммунистической партии, а также требовали искоренения пропаганды и символики советской и фашистской идеологий.

Главными направлениями критики первой редакции закона были:

- Расплывчатость терминов – например, не было разъяснено, что подразумевается под советской и фашистской символикой и идеологией.

- Не было очевидно, какого рода сотрудничество с органами безопасности СССР попадает в сферу действия закона, соответственно, основанием для ограничений становились как осознанное, добровольное и тайное сотрудничество, так и случаи сотрудничества под принуждением и в результате шантажа. Закон не предусматривал индивидуального подхода к подобным исключительным случаям. Дополнительно было высказано замечание о сроке действия должностных ограничений.

- Для получения и обработки данных на бывших сотрудников органов безопасности СССР и чинов компартии и объектов, содержащих советскую и фашистскую символику, закон предписывал создание комиссии, комплектуемой частично представителями парламентских фракций и частично лицами, избранными в особо установленном порядке, собственно Министерством внутренних дел. По этому поводу было высказано замечание,

что для объективной и независимой работы комиссии необходимы большой общественный контроль, введение в нее представителей общественных организаций и более четко прописанные взаимоотношения между парламентской частью комиссии и частью, комплектуемой МВД (в частности, не был определен вопрос, какими механизмами контроля обладала комиссия для проверки добросовестности представителей МВД при сборании/обработке необходимых для работы комиссии данных).

- Не определял закон компетенции и рамки действия комиссии в отношении памятников и других объектов, содержащих советскую и фашистскую символику, – какими критериями должна руководствоваться комиссия и какие конкретные действия подразумевались под «искоренением».

С момента вступления закона в силу и до 2013 г. не было предпринято практических шагов для его реализации, упомянутая комиссия не была укомплектована представителями парламентских фракций, МВД не отработало механизмов определения остальных членов. Но параллельно до 2012 г. часто уничтожались объекты, содержащие советскую символику (например, демонтировалась пятиконечная звезда над зданием Академии наук Грузии в Тбилиси, разрушены барельефы Ленина и Сталина на Ортачальской ГЭС и т.п.), а после парламентских выборов 2012 г. – наоборот, в ряде населенных пунктов вновь появились снятые символы, в частности памятники Сталину, на что власть не реагировала в течение долгого времени.

В 2013 г. после ряда исправлений в законе были уточнены значения терминов – детали, связанные с символикой и ответственностью за ее противозаконное использование, ряд механизмов деятельности комиссии, список должностей, на которые не допускается назначе-

ние бывших секретных сотрудников и чинов компартии, порядок возможного обжалования. А в феврале 2014 г. МВД утвердило положение о комиссии и список членов, назначаемых с его стороны.

Для иллюстрации равнодушного отношения грузинского общества к проблемам репрессий и их жертв, а также низкого уровня самосознания можно привести два неофициальных наблюдения, которые хорошо поясняют тяжесть ситуации.

• В дискуссиях по данному вопросу бросается в глаза то обстоятельство, что большая часть граждан не понимает, почему надо выдавать жертвам советских репрессий и их потомкам денежную компенсацию. В упрощенном изложении их позиция такова: «Почему я должен платить за чужие преступления (советского режима) из своих налогов?». Это типичное высказывание хорошо показывает, насколько запутанно и непоследовательно отношение граждан к этому трагическому периоду собственного прошлого с точки зрения права и морали. С одной стороны, они отмежевываются от массовых преступлений того периода и отрицают коллективную ответственность – пассивное пособничество и соучастие в преступлении. С другой – вообще не пытаются ставить вопрос: если эти люди, их сограждане, стали жертвами «враждебного» режима без их соучастия, что стало поводом для уничтожения жертв – борьба с режимом, сопротивление, опасность для «врага»? Поэтому сегодня для большинства граждан ничего не значит констатированное в законе 1997 г. положение, что большая часть жертв советских репрессий были уничтожены именно за защиту ценностей демократии, свободы и независимости. И компенсация – это не признание в соучастии в

преступлении, а скорее возмещение ущерба согражданам, пострадавшим за защиту общепризнанных ценностей.

- В 2013 г. при проведении единого государственного экзамена по грузинскому языку для критического разбора была представлена малоизвестная широкой общественности небольшая новелла «Лара», сюжет которой связан с темой реабилитации 1950-х годов: соседка рассказчика привозит из мест заключения освобожденного по болезни, бывшего на грани смерти отца и с помощью сына невероятными усилиями вылечивает его. В один из дней отец выходит на улицу и умирает перед зданием почты с письмом в руке, в котором сообщает компетентным органам об антиобщественном поведении дочери и внука – слушании запрещенных радиостанций и распространении «сплетен».

По официальным сведениям, при оценке результатов национального экзамена возникла серьезная проблема, так как абсолютное большинство абитуриентов заслуживали нулевой оценки из-за непонимания содержания. Большинство учащихся считали действия персонажа поступком добросовестного гражданина. Конечно, с одной стороны, для них совершенно непонятен был контекст – с каким периодом истории и явлением связан сюжет, но с другой – их аргументация наглядно иллюстрирует катастрофически низкий уровень системы ценностей и исторической памяти нашего общества (особенно молодого поколения).

С.В. ЕЛЕУХАНОВА,
кандидат исторических наук,
Карагандинский государственный
университет им. Е.А. Букетова

Положение репрессированных в Казахстане

Реабилитация

14 апреля 1993 г. Верховный Совет Республики Казахстан принял Закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» № 2143-ХІІ с целью *«восстановить справедливость по отношению к людям, подвергшимся массовым политическим репрессиям, с целью реабилитации всех жертв этих репрессий, обеспечения максимально возможной в настоящее время компенсации причиненного им морального и материального ущерба»* [1]. В Законе не только впервые дана правовая и нравственная оценка политическим репрессиям против собственного народа, но и ставится задача ликвидации их последствий. Тем самым государство продемонстрировало стремление добиваться реальных гарантий обеспечения в стране законности, прав и свобод своих граждан.

Закон регулирует вопросы получения статуса жертвы политической репрессии, определяет порядок реабилитации, ее последствий, а также устанавливает перечень лиц, которые не могут быть реабилитированы. Политическими репрессиями признаются *«меры принуждения, осуществлявшиеся по политическим мотивам государственными органами или представлявшими их должностными лицами, в виде лишения жизни или свободы, включая заключение под стражу и принудительное лечение в психи-*

атрических учреждениях, изгнания из страны и лишения гражданства, удаления из мест проживания или районов обитания (ссылки или высылки), направления на спецпоселение, привлечения к принудительному труду с ограничением свободы (в том числе в так называемых трудовых армиях, рабочих колоннах НКВД), а также иное поражение, лишение или ограничение прав и свобод, соединенные с ложным обвинением в совершении преступления, либо с преследованием как социально опасных лиц по признакам политических убеждений, классовой, социальной, национальной, религиозной или иной принадлежности в судебном, внесудебном либо административном порядке» [1]. На государственном уровне признается, что карательные меры, применявшиеся по политическим мотивам, незаконны, подвергнутые им граждане считаются жертвами политических репрессий и подлежат реабилитации. Под реабилитацией понимается признание лица в судебном либо ином установленном законом порядке жертвой политических репрессий, восстановление его нарушенных прав, возмещение причиненного морального или материального ущерба. Таким образом, реабилитированные граждане, репрессированные ранее по политическим мотивам советским режимом, получают особые права.

Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» распространяется на всех без исключения лиц, непосредственно подвергшихся политическим репрессиям на территории бывшего Союза ССР и в настоящее время являющихся гражданами Республики Казахстан, вне зависимости от того, в какой части бывшего СССР они были репрессированы. Жертвами политических репрессий признаются также лица, постоянно проживавшие до применения к ним репрессий на территории, ныне составляющей территорию Республики Казахстан, в случаях: применения репрессий советскими

судами и другими органами за пределами бывшего Союза ССР; осуждения военными трибуналами действующей армии во время Второй мировой войны (гражданских лиц и военнослужащих); применения репрессий после призыва для прохождения воинской службы за пределы Казахстана; применения репрессий по решениям центральных союзных органов: Верховного суда СССР и его судебных коллегий, коллегий ОГПУ СССР, особого совещания при НКВД–МГБ–МВД СССР, Комиссии Прокуратуры СССР и НКВД СССР по следственным делам и других органов. Жертвами политических репрессий признаются также лица, подвергшиеся насильственному противоправному переселению в Казахстан и из Казахстана на основании актов высших органов государственной власти Союза ССР.

Таким образом, документ содержит правовые нормы, препятствующие реабилитации отдельных категорий жертв политических репрессий: граждане других государств, подвергшиеся политическим репрессиям, лишены возможности быть реабилитированными и получить компенсацию материального ущерба.

В соответствии со статьей 3 Закона «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», *объявляются реабилитированными* все лица, которые по политическим мотивам были подвергнуты изгнанию из страны; удалению из мест проживания или районов обитания (ссылке или высылке); направлению на специальное поселение; привлечению к принудительному труду с ограничением свободы, а также иным поражениям; лишениям или ограничениям прав и свобод в административном порядке; помещены в административном порядке или по решениям внесудебных органов в психиатрические учреждения на принудительное лечение.

Согласно статье 4 Закона, *объявляются реабилитированными* все лица, осужденные за контрреволюционную

пропаганду и агитацию; нарушение правил об отделении церкви от государства (за исключением случаев осуждения по обвинению в принудительном взимании сборов религиозными группами, воспрепятствовании исполнению религиозных обрядов), то есть по статьям 58-10, 122, 123, 125, 126 Уголовного кодекса РСФСР, действовавшим до принятия Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления»; антисоветскую агитацию и пропаганду; нарушение законов об отделении мечети и церкви от государства и школы от мечети и церкви; распространению заведомо ложных измышлений, порочащих общественный строй СССР, то есть по статьям 56, 130 (в редакции, действовавшей до принятия Закона Казахской ССР от 26 июня 1992 г.), 170-1 Уголовного кодекса Казахской ССР.

Подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам были осуждены за государственные и иные преступления; осуждены или подвергнуты наказаниям по решениям внесудебных органов за побег из мест лишения свободы, ссылки, высылки и спецпоселения, отбывавшие там наказание в связи с политическими репрессиями, либо из мест привлечения к принудительному труду с ограничениями свободы; осуждены или подвергнуты наказаниям по решениям внесудебных органов за участие в движении сопротивления в местах лишения свободы политических заключенных; подвергнуты уголовным наказаниям по решениям органов ВЧК, ГПУ–ОГПУ, УНКВД–НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегий, «особых совещаний», «двоек», «троек» и иных органов, осуществлявших судебные функции.

Не подлежат реабилитации лица, в делах которых имеются достаточные доказательства совершения следующих преступлений: измена Родине во всех формах, кроме бегства или перелета за границу; вооруженное

восстание или вторжение в контрреволюционных целях на территорию Республики в составе вооруженных банд или участие в совершенных ими убийствах и других насильственных действиях; шпионаж, акт терроризма, диверсия; насильственные действия в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество оккупантам и изменникам Родине в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны; организация вооруженных банд и участие в совершенных ими убийствах и других насильственных действиях.

Законодательством выделяется понятие лица, пострадавшего от политических репрессий. *Пострадавшими от политических репрессий* признаются *дети жертв политических репрессий*, которые вместе с родителями или заменявшими их лицами находились в местах лишения свободы; в ссылке; высылке или на специальном поселении; а также не достигшие 18-летнего возраста на момент репрессии и в результате ее применения *оставшиеся без родительского попечения*.

Это положение носит дискриминационный характер, поскольку пострадавшими от политических репрессий признаются только несовершеннолетние дети, *потерявшие обоих родителей*. На наш взгляд, детям, потерявшим в результате репрессий одного из родителей, также необходимо придать статус жертв политических репрессий. Кроме того, в категорию пострадавших от политических репрессий не включены супруга (супруг), родители жертв политических репрессий.

Заявления о реабилитации могут быть поданы как самими репрессированными, так и любыми лицами и общественными объединениями по месту нахождения органа или должностного лица, принявшего решение о применении репрессий. Репрессированные обращаются с заявлением в *органы прокуратуры* по месту нахожде-

ния такого должностного лица или органа, если решение о применении репрессии принималось должностным лицом или органом в судебном порядке. Органы прокуратуры привлекают органы внутренних дел, национальной безопасности и здравоохранения, которые подготавливают необходимые документы, материалы, собирают сведения для проверки таких дел. По материалам проверки органы прокуратуры составляют заключение и выдают справки о реабилитации заявителей, а при их отсутствии направляют дело с заключением в суд. Сведения о полностью реабилитированных гражданах по требованию заявителей передаются органами прокуратуры в печать для опубликования.

Репрессированные подают заявление в органы внутренних дел или национальной безопасности в том случае, если решение о применении репрессии принималось должностным лицом или органом в административном или ином порядке: изгнания из страны, удаления из мест проживания или районов обитания (ссылки или высылки), направления на спецпоселение, привлечения к принудительному труду с ограничением свободы или иных поражений, лишения или ограничения в правах и свободах граждан. Органы внутренних дел и национальной безопасности обязаны установить факт применения репрессий (в виде любых незаконных ограничений прав) в административном порядке. При установлении указанных фактов органы внутренних дел и национальной безопасности направляют материалы по делу в прокуратуру и уведомляют об этом заявителя.

В статьях 3 и 4 Закона о реабилитации указываются категории лиц, реабилитируемых независимо от фактического обоснования обвинения.

Законом установлен срок рассмотрения заявления о реабилитации – не свыше трех месяцев со дня поступления

заявления. В случае, если уполномоченному государственному органу необходимо дополнительное получение информации, документов, справок, срок для принятия решения может быть продлен до шести месяцев. О продлении сроков рассмотрения заявления обязательно должен быть уведомлен заявитель, с указанием причин и сроков задержки. Четкое ограничение срока для принятия решения о реабилитации указывает на важность скорейшего решения рассматриваемого вопроса и восстановления справедливости. Реабилитированные граждане, а в случае их смерти – родственники, имеют право ознакомиться с материалами прекращенных уголовных или административных дел, получить сохранившиеся в них рукописи, фотографии и другие личные документы. Родственники реабилитированного имеют право ознакомиться «с документами только непроцессуального характера»: анкетами арестованных, справками, выданными сельсоветами и местными органами, характеристиками с места работы, приговорами и обвинительными заключениями (если в них не указаны проходящие по делу свидетели или другие участники уголовного процесса), решениями о пересмотре уголовного дела, сведениями о реабилитации. Они имеют возможность узнать время, причины смерти и место погребения близкого человека. От родственников, знакомившихся с архивными уголовными делами, берется письменная расписка об ознакомлении и запрещении использования сведений в ущерб правам и законным интересам причастных к делу лиц и их близких.

В случае *отказа в реабилитации заявитель имеет право обратиться в суд* в порядке, предусмотренном для обжалования неправомερных действий государственных органов и должностных лиц, ущемляющих права граждан. Органы прокуратуры обязаны направить эти дела в соответствующую судебную инстанцию вместе со своими

заклучениями об отказе в реабилитации. В этом случае решения по делам принимаются теми же судами, которыми выносились последние судебные решения. Дела, по которым приговоры, определения и постановления были вынесены упраздненными судами и военными трибуналами, передаются на рассмотрение судам, к подсудности которых эти дела относятся по действующему законодательству. Территориальная подсудность дел о реабилитации определяется по месту вынесения последнего судебного решения. Решения по делам подвергнутых внесудебным репрессиям (включая принудительное содержание в психиатрических учреждениях) при отсутствии у жертв подтверждающих безусловную реабилитацию в соответствии со статьями 3 и 4 настоящего Закона документов принимаются соответствующими областными судами, на обслуживаемой территории которых действовали внесудебные органы и принимались решения должностными лицами. Передача дел о реабилитации по подсудности производится в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Республики Казахстан. Суд осуществляет рассмотрение дела по правилам пересмотра судебных решений в порядке надзора по уголовным делам. По результатам рассмотрения дела суд может вынести одно из следующих решений: признать гражданина полностью реабилитированным, отменяя прежнее решение и прекращая дело; признать гражданина реабилитированным в части отдельного состава или эпизода преступления, ранее вменявшегося ему, и внести изменения в ранее состоявшееся решение; признать гражданина не подлежащим реабилитации. Определение (постановление) суда может быть опротестовано прокурором или обжаловано заявителем в вышестоящем суде.

На территории РК действуют документы о реабилитации или признании пострадавшими от политических

репрессий, выданные в государствах – бывших союзных республиках СССР или бывшими государственными органами СССР, если решения о реабилитации не противоречат законодательству Республики Казахстан. При реабилитации лица только в части предъявленного обвинения осуществляется восстановление тех прав, которые были нарушены в связи с политическими обвинениями.

Социальные последствия реабилитации для бывших жертв

Принятый Закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» предусматривает помимо юридической реабилитации определенные меры, направленные на социальную реабилитацию репрессированных. Так, последствия реабилитации раскрываются в третьем разделе Закона. Реабилитированные лица восстанавливаются в утраченных ими в связи с репрессиями *социально-политических и гражданских правах, в наградах, почетных, воинских и специальных званиях, им предоставляются меры социальной поддержки, выплачиваются компенсации.*

Денежная компенсация из средств республиканского бюджета предусмотрена для реабилитированных лиц, подвергшихся необоснованным репрессиям в виде заключения под стражу, лишения свободы, помещения в психиатрические учреждения, направления на спецпоселение, а также привлеченных к принудительному труду в условиях ограниченной свободы (в том числе в так называемых трудовых армиях, рабочих колоннах НКВД), а также для содержащихся вместе с ними в местах лишения свободы детей. В соответствии с действующим законодательством *выплата компенсации производится только жертвам массовых политических репрессий, по-*

страдавшим от политических репрессий компенсация не предусмотрена. Правительством РК было принято постановление «Правила выплаты денежных компенсаций жертвам массовых политических репрессий» от 23 января 2003 г. № 82[2]. Компенсация выплачивается *органами социальной защиты* по месту жительства реабилитированных на основании *документов о реабилитации и о времени пребывания* в указанных местах. Реабилитированные граждане, получившие статус жертв массовых политических репрессий, могут получить денежную компенсацию только в случае наличия всех указанных документов. Обязательное условие – запись в справке о реабилитации сроков пребывания в местах лишения свободы, спецпоселения и т.д. Практика показывает, что такие записи делались формально, не в полном объеме или сроки не фиксировались вообще, поэтому перспектива получить денежную компенсацию по букве закона становится затруднительной или невозможной.

Первоначально денежная компенсация формировалась из расчета трех четвертей установленного законодательством Республики Казахстан *минимального размера оплаты труда* за каждый месяц пребывания в указанных местах, но не более 100 минимальных размеров оплаты труда. С 2001 г. размер денежной компенсации формируется из расчета трех четвертей установленного законодательством Республики Казахстан *месячного расчетного показателя* [3], действующего на момент обращения в органы социальной защиты, но не более 100 установленных законом месячных расчетных показателей. Эта поправка уменьшила выплаты денежной компенсации, однако в последние годы государство стремится повысить размеры социальных выплат. Средний размер единовременной денежной компенсации реабилитированным гражданам – жертвам массовых политических репрессий можно про-

следить по годам: 2009 г. – 63 843 тенге; 2010 г. – 65 356 тенге; 2011 г. – 65 393 тенге; 2012 г. – 64 275 тенге; 2013 г. – 67 687 тенге [4]; 2014 год – 69 739 тенге [5].

Выплата компенсации производится как *единовременно, так и в ином порядке*, при условии, что в течение первых трех месяцев с момента обращения реабилитированного в органы социальной защиты выплачивается не менее трети общей суммы, а выплата остальной суммы производится в течение не более двух лет. Начисленные суммы компенсации подлежат индексации в соответствии с изменениями размера месячного расчетного показателя. Реабилитированным гражданам, имеющим право на компенсацию по законодательству государств – бывших союзных республик СССР, предоставляется право выбора места получения компенсации. Выплата или перерасчет размеров компенсаций лицам, получившим ее в государствах – бывших союзных республиках СССР, не производится.

Выплата компенсации наследникам не производится, кроме случаев, когда компенсация начислена, но не получена реабилитированным по причине его смерти. В соответствии со статьей 1040 Гражданского кодекса Республики Казахстан в состав наследства не входят права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью, право на пенсионные выплаты, пособия и другие выплаты на основании законодательных актов о труде и социальном обеспечении. Из вышеизложенного следует, что наследникам умершего к выплате подлежат лишь те начисленные, но не выплаченные суммы пособия, которые включаются нотариусом при открытии наследства в наследственную массу.

В 1999 г. в РК была проведена реформа законодательства по вопросам предоставления льгот реабилитированным гражданам. Так, 5 апреля 1999 г. и 7 апреля 1999 г.

были приняты законы РК «О специальном государственном пособии в республике» [6] и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам предоставления льгот отдельным категориям граждан» [7]. Вместо льгот, указанных в частях 4–8 статьи 24 Закона «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», выплачивается *специальное государственное пособие*.

Из ранее предусмотренных льгот для жертв политических репрессий, а также лиц, пострадавших от политических репрессий, имеющих инвалидность или являющихся пенсионерами, сохранились следующие:

- зачет времени содержания под стражей, отбывания наказания в местах лишения свободы, ссылки, привлечения к принудительному труду с ограничением свободы на спецпоселениях и на принудительном лечении в психиатрических учреждениях *в стаж для получения пенсии – в тройном размере,*

- получение очередного трудового отпуска в удобное для них время, а также дополнительный отпуск без сохранения заработной платы,

- безвозмездная передача в собственность жилого помещения с сохранением приватизационных купонов,

- первоочередная установка телефонов; первоочередное вступление в садоводческие кооперативы,

- первоочередное устройство в дома-интернаты для престарелых и инвалидов, проживание в них на полном государственном обеспечении,

- льготное обеспечение протезно-ортопедическими изделиями,

- бесплатная консультация адвокатов по вопросам, связанным с реабилитацией.

Специальное пособие установлено жертвам политических репрессий, лицам, пострадавшим от политических ре-

прессий, имеющим инвалидность или пенсионеров. Перечисленные категории граждан имеют право на назначение специального государственного пособия в размере 1,07 месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете на соответствующий финансовый год [8]. С 1 января 2014 г. один месячный показатель составляет 1852 тенге. Лицам, имеющим одновременно право на получение специального государственного пособия по нескольким основаниям, пособие выплачивается только по одному из оснований по их выбору. Законодательное требование о выборе только одного социального пособия, на наш взгляд, ущемляет права лиц, имеющих право одновременно на различные пособия.

Специальное государственное пособие заменило ранее существовавшие льготы на коммунальные услуги: за пользование телефоном, проезд всеми видами городского пассажирского транспорта (кроме такси) и проезд один раз в год железнодорожным, водным, воздушным, междугородным транспортом. Закон РК «О специальном государственном пособии в РК» № 365-1 от 5 апреля 1999 г. [6], «Правила назначения и выплаты специального государственного пособия», утвержденные Постановлением Правительства РК от 31 января 2001 г. № 161 [9], и Закон РК от 31 марта 2014 г. № 180-V З РК «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РК по вопросам социального обеспечения» регулируют назначения и выплаты специальных государственных пособий [5].

Выплата денежных пособий не компенсировала отмененные натуральные льготы. Таким образом, изменения в законодательстве существенно снизили уровень защищенности реабилитированных граждан. Ранее обладавшие широкими льготами (ст. 24), люди преклонного возраста (многие из них инвалиды), пережившие лишения и унижения, нуждаются в лечении и поддержании здоро-

вья. Из перечня льгот убрали даже те, что относятся к их жизни и здоровью. Однако, в соответствии с Постановлением Правительства Республики Казахстан от 27 января 2000 г. № 135 «Об утверждении гарантированного объема бесплатной медицинской помощи» оказание медицинской помощи инвалидам, включая реабилитационную помощь и диспансерное наблюдение с ежегодным прохождением комплексного медицинского осмотра в лечебно-профилактических организациях страны, осуществляется на бесплатной основе и вне очереди. Реабилитированные граждане, имеющие статус жертв репрессий, нуждающиеся в оздоровлении в стационарных условиях, получают медицинскую помощь в Республиканском клиническом госпитале для инвалидов Великой Отечественной войны, а также в специальных отделениях или палатах, выделенных в структуре лечебно-профилактических организаций Казахстана, хосписах и больницах сестринского ухода.

Надо признать, что жителям сельских населенных пунктов, редко пользовавшимся льготами, специальное государственное пособие позволило реализовать имеющиеся права.

Важный момент – в реабилитационном законодательстве не говорится о гарантиях сохранения компенсаций и льгот. Так, Указом Президента Республики Казахстан от 20 марта 1994 г. приостанавливалось действие Закона «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» до 1 апреля 1997 г. [10], в соответствии с Законом РК № 374-1 от 7 апреля 1999 г. – до 1 января 2003 г. [7]. Объясняя этот шаг тяжелыми экономическими условиями, государство практически отказывается от того минимума льгот и выплат, которые были изначально прописаны в реабилитационном законодательстве РК.

Для подтверждения права на льготы необходимы следующие документы: справка медико-социальной экспер-

тизы об установлении группы инвалидности, пенсионное удостоверение, удостоверение реабилитированного гражданина, справка о реабилитации из органов прокуратуры или органов внутренних дел, национальной безопасности или решение суда о реабилитации. Следует учитывать, что документ, подтверждающий реабилитацию лица, пострадавшего от политических репрессий, выдается *по месту нахождения органа или должностного лица*, принимавшего решение о применении репрессии в судебном порядке – в органах прокуратуры. Если же репрессии применялись в административном либо в ином порядке, то такой документ выдают в органах внутренних дел или национальной безопасности. Таким образом, не признаются и не принимаются во внимание уполномоченным органом по назначению пособий документы, подтверждающие реабилитацию, полученные не из вышеуказанных уполномоченных государственных органов, – например, справки, полученные из архивов иных учреждений.

Помимо граждан РК правом на специальное государственное пособие в случае признания жертвами политических репрессий или пострадавшими от политических репрессий обладают *иностранцы и лица без гражданства, но при условии их постоянного проживания на территории Республики Казахстан*.

На сегодняшний день получатели пенсий и пособий имеют на руках пенсионное удостоверение с отметкой о назначенном размере пенсии и других видов пособий, предусмотренных действующим законодательством. Пенсионное удостоверение, образец которого утвержден Постановлением Правительства РК от 25 августа 2006 г. № 819, имеет юридическую силу для предъявления по месту требования. Предоставляемые льготы и компенсации осуществляются *за счет средств республиканского бюджета* и одинаковы во всех областях РК.

Признается право реабилитированных лиц проживать в тех местностях и населенных пунктах, где они проживали до их репрессирования. При отсутствии подтверждающих документов, факт вынужденного переселения, связанный с репрессиями родственников, может быть установлен в судебном порядке. Это право распространяется на членов семей и родственников, проживавших совместно с реабилитированными на момент репрессии. Тем же категориям лиц, проживающим в сельской местности, предоставляется право на получение беспроцентной ссуды и внеочередное обеспечение строительными материалами для строительства жилья. С октября 2014 г. жертвы политических репрессий могут бесплатно приватизировать жилье из государственного жилищного фонда. Реабилитированные лица, утратившие жилые помещения в связи с репрессиями и в настоящее время нуждающиеся в улучшении жилищных условий, имеют право на внеочередное получение жилья. Здесь возникает такая проблема, как представление документов о выписке с прежнего места жительства или сдачи занимаемого ранее жилья.

Подлежат восстановлению в гражданстве Республики Казахстан в заявительном порядке все реабилитированные, а также их потомки. В Законе РК «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» реституция, возврат имущества не предусмотрены.

Исполнение законодательства о реабилитации

Повсеместные репрессии и террор в СССР только в Казахстане привели к необоснованным обвинениям в совершении государственных преступлений и осуждению судебными и несудебными органами в 1920–1950-х годах

около 117 тысяч человек (20% из них – к высшей мере наказания). В разные годы в Казахстан было депортировано 800 тысяч немцев, 102 тысячи поляков, 19 тысяч корейских семей, 507 тысяч представителей народов Северного Кавказа, а также крымские татары, турки, греки, калмыки и многие другие.

Реабилитационные процессы, начавшиеся в период хрущевской оттепели, не были доведены до логического завершения. Статистические данные за этот период ни в прокуратуре республики, ни в государственном архиве не прослеживаются. В 1960–1978 гг. в Казахстане 7112 граждан были реабилитированы судами. Но с конца 1970-х годов работа по реабилитации практически прекратилась. Лишь в 1980-е годы в связи с перестройкой, гласностью и демократизацией изменился взгляд на страницы истории, появилась возможность приоткрыть завесу тайны тоталитарного прошлого. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» повлиял на процессы реабилитации в стране. До 1993 г. органами прокуратуры были реабилитированы 75 тысяч человек. После выхода в свет Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» от 14 апреля 1993 г. начался новый этап процесса реабилитации безвинно осужденных. Вопросы реабилитации жертв массовых политических репрессий находятся в компетенции прокуратуры, судов, органов внутренних дел и национальной безопасности РК. Уполномоченный орган, осуществляющий реабилитацию жертв массовых политических репрессий, репрессированных в судебном и квазисудебном порядке – Генеральная прокуратура. Органы прокуратуры выдают справки о реабилитации на основании архивных справок

о применении политических репрессий и нахождении на спецпоселении либо решения суда (по месту жительства), подтверждающего факт применения репрессий. Архивные справки выдает Управление по правовой статистике и специальным учетам, находящееся по месту применения репрессий. С 25 июня 2014 г. получить государственную архивную справку и копии архивных документов по поиску и реабилитации лиц, являющихся жертвами массовых политических репрессий, можно в органах внутренних дел. Органы внутренних дел и органы национальной безопасности реабилитируют лиц, подвергшихся политическим репрессиям в административном порядке, признают пострадавшими от политических репрессий.

Важное место в работе органов прокуратуры занимает надзор за исполнением реабилитационного законодательства. В 1997 г. органами прокуратуры была проведена масштабная проверка применения Закона РК «О реабилитации жертв массовых репрессий». Изучено 3118 архивных дел 5392 репрессированных лиц, в результате были реабилитированы 4419 человек. Больше всего обращений граждан по вопросам реабилитации было в 1997–1998 гг. Независимо от поступающих заявлений органы прокуратуры проводят постоянную работу по реабилитации жертв политических репрессий. Такая деятельность осуществляется во всех областях Казахстана. По состоянию на 1 января 2010 г. органами прокуратуры рассмотрено 20 524 архивных уголовных дела в отношении 31 666 человек, из которых 25 924 реабилитированы, в том числе 92 участника декабрьских событий 1986 г. Были рассмотрены дела 240 004 спецпереселенцев, из них 204 389 реабилитированы. К 1 января 2010 г. были реабилитированы свыше 305 тысяч незаконно репрессированных граждан Казахстана. В 2013 г. органами прокуратуры изучено более 20 600 архивных уголовных дел в отношении 31 820

лиц, 25 960 человек были реабилитированы. Вместе с тем, в отношении 5846 лиц, обоснованно осужденных за совершение таких преступлений, как измена Родине, шпионаж, террористический акт, диверсия и другие насильственные действия в составе вооруженных банд, вторгшихся на территорию республики, были вынесены мотивированные заключения об отказе в реабилитации. За январь–апрель 2014 г. органами прокуратуры были рассмотрены дела в отношении 56 человек, 22 из них получили справки о том, что их родители, родственники подвергались репрессиям, имели статус спецпереселенца и позже были реабилитированы. Остальные 34 человека получили соответствующие разъяснения.

Деятельность КНБ РК по реализации реабилитационного законодательства проходила во взаимодействии с Генеральной прокуратурой Республики Казахстан, органами внутренних дел. Органами национальной безопасности направлялись в органы прокуратуры для пересмотра архивные уголовные дела, по которым было реабилитировано 99 656 человек и получили отказ в реабилитации 1877 человек, привлекавшихся к ответственности по общеуголовным статьям.

В рамках заключенных со спецслужбами стран СНГ соглашений о сотрудничестве Специальный государственный архив (СГА) КНБ осуществляет обмен информацией, хранящейся в архивах и необходимой для удовлетворения заявлений по вопросам социально-правового характера. Комитет национальной безопасности, сотрудники СГА ведут огромную поисковую работу по сбору документов на граждан из 12 государств мира, осужденных, отбывавших наказание или пропавших без вести в годы массовых политических репрессий и впоследствии реабилитированных судебными органами Казахстана. Сведения об иностранных гражданах стран ближнего и дальнего

зарубежья, осужденных в годы массовых политических репрессий и впоследствии реабилитированных переданы по каналам МИД Республики Казахстан в посольства и членам официальных делегаций. Практически во все страны СНГ направлены списки репрессированных лиц соответствующей национальной принадлежности и граждан данных государств.

Если в 2013 г. в республике всего было зарегистрировано 327 тысяч реабилитированных граждан, то в 2014 г. – порядка 350 тысяч. Сейчас в архивах органов прокуратуры и КНБ нерассмотренных уголовных дел нет. Однако следует заметить, что в архивах Узбекистана еще находится на хранении 583 архивных уголовных дела в отношении 740 граждан Казахстана, осужденных военными трибуналами, дислоцированными на территории Казахской ССР, а также 17 тысяч материалов на спецпоселенцев, находившихся на поселении в Южно-Казахстанской области.

Серьезные сложности возникают в реабилитации раскулаченных лиц, необоснованно изгнанных в Казахстан в административном порядке, а также баев, выселенных из родных мест в другие регионы республики. В отношении этих лиц документов в архивах практически не сохранилось, опись имущества, как правило, не составлялась. Личные дела спецпоселенцев в ряде областей из каких-то соображений были уничтожены еще в 1955 г. Также отсутствуют сведения о лицах корейской национальности, высланных в Акмолинскую область из Дальневосточного края. Такие дела рассматриваются в судебном порядке.

В последние годы значительно снизилось число запросов, связанных с поиском необходимой для реабилитации архивной информации, и обращений по вопросам отказа в реабилитации. Это связано с тем, что органами КНБ и прокуратуры завершена работа по пересмотру

архивных уголовных дел, проводившаяся на основании Закона РК «О реабилитации жертв массовых политических репрессий».

Постановлением Верховного Совета Республики Казахстан от 14 апреля 1993 г. была образована специальная межведомственная комиссия «по рассекречиванию законодательных актов, решений правительственных, партийных и других органов, а также ведомственных актов, служивших основанием для применения массовых репрессий, посягательств на права человека». Такая работа проводилась межведомственной комиссией с 19 июля 1993 г. по 9 января 2006 г. В 1993 г. была создана Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий, которая контролировала работу по реабилитации и защите прав репрессированных. 29 апреля 2009 г. был принят закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам их приведения в соответствие с нормами Конституции Республики». Из закона «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» была исключена статья 28, на основании которой работала комиссия, ее деятельность прекратилась. Официальная точка зрения – государство в деле реабилитации жертв политических репрессий уже сделало все от него зависящее.

Реализацией мер социальной поддержки реабилитированных граждан в РК занимаются специальные органы. *Министерство здравоохранения и социального развития* формирует государственную политику в области социального обеспечения реабилитированных граждан, получивших статус жертв политических репрессий и пострадавших. Уполномоченный орган по назначению пенсий и пособий – *территориальный Департамент по контролю и социальной защите*. По вопросам назначения специального государственного пособия население

обращается в *отделение Государственного центра по выплате пенсии по месту жительства*. Администратор программы в части выплаты компенсаций и специального государственного пособия – *Министерство труда и социальной защиты населения*. Осуществляет выплату компенсаций и пособий *Государственный центр по выплате пенсий через банки*.

В РК компенсации, специальные государственные пособия, пенсии, финансируемые из бюджета государства, выплачиваются вовремя и в полном объеме, с учетом индексации. Отдел занятости и социальных программ по месту жительства занимается оформлением документов на реабилитированных граждан для предоставления им протезно-ортопедической помощи, социального обслуживания в государственных медико-социальных учреждениях (организациях), предоставляющих услуги за счет государственных бюджетных средств, для социального обслуживания на дому. Вопросы получения жилья реабилитированными лицами, утратившими жилые помещения в связи с репрессиями и в настоящее время нуждающимися в улучшении жилищных условий, рассматриваются на заседаниях жилищной комиссии при акимате областей, городов и районов. Финансирование льготы производится из государственного бюджета. Местные администрации и их комиссии несут ответственность за восстановление права реабилитированных жертв политических репрессий на жилище. Первоочередная установка домашнего телефона предоставляется всем реабилитированным гражданам диспетчерскими и абонентскими службами городских и районных телефонных станций. Льгота по первоочередному вступлению в садоводческие кооперативы обеспечивается администрациями городов и районов областей Казахстана, их главы ответственны за ее реализацию. Право жертв политических репрессий,

а также лиц, пострадавших от политических репрессий, имеющих инвалидность или пенсионеров, на первоочередное устройство в дома-интернаты для престарелых и инвалидов, проживание в них на полном государственном обеспечении возложено на местные и областные органы социальной защиты населения. Учреждения, наделенные правом совершения нотариальных действий, освобождают от уплаты госпошлины и возмещения судебных издержек при обращении в суд по вопросам реабилитации и восстановления прав жертв политических репрессий, местные органы власти их контролируют.

Акиматы областей, городов и районов в пределах своей компетенции имеют право устанавливать дополнительную социальную помощь отдельным категориям граждан. Предусматривается право местных представительных и исполнительных органов за счет средств соответствующих бюджетов и в пределах своей компетенции устанавливать для граждан – жертв политических репрессий льготы по санаторно-курортному лечению, производить доплаты к государственным социальным пособиям одиноким инвалидам, нуждающимся в посторонней помощи. За счет средств местных бюджетов устанавливаются приборы учета горячей и холодной воды, бесплатно выделяются уголь, дрова, продукты питания, выдаются проездные для бесплатного проезда в общественном транспорте, организуется подписка на местные и республиканские газеты и журналы. Оказание материальной и натуральной помощи, ее объем реабилитированным гражданам осуществляется по инициативе акиматов и не предусмотрено законодательными актами. Регулярность и размеры оказываемой помощи часто зависят от уровня экономического развития региона. Таким образом, граждане, имеющие статус жертв политических репрессий, лица, пострадавшие от политических репрес-

сий, в одной области оказываются в более выгодном положении, чем в другой.

Основные претензии к Закону Республики Казахстан от 14 апреля 1993 г. «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» связаны с тем, что лица, пострадавшие от массовых политических репрессий, признанные в установленном порядке реабилитированными, не имеют права на получение единовременной денежной компенсации.

Еще одна проблема – дискриминация детей жертв массовых политических репрессий, оставшихся в результате репрессий без одного родителя. Не урегулирован порядок признания жертвами заявителей, пострадавших от политических репрессий, но не являющихся в настоящее время гражданами Казахстана. Не могут быть реабилитированы лица, осужденные на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» или Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г.

Общественный статус жертв

Систематическую работу по восстановлению и защите прав жертв и пострадавших от политических репрессий проводят общественные организации: Казахстанское добровольное историко-просветительское общество «Адилет» («Справедливость»), Казахстанская Ассоциация жертв политических репрессий, ОО «Жертвы политических репрессий», ОО «Ассоциация жертв незаконных репрессий Акмолинской области» (АЖНР), ОО «Жанашар», ОО «Международный правозащитный центр». Всех их объединяет одна цель – увековечить па-

мать о жертвах сталинского террора, представить обществу документальные свидетельства о преступлениях тоталитарного режима. Члены организаций доводят до населения информацию о преступлениях, совершенных тоталитарным режимом, через СМИ, издание книг, путем проведения и участия в конференциях, «круглых столах», акциях памяти жертв политических репрессий. В деятельности перечисленных общественных организаций тесно переплетаются задачи развития реабилитационного законодательства и восстановления прав репрессированных.

В сохранении исторической памяти о жертвах политических репрессий особо выделяется Казахстанское добровольное историко-просветительское общество «Адилет» («Справедливость»), созданное в 1989 г. Организация «Адилет» поставила перед собой задачи: раскрыть преступления тоталитарного режима против собственного народа, рассказать правду о голодоморе, политических репрессиях, увековечить память жертв репрессий и голода, возвести мемориалы в местах расстрелов и тайных захоронений, выпустить Книги Памяти. Обществом «Адилет» подготовлено и опубликовано множество биографий и воспоминаний жертв тоталитаризма, осуществлено монументальное издание «Азалы китап» – «Книга Памяти», по всем регионам Казахстана проводятся историко-архивные конференции и семинары. Во многом благодаря активности организации в Казахстане установлен и ежегодно отмечается День памяти жертв политических репрессий. «Адилет» имеет структурные подразделения в Алматинской, Жамбылской, Карагандинской, Павлодарской областях и г.Талдыкорган, взаимодействует и обменивается информацией с Международным обществом «Мемориал». Президент «Адилет» – Бейбут Койшибаев (beibutok@rambler.ru), председатель правления – Сейфуллин Сакен Орынбекович (sseifullin@gmail.com).

Казахстанская Ассоциация жертв политических репрессий, работающая с декабря 1990 г., содействует моральной и юридической реабилитации лиц, подвергшихся политическим репрессиям, имеет отделения в пяти областях и в г.Алматы. Председатель правления – Жумабек Аушулы. ОО «Жертв политических репрессий» г.Астана (создана в сентябре 2008 г.) защищает интересы жертв незаконных репрессий. Директор – Болат Жунисбекович Жунисбеков (г.Астана, ул.Сейфуллина, 31).

ОО «Ассоциация жертв незаконных репрессий Акмолинской области» участвует в восстановлении исторической правды о преступлениях сталинизма, отстаивает интересы и права жертв политических репрессий, организует мероприятия по сохранению их памяти. Члены Ассоциации разыскивают места захоронения репрессированных, устанавливают памятные знаки, собирают сведения и содействуют изданию специальной литературы. АЖНР изданы такие книги, как «Книга скорби» (Расстрельные списки) по Акмолинской области, «Хранить вечно. Книга Памяти жертв массовых политических репрессий 30–40-х и начала 50-х гг.».

ОО «Жанашар», учрежденное 19 июля 1999 г., занимается защитой прав и интересов лиц, пострадавших от политических репрессий, благотворительной деятельностью. Руководитель – Есенжан Алихан Хамзаулы (Алматы, ул.Шагабутдинова, 123–31).

Общественный фонд «Память» Северо-Казахстанской области осуществляет социальную защиту репрессированных граждан, проводит работу по увековечению памяти жертв политических репрессий. Председатель – Болат Магазович Сагындыков (Северо-Казахстанская область, с.Прибрежное).

Благотворительный фонд «Ашадан» провел большую поисковую работу в архивах Алматы по выявлению имен

и судеб репрессированных жителей с.Кеген Раимбекского района Алматинской области. 31 мая 2013 г. силами фонда в селе был установлен памятник жертвам политических репрессий. Возглавляет Фонд Лена Зыкаева, внучка репрессированного Ашадана Зыкаева, продюсер документального фильма «Жертвы кровавых репрессий» (на каз. яз.).

Кроме профильных организаций жертв политических репрессий в сферу защиты их интересов вовлечены организации общеправозащитного характера. Они проводят мониторинг прав и свобод человека и гражданина в РК, действующего законодательства и информируют общественность, в том числе и международную, о тенденциях развития и о частных случаях грубых нарушений прав человека.

Вопросы, связанные с реализацией прав реабилитированных граждан, были в центре внимания Уполномоченного по правам человека в РК и Комиссии по правам человека при Главе государства РК. Руководители этих организаций направляли в адрес правительства обращения о несовершенстве Закона РК «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» от 14 апреля 1993 г. Однако результаты этих обращений, ответы правительства не прослеживаются в докладах названных организаций.

Международный правозащитный центр (МППЦ), созданный в 1997 г. по инициативе девяти национально-культурных центров Ассамблеи народов Казахстана и Ассоциации жертв политических репрессий, аккредитован в Управлении Верховного Комиссара по беженцам ООН в Женеве; содействует юридической реабилитации жертв политических репрессий. Объединение работает в тесном сотрудничестве с международными институтами защиты прав человека, международными организациями, правозащитными НПО и учебными заведениями Казахстана и

России. Юристы Центра проводят бесплатные консультации по правовым вопросам, действует круглосуточный телефон доверия и поддержки. Президент – Жандильда Ажигалиевич Жакупов (www.mpc-info.kz; Алматы, ул.Карасай батыра, д.85, офис 26); icpralmaty@gmail.com, jandilda@mail.ru).

Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности (КМБПЧ и СЗ) (1997), Правозащитный центр (ПЦ). Бюро занимается анализом национального законодательства в области прав человека и оказывает бесплатную консультационную правовую помощь гражданам. В составе Правозащитного центра действуют волонтерский центр, в котором работают студенты-юристы, и общественная приемная, ведущая прием граждан по вопросам нарушения их прав и свобод. Информационно-мониторинговый центр (ИМЦ) ведет мониторинг соблюдения прав человека в стране и распространяет информацию об этом в казахстанских и зарубежных СМИ и в Интернете. Сотрудники ИАЦ осуществляют электронную рассылку мониторинга «Ситуация с правами человека в Казахстане» и редактируют веб-сайт КМБПЧ и СЗ. Наряду с головным офисом в Алматы созданы и действуют филиал Бюро в Астане, областные филиалы в Актау, Актобе, Караганде, Костаное, Павлодаре, Уральске (ЗКО), Усть-Каменогорске (ВКО) и Шымкенте (ЮКО). В городах Талдыкоргане и Таразе работают представители Бюро соответственно по Алматинской и Жамбылской областям. Председатель Совета Бюро – Евгений Жовтис (Eugene.Zhovtis@gmail.com; 050035 г.Алматы, микрорайон 8, д.4-а, офисы 423 и 428; директор Бюро и офис-менеджер – Roza.Akylbekova@gmail.com. Сайт организации <http://www.bureau.kz>).

Республиканское общественное правозащитное объединение «Правовое развитие Казахстана» с 1995 г. ока-

зывает юридическую помощь в отстаивании прав человека и гражданина. Председатель – Виталий Иванович Воронов, бывший депутат Верховного Совета Казахстана (vitaliy@vs.kustanai.su).

Казахский региональный комитет социально-правовой защиты «Тесен», входит в состав Комиссия по правам человека при Президенте Республики Казахстан. Председатель – Цой Геральд Владимирович (Алматы, ул.Мустафы Озтюрка (Лумумбы) д.7, офис 1).

Общественный Фонд (ОФ) изучения наследия репрессированной интеллигенции Казахстана «Арыс» (2007) изучает и издает книги о деятельности, жизни и судьбе казахской интеллигенции, пострадавшей в период тоталитаризма. Совместно с Министерством информации и общественного согласия Фонд выпустил, например, книгу «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы» (1998), с Архивом президента РК – справочник «Наркомы Казахстана 1920–1946 гг.». Президент «Арыс» – Гарифулла Кабдулхайрович Анес (48003, Алматы, ул.Жандосова, д.60).

ОФ «Аман-саулык» (14 мая 2007 г.) – экспертная и правозащитная организация, работающая в сфере здравоохранения и социальной защиты, содействует продвижению демократических принципов и реализации прав человека на здоровье и социальную защиту. Председатель – Бахыт Туменова.

Государственные органы во взаимодействии с общественными организациями проводят работу по увековечению памяти репрессированных граждан. Указом Президента Республики Казахстан 1997 г. был объявлен Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий. В соответствии с Указом были намечены мероприятия, которые стали проводиться на постоянной основе. День 31 мая был официально объ-

явлен Днем памяти жертв политических репрессий, а с 2012 г. – Днем памяти жертв политических репрессий и голода. Памятные мероприятия в этот день, митинги и траурные акции, возложение цветов к местам захоронения репрессированных, демонстрация кинофильмов с последующими обсуждениями проходят во всех регионах Казахстана. Местные администрации всегда поддерживают проведение таких мероприятий, выделяют средства, автобусы для проведения экскурсий, связанных с историей политических репрессий. В 2010 г. возникла традиция проведения международной акции «Память во имя будущего». Ассамблея народа Казахстана провела форумы в музеях «АЛЖИР», «Карлаг», в Алматинской и Акюбинской областях. В 2014 г. эстафету памяти принимала Восточно-Казахстанская область, г. Семей. В Карагандинском университете «Болашак» прошла церемония награждения победителей Международного конкурса сочинений «Карлаг: память во имя будущего». Участниками конкурса стали учащиеся выпускных классов школ и колледжей, граждане Казахстана, стран СНГ. В 2014 г. в акциях, посвященных Дню памяти жертв политических репрессий, участвовала вся страна. В Казахстане прошло 2123 мероприятия, в которых приняли участие почти 350 тысяч человек. Во всех соборах, храмах и мечетях состоялись поминальные молебны и богослужения, посвященные памятной дате, были организованы обеды для репрессированных.

Казахстанские газеты посвящают статьи памятной дате, рассказывают о судьбе людей, попавших в жернова репрессий. С участием ученых, писателей, государственных деятелей, представителей партий, движений, национально-культурных объединений проводятся теле- и радиопередачи, способствующие восстановлению исторической правды и увековечению памяти жертв полити-

ческих репрессий. Внимание общественности к проблемам сохранения исторической памяти, урокам истории, к вопросам увековечения памяти жертв политических репрессий привлекают «круглые столы», конференции регионального и международного уровня. Активное участие в них принимают представители государственных органов и общественных организаций, партий и всех конфессий, преподаватели вузов, учителя, архивные и музейные работники, библиотекари, представители национально-культурных центров, студенты и школьники.

Занимаются информационно-просветительской работой по разоблачению преступлений тоталитаризма и сохранению памяти жертв репрессий архивы и библиотеки. Сотрудники библиотек готовят книжные выставки, стенды, публикации, оказывают консультативную и методическую помощь библиографического и научно-справочного характера о судьбах узников лагерей, спецпереселенцах. В архивах, музеях, библиотеках, учебных заведениях и трудовых коллективах страны проходят встречи с людьми, пострадавшими в период тоталитаризма. Информационные агентства областей, городов, поселков выпускают пресс-релизы о планируемых и проведенных общественно-политических мероприятиях в День памяти жертв политических репрессий и голода.

Подготовкой и изданием материалов по теме репрессий занимаются Архив Президента Республики Казахстан (АП РК), Институт истории и этнологии им. Ч.Валиханова, Институт истории государства МОН РК. Работа проводится совместно с архивными органами и архивами, Ассамблеей народа Казахстана и культурными центрами, Казахстанским историко-просветительским обществом «Адилет». Исследования проводились по темам: протестные движения; репрессивная политика по отношению к социумам; репрессивная политика по отношению к этни-

ческим группам; репрессивная политика по отношению к отдельным гражданам и их судьбы. Такая деятельность стала возможна после того, как в 2004–2008 гг. были раскритикованы документы бывшего Архивного фонда КПСС, хранящегося в АП РК. За последние годы собран и обнародован огромный фактический материал. Выпущены сборники: «Движение Алаш» (1991–2007), «Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.» (1998), «Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.)» (2000), «Страницы трагических судеб. Сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-е гг.» (2002), «Современное осмысление уроков репрессий 1930–1950-х гг. в Казахстане и проблемы защиты прав человека» (2005), «Голод в СССР. 1929–1934 гг.» (2011), «Из истории депортаций в Казахстан. 1930–1935 гг.» (2012), «Асфендияр Кенжин. Сборник документов и материалов» (2014). В сборнике «Человек в истории. Казахстан – XX век» собраны работы победителей казахстанского конкурса исследовательских работ старшеклассников по теме политических репрессий, затронувших отдельных людей, социальные группы и этносы СССР. В каждом сборнике АП РК от 80 до 95 % документов публикуется впервые, причем 45–50 % их не были известны даже узкому кругу специалистов. Директор АП РК – Владимир Шепель.

Общественная осведомленность

Освещение темы репрессий неразрывно связано с вопросами реабилитации незаконно репрессированных. Казахские ученые К.Нурпеисов, М.Койгелдиев, Т.Омарбеков, В.Григорьев, Т.Какишев, С.Аккулыулы, А.Сармурзин, М.Кул-Мухаммед занимаются историей и реабилитацией представителей казахской интеллигенции, лидеров «Алаш» и «Алаш-Орды». Многие ис-

следователи так или иначе затрагивают вопросы, связанные с возвращением доброго имени пострадавшим от сталинской репрессивной политики. М.Когельдиев, Н.Масанов исследуют политику сталинизма и репрессий в целом. Ж.Абылхожин, К.Алдажуманов, Г.Кан, Л.Бургарт, Ж.Кыдыралина изучают проблемы депортации народов. В.Михайлов, Т.Омарбеков, М.Асылбеков, М.Койгельдиев, С.Жолдасов исследуют причины и последствия голода в Казахстане. Работы Е.Кузнецовой, С.Дильманова, Т.Садыкова посвящены истории создания и функционирования исправительно-трудовых лагерей на территории Казахстана. Казахстанские ученые не занимались специальными исследованиями по темам реабилитации и увековечения памяти жертв политических репрессий. Исключения составляют статьи в «Книгах скорби».

25 июня 2014 г. Комитет национальной безопасности РК официально передал в специальные государственные архивы МВД более 176 тысяч единиц хранения архивных документов (совместный приказ Комитета национальной безопасности и Министерства внутренних дел Республики Казахстан от 25 июня 2014 г. № 204/377). Это событие без преувеличения можно назвать историческим, теперь родственники получили возможность установить судьбу своих предков, приоткрыть историю своей семьи. Архивные уголовные дела разделены в соответствии с Законом РК «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» на два фонда – фонд реабилитированных граждан и фонд лиц, не подлежащих реабилитации. Уголовные дела в отношении репрессированных граждан – это дела осужденных и впоследствии реабилитированных граждан, а также дела, прекращенные в ходе следствия за недоказанностью обвинения. Уголовные дела на лиц, не подлежащих реабилитации, содержат достаточные доказательства совершенных ими преступлений.

Фильтрационные и трофейные материалы на бывших военнопленных и репатриированных из Германии граждан бывшего СССР – это дела на взятых в плен и находившихся в концлагерях советских солдат в период Великой Отечественной войны. Во всех фильтрационных и трофейных материалах имеются анкета и учетная карточка, в которых содержатся данные биографического характера о времени и месте взятия в плен, перемещениях по лагерям, местам трудового использования и т.д.

Персональные дела на лиц, находившихся в ссылке, высылке, спецпоселении, трудармии, а также на заключенных ИТЛ находятся в региональных управлениях Комитета по правовой статистике и специальным учетам (КПСиСУ) Генеральной прокуратуры Республики Казахстан по месту применения репрессии. Архивные дела на лиц, подвергшихся раскулачиванию, находятся в областных государственных архивах по месту репрессии.

Сведения о лицах, находившихся в детских домах, переданы в Общество Красного Полумесяца Республики Казахстан (г. Алматы, ул.Кунаева, 86; тел. 8 (727)2916291, 8 (727)2911359).

Родственники реабилитированного имеют право на ознакомление с документами только непроцессуального характера. К ним относятся: анкеты арестованных, справки, выданные сельсоветами и местными органами, характеристики с места работы, решения о пересмотре уголовного дела, сведения о реабилитации.

В связи с конфиденциальностью сведений уголовного дела какие-либо копии архивных документов заявителю не предоставляются. Приговоры и обвинительные заключения можно посмотреть только в том в случае, если в них не указаны проходящие по делу свидетели или другие участники уголовного процесса. Документы выдаются после предоставления документов, подтверж-

дающих родство, удостоверяющих личность доверенных лиц, а также нотариально заверенной доверенности. В обязательном порядке от лиц, знакомящихся с архивными уголовными делами, берется письменная расписка об ознакомлении и запрещении использования сведений в ущерб правам и законным интересам причастных к делу лиц и их близких. Ограничения доступа к материалам прекращенных уголовных дел вызваны необходимостью оградить персональные данные реабилитированных лиц от несанкционированного использования.

Исследователи, ведущие научную работу или выполняющие служебные задания, представляют письмо направившей их организации. В письме указываются фамилия, имя, отчество пользователя, должность, научное звание, ученая степень, тема и хронологические рамки исследования. Если с момента создания документов не прошло 75 лет, то для доступа к делу необходима нотариально заверенная доверенность от родственников осужденного, разрешающая исследователю или журналисту ознакомиться с ним. Если такой доверенности нет, то историки, исследователи для подготовки научных исследований, статей биографического и иного характера могут получить без согласования с родственниками только информацию об основных биографических данных реабилитированных лиц и о результате пересмотра дел. Есть примеры, когда ученые получили возможность ознакомиться с архивными уголовными делами. Так, по обращению ректората КазГНУ им. Аль-Фараби профессору Т.Какишеву была предоставлена возможность для ознакомления с архивным уголовным делом С.Сейфуллина, профессору А.Такенову – с делами Т.Шонанова и Е.Омарова. Профессор Таразского государственного университета Ж.Боданов на основании архивных материалов издал книгу «Приговор истории:

Не виновны», опубликовал ряд статей в областных газетах «Знамя труда» и «Ак жол».

Тема политического террора советской эпохи – элемент экспозиций во всех исторических и краеведческих музеях РК к Дню памяти жертв политических репрессий. Так, в 2014 г. сотрудники Историко-краеведческого музея Темиртау Карагандинской области в рамках областного проекта «Живая связь поколений» провели акцию «Трагедия тоталитаризма в истории моей семьи». Представленные рассказы, фотографии и документы поместили на Стене памяти. Планируется собрать все работы школьников и издать их отдельным сборником, который так и будет называться «Дети XXI века о своей семье». В Карагандинском историко-краеведческом музее есть экспозиция, посвященная Карлагу. В музее Карагандинского КНБ представлены экспонаты и макет Карлага. Произведения репрессированных художников хранятся в фондах Карагандинского музея изобразительного искусства. В историко-краеведческом музее Управления культуры акимата Костанайской области работает экспозиция «Депортация и репрессии 1930–1940-х гг.». И таких примеров много. Специализированные музеи и музеи, имеющие специальные экспозиции, посвященные истории репрессий и сопротивления террору, в 2011 г. объединились в Ассоциацию музеев жертв политических репрессий Казахстана. Председателем Ассоциации стал Болат Жунисбекович Жунисбеков – директор «Музейно-мемориального комплекса жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР».

В Ассоциацию музеев жертв политических репрессий Казахстана входят музеи:

– Музей памяти жертв политических репрессий п.Долинка. Директор – Светлана Климентьевна Байнова (Карагандинская обл., п.Долинка, ул.Школьная, д.39; www.karlag-musey.kz);

– Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР», расположенный на месте бывшего Акмолинского лагеря жен изменников Родине. В 2014 г. музей выпустил сборник воспоминаний узниц лагеря и их потомков «АЛЖІР. Qorqinişti tüstey... Как strashnyi son...». Сборник состоит из пяти разделов: «Воспоминания», «Из воспоминаний “алжирок”», «Из воспоминаний потомков “алжирок”», «СМИ об “АЛЖИРе”» и «Сотрудники музея об “АЛЖИРе”». Директор – Болат Жунисбекович Жунисбеков (Астана, Кургальжинское шос., 37 км; alzhir@bk.ru; www.alzhir.ucoz.kz);

– Музей памяти жертв политических репрессий. Директор – Светлана Константиновна Нургазиева (г.Усть-Каменогорск, ул.Протазанова, д.145);

– Южно-Казахстанский музей жертв политических репрессий. Директор музея – Ханбиби Есенкараева (Южно-Казахстанская обл., г.Шимкент, ул.Кайрата Рыскулбекова);

– Тарановский историко-краеведческий музей им. Б.Майлина. Директор – Светлана Алексеевна Рудик (111700 Кустанайская обл., Тарановский р-н, с.Тарановка, ул.Калинина д.62);

– Дом-музей А.Байтурсынова. Директор – Райхан Имаханбетова (Алматы, ул.Байтурсынова, д.60);

– Музей Сакена Сейфулина. Директор – Роза Имангалиевна Асылбекова (473000 Астана, ул.Октябрьская, д.7; seifullin_museum@mail.ru);

– Алматинский областной историко-краеведческий музей им. М.Тынышпаева. Директор – Какен Бейсенбекович Нуртаев (040000 Алматинская обл., Талдыкорган, ул.Абая, д.245; muzeytdk@mail.ru);

– Мемориальный комплекс Абай-Шакарим. Директор – Жандос Аубакир (070100 Восточно-Казахстанская обл., Абайский р-н, с.Караул; abai-museum@mail.ru);

– Литературный музей И.Жансугурова (г.Талдыкорган, ул.Абая, д.239);

– Дом Ауэзова – крупный научно-культурный и исследовательский центр Казахстана. Первоначальное название – Литературно-мемориальный дом-музей М.О. Ауэзова при Институте литературы и искусства им. М.Ауэзова АН КазССР. Директор – Бахытжан Калысканович Майтанов (Алматы, ул.Тулбаева, д.185; museumalmaty@mail.ru);

– Музей истории города Алматы (отдел «Музей истории политических репрессий») – филиал Центрального государственного музея РК (Алматы, ул.Наурызбай батыра, д.108).

В местах массовых захоронений жертв, расстрелов, бывших лагерей и лагерных кладбищ на основании заключений, вынесенных совместно с органами прокуратуры и местными властями, установлены памятные знаки. Места захоронения, за исключением мемориалов, не имеют специального статуса, не находятся с юридической точки зрения под охраной государства. На сегодняшний день жертвам политических репрессий во всех областях Республики Казахстан установлены мемориалы, памятники или мемориальные доски. Они установлены благодаря поручениям президента РК Н.А.Назарбаева, в большинстве случаев по инициативе и на средства общественных организаций, частных лиц, учреждений культуры и образования, при активном участии местных органов власти, одобрении государственных органов в целом. Символическим актом осуждения преступлений тоталитарного режима стало создание общенационального Памятника жертвам политических репрессий в Астане – столице Казахстана. В г.Уштоб воздвигнут Памятный камень благодарности казахскому народу от Ассоциации корейцев Казахстана. Правительства и общественные организации ряда зару-

бежных стран имели возможность установить памятные знаки своим репрессированным в СССР гражданам.

Несмотря на то, что в РК отсутствует специальная государственная программа по увековечению памяти жертв политических репрессий, не принят официальный документ об издании «Книг Памяти» («Книг скорби»), работа в этом направлении проводится. За годы независимости в Республике Казахстан издано 14 «Книг скорби», в которые включены имена почти 146,5 тысячи безвинно пострадавших соотечественников. Книги о жертвах политических репрессий основаны на архивных материалах органов национальной безопасности, изданы на местах Ассоциациями жертв политических репрессий во всех областях Казахстана. Реабилитация жертв тоталитарного режима нашла отражение в изданиях: «Книги скорби», «АЗА», «Боздактар», «Жертвы репрессий», «Забвению не подлежит». Подготовленные книги как в научном, так и в редакционно-оформительском плане по своему уровню разные. Основное их содержание – биографические справки на жертв политических репрессий – различаются по полноте сведений. В ряде изданий не отражены такие необходимые данные о репрессированных как национальная принадлежность, образование, кем и когда вынесен приговор, статьи и формулировка обвинения, кем и когда реабилитирован человек. Это связано с тем, что выпуском книг занимались организации жертв политических репрессий, местные администрации, научные и культурно-просветительские организации, региональные органы КНБ и прокуратуры, ученые-исследователи, сотрудники некоторых вузов и архивов.

«Книги Памяти» были разосланы в городские и сельские библиотеки, библиотеки учебных заведений страны, в органы власти и доступны всему населению РК. Материалы изданий востребованы школьниками, студентами,

учителями при изучении истории политических репрессий в Казахстане, при написании исследовательских работ, проведении уроков памяти, во внеклассной работе. В Казахстане живут потомки тех, кто умер от голода в годы коллективизации, был приговорен к высшей мере наказания как «враг народа», депортирован, выслан, прошел через лагеря и тюрьмы. Казахстан стал домом для неугодных сталинскому режиму целых народов – поляков, чеченцев, ингушей, корейцев, немцев и представителей других народов. Реабилитация жертв политических репрессий и увековечение их памяти находят абсолютное одобрение в казахстанском обществе.

Продолжением работы по созданию «Книг Памяти» стала база данных жертв политических репрессий в Интернете. В ряде регионов Казахстана имеются специальные сайты, собственные персональные базы данных, способствующие увековечению памяти жертв репрессий. Интернет-сайт, разработанный Е.Кузнецовой и веб-дизайнером Вячеславом Бахаревым, полностью посвящен Карлагу. Набрав в строке поиска адрес www.karlag.kz, любой желающий получает доступ к документам об истории террора в СССР, истории Карлага, воспоминаниям бывших узников, к спискам репрессированных, отбывавших срок в лагерях расстрелянных. К сожалению, этот сайт работает не всегда. На сайте Управления внутренней политики Акмолинской области есть база данных репрессированных лиц, чьи архивные уголовные дела хранятся в архивах КНБ РК и КНБ РК по Акмолинской области. На сайтах «Мемориала», Ассоциации жертв незаконных репрессий Астаны и Акмолинской области размещены 5580 биографических справок на репрессированных по 58-й статье, 5284 справки об узниках «АЛЖИРа», в том числе женщин из восточноевропейских стран, 11 000 биографических справок на трудармейцев, 90 % из которых

составляли депортированные немцы. Списки политических репрессий в перечисленных областях имеются на сервере «Мемориала». Список имен жертв политических репрессий по Уланскому району Восточно-Казахстанской областной находится на сервере областной администрации. Сайт Генеалогического форума ВГД представляет расстрельные списки по Алма-Ате, Алматинской области, содержит базу данных по поиску репрессированных, высланных из Казахстана и репрессированных в Казахстане.

Юридическая реабилитация жертв политических репрессий, увековечение их памяти связаны с преодолением тоталитарного прошлого. Однако в законодательстве РК отсутствует статья, запрещающая увековечивать в названиях населенных пунктов, улиц, площадей и т.д. память лиц, несущих ответственность за массовые репрессии и другие тяжкие преступления против прав и свобод граждан. Многие улицы, населенные пункты, организации, названные в советское время в честь организаторов и активных участников государственного террора, были переименованы, им возвращены национальные названия, имеющие историческое значение. При этом многие из организаторов и исполнителей политических репрессий не были преданы суду, получают персональные пенсии и не раскаялись за свои преступления.

В школьных учебниках темы тоталитаризма и государственного террора советской эпохи занимают недостаточное место, не выработаны концептуальные подходы к этим явлениям. Темы голода, террора и сталинской репрессивной диктатуры изобилуют фактическим материалом, но не поддержаны обобщающими выводами. В учебниках школьникам рассказывается о конкретных проявлениях сталинского режима, но не о глубинной сути большевистской идеологии. Многие события и процессы того времени так еще и не осмыслены до конца. Пока не

произойдет полного переосмысления тоталитарного прошлого, серьезный прорыв в деле подготовки школьных учебников по истории Казахстана, всемирной истории и обществоведению невозможен. Вклад в изучение трагического прошлого советского периода при этом оказывают специальные сайты. Образовательный сайт [Азбука.kz](http://azbuka.kz) публикует статьи, методические разработки уроков и внеклассных мероприятий, сценарии, презентации, проекты учащихся по теме политических репрессий. На Интернет-портале по истории Казахстана <http://e-history.kz/ru/contents/view/1160> есть разнообразный материал по истории репрессий как для школьных учителей, так и для учащихся. Есть материал по тоталитаризму и советскому государственному террору на сайтах библиотек, школ Казахстана. На исторических факультетах высших учебных заведений ведутся спецкурсы (специальные семинары) по проблеме политических репрессий.

Источники:

1. О реабилитации жертв массовых репрессий. – Закон Республики Казахстан от 14 апреля 1993 г. № 2143-ХІІ <http://normativ.uchet.kz/view>

2. Правила выплаты денежных компенсаций жертвам массовых политических репрессий. – Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 января 2003 г. № 82 http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsx/dok_iedtko.htm

3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам социальных выплат. – Закон Республики Казахстан от 19 января 2001 г. № 145-2 <http://www.pavlodar.com/zakon>

4. Об утверждении Стратегического плана Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан на 2011–2015 г. – Постановление Правитель-

ства Республики Казахстан от 31 декабря 2010 г. № 1507 (Казахстанская правда. 2011. 29 января; 1 февраля).

5. О внесении изменений и дополнений в Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2013 г. № 1595 «О Стратегическом плане Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан на 2014–2018 годы». – Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 июня 2014 г. № 643 <http://normativ.uchet.kz/view>

6. О специальном государственном пособии в Республике Казахстан. – Закон Республики Казахстан от 5 апреля 1999 г. № 365 (Казахстанская правда. 1999. 7 апреля).

7. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам предоставления льгот отдельным категориям граждан – Закон Республики Казахстан от 4 апреля 1999 г. <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok>

8. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам социального обеспечения – Закон Республики Казахстан от 4 апреля 1999 г. <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok>

9. Об утверждении Правил назначения и выплаты специального государственного пособия – Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 января 2001 г. №161 (САПП Республики Казахстан. 2001. № 45. С.5).

10. Указ Президента Республики Казахстан от 20 марта 1994 г. № 1612 <http://www.unesco.kz/cgi-bin/libra>

П.И. ДЯТЛЕНКО,
кандидат исторических наук,
Киргизско-Российский славянский
университет им. Б.Н.Ельцина

Правовое и социальное положение жертв политических репрессий в Киргизской Республике

Своим молчанием они обвиняют.

Цицерон

Реабилитация

Реабилитация репрессированных граждан носила постепенный, затяжной характер и включила в себя три временных этапа, каждый из которых обладал рядом особенностей: годы хрущевской оттепели, горбачевская перестройка и период суверенитета Киргизской Республики¹.

Для анализа процесса и особенностей реабилитации большое значение имеет корпус документов Верховного суда республики по этой проблематике, который хранится в ведомственном архиве ВС КР под названием «Решения по контрреволюционным делам» и включает судебные решения, принятые по итогам судебного рассмотрения дел жертв политических репрессий. Автору удалось первым из исследователей получить разрешение на работу с этим корпусом документов.

В годы хрущевской оттепели реабилитацию граждан проводили в основном КГБ, Генеральная прокуратура

¹ В статье названия государства и этноса даны согласно правилам русского языка – «Киргизская ССР», «Киргизская Республика», «киргизы», «киргизский» (для обозначения этнической принадлежности), «киргизстанский» (для обозначения принадлежности к стране); современное постсоветское самоназвание государства – «Кыргызстан» – дано в форме, закрепленной в его Конституции и распространенной на его территории.

СССР, Верховный суд СССР, Военная коллегия Верховного суда СССР, Верховные суды и прокуратуры союзных республик (в том числе Киргизской ССР), военные суды военных округов.

Только в годы перестройки и после распада СССР реабилитацией репрессированных граждан стали активно заниматься органы юстиции Кыргызстана. Это были Министерство национальной безопасности КР (сейчас это ведомство называется Государственный комитет национальной безопасности КР), Генеральная прокуратура КР, Верховный суд КР, Военная прокуратура КР и Военный суд КР. Реабилитация стала носить планомерный и более открытый по сравнению с советским временем характер.

Реабилитация репрессированных в нашей республике началась еще в 1954 г., когда Верховный суд республики стал рассматривать первые протесты Генерального прокурора СССР и прокурора Киргизской ССР по поводу дел, содержащих обвинение по 58-й статье УК РСФСР² (в редакции 1926 г.), которые подавались по причине излишней суровости назначенного ранее судом наказания³.

После доклада Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» на XX съезде КПСС, прочитанного им на закрытом заседании в последний день съезда, 25 февраля 1956 г., в Киргизской ССР, как и по всей стране, стал постепенно набирать обороты процесс возвращения честных имен невинным жертвам сталинских репрессий.

В отношении репрессированных граждан начиная с 1954 г., как правило, открывалось производство по вновь открывшимся обстоятельствам, результаты которого свидетельствовали об их незаконном осуждении по сфальсифицированным делам. Действовавшим УПК РСФСР от

² До 1961 г. на территории Киргизской ССР действовал Уголовный кодекс РСФСР.

³ Архив Верховного суда КР. «Решения по контрреволюционным делам».

1923 г. предусматривалось такое производство, регламентировалось оно статьями 373–378 УПК РСФСР⁴.

Возобновление дел, по которым состоялись вступившие в законную силу судебные приговоры, допускалось ст.373 УПК РСФСР (ред. 1923 г.) в силу открытия новых обстоятельств, к которым относились:

- установление подложности доказательств, на которых основан приговор,
- преступные злоупотребления со стороны судей, постановивших приговор,
- другие обстоятельства, доказывающие невиновность осужденного или участие его в менее тяжком или более тяжком преступлении, нежели то, за которое он был осужден.

Новыми признавались такие обстоятельства, которые не могли быть известны суду при вынесении приговора.

Ходатайства о возобновлении дела направлялись заинтересованными лицами и организациями прокурору, который, получив такое ходатайство, а также по собственной инициативе, если признавал нужным возобновить дело, производил необходимое расследование (ст.377 УПК РСФСР)⁵.

По окончании расследования прокурор направлял акты расследования непосредственно в Верховный суд (ст.378 УПК РСФСР). В случае, когда дело расследовал прокурор Киргизской ССР, акт расследования представлялся в Верховный суд Киргизской ССР, а в тех случаях, когда дело расследовалось прокурором СССР, акт расследования направлялся в Верховный суд СССР или Верхов-

⁴ Смирнов Н.Г. Репрессированное правосудие. М., 2001. С.20.

⁵ Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д. История кыргызов и Кыргызстана : Учебник для вузов: 2-е изд. Бишкек, 2009. С.248; Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней) : Учебник для вузов. Изд. 5-е, испр. и доп. Бишкек, 2012. С.453.

ный суд Киргизской ССР. Это зависело от того, в каком суде оно ранее было рассмотрено.

В первые годы хрущевского этапа реабилитация сводилась к сокращению ранее назначенных сроков наказания, чаще всего – до фактически отбытых. Чуть позже подобные дела рассматривались еще раз, и граждан реабилитировали полностью.

Большинство приговоренных решениями троек и других несудебных органов были реабилитированы в период хрущевской оттепели (по имеющимся данным речь идет примерно о 13 тысячах репрессированных граждан)⁶. Реабилитация репрессированных коммунистов и чиновников (включая бывших руководителей республики) началась раньше и шла гораздо быстрее по сравнению с другими категориями пострадавших⁷.

Верховный суд Киргизской ССР проводил заседания по рассмотрению «контрреволюционных дел» только в закрытом режиме. По мере сворачивания хрущевской оттепели реабилитация граждан быстро пошла на убыль.

Начиная с 1965 г. Верховный суд республики рассматривал лишь единичные дела по реабилитации репрессированных граждан. А в период с 1981 по 1987 г. реабилитация репрессированных граждан Верховным судом Киргизской ССР не проводилась⁸.

В советское время реабилитация означала не только признание невиновности жертв политических репрессий органами правосудия, но и последующее восстановление в рядах коммунистической партии (часто – посмертно) тех, кто был исключен из нее в связи с осуждением. Правда, это касалось лишь тех, кто был полностью реабилитирован в судебном порядке и не участвовал в оппозиции.

⁷ Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане, 1954–1999 гг. / отв. ред. В.М. Плоских. Бишкек, 2010. С.118.

⁸ Архив Верховного суда КР. «Решения по контрреволюционным делам».

Только в годы горбачевской перестройки процесс реабилитации репрессированных граждан был возобновлен и приобрел действительно массовый характер. Стали восстанавливать честные имена простых граждан, а не только высокопоставленных руководителей, известных людей, государственных служащих и коммунистов. Это стало возможно после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х годов и начала 50-х годов» и Указа Президента СССР М.С. Горбачева от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв репрессий 20–50-х годов»⁹.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. имел особое значение для ускорения реабилитации, так как отменил все внесудебные решения, вынесенные в 1930–1950-х годах «тройками», «двойками», «особыми совещаниями» и коллегиями, и реабилитировал всех граждан, репрессированных их решениями. В указе оговаривалось, что эта мера не распространяется на изменников и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников националистических бандформирований и их пособников, сотрудников органов безопасности, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, и лиц, совершивших уголовные преступления. Согласно этому указу при краевых, областных и городских Советах народных депутатов, Верховных Советах автономных и союзных республик разрешалось создавать комиссии из народных депутатов и представителей общественности для оказания содействия советским органам в обеспечении прав реабилитированных граждан, создании памятников жертвам

⁹ Реабилитация : Политические процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С.332–333.

репрессий и содержания в надлежащем порядке мест их захоронения.

В связи с бурными политическими процессами, происходившими во всем СССР, в Киргизской ССР с 1989 г. начался этап массовой реабилитации. Кардинальным образом изменился ее характер. Подавляющее большинство граждан, осужденных по ст.58 УК РСФСР, были реабилитированы полностью за отсутствием в их действиях состава преступления. Небольшое число осужденных были частично реабилитированы, так как они были признаны необоснованно осужденными только по ст.58. Иногда осужденным по этой статье суд переквалифицировал обвинение на чисто уголовное.

Дела о реабилитации стали рассматривать в открытых судебных заседаниях. В постановлениях и определениях Верховного суда Киргизской Республики появилась непривычная и даже невозможная для советского времени юридическая формулировка: «предварительное и судебное следствие по делу проводилось необъективно, тенденциозно, с обвинительным уклоном»¹⁰.

В Верховном суде КР решения реабилитации принимал Президиум Верховного суда, пленум и коллегия по уголовным делам. В состав Президиума Верховного суда республики входят председатель, его заместители и председатели коллегий Верховного суда.

В ряде случаев решения о реабилитации репрессированных граждан выносил пленум Верховного суда республики. Это делалось для обеспечения единообразия судебной практики, рассмотрения сложных или наиболее распространенных дел. В пленарных заседаниях принимали участие все судьи Верховного суда. Заседания проводились под руководством председателя суда или его

¹⁰ Архив Верховного суда КР. «Решения по контрреволюционным делам».

заместителя при обязательном присутствии прокурора республики или его старшего заместителя.

В судебных решениях Верховного суда республики среди других оснований для реабилитации в ряде случаев стали упоминаться факты осуждения, должностного наказания и исключения из коммунистической партии сотрудников НКВД и прокуратуры, участвовавших в политических репрессиях, за применение незаконных методов ведения следствия¹¹.

Датой завершения реабилитации репрессированных граждан в нашей республике можно считать 1999 г., когда Верховный суд республики рассмотрел последние дела о восстановлении прав и свобод репрессированных граждан¹².

Органы госбезопасности республики в 1989–1996 гг. закончили пересмотр всех архивных дел осужденных по 58-й статье, после чего они были переданы для решения вопроса о реабилитации в прокуратуры по регионам осуждения¹³.

В 1990-е годы одно из управлений Генеральной прокуратуры совместно с ГКНБ КР занимались реабилитацией жертв сталинских репрессий. Решения о реабилитации или отказе в таковой принимала Генеральная прокуратура.

В постсоветское время основой для восстановления жертв репрессий в гражданских и других правах стал Закон Киргизской Республики от 27 мая 1994 г. «О правах и гарантиях граждан, пострадавших в результате репрессий за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам». Он был введен в действие постановлением Жогорку Кенеша (Верховного Совета) КР от 27 мая 1994 г. № 1538 – XII (действует в ре-

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Восстанавливаем историческую справедливость : Вып. 1. Бишкек, 1996. С.4.

дакции Законов КР от 20 февраля 1997 г. № 10; 9 октября 1999 г. № 109; 19 августа 2004 г. № 159; 27 января 2006 г. № 27; 30 декабря 2009 г. № 319)¹⁴.

Цель этого закона – реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Киргизской Республики с 1917 г., восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола, а также компенсация материального и морального ущерба. В законе дано подробное определение политических репрессий, четко определен круг лиц, которые подлежат и не подлежат реабилитации, прописан порядок реабилитации репрессированных граждан, в том числе компенсация нанесенного ущерба.

Согласно статье 2 закона, его действие «распространяется на всех граждан Кыргызской Республики и других государств – членов Содружества Независимых Государств, иностранных граждан, а также лиц без гражданства, подвергшихся политическим репрессиям на территории республики, а также на лиц, подвергшихся репрессиям в других государствах – бывших союзных республиках СССР, но постоянно проживающих в Кыргызской Республике и являющихся ее гражданами»¹⁵.

Согласно статье 8, при отсутствии документальных сведений факт применения репрессий может быть установлен в судебном порядке на основании свидетельских показаний.

Для разрешения возможных противоречий и разъяснения неточных формулировок был дополнительно принят Закон Киргизской Республики от 9 января 2006 г. № 2 «Об официальном толковании статей 1 и 3 Закона Кыргызской Республики “О правах и гарантиях граждан, пострадавших в результате репрессий за политические и

¹⁴ Ведомости Жогорку Кенеша КР. 1994. № 7. Ст.220.

¹⁵ Там же.

религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам”». Согласно ему, «подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам незаконно подвергнуты ограничениям трудовых и социальных прав и свобод государственными организациями, учреждениями, предприятиями и общественными организациями (комсомольскими, профсоюзными, кооперативными, общественными объединениями), исполнявшими решения партийных организаций, так как руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций являлась Коммунистическая партия Советского Союза (статья 6 Конституции Киргизской ССР от 20 апреля 1978 года)».

Социальные последствия реабилитации для бывших жертв

Закон Киргизстана предоставляет реабилитированным гражданам незначительные льготы. Реабилитированным гражданам, нуждающимся в улучшении жилищных условий, предоставляется право на первоочередное получение жилья. Если реабилитированный человек стал инвалидом в результате репрессий или является пенсионером, ему предоставляется также право на:

- получение льготных путевок для санаторно-курортного лечения и отдыха,
- бесплатный проезд всеми видами городского пассажирского транспорта (кроме такси) и на автомобильном транспорте общего пользования (за исключением такси) в сельской местности в пределах административного района,
- снижение оплаты жилой площади и коммунальных услуг на 50 % в пределах норм, предусмотренных действующим законодательством,

- внеочередное и бесплатное оказание медицинской помощи и 50 % скидку стоимости лекарств по рецепту,
- бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов), льготное обеспечение другими протезно-ортопедическими изделиями,
- первоочередную установку телефона,
- первоочередной прием в дома-интернаты для престарелых и инвалидов, проживание в них на полном государственном обеспечении с сохранением не менее 25 % назначенной пенсии.

Лица, реабилитированные в соответствии с этим законом, имеют право на бесплатную консультацию адвокатов по вопросам, связанным с реабилитацией.

Согласно этому закону, подлежит увековечению память видных государственных и политических деятелей, представителей просвещения, культуры и искусства Киргизской Республики, реабилитированных как жертвы репрессий, пострадавшие за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам¹⁶.

В законе предусмотрена выплата единовременной компенсации в размере десятикратной минимальной заработной платы (в 2014 г. минимальная заработная плата определена в размере 940 сомов, т.е. разовая компенсация составила 9400 сомов, или в пересчете на российскую валюту – около 8300 рублей). Все выплаты производятся через местные территориальные управления Министерства социального развития Киргизской Республики.

В законе не предусмотрено никаких мер поддержки для родственников жертв политических репрессий – за одним исключением: «В случае смерти реабилитирован-

¹⁶ Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1994. № 7.

ного лица права, указанные в настоящем Законе, сохраняются за одним из супругов, если они не создали новую семью, а также за родителями и детьми, проживающими совместно до ареста и в связи с применением репрессий утратившими право на занимаемое жилое помещение и нуждающимся в улучшении жилищных условий».

По состоянию на 2014 г. реабилитированные и пострадавшие от репрессий граждане получают ежемесячную денежную компенсацию в размере 1500 сомов (это примерно 1300 российских рублей), которая в соответствии с президентским указом от 13 ноября 2009 г. УП № 511 заменяет существовавшие ранее льготы.

Исполнение законодательства о реабилитации

Большая часть мер по восстановлению прав репрессированных граждан осуществляется органами центральной власти.

Анализ законодательства Киргизской Республики по реабилитации репрессированных граждан показывает, что процесс либерализации и гуманизации законодательства, демократизации политической системы и общества идет медленно и непоследовательно. До сих пор в законодательстве сохраняются ограничения, ущемляющие политические, социальные и имущественные права репрессированных граждан и их близких. Например, определенные законом компенсации незначительны и несопоставимы с реально понесенным ущербом. Не предусмотрена реституция конфискованной собственности, ценного имущества, культурных и религиозных ценностей. Многие нормы в законе носят формальный, декларативный характер и на практике не работают.

К тому же закон не предусматривает наказания конкретных лиц, причастных к проведению политических репрессий.

Государство не предпринимает никаких мер по открытию ведомственных архивов правоохранительных органов, хранящих документы, относящиеся к сталинским репрессиям и реабилитации жертв репрессий. Таким образом, государство продолжает скрывать преступную деятельность сталинского режима и многих сотрудников органов безопасности и правопорядка, участвовавших в проведении массовых политических репрессий.

В ходе реабилитации, проходившей с перерывами на протяжении 1954–1999 г., было восстановлено честное имя примерно 40 тысяч граждан Киргизской ССР. Именно эта цифра упоминается в двух специальных работах, посвященных проблематике репрессий, – «Тридцать седьмой год в Киргизии. Возвращенные имена»¹⁷ и «Тайна Чон-Таша»¹⁸.

В 1954–1980 гг. Верховным судом Киргизской ССР реабилитированы всего 802 человека, в 1988–1993 гг. 2853 человек. Верховным судом Киргизской Республики в 1994–1999 гг. реабилитированы еще 459 человек.

До рассмотрения в Верховном суде республики доходили только те дела репрессированных граждан, которые содержали либо обвинения сразу по нескольким статьям, либо обвинения, требующие судебного рассмотрения.

Особо подчеркнем, что за все время проведения реабилитации Верховный суд вынес всего четыре решения об отказе в судебной реабилитации. Все четыре дела касались изменников Родине, которые в годы Великой Отечественной войны, попав в плен, вступили в ряды Турке-

¹⁷ Тридцать седьмой год в Киргизии : Возвращенные имена : Сб. статей и очерков / Подгот. под руководством К.К.Каракеева, В.М.Плоских. Бишкек, 1991. С.329.

¹⁸ Хелимская Р. Тайна Чон-Таша. Бишкек, 1994. С.140.

станского легиона. Их осуждение по ст.58 было признано судом обоснованным¹⁹.

В ряде случаев были вынесены решения о частичной реабилитации репрессированных и сокращении сроков наказания, ранее назначенных по разным пунктам ст.58.

Всего Верховным судом Киргизской Республики в течение 45 лет, с 1954 по 1999 г., были реабилитированы 4114 граждан. Для этого суду потребовалось принять 3173 решения.

Со второй половины 1950-х годов до 1991 г. в республике были реабилитированы свыше восьми тысяч граждан, осужденных по политическим мотивам, из более двух миллионов по всему СССР²⁰.

Пик советской реабилитации репрессированных граждан пришелся на 1988–1991 гг. Всего с 1988 г. по август 1991 г. в Киргизской ССР были реабилитированы 8223 человека²¹ (из них к июлю 1990 г. – 4870 человек).

Такая ситуация сложилась после того, как Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. прокуратуре и КГБ было разрешено совместным заключением, утвержденным прокурором союзной республики, реабилитировать граждан, которые были репрессированы внесудебными органами («тройками», «двойками», «особыми совещаниями» и т.д.).

В работе «Тридцать седьмой год в Киргизии» приводятся данные о реабилитации 13 тысяч граждан на момент издания сборника, то есть на 1991 г.²²

В энциклопедии «Кыргызстан» содержатся сведения, что в период 1920–1930-х годов были репрессированы по политическим мотивам около 30 тысяч граждан нашей

¹⁹ Архив Верховного суда КР. «Решения по контрреволюционным делам».

²⁰ Тридцать седьмой год в Киргизии... С.181.

²¹ Хелимская Р. Тайна Чон-Таша. С.89.

²² Тридцать седьмой год в Киргизии... С.329.

республики²³. Но в это число не входят данные о числе репрессированных в 1940-х – начале 1950-х годов. Если репрессированно было примерно 40 тысяч человек, то это составляет примерно 3% общего населения республики по переписи 1939 г. Тогда в Киргизской ССР жили 1 458 000 человек. Данные переписи 1939 г. используются для сопоставления, так как массовые политические репрессии проходили с начала 1920-х по 1953 г., а перепись была проведена примерно в середине этого периода.

О размерах и темпах политических репрессий в Киргизстане можно судить по численности республиканской партийной организации ВКП(б), которая сократилась с 19 332 членов в 1933 г. до 6029 в 1938 г., т.е. более чем в три раза за 5 лет²⁴. Большинство исключенных из партии коммунистов были репрессированы²⁵.

Из изложенного видно, что на территории Кыргызстана в советский период было реабилитировано репрессированных граждан меньше, чем в постсоветский период, т.е. с 1991 по 1999 г.

Общественный статус жертв

В настоящее время в республике нет общественных организаций жертв политических репрессий и их родственников.

В рамках Ассамблеи народа Кыргызстана среди прочих существуют общественные организации этнических меньшинств, которые попали на территорию республики в результате депортаций или подверглись иным политическим преследованиям, – общественное объединение «Народный совет немцев КР», общественное объеди-

²³ Кыргызстан : Энциклопедия. Бишкек, 2001. С.144.

²⁴ Тридцать седьмой год в Киргизии... С.181.

²⁵ Там же.

нение чехов «Наздар», общественное объединение ингушей «Вайнах», чеченский культурный центр «Барт», общественное объединение кабардинцев и балкарцев «Минги тау», польское культурно-просветительское объединение «Одроздение» («Возрождение»), общественное объединение «Международная ассоциация карачаевцев “Ата-Джурт”», общественное объединение корейцев КР²⁶.

Из организаций, работающих в интересах жертв репрессий, можно назвать мемориальный комплекс «Ата-Бейит».

В апреле 1989 г. состоялось организационное собрание учредителей историко-просветительского общества «Мемориал». Учредителями общества выступили объединения «Демос», «Эколог» и кино клуб «Поиск». В июне 1989 г. состоялся учредительный съезд, на котором присутствовали 43 делегата с решающим голосом. Съезд принял устав общества и избрал двух сопредседателей – А.Князева и О.Абдырахманова. Основными целями общества провозгласило увековечение памяти жертв сталинских репрессий и борьбу против рецидивов сталинизма.

Летом 2013 г. прошло собрание группы потомков репрессированных граждан, на котором было принято решение о создании общественного объединения с предварительным названием «Дети репрессированных». Его руководителем избрали Карыпбека Алымкуловича Алымкулова. Объединение до сих пор не прошло регистрацию и пока только планирует свою деятельность по сохранению памяти о жертвах сталинских репрессий²⁷.

В структуре Бишкекской и Кыргызстанской епархии Русской православной церкви есть Церковно-археологический отдел во имя схиархиепископа Антония

²⁶ <http://www.assembly.kg/>

²⁷ Информацию автору предоставил К.А. Алымкулов в августе 2014 г.

(Абашидзе). Этот отдел изучает историю православия в Киргизии и ведет сбор данных о жизни и деятельности всех священников, служивших в Киргизии. Для Церкви особенно важно знать все факты, связанные с именами православных, подвергшихся репрессиям. Среди них были убитые без суда и следствия, осужденные решением «троек» местных управлений НКВД, сосланные в Киргизию, изгнанные из закрытых монастырей и своих приходов и вынужденные прятаться в домах верующих, в горах и пещерах.

Работа ведется в государственных и церковных архивах Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, России, проводятся полевые исследования. В 2012 г. был отправлен запрос в ГКНБ КР на получение следственных дел 30 репрессированных священников и мирян. К концу 2014 г. были получены материалы (по 3–5 документов) только на четырех репрессированных священников.

Собранные материалы лягут в основу документов, которые готовятся Среднеазиатской комиссией по канонизации для представления к прославлению в лике святых Русской православной церкви.

Результаты исследований представляются на международных конференциях (Бишкек, Ташкент, Москва), публикуются в сборниках. Епархиальный исторический музей, действующий при Церковно-археологическом отделе, организует тематические выставки.

Материалы о репрессированном духовенстве Киргизии и Средней Азии опубликованы в трех сборниках, изданных Бишкекской и Кыргызстанской епархией:

– Международные Свято-Антониевские чтения : Сб. материалов. – Бишкек: Информ.-изд. отд. Бишкекской и Кыргызстанской епархии, 2013,

– Первые Международные Пасхальные чтения «Семь поколений вместе» : Сб. материалов. Бишкек, 2013,

– Вторые Международные Свято-Антониевские чтения : Сб. материалов. Бишкек: Информ.-изд. отд. Бишкекской и Кыргызстанской епархии, 2014.

7 ноября 2014 г. в Епархиальном историческом музее открылась выставка «Православие в Киргизии в годы советской власти», среди экспонатов – несколько стендов с фото и документами, касающимися репрессированного духовенства.

8 февраля 2015 г. в Епархиальном историческом музее был отмечен День памяти мучеников, исповедников и подвижников веры, служивших в Киргизии. Он включал в себя экскурсию, выступления родственников репрессированного духовенства, молебн новомученикам, исповедникам и всем невинно от богоборцев в годы гонений пострадавшим, панихиду по всем репрессированным православным верующим²⁸.

Бишкекский журналист и архивист Жумагул Рыскулбекович Байдилдеев среди других тем занимается сбором сведений о жертвах политических репрессий 1937–1938 гг., издает публицистические и научные статьи и книги по этой теме. Он исполнительный директор созданного им же общественного фонда «Эстутум», который призван изучать судьбу киргизстанских жертв сталинских репрессий. Фонд Прогрессивных инициатив от имени своего учредителя, А.М.Салымбекова, оказывает Жумагулу Байдилдееву финансовую поддержку для работы с архивами таких городов России, как Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Оренбург²⁹.

Тема сталинских репрессий и реабилитации их жертв находится на периферии текущей общественной и поли-

²⁸ Информация предоставлена Екатериной Евгеньевной Озмитель (доктор исторических наук, доцент Киргизско-Российского Славянского университета, руководитель Церковно-археологического отдела и директор Епархиального исторического музея).

²⁹ <http://www.fpi.kg/nashi-partnery/zhumagul-ryskulbek-uulu-bajdildev?lang=ru>

тической повестки. Анализ упоминаний в киргизстанских СМИ и сопоставление позиций разных СМИ по этой проблематике показал, что в большинстве массмедиа тема политических репрессий и реабилитации появляется редко и чаще всего в связи с приближением Дня памяти жертв репрессий, который отмечается 8 ноября, и со связанными с ним мероприятиями.

Большинство публикаций – это репортажи с ежегодных мемориальных мероприятий, проводимых в комплексе «Ата-Бейит», и интервью с потомками репрессированных (чаще всего это дети репрессированных высших партийных руководителей сталинской эпохи – киргизов по национальности, входящих сейчас в число «отцов нации») или с Б.Кыдыралиевой, благодаря которой было установлено местонахождение массового захоронения на Чон-Таше.

Среди местных СМИ выделяется позиция редакции Радио «Азаттык» (Кыргызской службы Радио «Свобода» / «Свободная Европа»), которая на своем двуязычном сайте (киргизский и русский языки) чаще других массмедиа пишет по теме сталинских репрессий и пытается включить их в политическую повестку дня. В 2004–2014 гг. на сайте редакции было размещено 25 публикаций об «Ата-Бейите» как мемориале жертв сталинских репрессий и о Дне памяти репрессированных граждан (на русском языке – 7, на кыргызском – 18)³⁰.

Киргизстанские правозащитники почти не работают с темой сталинских репрессий и реабилитации пострадавших от них граждан, некоторые из них участвуют в ежегодных мемориальных мероприятиях в комплексе «Ата-Бейит» ко Дню памяти жертв репрессий.

³⁰ Подсчет выполнен автором по состоянию на середину декабря 2014 г.

Сохранение памяти

Исследованием политических репрессий сталинской эпохи занимаются журналистка Р.И. Хелимская, историки В.М.Плоских³¹, З.К.Курманов, С.В.Плоских, историк-демограф Ш.Дж.Батырбаева, философ А.Ч.Какеев (сфера его интересов – киргизы, высланные на Украину в ходе ликвидации баев и манапов³²; по имеющимся данным, выслано было не менее 6000 семей³³).

Темой реабилитации жертв политического террора занимается историк П.И. Дятленко³⁴.

³¹ См., напр.: Хелимская Р. Тайна Чон-Таша; Плоских В.М. «Манас» не признал себя виновным. Бишкек, 1993; Плоских В.М., Курманов З., Бегалиев У. Кыргызстандын улуттук лидери Абдыкерим Сыдыков: доор, инсан, тагдыр. Бишкек, 1999 (на кыргыз. яз.); Курманов З.К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. Бишкек, 1997; Курманов З., Садыков Э. Абдыкерим Сыдыков: личность и история. Бишкек, 2002; Плоских С.В. Репрессированная культура Кыргызстана (малоизученные страницы истории) // отв. ред. А.Ч. Какеев. Бишкек, 2002; Воропаева В.А., Плоских С.В. Две страницы репрессированной науки : В.И. Вернадский и Ф.А. Фиельструп в «деле славистов». Бишкек, 2007; Плоских С.В. Интеллигенция и власть Кыргызстана : Проблема взаимоотношений в советскую эпоху / отв. ред. З.К. Курманов. Бишкек, 2012.

³² Манапы – потомственная феодальная аристократия, обладавшая неограниченной политической и экономической властью.

³³ См.: Джуманалиев Т. История Кыргызстана в схемах и комментариях : Учеб. пособие. Бишкек, 2012. С.201.

³⁴ См. напр.: Дятленко П.И. Реабилитация защитников Отечества: в битве за честное имя // Вестник КРСУ. 2009. Т.9. № 5. С.147–151; Дятленко П.И. Послевоенные политические репрессии (1945–1953 гг.) в Кыргызстане : «Ждановщина», «борьба с буржуазным национализмом и космополитизмом» // Академический вестник АУЦА. 2009. №2. С.63–76; Дятленко П.И. Реабилитации не подлежат: Практика отказов в реабилитации репрессированных граждан в Кыргызстане // Там же. 2010. № 1. С.41–50; Дятленко П.И. Кыргызстанская историография по политическим репрессиям сталинского периода и реабилитации репрессированных граждан как зеркало социальных процессов // Там же. № 2. С.49–58; Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.) / отв. ред. В.М. Плоских. Бишкек, 2010; Дятленко П.И. Антирелигиозная политика в Киргизской ССР в 1950-х годах: частичная реабилитация верующих и новые гонения : Диалог цивилизаций // Вестник КРСУ. 2011. № 13. С.73–83; Дятленко П.И. Особенности политики памяти по отношению к сталинским репрессиям и реабилитации их жертв в Кыргызстане в настоящее время: общественные и академические инициативы, отсутствие официальной политики // Там же. 2014. Т.14. № 3. С.32–35.

Отношения между православной церковью и государством в первой половине XX в. исследует Е.В. Носова³⁵.

Проблему депортации народов на территорию Киргизской ССР изучали многие ученые: о немцах писали Г.К.Кронгардт, А.А.Штраус и С.Я.Панкратц (Перегудова)³⁶, о народах Кавказа – С.И.Бегалиев³⁷, о поляках – Л.Р.Скреминская³⁸.

К 70-летию депортации советских корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию (в основном на территорию тогдашних Казахской и Узбекской ССР) по инициативе Общественного объединения корейцев Кыргызстана был опубликован сборник «Дорога жизни через поколения: насильственное переселение. Корейский этнос в Средней Азии. Воспоминания»³⁹.

В 2010 г. был издан сборник документов и материалов «Депортированные народы Кавказа в Кыргызскую Республику», посвященный прибытию, расселению, хозяйственно-бытовому устройству, процессу реабилитации названных народов⁴⁰.

³⁵ Носова Е.В. К истории взаимоотношений государства и православной церкви в Кыргызстане, конец XIX – середина XX в. Бишкек, 2006.

³⁶ Кронгардт Г.К. Немцы в Кыргызстане, 1880–1990 / науч. ред. С.С.Данияров, К.У.Усенбаев. Бишкек, 1997. 415 с.; Штраус А., Панкратц С. Свидетельства преступлений / Кыргызский республиканский совет Фонда трудармейцев и жертв политических репрессий. Бишкек, 1997.

³⁷ Бегалиев С.И. Прием и расселение в Киргизской ССР депортированных народов Северного Кавказа (чеченцев и ингушей) в годы Великой Отечественной войны // Вестник КРСУ. 2010. Т.10. № 8. С.11–15; Бегалиев С.И. Депортация карачаевцев в Кыргызскую ССР // Там же. 2011. Т.11. № 6. С.9–13.

³⁸ Скреминская Л.Р. Польская диаспора в Киргизии: взгляд сквозь годы // Диаспоры : Независимый науч. журн. 2005. № 4. С.56–83; Скреминская Л.Р. Время и судьбы поляков Кыргызстана в семейных историях // Славянский мир в Кыргызстане. Бишкек, 2008. С.160–186; Скреминская Л.Р. Поляки и другие репрессированные народы в поликультурном пространстве Кыргызстана // Депортация и реабилитация народов в СССР в 20-е годы XX века : Исторические уроки. Бишкек, 2010. С.110–116.

³⁹ Бишкек, 2008 / гл. ред. и авт. вступ. ст. С.Н.Пак.

⁴⁰ Бишкек, 2010 / под ред. В.М.Плоских и М.К.Имакеева.

В 2011 г., к 70-летию депортации советских немцев, Общественным объединением «Народный Совет немцев Кыргызской Республики» в Бишкеке была издана «Книга Памяти. Советские немцы в Киргизии (1941–1956)». Автором идеи и руководителем проекта был ныне покойный писатель, публицист и общественный деятель Алексей Александрович Штраус⁴¹. Книга содержит краткие сведения (параллельные тексты на русском и немецком языках) и фото (они есть в большинстве справок) немцев, проживавших на момент депортации или попавших в ее ходе (или после нее) на территорию Кыргызской ССР.

В 2014 г. в Бишкеке вышла в свет коллективная монография с предисловием В.Диля «Немцы в истории Кыргызстана», в которой есть материалы, связанные с периодом сталинских репрессий.

Ряд сведений массовых политических репрессиях на территории Кыргызской ССР содержатся в публикациях историка А.У.Джакишева (он с 1977 по 1983 г. служил в системе МВД Кыргызской ССР, с 1983 по 1986 г. – в партийных структурах, курировал деятельность правоохранительных органов), посвященных советскому периоду истории милиции и прокуратуры республики⁴².

Есть ряд публикаций, отражающих тему политических репрессий, они принадлежат действующим сотрудникам органов государственной безопасности республики – например, работы Т.Разакова, Б.Абдрахманова⁴³.

⁴¹ На фасаде Немецкого дома в Бишкеке ему установлена мемориальная доска – барельеф с его изображением анфас, именем на немецком языке и датами жизни.

⁴² Джакишев А.У. История милиции Кыргызстана, 1924–1991 гг. : Монография / ред. Дж.Джунушалиев: НАН КР; КРСУ. Бишкек, 2005; Джакишев А.У. Из истории становления и деятельности органов прокуратуры Кыргызстана, 1924–1991 гг. : Учеб. пособие / под. ред. акад. НАН КР, д.и.н., проф. В.М.Плоских. Бишкек, 2012.

⁴³ Разаков Т. Зарождение и становление органов безопасности Кыргызстана, 1918–1953 гг. Бишкек, 2014 и др.; Абдрахманов Б. Две недели в июне // Торекул Айтмат уулу. Бишкек, 1993; Абдрахманов Б.Дж. Деятельность органов государственной безопасности Кыргызстана в 1918–1953 гг. : Дисс. на соискание уч. степени к.и.н. Бишкек, 2013.

Ж.Р.Байдилдеев – автор историко-публицистических произведений на киргизском языке, рассказывает о массовых политических репрессиях 1937–1938 гг. на территории Киргизской ССР⁴⁴.

Дела репрессированных граждан сосредоточены в ведомственном архиве Государственного комитета национальной безопасности КР (преемник КГБ Киргизской ССР). Дела депортированных граждан находятся в ведомственном архиве МВД КР. Документы, касающиеся истории компартии, хранятся в фондах Центрального государственного архива политической документации КР (бывший партийный архив ЦК КП(б) Киргизии).

Частичный доступ к делам репрессированных граждан, хранящимся в архиве ГКНБ КР, имеют их родственники; при ознакомлении им стараются не показывать доносы, агентурные материалы, протоколы допросов и очных ставок, фамилии сотрудников госбезопасности, связанных со следствием, и осведомителей. Прочие граждане, в том числе исследователи, не имеют доступа к делам жертв сталинских репрессий.

В настоящее время из-за сохранения в государственных и ведомственных архивах грифа секретности на многих документах о массовых политических репрессиях и последующей реабилитации и связанной с этой недоступностью их для исследователей процесс восстановления исторической справедливости не движется.

Как уже говорилось, специализированных музеев, посвященных только теме политических репрессий, в Кыргызстане нет. Музей комплекса «Ата-Бейит» посвящен главным образом жертвам из захоронения Чон-Таш («Большой камень»), расположенного около с. Чон-

⁴⁴ Байдилдеев Ж. Кайра жанган ысымдар. Бишкек, 2010; Байдилдеев Ж. Кыргызстандагы саясий куугунтуктоолор, 1937–1938. Бишкек, 2013 и др.

Таш Аламединского района Чуйской области, примерно в 30 км к югу от Бишкека.

К настоящему времени выявлены пять предполагаемых мест массовых казней и захоронений жертв политических репрессий:

- сопки горнолыжной базы отдыха Чон-Таш,
- овраги реки Ак-Буура (г.Ош),
- Тонские обрывы, южнее озера Иссык-Куль⁴⁵,
- место впадения реки Джети-Огуз в озеро Иссык-Куль,
- карьер в предгорьях возле г. Каракол, Иссык-Кульская область⁴⁶.

О первом из названных захоронений стало известно случайно. Сторож Дома отдыха НКВД Киргизской ССР Абыкан Кыдыралиев, житель одного из ближайших сел, нанятый для выполнения хозяйственных работ и охраны, стал случайным свидетелем некоторых заметных изменений ландшафта: в первой декаде ноября 1938 г. на месте небольшого цеха с печью для обжига кирпича появился свеженасыпанный холм из земли.

В начале ноября сторожу с семьей было приказано покинуть территорию Дома отдыха, сам он приезжал туда на работу по вызову раз в 2–3 дня. 4 ноября семья сторожа переехала в село Кашка-Суу⁴⁷. В 1940 г. он тихо увез семью из этих мест. В 1973 г. он рассказал перед смертью о своих страшных догадках по поводу внезапного появления земляного холма дочери, Бюбюре Абыкановне Кыдыралиевой, и попросил ее рассказать об этом людям.

⁴⁵ См.: Тридцать седьмой год в Киргизии : Возвращенные имена : Сб. статей и очерков / подгот. под руководством К.К.Каракеева, В.М.Плоских. Бишкек, 1991. С.318.

⁴⁶ Камиль Рузиев: В КР обнаружено массовое захоронение, предположительно, жертв сталинских репрессий 1938 года // http://24.kg/obschestvo/3882_kamil_ruziev_v_kr_obnaruzheno_massovoe_zahoronenie_predpolozhitelno_jertv_stalinskih_repressiy_1938_goda/

⁴⁷ См.: Айтматова Р. Белые страницы истории : Мои воспоминания. Бишкек, 2013. С.10.

Зимой 1990/1991 гг. она передала рассказ отца старшему оперуполномоченному, капитану КГБ Киргизской ССР Болоту Абдрахманову.

В КГБ Киргизской ССР вопрос реабилитации жертв сталинских репрессий (включая найденных в захоронении Чон-Таш) с 1989 по 1992 г. курировал начальник отделения подполковник Виталий Петрович Мельников. В 1992 г. на эту должность был назначен Болот Абдрахманов.

В апреле 1991 г., после схода снега на Чон-Таше, группа сотрудников КГБ вместе с Б.Кыдыралиевой осмотрела местность и нашла предполагаемое место захоронения⁴⁸.

Раскопки захоронения Чон-Таш проводились с 12 по 25 июля 1991 г.⁴⁹ под руководством археолога Михаила Ивановича Москалева и сотрудника КГБ Киргизской ССР Болота Абдрахманова. В них участвовали сотрудники КГБ, прокуратуры и бюро судебно-медицинской экспертизы. В ходе работ велась видео- и фотосъемка каждого найденного в земле фрагмента⁵⁰.

По факту обнаружения массового захоронения было начато уголовное дело № 173-91-01 и для его расследования создана группа следователей КГБ и прокуратуры, оперативных работников КГБ и МВД во главе со следователем по особо важным делам при прокуроре Чуйской области Шайлообеком Аймамбетовым⁵¹.

Болот Абдрахманов вспоминает: «Камера для обжига кирпичного завода была сделана в виде ямы размером 3,5х3,5 метров. В эту яму в беспорядке были брошены тела руководителей государства, секретарей обкомов, народных комиссаров, а также простых рабочих и кре-

⁴⁸ Там же. С.16.

⁴⁹ Разаков Т. Рождение и становление органов безопасности Кыргызстана. С.305.

⁵⁰ Хелимская Р. Тайна Чон-Таша. С.3–4.

⁵¹ Там же. С.11.

стьян. Несмотря на беспорядок, видно, что на самом дне был слой из тел десяти-пятнадцати человек. Этот слой был присыпан землей, затем бросили следующий слой тел погибших... И так яма была заполнена ста тридцатью семью телами расстрелянных людей. По-моему, в археологии это особый случай, когда через пятьдесят три года найдены ценные бумаги – документы погибших. Это были обвинительные заключения четырех человек: Абдрая Абдрахманова, Жусупа Абдрахманова, Торекула Айтматова и Юсупа Булатова. Кроме того, была прочитана вышитая шелковыми нитками на воротнике рубашки или поясе брюк фамилия Султанбекова, ткань сгнила, а шелковая нить осталась. Мы сами не ожидали такой находки...

Обвинительные заключения, написанные на нескольких листах бумаги, полностью читались... Эти документы были найдены на глубине более двух метров»⁵².

В воспоминаниях Т.Чынгышева, бывшего в 1991 г. заместителя премьер-министра Кыргызстана, читаем: «Летом 1991 года ко мне зашел тогдашний председатель КГБ генерал Ж.Асанкулов и рассказал о том, что, по имеющейся у них информации, в районе села Чон-Таш есть захоронение, возможно, руководящих кадров республики, расстрелянных в 1938 году. Мы доложили об этом Н.Исанову⁵³. Немедленно его распоряжением была создана правительственная комиссия для выработки и осуществления мер, связанных с обнаружением места массовых захоронений репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов. Мне было поручено возглавить комиссию. С привлечением воинских частей начали раскопку места захоронения, организовали охрану. Уже на глубине двух метров стали появляться признаки захоронения – фрагменты одежды, вещи, хорошо сохранившиеся человеческие кости...

⁵² Цит. по: Айтматова Р. Белые страницы истории. С.19.

⁵³ В 1991 г. премьер-министр Кыргызстана.

После того, как основная часть работы по раскопке была завершена, в конце июля Госкомиссия официально доложила результаты руководству республики. В частности, констатировали: «В результате проведенной раскопки в указанном месте обнаружены останки 120 человек⁵⁴. Также здесь найдены предметы личного пользования – посуда, зубные щетки, спички, монеты 1932–1937 годов выпуска. На глубине 3-х метров на обнаруженных останках сохранились фрагменты истлевшей одежды. Найдены некоторые документы. Практически на всех черепах выявлены пулевые отверстия. Мы передали список расстрелянных лиц. Распоряжением Президента республики было решено организовать перезахоронение жертв репрессий, увековечить память безвинно погибших людей. Учитывая то, что речь шла о высших руководителях Кыргызстана, был поднят статус Госкомиссии, поручили возглавить ее премьер-министру. Ныне этот район в Чон-Таше стал святым для кыргызстанцев, и возведенный здесь мемориал стал острым напоминанием о сталинском терроре, тоталитарной системе, жестоком времени недавнего прошлого»⁵⁵.

31 июля 1991 г. президент А.Акаев провел в Доме правительства специальную встречу с родственниками расстрелянных, останки которых были найдены на Чон-Таше. Глава республики зачитал имена 137 расстрелянных человек.

30 августа 1991 г. на Центральной площади г.Фрунзе состоялся траурный митинг (с участием А.Акаева и всей политической элиты республики), посвященный памяти жертв политических репрессий, найденных в захоронении на Чон-Таше, после чего останки торжественно перезахоронили на площадке возле места их обнаружения.

⁵⁴ Это были предварительные данные. Всего в ходе раскопок были обнаружены останки 138 человек.

⁵⁵ Чынгышев Т. Воспоминания: события, люди. Бишкек, 2008. С.144–145.

На митинге писатель Чинзиз Айтматов (среди перезахороненных был и его отец Торекул Айтматов) выступил с предложением увековечить место захоронения созданием мемориального комплекса и назвать его «Ата-Бейит» (в переводе на русский язык «Могила отцов»)⁵⁶.

Уголовное дело № 173-91-01 было прекращено на основании п.3 ст.6 УПК Киргизской ССР – за истечением срока давности⁵⁷.

Мемориальный комплекс «Ата-Бейит» был открыт 8 июля 2000 г. Построен он был на средства правительства республики при участии мэрии г.Бишкек.

В комплекс входят скульптурная композиция, площадь для ритуальных церемоний и музей общей площадью два гектара. В составе скульптурной композиции: печь по обжигу кирпича (место, где были первоначально захоронены 138 расстрелянных, в числе которых и многие из тех, кого репрессировали за «создание и руководство» мифической Социал-Туранской партией), и памятник-мемориал. Среди погибших были найдены останки одной женщины (сохранились фрагменты женской туфельки 36-го размера и лоскуты женских национальных чулок с характерным орнаментом⁵⁸), чье имя не удалось установить, имена всех остальных расстрелянных граждан были установлены. Среди них люди разных вероисповеданий, различного социального происхождения и принадлежности – от простых крестьян до высокопоставленных партийных чиновников в ранге народных комиссаров, председателей СНК и секретарей ЦК КП(б) Киргизии. Все они посмертно реабилитированы.

⁵⁶ Чотонов У. Суверенный Кыргызстан: выбор исторического пути. Бишкек, 1995. С.163.

⁵⁷ Хелимская Р. Тайна Чон-Таша. С.128.

⁵⁸ Там же. С.10; Айтматова Р. Белые страницы истории. С.13.

Авторы мемориала: К.Алыкулов; архитекторы У.Бейшебаев, Т.Алыкулов, А.Джумакалыков, скульпторы А.Соодонбеков и В.Шестопап.

В музее «Ата-Бейит» (площадь – 400 кв.м) представлены документы и фотографии о политическом развитии Кыргызстана 1920–1930-х годов, биографические материалы о жертвах Чон-Ташского захоронения. Авторы экспозиции музея – научные сотрудники Государственного исторического музея А.Исраилова, О.Ильинская, К.Кималаев⁵⁹.

Среди погребенных в комплексе «Ата-Бейит» представители 20 национальностей, и это вступает в известное противоречие с экспозицией музея (значительная часть ее посвящена группе примерно из 20 крупных киргизских политиков 1920–1930-х годов; о них же чаще всего упоминают СМИ) и с оформлением комплекса (на захоронении находится красный тюндюк – навершие киргизской юрты; на барельефах на лестнице изображены персонажи азиатской внешности).

Национальный состав 137 похороненных граждан: киргизы – 45, уйгуры – 36, русские – 12, немцы – 11, китайцы – 4, корейцы – 4, украинцы – 4, поляки – 3, татары – 3, узбеки – 3, дунгане – 2, евреи – 2, башкиры – 1, белорусы – 1, венгры – 1, иранцы – 1, кумыки – 1, турки – 1, чехи – 1, эстонцы – 1⁶⁰.

Со временем мемориал «Ата-Бейит» стал восприниматься местным населением как «шейит мазары» («место погребения мучеников»), что привело к появлению практики паломничества и выполнению там определен-

⁵⁹ Ата-Бейит / http://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/pam_card.xtml?id=357

⁶⁰ Анализ национального состава проведен по ксерокопии «Списка репрессированных лиц, костные останки которых обнаружены в урочище Чон-Таш в июле 1991 года». Документ датирован 22 августа 1991 г. и подписан начальником отделения КГБ Республики Кыргызстан В.П.Мельниковым. Ксерокопия документа была предоставлена Музеем мемориального комплекса «Ата-Бейит».

ных традиционных ритуалов (чтение молитв, оставление лоскутков ткани на деревьях). Р.И.Хелимская писала: «Приезжают родственники – те, у кого есть машины или знакомые с машиной, потому что автобус сюда не идет. В Курбан-байрам⁶¹ опять звучали здесь слова поминальной молитвы, прибавилось лоскутов на ветвях дерева»⁶².

Открытие комплекса «Ата-Бейит» совпало по времени с судебным процессом и осуждением главного оппозиционера акаевской эпохи Ф.Кулова. После осуждения Ф.Кулова и в связи с укреплением авторитарного режима и стремлением сохранить его А.Акаев перестал уделять внимание теме политических репрессий сталинской эпохи и реабилитации.

Кроме комплекса «Ата-Бейит» в Бишкеке есть два памятника, посвященных жертвам политических репрессий, – небольшой мемориальный камень, установленный на улице М.В.Фрунзе, возле Республиканского центра детства и юношества «Сейтек», и памятный крест в память всех репрессированных и депортированных народов, установленный возле Немецкого дома на улице И.Ахунбаева.

В марте 2015 г. полномочный представитель правительства⁶³ в Иссык-Кульской области Э.Каптагаев объявил, что в Парке Победы, расположенном в областном центре – городе Каракол, в ходе проводимой к 70-летию победы в Великой Отечественной войне реконструкции, планируется установить памятник репрессированным жителям области и поставить стелы с их фамилиями⁶⁴.

⁶¹ Здесь Р.И.Хелимская ошибается, так как у киргизов этот праздник называется Курман айт.

⁶² Хелимская Р. Тайна Чон-Таша. С.144.

⁶³ Полномочный представитель правительства в области – эквивалент губернатора, назначается премьер-министром республики.

⁶⁴ Полпред в Иссык-Кульской области пожаловался на нехватку средств, требуемых на реконструкцию Парка Победы (http://www.karakol.com.kg/news/polpred_v_issyk_kulskoj_oblasti_pozhalovalsja_na_nekhvatku_sredstv_trebuemykh_na_rekonstrukciju_parka_pobedy).

В этом парке уже есть Аллея славы сотрудников правоохранительных органов.

Второй президент Кыргызстана К.Бакиев не делал публичных заявлений о политических репрессиях и реабилитации. Скорее всего это объясняется его опорой на силовые ведомства, наличием среди его близких родственников и окружения сотрудников правоохранительных структур (старший сын президента Марат Бакиев был офицером государственной безопасности, брат Жаныш Бакиев возглавлял Службу государственной охраны) и отсутствием необходимости либеральных заигрываний с обществом. Однако в период правления К.Бакиева законодательство по реабилитации жертв политических репрессий было сохранено и дополнено, были введены компенсационные выплаты близким родственникам жертв политических репрессий сталинской эпохи.

В июне 2008 г. в мемориале «Ата-Бейит», возле общего захоронения расстрелянных граждан (среди которых и Торекул Айтматов), был похоронен Чингиз Торекулович Айтматов. В апреле 2010 г., после свержения режима К.Бакиева, по решению Временного правительства, возглавляемого Р.Отунбаевой, и с согласия родственников в мемориале «Ата-Бейит» была погребена часть граждан, погибших 7 апреля в Бишкеке. Эти два события превратили единственный мемориал жертвам политических репрессий сталинской эпохи «Ата-Бейит» в главный политический мемориал постсоветского Кыргызстана.

В Кыргызстане пока нет Книг Памяти жертвам политических репрессий и специальных сайтов.

Министерство национальной безопасности Киргизской Республики выпустило в 1996 и 1997 гг. два тома сборника «Восстанавливаем историческую справедливость». В первый были включены краткие сведения (фамилия, имя, год и место рождения, год ареста – все

данные указаны в соответствии с тем, как записаны в архивных делах) о 4466 реабилитированных гражданах. Эти сведения были опубликованы в 1989–1995 гг. в республиканских газетах «Советская Киргизия» и «Советтик Кыргызстан». Во второй том вошли имена 3814 жертв политических репрессий, реабилитированных в 1991–1996 гг. органами юстиции Кыргызстана. Эти сведения публиковались тогда впервые.

В дальнейшем предполагалось подготовить к изданию третий том, в который должны были войти имена выдающихся и рядовых граждан республики, реабилитированных ранее – в 1953–1988 гг.

До сих пор малоизученным остается вопрос установления точного числа и расположения мест заключения, в которых содержались репрессированные граждане, и мест захоронений после приведения в исполнение расстрельных приговоров.

Первым местом лишения свободы на территории современного Кыргызстана, созданным советской властью, был концентрационный лагерь, существовавший в 1920–1921 гг. близ с.Молдовановка Пишпекского уезда⁶⁵.

Что касается системы исправительно-трудовых учреждений на территории Киргизской ССР, то по состоянию на 1934 г. она включала:

– три фабрично-заводские колонии со следственными изоляторами в городах Фрунзе (ныне Бишкек), Ош и Каракол,

– девять сельскохозяйственных исправительно-трудовых колоний: Таласская (с.Дмитровское, ныне часть г.Талас), Джалал-Абадская (г.Джалал-Абад), Нарынская (г.Нарын), Фрунзенская (в 18 км от г.Фрунзе, ныне Бишкек), Карабалтинская (в 25 км от с.Карабалты, ныне

⁶⁵ Сатыбеков Э. Сидят разбойнички, шелушат семечки... // Вечерний Бишкек. 2009. 14 августа.

г.Карабалты), Узгенская (с.Куршаб, в 18 км от г.Узген), Иссык-Кульская (с.Сазановка, ныне с.Ананьево), Каракольская (пристань Каракол) и Кызыл-Джарская (в 7 км от с.Караван); первые 3 из этих колоний имели следственные изоляторы,

– 22 районных отделения исправительно-трудовых работ без лишения свободы (в том числе 12 как отделения при местах лишения свободы)⁶⁶.

Со второй половины 1933 г. ИТУ были переведены в основном на производство стройматериалов (кирпич, черепица, цемент и т.п.). Производство предметов ширпотреба было сосредоточено в г. Фрунзе, в пошивочной, кузнечно-слесарной и деревообрабатывающей мастерских Фрунзенской фабрично-заводской ИТК. Обращалось внимание на развитие в системе ИТУ промышленного производства и сельского хозяйства. Постановлением СНК республики системе ИТУ были переданы трестом Кирстрой два кирпичных завода (так Ошский кирпичный завод был передан Ошской фабрично-заводской ИТК)⁶⁷.

К настоящему времени установлен факт деятельности в конце 1940-х – середине 1950-х годов на территории Киргизской ССР двух ИТЛ. Это Подгорный ИТЛ (Подгорное ЛО, Подгорлаг; дислокация – Киргизская ССР, Фрунзенская обл., с.Калининское⁶⁸; г.Фрунзе) и Строительство 665 и ИТЛ (ИТЛ и Строительство 665; дислокация – Таджикская ССР, г. Ленинабад; занималось строительством ряда объектов на территории Киргизской ССР)⁶⁹.

⁶⁶ Рыскулов Т.Р. Киргизстан. М., 1935. С.153.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Современное название – г. Кара-Балта.

⁶⁹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : Справочник / Общество «Мемориал», ГАРФ; сост. М.Б.Смирнов; под ред. Н.Г.Охотина и А.Б.Рогинского. М., 1998. С.356–357, 441, 443–444.

18 января 2008 г. парламент Киргизской Республики постановлением № 74-IV, «признавая права и свободы человека высшей социальной ценностью государства и общества, осуждая массовый террор тысяч людей, выражая свою приверженность к строительству демократического и правового государства, основанного на идеологическом и политическом плюрализме, созданию действенных механизмов защиты прав и свобод гражданина, ответственности государства за их нарушение», установил День памяти жертв политических репрессий в Киргизской Республике. Документ был инициирован еще депутатом предыдущего созыва Аскарком Салымбековым, но парламентарии долго не могли определиться с датой. Выбрали 30 октября. Именно 30 октября 1974 г. советские политзаключенные – брежневские диссиденты – начали голодовку в пермских и мордовских лагерях. С 1991 г. этот день уже имел международный статус.

Осенью 2008 г. Жогорку Кенеш снова вернулся к этому вопросу. После долгих дискуссий и консультаций с историками страны парламент республики признал, что нарушил принцип исторической достоверности, пойдя по примеру России и установив дату 30 октября, тогда как в каждой республике эта дата привязана к конкретным местным событиям.

В истории Кыргызстана есть две достоверно установленные трагические даты – 5 ноября и 8 ноября 1938 г., когда органами НКВД Киргизской ССР по политическим мотивам были расстреляны 138 граждан нашей страны. Справедливой и достоверной датой депутаты посчитали дату 8 ноября, когда была расстреляна вторая партия заключенных. Именно поэтому 10 октября 2008 г. День памяти был перенесен с 30 октября на 8 ноября⁷⁰.

⁷⁰ 8 ноября – День памяти жертв политических репрессий в Кыргызской Республике (http://yamalnews.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1384&Itemid=3&fontstyle=f-larger).

8 ноября общественность и политическое руководство Кыргызстана отмечают как День поминовения жертв сталинских политических репрессий.

Судебных процессов над организаторами и исполнителями политических репрессий не было, и вопрос этот даже не поднимался, так как современная элита постсоветского Кыргызстана – это в основном бывшая партийная элита Киргизской ССР (и их потомки), которая успешно конвертировала свою советскую карьеру в постсоветскую реальность и сохранила привилегированное положение в обществе.

В постсоветский период увековечены имена многих партийных руководителей республики, репрессированных в сталинскую эпоху, – А.Сыдыкова, Ю.Абдрахманова, И.Айдарбекова, К.Тыныстанова, Б.Исакеева и другие. Им установлены памятники, мемориальные доски, их именами названы улицы, учреждения и предприятия.

В центре Бишкека была создана Аллея отцов-основателей государства, на которой установлены памятник И.Айдарбекову, бюсты А.Сыдыкова, Ю.Абрахманова, А.Орозбекова, Б.Исакеева.

В Дубовом парке в 2012 г. установлен мемориальный бюст М.К.Аммосова⁷¹. На стене здания, в котором в 1920–1930-х годах находились правительство и высшие партийные органы (сейчас в этом доме Министерство культуры, информации и туризма и Ассамблея народа Кыргызстана), в 2007 г. установлена мемориальная доска Амосова. Правда, при этом забыли о его предшественни-

⁷¹ Аммосов М.К. – видный советский государственный и партийный деятель, по происхождению якут. По приговору ВКВС СССР расстрелян 2 августа 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. Подробнее о нем см.: Максим Аммосов : У истоков кыргызской национальной государственности. Бишкек: Илим, 1996. С.289–313 (http://ysia.ru/news/35957/sostoyalas__prezentatciya_knigi_mkammosov_kirgizskij_period_deyatel_nosti.html; <http://www.people.su/5622>).

ках В.П.Шубрикове и М.Л.Белоцком, репрессированных в сталинскую эпоху и реабилитированных посмертно.

24 августа 1991 г., сразу после путча в соответствии с Указом президента А.Акаева от 22 августа «О передаче в собственность Республике Кыргызстан зданий, занимаемых аппаратом ЦК Компартии Кыргызстана, и филиала Центрального музея В.И. Ленина» были опечатаны кабинеты секретарей и сотрудников ЦК Компартии Кыргызстана.

31 августа 1991 г. Верховный совет Республики Кыргызстан принял постановление № 575–XII «О деятельности Коммунистической партии Кыргызстана и ее имуществе», по которому функционирование партии было запрещено, а имущество передавалось в пользу государства.

Отметим, что после распада СССР в Кыргызстане не было гонений на коммунистов и коммунистические организации, ограничения их прав, люстрации, насаждения антикоммунистических стереотипов. Две киргизстанские коммунистические партии – Партия коммунистов Кыргызстана (ПКК), основанная в октябре 1992 г.⁷², и Коммунистическая партия Кыргызстана (КПК) – в сентябре 1999 г., лидер Клара Ажибекова – официально зарегистрированы и свободно участвуют в выборах и политической деятельности, проводят массовые мероприятия, поддерживают международные связи, имеют собственность.

В конце 2001 г. по инициативе парламентской фракции Партии коммунистов Кыргызстана в список праздничных дней республики был возвращен День Великой Октябрьской социалистической революции – 7 ноября (в других постсоветских центральноазиатских республиках его не отмечают с советских времен).

⁷² См. подробнее на сайте партии: <http://pkk.kg/>

Республиканская специфика официальной и общественной оценки советского прошлого состоит в том, что общий тон большинства работ о нем достаточно позитивен (на территории республики советская власть активно занималась созданием и развитием современной культуры, образования, науки, промышленности, переводом кочевников к оседлости, изживанием части феодальных и родоплеменных пережитков, а в 1920-х годах было сформировано современное государство в нынешних границах), хотя с течением времени эта ситуация постепенно меняется. Можно согласиться с мнением киргизстанского историка и политика З.К.Курманова: «...на сегодняшний день в Кыргызстане сложилось хоть и противоречивое, но в целом устойчивое и достаточно консенсусное отношение к советской эпохе. Это время ассоциируется у подавляющего большинства кыргызстанцев с репрессиями, несвободой и страхом – с одной стороны, и временем порядка, патриотизма, авторитета и гордости за свою страну – с другой»⁷³.

Переименований топонимов, связанных с лицами, прямо или косвенно причастными к политическим репрессиям, не было и не предвидится, так как подобная политика потребует целого ряда серьезных и долгосрочных политических мер. В постсоветский период идет быстрый процесс архаизации киргизстанского общества и элиты. Элита республики состоит из родоплеменных и региональных кланов, которые не позволят серьезно пересматривать историческую роль и критиковать «своих» лидеров, занимавших руководящие посты в советское время. Представители киргизстанской элиты привыкли, согласно устойчивым традициям, гордиться своими пред-

⁷³ См.: История и идентичность: Кыргызская Республика / пер. И.Мамытова, И.Писаренко. Бишкек, 2007. С.41 (на рус. и нем. яз.).

ками и их деяниями – без сомнений, беспристрастного анализа и дискуссий. Также потребуются преодолеть негласное, но сильное сопротивление силовых ведомств, не заинтересованных в открытии ведомственных архивов и свободном доступе к документам об их неблагоприятной деятельности в сталинскую эпоху. Кроме того, придется кардинально пересмотреть созданный в постсоветский период пантеон «отцов-основателей Кыргызстана», состоящий из ряда киргизских политиков поколения 1920–1950-х годов, которые в большей или меньшей степени участвовали во всех ключевых политических процессах (Гражданская война, борьба с басмачеством, земельно-водная реформа, ликвидация баев и манапов с последующей их высылкой, коллективизация, борьба родовых группировок внутри коммунистической партии республики, политические репрессии, партийные чистки, идеологические кампании). Обнародование и обсуждение темных и противоречивых страниц в биографиях многих «отцов нации» в современном Кыргызстане маловероятно. На подобные меры нынешняя политическая элита Кыргызстана скорее всего не пойдет.

В школьных⁷⁴ и вузовских⁷⁵ учебниках тема политических репрессий и реабилитации пострадавших от них лиц освещена крайне скудно и поверхностно. Наиболее

⁷⁴ Мырзакматова А.С., Осмонов О.Дж., Молдокасымов К.С. Краткая история Кыргызстана : Учебник для 5 класса средней школы / пер. на рус. яз. Дж.Д.Сулаймановой. Бишкек, 2002; Иманкулов М.К. История Кыргызстана XX–XXI вв. : Учебник для 9 класса средней школы. Бишкек: Китеп компани, 2006; Осмонов О.Дж. История Кыргызстана: основные вехи (с середины XIX века до наших дней) : Учебник для 11 класса средней школы : Изд. 3-е, испр., доп. Бишкек: Инсанат, 2012.

⁷⁵ Бактыгулов Дж.С., Момбекова Ж.К. История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. Бишкек: Кыргызстан, 1999; Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д. История кыргызов и Кыргызстана : 2-е изд. / отв. ред. акад. Какеев А.Ч. Бишкек: Раритет Инфо, 2009; Чотонов У.Ч., Досбол Нур уулу. История Отечества. Бишкек: Учкун, 2009; Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наши дней) : Изд. 5-е, испр. и доп. Бишкек: Мезгил, 2012.

полно, взвешенно и профессионально рассматриваемая тема освещена в учебнике для вузов Плоских В.М., Джунушалиева Д.Д. «История кыргызов и Кыргызстана», изданном Кыргызско-Российским Славянским университетом в серии «Классический университетский учебник».

Клаудиа МАТТЕС,
Университет им. Гумбольдта,
Берлин

Жертвы политических репрессий в Латвии

В XX в. Латвия стала жертвой двух диктатур, установившихся вследствие трех оккупаций ее территории в течение четырех лет. 23 августа 1939 г. был подписан пакт Молотова–Риббентропа – договор между Гитлером и Сталиным, в секретных протоколах к которому два диктатора делили Центральную и Восточную Европу. В соответствии с этими протоколами Красная армия к 17 июня 1940 г. оккупировала все три прибалтийских государства, после чего население Латвии пережило огромную волну насилия. До июня 1941 г. по политическим мотивам подверглись арестам 20 000 человек, большинство из которых принадлежали к интеллигенции, а в ночь на 14 июня 1941 г. в Сибирь были депортированы 15 424 человека¹.

Всего через несколько дней части немецкого вермахта вошли в Латвию, двигаясь в Россию, и 29 июня пала Рига. Прибалтийские страны и Белоруссия были включены в «Рейхскомиссариат Остланд»; предполагалось, что они должны были служить главным образом экономическим целям – обеспечивать снабжение немецких войск в боях с советской армией [21. С.313–317]. Депортации латышского населения прекратились, а права собственности латышей были частично восстановлены, но теперь

¹ Поскольку советские войска и учреждения бросили большое количество материалов, когда немцы вошли в Латвию, и эти материалы впоследствии были переданы Красному Кресту, известны имена почти всех заключенных и депортированных [8. С.144–145; 21. С.310].

жертвами зверств стали латвийские евреи. 4 июля 1941 г. нацисты сожгли синагогу в Риге, и это стало началом Холокоста в Латвии. В конце того же месяца были созданы гетто в Риге, Лиепае, Даугавпилсе и других городах, и в несколько приемов их обитателей либо убили на месте, либо вывезли в один из девяти концлагерей на территории Латвии [21. С.319–321].

Советская армия вернулась в Латвию летом 1944 г., и 20 июля страна была объявлена частью советской империи. Через пять лет, 25 марта 1949 г., советские власти провели новую высылку в Сибирь жителей Латвии, на этот раз главным образом фермеров, чтобы способствовать «советизации» всей страны. Эта политика предусматривала подавление латышского языка, слежку советских спецслужб (особенно за писателями и художниками), обобществление всей частной собственности и коллективизацию сельского хозяйства и экономической системы. Кроме того, советизация включала целенаправленное и массированное заселение Латвии российскими военными, сотрудниками административных органов и работниками промышленности. В результате демографическая структура страны радикально изменилась. Если в 1935 г. 77 % населения составляли латыши, то к 1954 г. их доля сократилась до 54,8 %. В общей сложности численность проживавших в Латвии латышей сократилась почти на 10% – главным образом за счет жертв войны и тех, кто был депортирован в Сибирь или эмигрировал на Запад [15. С.36–37; 8. С.145–152].

В августе 1991 г. Латвия вновь стала независимой. Переходу к демократии способствовал основанный в 1988 г. Народный фронт. Это происходило в рамках общего процесса политических изменений в Центральной и Восточной Европе, в том числе в России. В 1993 г. состоялись первые свободные парламентские выборы.

Новая политическая система позволила населению Латвии впервые открыто заговорить о прошлом, признать жертв диктатур и обсуждать формы реституции и компенсации нанесенного им ущерба. Некоторые латвийские историки осторожно начали это обсуждение уже в 1988 г., когда российская цензура немного ослабела и стал возможен обмен с иностранными историками [15. С.18]. И все-таки до сих пор попытки примирения с прошлым омрачены некоторым соперничеством между двумя группами жертв и непрекращающимся спором о латвийской идентичности, о советском и российском наследии, статусе живущих в Латвии русских, гражданстве и законе о языке. Насколько сложен этот спор об истории, стало очевидным, когда в 2011 г. не удалось создать коалицию между несколькими латвийскими партиями и самой крупной парламентской фракцией *Saskaņa Centrs* («Центр согласия»), которая заявляет, что действует в интересах русскоговорящего сообщества². *Saskaņa Centrs* по-прежнему избегает называть советскую оккупацию оккупацией, и несмотря на уступки, которые партия сделала в ходе коалиционных переговоров в отношении экономической и финансовой политики, потенциальные партнеры в конце концов испугались, что потеряют сторонников, если станут сотрудничать с *Saskaņa Centrs* [19. С.53–55]³.

Помимо споров об идентичности на судьбу жертв в Латвии также влияет политика в отношении исполнителей преступлений, попытки преследовать их в уголовном

² В 2004 г. русскоязычное сообщество в Латвии насчитывало 28,8 % русских, 3,9 % белорусов и 2,6 % украинцев. Поскольку все три группы говорят преимущественно на русском языке, их называют русскоязычными. Однако это не означает, что они имеют общую идентичность [12].

³ В экономической и социальной политике SC считает себя скорее социал-демократической партией, она проявила нерешительность в вопросе введения евро и дальнейшего повышения подоходного налога, но согласилась принять более строгую бюджетную дисциплину в коалиционных переговорах [19. С.446, 52–54].

порядке и при помощи люстрации [29. С.393; 16. С.97]. Еще одно направление юстиции переходного периода, или политики в отношении памяти в Латвии – мемориалы, музеи и другие учреждения, включая латвийскую Комиссию историков, которая занимается сбором и интерпретацией документов о прошлом, чтобы представлять основанные на свидетельствах аргументы в ходе публичных дебатов о том, что происходило во времена диктатуры.

Отношения между историками, политиками, объединениями жертв и латвийским обществом довольно противоречивы. Жертвы получили юридическое признание в самом общем плане, но время от времени жалуются на недостаточное внимание общества к их проблемам и на размер компенсаций. Кроме побывавших в ссылке латвийских художников, журналистов, историков и политиков определенную роль в урегулировании ситуации с жертвами играют такие внешние структуры, как Совет Европы, Европейский суд и Евросоюз⁴.

Лица, имеющие право на реабилитацию

Поскольку в Латвии существовали две разные диктатуры, в ней есть и две разные группы жертв: латвийские евреи и другие лица, которые подвергались преследованиям со стороны нацистского режима, и латыши и другие лица, ставшие жертвами последующей советской оккупации. В принципе, с юридической точки зрения совсем не трудно определить, кого нужно считать жертвой: это все те, кто был арестован и осужден по политическим мотивам в советскую эпоху и (или)

⁴ «Копенгагенские критерии», в которых ЕС потребовал от вступающих в него стран ввести рыночную экономику, демократию, принцип верховенства закона и права человека, были впоследствии расширены путем включения мер, направленных на обеспечение правосудия переходного периода (Jaskova/Moran 2006).

нацистским режимом⁵. Вместе с тем, вследствие перехода от одной диктатуры к другой есть люди, которые стали одновременно жертвами и преступниками (или по крайней мере воспринимаются как таковые). Некоторых латышей, считающих себя жертвами советской оккупации, жертвы-евреи воспринимают как преступников (например, членов организации «Перконкруст»⁶, участвовавших в казнях латвийских евреев, а также некоторых членов латышских легионов СС, которых впоследствии преследовали советские власти).

В 1990-х годах в латвийском обществе, а также между латвийскими и иностранными историками сначала осторожно, а затем все более активно началось обсуждение вопроса о том, как относиться к этим двум диктатурам и как в индивидуальном порядке определить, кого считать жертвой, а кого преступником. В рамках процесса национально-государственного строительства, который определил дискурс после восстановления независимости, обсуждался также вопрос о том, по собственной инициативе организовывали латыши травлю евреев до или после немецкой оккупации. По мнению некоторых исследователей, дискриминация евреев началась еще до вторжения Германии и подпитывалась идеей латышского национализма, которую пропагандировал бывший президент Карлис Ульманис, поэтому нацистская пропаганда смогла легко поставить на одну доску коммунистов и евреев, что и объясняет участие латышей в расстрельных

⁵ См. Закон «О реабилитации незаконно репрессированных граждан» от 3 августа 1990 г. и более полный Закон «Об определении статуса политически репрессированного лица для пострадавших от коммунистического и нацистского режимов» от 12 апреля 1995 г.

⁶ Организация «Перконкруст» («Громовой крест», Pērkonkrust) была образована в Латвии в 1933 г. после запрета ее предшественников. Она придерживалась явно выраженной национал-шовинистической идеологии, основанной на немецком национал-социализме и итальянском фашизме. «Перконкруст» объединяла латышских антисемитов, хотя была запрещена с 1934 г. [15. С.58-59; 21. С.322].

командах. Другие историки утверждают, что латыши участвовали в расстрелах только по принуждению или что СС организовывал антиеврейские выступления, а впоследствии приписывал их латышам [21. С.318].

Надо учитывать, что при установлении советской власти Коммунистическая партия Латвии (КПЛ) и КГБ Латвии были частью соответствующих советских структур, и решающую роль в них играли русские, получавшие распоряжения из Москвы. Позже, после окончания сталинской эпохи, число этнических латышей в руководстве КПЛ увеличилось. В принятых после 1990 г. латвийских законах подчеркивалось, что бывшие члены КПЛ признаются преступниками не автоматически, а только в случае доказанности их преступного поведения.

Точных данных о национальности штатных и нештатных сотрудников КГБ и, как следствие, о численности латышей и русских, которые прямо или косвенно участвовали в репрессивной деятельности, нет. Нолленсдорф говорит примерно о 24 000 агентах КГБ в период с 1953 по 1991 г., 4500 из них продолжали работать в 1991 г., в том числе 570 человек, участвовавших в идеологической слежке, еще около 2200 человек были информаторами и стукачами [13. С.90]. Таким образом, на каждые 520 жителей приходился один агент [24. С.334]. Большинство агентов сохранили должности в службе безопасности. Коллаборационизм – довольно новая тема в Латвии [29], и во многих случаях доказать индивидуальную вину крайне сложно; если преступники были гражданами Германии, России или других стран, то это дополнительно затрудняет расследование, тем более что при распаде Советского Союза очень многие дела были вывезены в Россию.

Поскольку здесь мы говорим не о преступниках, а о жертвах, нам нет необходимости подробно рассматри-

вать, в какой мере этнические латыши активно сотрудничали с советскими оккупантами или совершали преступления на официальных должностях, и по собственной или инициативе латыши приспешествовали нацистским оккупантам и таким образом стали преступниками. Следует лишь отметить, что в Латвии не было «междувластия» (т.е. периода между отступлением Красной армии и вторжением вермахта в Латвию), когда латыши расстреливали евреев по собственному решению. Советский исторический миф о диких расстрелах был направлен на дискредитацию латышского населения⁷. Однако команда Арайса, при поддержке «Перконкруста» и латвийских сил самообороны (Aizsargi), впоследствии помогала немецким оккупантам расстреливать евреев. Историк Андриевс Эзергайлис и некоторые другие в качестве мотивов участия в расстрельных командах называют антикоммунизм, патриотизм, карьеризм или просто жадность, но было доказано, что одна только команда Арайса убила 15 000 человек [15. С.74]⁸.

Именно в связи с этими непростыми обстоятельствами и преимущественно избирательным восприятием и трактовкой истории, которую Комиссия историков смогла исправить лишь частично, вопрос о том, кого считать жертвой, а кого преступником, остается одной из тем дискуссий.

⁷ Подробное описание состояния современных исследований 1990-х годов и споров между современными латвийскими историками (особенно между Андриевсом Эзергайлисом и бывшим директором Еврейского музея в Риге Маргерсом Вестерманисом) о том, в какой степени и с какими намерениями латыши участвовали в Холокосте, см.: [15. С.63–82; 18].

⁸ Ноллендорф сообщает о 26 000 жертв команды Арайса. Виктор Арайс – бывший лейтенант полиции Латвии, который впоследствии сформировал особую команду, подчинявшуюся немецкой службе безопасности. Команда Арайса принимала участие в казнях и погромах евреев, цыган, инвалидов и коммунистов [13. С.55].

В общественных спорах по-прежнему противостоят два тезиса – участие евреев в советских депортациях⁹ и обвинение латышей в антисемитизме, который проявляется в сомнительном чествовании ветеранов латвийских дивизий СС [5]. Для жертв эти противоречивые представления означают, что среди них возникла определенная конкуренция и общество и политики иногда относятся к ним по-разному¹⁰.

В целом, по оценкам историков, в 1941–1944 гг. жертвами нацистской диктатуры в Латвии стали не менее 127 000 человек, из них 90 000 – евреи (около 6,5 % общего населения Латвии того времени). Число перемещенных в Ригу нелатвийских евреев оценивается по-разному. Одни источники говорят о 20 000 человек, другие – о 200 000 [15. С.74, fn 284; 8. С.146].

Число жертв советского режима в 1941 г. и после 1944 г. можно определить более точно. В течение 1941 г., первого «года террора», советские части арестовали и депортировали около 33 500 человек. Из них 1488 человек были убиты в Латвии, а 15 424 человека депортированы только за одну ночь 14 июня. В числе репрессированных были и латвийские евреи [8. С.144; 21. С.312; 15. С.67]. В ходе второй волны депортации, 25 марта 1949 г., в Сибирь было выслано еще 43 000 человек. После смерти Сталина выжившим депортированным и их родившимся в Сибири членам семьи было разрешено вернуться в

⁹ Некоторые правые популисты в Латвии считают, что многие евреи также были преступниками, участвовали в советских репрессиях и несут ответственность за зверства советской тайной полиции. Однако несмотря на то, что многие латвийские евреи питали надежды на советское вторжение, пережив преступления немцев в Польше, было доказано: они не содействовали депортациям, и лишь несколько евреев занимали соответствующие должности в Коммунистической партии или в НКВД [15. С.66–67; 4].

¹⁰ Описание спора латвийских историков, которые после 1988 г. исследовали вопрос о коллаборационизме Латвии, и список работ по истории Латвии с первой половины XX в. до 1990-х годов см.: [15. С.25–32; 4].

Латвию. Однако они оставались отверженными в обществе и подвергались политическим репрессиям в быту. Кроме того, им было разрешено обучаться по некоторым специальностям (например, изучать право) и работать на некоторых должностях на государственной службе в Латвии, например, служить на флоте или быть на дипломатической службе [1].

Еще одна волна репрессий связана с подавлением сопротивления советскому режиму. Последние «лесные братья» (партизанский отряд, в который в 1946 г. входило около 20 000 человек) были ликвидированы в 1953–1954 гг. [19. С.57–60; 8. С.146; 21. С.332].

Число других жертв советской диктатуры подсчитать труднее. Можно лишь предположительно определить, сколько было убито в тюрьмах КГБ (или НКВД) или стало жертвами советских преследований в виде необоснованных допросов, слежки на работе или в вузе. Эксперты предполагают, что к 1990 г. секретными службами было создано около 80 000 личных дел. Суммируя все эти данные, включая тех, кто подвергся допросу, и тех, на кого были созданы досье, историки насчитывают примерно 150 000 жертв до конца сталинской эпохи в 1953 г. (что составляет 7,5 % населения Латвии), а до 1990 г. – в общей сложности около 200 000 человек [8. С.146; 13. С.90]¹¹. В соответствии с условиями и процедурами Закона 1990 г. «О реабилитации репрессированных» до 1 января 1995 г. Прокуратура реабилитировала 12 300 человек. К 2008 г. число реабилитированных выросло до 17 866 человек.

¹¹ По мнению Союза жертв политических репрессий (Latvijas Politiski Represēto arvienība, LPR), до 1990 г. число жертв советской диктатуры составляет даже 300 000 человек [22. С.58].

Признание жертв и преследование преступников

Одним из первых действий правительства Латвии после восстановления независимости стала публичная реабилитация жертв судебных ошибок, а также тех, кто сидел в тюрьме или был депортирован по политическим основаниям [24. С.333]. Кроме того, была создана правовая основа для преследования преступников и запрещено использование символики обеих диктатур. 23 августа 1991 г. КГБ и Коммунистическая партия были объявлены неконституционными организациями и 10 сентября распущены как незаконные организации¹². Демонстрация коммунистических и нацистских символов во время парадов и политических митингов наказывается штрафами. В 2013 г. Парламент Латвии ввел запрет на демонстрацию советских и нацистских символов во время общественных празднований и памятных мероприятий. Крупнейшая оппозиционная партия в парламенте, SC, выступила против этого запрета, поскольку он ставит знак равенства между двумя режимами. Основанием для введения запрета стало возобновление споров в Латвии и в иностранной прессе относительно дней 9 мая, когда в нескольких странах – бывших республиках СССР¹³ отмечается победа над гитлеровской Германией, и 16 марта, когда ветераны Латышского добровольческого легиона, входившего в состав войск СС, маршируют по Риге [2].

¹² Были запрещены и другие просоветские организации, а Парламент не только объявил незаконным членство в них после 13 января 1991 г. (день, когда Комитет по национальному спасению Латвии собрался взять власть), но и определил, что члены таких организаций не имеют права избираться в Парламент или на политические должности [16. С.101].

¹³ В других европейских странах, а также в Латвии после 1990 г. отмечается 8 мая.

В 1992 г. Парламент Латвии образовал Комитет по расследованию преступлений, совершенных в период тоталитарных режимов, и инициировал формирование специального отдела Прокуратуры. 6 апреля 1993 г. Парламент утвердил комплексную реформу Уголовного кодекса. В новом кодексе, вступившем в силу 28 апреля 1994 г., было установлено, что лица, виновные в геноциде, преступлениях против человечности или военных преступлениях, привлекаются к ответственности независимо от времени, прошедшего после совершения преступления. В 1999 г. уголовное законодательство было изменено еще раз, и сроки наказания были увеличены. На практике доказательство виновности остается одним из серьезных препятствий при обвинении преступников [25. С.70–71].

Государственные институты продолжали оперативно работать в поисках виновников депортаций 1941 и 1949 гг. и доказательств их участия в военных преступлениях. Эта деятельность привела к аресту и осуждению нескольких преступников. Восемь сотрудников НКВД были арестованы, им было предъявлено обвинение в геноциде по статье 71 Уголовного кодекса Латвии. Самый известный преступник Альфонс Новик был арестован в 1994 г. С августа 1940 г. по июль 1941 г. он занимал должность наркома внутренних дел, а затем наркома госбезопасности Латвии, и ему было предъявлено обвинение в депортации 60 000 человек. В 1995 г. суд приговорил Новика к пожизненному заключению за участие в геноциде, преступлениях против человечности, пытках и казнях политзаключенных. Он умер в тюрьме в 1996 г. За участие в депортациях 1941 и 1949 гг. были арестованы, отданы под суд и осуждены высокопоставленные сотрудники НКВД Михаил Фарбтух, Николай Тэсс и Николай Ларионов. Помимо этих хорошо известных лиц только несколько человек заявили о сотрудничестве с КГБ, и лишь немно-

гие из них подверглись преследованиям. Кроме того были арестованы и осуждены те, кто совершил военные преступления во время Второй мировой войны. В 1998 г. был осужден Василий Кононов, командир советского партизанского отряда, расстрелявший девять человек, которые якобы сотрудничали с немцами. Кононов был осужден в 2004 г. Впоследствии он обратился в Европейский суд по правам человека, но приговор в конечном счете был оставлен в силе¹⁴.

Осуждение и увольнение из госаппарата служили не только целям наказания преступников. Эти меры должны были обеспечить безопасность жертвам, поскольку в первые годы независимости многие бывшие сотрудники Прокуратуры, судебных органов и спецслужбы (Valsts Drošības Komiteja) оставались на госслужбе и жертвы не чувствовали себя достаточно защищенными новой судебной системой, а многие из них не осмеливались выступать свидетелями при расследовании таких преступлений [25. С.65].

Кроме тюремного заключения закон предусматривает возможность лишать бывших сотрудников КГБ права голоса. Это относится к лицам, которые оставались сотрудниками КГБ и после 13 января 1991 г. К 2012 г. было выявлено 15 таких сотрудников [16. С.102]. Закон о гражданстве, принятый в 1994 г., также предусматривал правовые санкции: бывшие сотрудники КГБ и лица, за-

¹⁴ Первое решение ЕСПЧ, вынесенное в пользу Кононова четырьмя голосами против трех, было обжаловано в Большой Палате ЕСПЧ, которая большинством в 14 голосов против трех поддержала позицию Латвии. Другие жители Латвии, подавшие жалобы в ЕСПЧ, добились большего успеха: например, те, кому было запрещено выдвигать кандидатуру на государственные должности в связи с работой в КГБ. К ним относится Янис Адамсонс – бывший советский офицер-пограничник, впоследствии командующий Государственной пограничной службы Латвии, а в 1994–1995 гг. министр внутренних дел Латвии, который не получил разрешения баллотироваться в Парламент на выборах 2002 г. В 2008 г. ЕСПЧ объявил это решение незаконным. В 2009 г. Адамсонс был избран в рижский городской совет [13. С.93; 25. С.72–73].

нимавшие высокие посты в Коммунистической партии, не получали гражданство автоматически и не могли обращаться за предоставлением гражданства¹⁵. Ограничено было и их право на проживание. Однако на практике правительство Латвии урегулировало вопрос постоянного проживания без гражданства в рамках двусторонних соглашений с Россией, в частности, соглашения о выводе войск, в котором содержится разъяснение статуса некоторых из этих лиц, и примерно 22 300 военных пенсионеров получили разрешение остаться в Латвии. Однако их пенсионное и социальное обеспечение хуже, чем у граждан [25. С.76–77].

Обеспечению юридической защиты прав жертв при помощи преследования преступников способствовало участие Латвии в международных организациях и развитие международного законодательства о преступлениях против человечности. Однако преступники тоже все чаще обращаются не только в национальные, но и в международные организации, если считают, что латвийское государство допускает несправедливость в отношении них. Указанные выше лица подали в ЕСПЧ иск против Латвии; кроме того, в 2003 г. состоялась серьезная общественная дискуссия, когда Парламенту пришлось решать, имеют ли бывшие сотрудники КГБ и члены КПСС право выдвигать свои кандидатуры на выборах в Европарламент. Хотя большинство латвийских политиков выступали против этой возможности, законодательство ЕС о выборах допускало участие таких лиц в выборах. Это использовали Татьяна Жданок и Альфред Рубикс, которым после 1998 г. не разрешали выдвигать свои кандидатуры в парламент Латвии из-за их участия в попытке государственного переворота в 1991 г., при этом они уже

¹⁵ Информацию об общей дискуссии по закону о гражданстве и его изменении в 1998 г. см.: [11. С.61–63].

проиграли суд против латвийского государства в ЕСПЧ. Однако в ходе выборов в Европарламент в 2004 г. Жданок и Рубикс были зарегистрированы и даже выиграли выборы [25. С.77; 29. С.398; 13. С.93].

Реституция: применение закона и социальные последствия

Первые меры по выплате компенсаций были приняты уже в 1988 г. 2 ноября 1988 г. парламент Латвии принял закон о неправомерной депортации граждан Латвийской ССР в 1949 г. во время борьбы за независимость. Позже был принят закон о статусе лиц, ставших жертвами репрессий (от 3 августа 1990 г.), и закон об определении статуса политически репрессированного лица для пострадавших от коммунистического и нацистского режимов (от 12 апреля 1995 г.). В этих законодательных актах было определено, что жертвой считаются лица, которые до 21 апреля 1991 г. в результате репрессий умерли, были подвергнуты тюремному заключению или депортированы из Латвии; лица, выселенные со своей земли или по политическим причинам лишены права учиться или получить определенную профессию, вынужденные платить повышенные налоги; те, чье имущество было экспроприровано, были определены как подвергшиеся «косвенным» политическим репрессиям тоталитарного режима; был определен и статус лиц, подвергшихся репрессиям со стороны нацистского режима [25. С.81–82]. Нормы этого законодательства распространяются и на лиц, сотрудничавших с нацистской Германией, и на их потомков – за исключением тех, кто участвовал в убийстве евреев в Латвии [25. С.82; 13. С.93; 24. С.333]. С 1996 г. участники движения сопротивления, подпадающие под приведенное выше

определение репрессированных, могут быть признаны жертвами и подавать ходатайства о получении компенсаций. Удостоверение репрессированного выдается после представления соответствующих документов из Национального архива Латвии или других архивов, а если такие документы утеряны, – документов, выданных латвийскими судами [22. С.58].

Закон включает комплекс мер по восстановлению гражданских прав посредством публичного признания человека в качестве жертвы и предоставление определенных экономических и социальных льгот. Конфискованное имущество и недвижимость по возможности возвращаются, а лица, признанные жертвами, получают от правительства ваучеры за каждый год пребывания в заключении в Латвии или в Сибири и могут использовать эти ваучеры для безналичной оплаты при приобретении нового жилья или земельного участка [25. С.80–83]. Лица, признанные жертвами, также получают бесплатные медицинские услуги, налоговые льготы, право бесплатного проезда в общественном транспорте и право выхода на пенсию в возрасте 55 лет. Центр документации тоталитарных режимов (Totalitarian Consequences Documentation Center, TSDS) проверяет информацию заявителей и принимает решение о реституции. В качестве доказательства преследования по политическим мотивам TSDS использует главным образом досье КГБ. К 2001 г. Центр рассмотрел 95 % всех ходатайств о реабилитации относительно 40 000 человек. Компенсации были выплачены 26 000 заявителям в начале 1990-х годов и 21 424 заявителям до января 2009 г. (18 961 человек получили компенсацию как репрессированные советским режимом, 2362 – как пострадавшие от нацистского режима). Материальные последствия этой компенсации остаются умеренными: компенсация составляет около 700–1000 лат (примерно

990–1400 евро), а за каждый год принудительного труда, в том числе в ИТЛ, выплачивается дополнительно еще 280 лат (390 евро) на человека [23. С.5; 24. С.333]. В денежном выражении компенсация носит в большей степени символический характер. Эти средства символизируют разрыв с прошлым и призваны укрепить чувство причастности к латышской нации.

Объединения жертв политических репрессий жалуются на низкую готовность всех предыдущих правительств заниматься их вопросами и требуют увеличения поддержки своим организациям. Например, в государственном бюджете на 2012 г. была установлена выплата в размере 5000 лат (около 7000 евро) Объединению национальных партизан Латвии, 5000 лат Национальному объединению солдат Латвии, а Ассоциация жертв политических репрессий в Латвии получила всего 3400 лат (4900 евро)¹⁶.

Ассоциация жертв политических репрессий неоднократно обращалась к правительству Латвии с просьбой взыскать реституционные выплаты с России. Для этого правительство Латвии в 2005 г. образовало комиссию под руководством Эдмундса Станкевичса для определения ущерба, нанесенного населению и финансовой системе страны за 50 лет оккупации. По словам Станкевичса, задача этой комиссии должна заключаться не только в получении от России денежной компенсации или извинений (что он считает маловероятным), но и в признании страданий народа Латвии международным сообществом; кроме того, она должна вселить надежду на примирение с русскоязычным населением страны, когда объем потерь будет в конце концов документи-

¹⁶ См.: Сейм принимает государственный бюджет на 2012 г. в окончательном чтении (www.saeima.lv/en/about-saeima/work-of-the-saeima/speaker).

рован [22;1]. Работа комиссии не принесла результатов и была прекращена¹⁷.

Если реституция в отношении жертв советской диктатуры (социальные льготы, компенсация или возвращение утраченной земли или имущества) регулируется законодательством и принята в обществе (несмотря на все недостатки, которые критикуются объединениями жертв), то реституция в отношении еврейской общины время от времени приводит к политическим конфликтам. Для физических лиц с октября 1991 г. действуют одни и те же правила реституции, но в отношении еврейской общины как института ситуация совершенно иная. В организационном смысле община была уничтожена нацистами, поэтому не может предъявлять латвийскому государству требования о компенсации [28]. В 2006 г. парламент Латвии заблокировал законопроект, предусматривающий реституцию имущества, утраченного еврейской общиной (270 земельных участков и зданий стоимостью 55 млн долларов). Речь шла об общественных зданиях, где размещались школы, больницы, дома культуры и т.п. В 2011 г. специальный представитель США по вопросам Холокоста Дуглас Дэвидсон пытался провести с правительством Латвии переговоры о выплате компенсаций еврейской общине после принятия нового государственного бюджета. По его расчетам, следовало выплатить 42,8 млн евро, однако переговоры не дали результатов. В ходе полемики мэр Вентспилса Айварс Лембергс заявил, что тогда такую же сумму нужно будет выплатить всем жертвам фашизма и коммунизма. По данным исследований, 60 % латышей высказались против компенсаций еврейской общине [27].

¹⁷ Предполагалось, что латвийско-российская комиссия историков будет продолжать изучение событий в соответствии с решением, принятым в ходе визита Президента Валдиса Затлерса в Москву в декабре 2012 г. (The Baltic Times.2011. 5 января).

В 2013 г. тогдашний министр юстиции Гайдис Берзиньш отклонил новые требования о реституции имущества еврейской общины и в результате был вынужден подать в отставку. Он аргументировал свое решение тем, что в результате реституции жертвам-евреям эта группа окажется в привилегированном положении по сравнению с другими жертвами. Однако президент Андрис Берзиньш поддержал выплату компенсаций [9].

* * *

Правовые условия для реабилитации и реституции сформулированы таким образом, что затрагивают очень широкий круг людей. Государственные институты помогают этим людям получить статус жертвы, ускоряя процедуру обработки заявок, поскольку многие жертвы находятся уже в весьма преклонном возрасте, больны или потеряли документы, которые могут доказать репрессии в отношении них. С одной стороны, такой подход нужно считать чрезвычайно положительным для жертв, и, конечно, он обусловлен общим восприятием многих латышей как «постоянных жертв» [29. С.3]. С другой стороны, нужно учитывать, что материальные льготы для жертв (пенсии и бесплатный проезд в общественном транспорте) невелики, а международная помощь, особенно от властей Германии, поступила довольно поздно, а для многих жертв – слишком поздно¹⁸. Мерам по возвращению имущества, домов или земли нередко препятствуют нечеткость доказательств прав собственности, длительные судебные расследования или сложность работы с нынешними владельцами. В связи с тем, что советская оккупация

¹⁸ В 1998 г. правительство Германии направило правительствам трех стран Балтии около 1 млн евро на финансирование социальной помощи жертвам нацизма, а в 2000 г. правительство и немецкие предприятия в конце концов решили образовать фонд в размере примерно 3 млн евро для компенсации жертвам принудительного труда и других зверств нацистского режима.

продолжалась гораздо дольше нацистской диктатуры, в коллективной памяти, судя по всему, существует непропорциональное восприятие двух групп жертв. Тема Холокоста стала частью школьного обучения лишь в начале 2000-х годов, а усилия еврейской общины по реституции имущества встречают сильное сопротивление, хотя по закону жертвы обеих диктатур упоминаются в равной степени, а в Дни памяти отмечаются зверства и сталинизма, и нацизма.

Источники*

1. Bigg, Claire, 2006: Latvia: Still Haunted by Soviet Past. In: Radio Free Europe, Radio Liberty, 16 August.

2. Bušs, Krišjānis/Beckmann-Dierkes, 2013: Norbert, Nationalsozialistische und sowjetische Symbole in Lettland. In: KAS Länderbericht Juli.

3. Latvian Commission of Historians: http://www.president.lv/pk/content/?cat_id=2766

4. Ezergailis, Andrew, 1996: The Holocaust in Latvia: 1941-1944. The missing center, Riga.

5. Henri, Clemens, 2010: Riga and Remembering. In: Journal for the Study of Antisemitism, 2, p. 157–162.

6. Jaskova, Eva/Moran, J P., 2006: Justice or Politics? Criminal, Civil and Political Adjudication in the Newly Independent Baltic States. In: Journal of Communist Studies and Transition Politics, 22/4, p. 485–506

7. Latvijas Republikas Saeima: Saeima adopts the state budget for 2012 in the final reading vom 16.12.2011 (www.saeima.lv/en/about-saeima/work-of-the-saeima/speaker).

8. Levits, Egil, 1991: Lettland unter der Sowjetherrschaft und auf dem Weg zur Unabhängigkeit. In: Boris Meissner

* Библиографические описания приводятся в редакции автора.

(ed.), Die baltischen Nationen: Estland, Lettland, Litauen, Köln 1991, p. 144–145.

9. Liphshiz, Cnaan, 2012: Latvian minister resigns in protest of Holocaust restitution plan. In: Jewish Telegraphic Agency, 21. June.

10. Matthes, Claudia-Yvette, 1996: Die Herausbildung des Parteiensystems in Lettland seit Beginn der Perestroika. In: Berichte der Berliner Interuniversitären Arbeitsgruppe Baltische Staaten, Freie Universität Berlin, Berlin.

11. Matthes, Claudia-Yvette, 2013: Lettland. In: Günther Heydemann/Karel Vodicka (Hg.), Vom Ostblock zur EU. Systemtransformationen 1990-2012 im Vergleich, Göttingen, Göttingen, p. 47–75.

12. Miužnieks, Nils, 2004: Russians in Latvia – History, Current Status and Prospects (<http://www.mfa.gov.lv/en/copenhagen/news/latvian-news/template/?pg=8017>).

13. Nollendorfs, Valters, 2011: The KGB-Files in Latvia: The Skeleton and Its Ghosts. In: Südosteuropa Mitteilungen, 05/06, p. 89–93.

14. Oberländer, Erwin (ed.), 1989: Hitler-Stalin-Pakt 1939. Das Ende Ostmitteleuropas?, Frankfurt a. M.

15. Onken, Eva-Clarita, 1998: Revisionismus schon vor der Geschichte. Aktuelle Kontroversen in Lettland um die Judenvernichtung und die lettische Kollaboration während der nationalsozialistischen Besatzung, Köln.

16. Pettai, Vello, 2012: Lustration in den baltischen Staaten. Aktive Vergangenheitsbewältigung seit 1991. In: Michèle Knodt/Sigita Urdze (ed.), Die politischen Systeme der baltischen Staaten. Eine Einführung, Wiesbaden, p. 97–115.

17. Rauch, Georg von, 1990: Geschichte der baltischen Staaten, 3rd ed. München.

18. Reichelt, Katrin, 2011: Lettland unter deutscher Besatzung 1941-44. Der lettische Anteil am Holocaust, Berlin.

19. Rozenvalds, Juris, 2011: Ethnos und Demos. Die Parlamentswahlen in Lettland 2011. In: Osteuropa, 61/11, p. 43–55.
20. Rozenvalds, Juris, 2012: Baltische Staaten und ihre Gesellschaften nach dem Zweiten Weltkrieg. In: Michèle Knodt/Sigita Urdze (ed.), Die politischen Systeme der baltischen Staaten, Wiesbaden, p. 55–74.
21. Schmidt, Alexander, 1993: Geschichte des Baltikums. Von den alten Göttern bis zur Gegenwart, München.
22. Simsons, Peteris, 1999: Bericht von der Delegation aus Lettland. In: Union der Opferverbände kommunistischer Gewaltherrschaft, VII Kongress der Internationalen Assoziation ehemaliger politischer Gefangener und Opfer des Kommunismus, Bonn, p. 58.
23. Simsons, Peteris, 2004: Bericht zu Lettland, Protokoll des 12. Kongresses der InterAsso in Kiev, 20.5.2004.
24. Skultans, Vieda, 2010: Arguing with the KGB Archives. Archival and Narrative Memory in Post-Soviet Latvia. In: Ethnos: Journal of Anthropology, 66/3, p. 320–343.
25. Svarca, Inga, 2012: Transitional Justice Mechanisms applied by Latvia in its Transition from Communist Regime. In: Hitotsubashi Journal of Law and Politics, 40/02, p. 59–85.
26. The Baltic Times, 26 January 2011.
27. The Baltic Times, 27 June 2012.
28. The Baltic Times, 5 January 2011.
29. Zake, Ieva, 2012: Politicians versus Intellectuals in the Lustration Debates in Transitional Latvia. In: Journal of Communist Studies and Transition Politics, 26/3, p. 389–412.

Ольга ПРОЦЕВСКА,
научный сотрудник Латвийского
университета, Рига

Общественный статус жертв политических репрессий в Латвии

Мнение жителей Латвии о советских репрессиях (под ними, как и обычно по умолчанию в странах Балтии, понимаются в основном депортации 1941 и 1949 гг.), выяснялось в нескольких социологических опросах на протяжении нескольких лет. Все они указывают на устойчивую тенденцию к негативной оценке репрессий. По данным репрезентативного опроса, проведенного в конце 2012 г. в рамках исследовательского проекта «Мониторинг социальной памяти», 72 % жителей Латвии считают, что депортации не могут быть оправданы ни какими причинами. Однако стоит отметить, что среди русскоязычной части населения Латвии 3,8 % респондентов склонны полностью или частично оправдать депортации, хотя тенденция эта носит маргинальный характер¹.

Почти четверть жителей Латвии считают депортации 1941 и 1949 гг. – худшим событием XX в. в истории Латвии, 28 % жителей стыдятся участия латышей в осуществлении депортаций (данные репрезентативного опроса 2010 года по заказу Латвийского университета)². При этом жители Латвии редко участвуют в мероприятиях, посвященных памяти жертв репрессий, – опрос 2010 г. пока-

¹ Kaprāns M., Procevska O. Sociālās atmiņas monitorings. Ziņojums Nr. 1. Rīga: Latvijas Universitāte, 2013. С.27–28.

² Kaprāns M., Procevska O., Uzule L., Saulītis A. Padomju deportāciju pieminēšana Latvijā, 2012. Rīga: Mansards. С.52–54.

зал, что за последние пять лет День памяти депортации 1949 г. отмечали 15 %, День памяти депортаций 1941 г. – 12 % населения, а участие в публичных мероприятиях принимали еще меньше – 9 % респондентов. Чаще других в публичных коммеморативных мероприятиях участвуют пожилые люди и деревенские жители³. По сравнению с 1990-ми годами сами репрессированные гораздо меньше хотят делиться своими воспоминаниями о депортациях и невысоко оценивают свое положение в обществе, обращая внимание на низкий уровень своего материального достатка⁴. Положение репрессированных привлекает внимание практически при каждом обсуждении вопросов социального обеспечения и предоставления льгот. Наиболее активно свои интересы репрессированные отстаивали в 2009 г., когда, вынужденно резко уменьшая государственные расходы, правительство Латвии сократило множество социальных льгот. Организации репрессированных вместе с пенсионерами добились сохранения размера пенсий, а в 2013 г. пенсии репрессированных были индексированы без ограничений, которые относились ко всем остальным пенсиям.

Первая латвийская общественная организация жертв репрессий – Рижский клуб репрессированных (сейчас – Рижское общество политически репрессированных⁵) – была основана в 1988 г., в период заполнения «белых пятен истории» и интенсивной самоорганизации общества.

В последующие несколько лет происходило sporadическое создание подобных организаций в регионах. В 1991 г. на территории Латвии было уже 26 клубов ре-

³ Ibid. С.51.

⁴ Ibid. С.55.

⁵ Рижское общество политически репрессированных (Rīgas politiski represēto biedrība). Руководитель: Янис Лапицш (Jānis Lapiņš). Адрес: ул. Antonijas, д.6, кабинет 321. Рига, Латвия; rprb@okupacijasupuri.lv; <http://www.okupacijasupuri.lv/>

прессированных (именно так они чаще всего самоопределялись). После перестройки темп формирования организаций репрессированных ощутимо замедлился – за последние двадцать лет создано примерно столько же организаций, сколько за первые четыре года. Сейчас в Латвии действуют 55 обществ репрессированных. В них в основном состоят люди, вернувшиеся на родину после депортации 1949 г. или родившиеся в ссылке⁶.

Координацией деятельности региональных организаций с 1989 г. занимается Союз политически репрессированных Латвии (СПРЛ)⁷. Изначально бюджет СПРЛ складывался только из пожертвований, сейчас же организация получает дотации из госбюджета. Самым массовым и известным мероприятием организованным СПРЛ стал ежегодный слет репрессированных, на который обычно собирается примерно 1000 участников. Помимо проведения слета СПРЛ обеспечивает юридическую помощь репрессированным, а также организует конференции, выставки, издает материалы по вопросам репрессий и депортаций 1941 и 1949 гг. Уже несколько лет СПРЛ конфликтует с Рижским обществом политически репрессированных. Конфликт связан с разными подходами руководства этих организаций к сбору средств и практикам коммеморации, а также с разнящимися политическими взглядами⁸.

⁶ Kaprāns M., Procevska O., Uzule L., Saulītis A. (2012). Padomju deportāciju pieminēšana Latvijā: atmiņu politika un publiskā telpa. С.122.

⁷ Союз политически репрессированных Латвии (Latvijas Politiski represēto apvienība). Руководитель: Гунарс Реснайс (Gunārs Resnais). Адрес: ул. Антонияс, д.6. Рига, Латвия; lpra@apollo.lv; <http://lpra.vip.lv/LPRA1segments.htm>

⁸ Kaprāns M., Procevska O., Uzule L., Saulītis A. (2012). Padomju deportāciju pieminēšana Latvijā: atmiņu politika un publiskā telpa. С.123–127.

Общественная осведомленность и сохранение памяти

Самый активный и известный фонд поддержки репрессированных – основанный в 2000 г. кинорежиссером Дзинтрой Гекой фонд «Дети Сибири»⁹. Цель фонда – сбор информации о детях депортированных вместе со старшими членами семьи или родившихся в ссылке. За время своего существования фонд «Дети Сибири» организовал шесть экспедиций в Сибирь для сбора информации, установки памятных знаков и съемки документальных фильмов (результатом работы стали 15 документальных фильмов, режиссер всех Дзинтра Гека). Несколько лет подряд фонд проводил мемориальные конференции и концерты ко Дню памяти депортаций 1949 г. Фонд «Дети Сибири» также издал большой сборник биографий и воспоминаний высланных детей – «Дети Сибири. Мы должны были это рассказать» на латышском и английском языках («Sibīrijas bērni. Mums tas bija jāizstāsta» в 2007 г. и «The Children of Siberia. We had to tell this» в 2011). В архиве фонда хранится примерно 800 видеоинтервью с депортированными¹⁰.

Сохранением памяти латышей, пострадавших в репрессиях 1937–1938 гг. в СССР, занимается организация «Рижский мемориал»¹¹, но на территории Латвии она мало известна. Так же незамеченным проходит и День памяти жертв репрессий, назначенный на первое воскресенье декабря.

Выставки локального, регионального и национального уровня – традиционная часть памятных мероприятий

⁹ Фонд «Дети Сибири» (Fonds "Sibīrijas bērni"). Адрес: ул. Graudu, д.41А. Рига, Латвия; sibirijasberni@gmail.com. Руководитель: Дзинтра Гека (Dzintra Geka), руководитель проектов Байба Арента (Baiba Ārenta).

¹⁰ См.: www.sibirijasberni.lv

¹¹ Рижский мемориал (Rīgas memoriāls). Адрес: ул. Antonijas, д.6. Рига, Латвия.

25 марта и 14 июня. Что касается постоянных экспозиций, то наиболее обширно и детально тема советских репрессий отражена в экспозиции Латвийского музея оккупации. Среди музеев особенно активно темой репрессий занимается Латвийский музей оккупации¹², основанный в 1993 г. частный музей (им управляет Товарищество латвийского музея оккупации), но он получает дотации из бюджета Риги и государственного бюджета (госдотация составляет примерно четверть годового бюджета музея, остальное – пожертвования частных лиц, в основном латышей, находящихся в эмиграции). Можно утверждать, что именно советские репрессии – центральная тема постоянной экспозиции музея. В коллекции музея оккупации также собраны примерно 2000 видеозаписей с воспоминаниями репрессированных (большая часть из них – истории депортированных в 1949 г.). С осени 2013 г. здание музея находится на реконструкции, дата ее окончания и открытия новой экспозиции пока неизвестна¹³.

Факты о самых массовых советских репрессиях – депортациях 1941 и 1949 гг. – наиболее систематически собирал и публиковал Латвийский государственный архив (ЛГА)¹⁴. С 1999 по 2007 г. сбор и публикация данных проходили в рамках проекта «Увезенные» («Aizvestie»), который финансировался из государственного бюджета Латвии, а также поддерживался Товариществом музея оккупации и Европейской комиссией. Результатом проекта стало издание двух объемных книг: «Увезенные. 14 июня 1941 года» («Aizvestie. 1941. gada 14. jūnijs») в

¹² Латвийский музей оккупации (Latvijas Okupācijas muzejs). Директор Гундега Мичел (Gundega Michele). Руководитель Товарищества музея оккупации Валтерс Ноллендорфс (Valters Nollendorfs). Адрес: ул. Raiņa, д.7. Рига, Латвия; omf@latnet.lv
См.: www.okupacijasmuzejs.lv

¹⁴ Латвийский государственный архив (Latvijas Valsts arhīvs). Руководитель проекта «Увезенные» Аяя Калнциема (Aija Kalnciema). Адрес: ул. Bezdēliģu, д.1. Рига, Латвия; lva@arhivi.gov.lv

2001 г. и «Увезенные. 25 марта 1949 года» («Aizvestie. 1949. gada 25.marts») в 2007 г. ЛГА в 2009 г. также издал книгу о репрессиях против латышей в СССР в 1937–1938 гг. («Represijas pret latviešiem PSRS, 1937–1938: dokumenti») и пособия для учителей о депортациях 1941 и 1949 гг.

Тема репрессий была центральной еще в нескольких менее крупных исследованиях. Так, в 1999 г. (второе издание в 2000 г.) вышел в свет сборник документов «От НКВД до КГБ. Политические дела в Латвии 1940–1986. Указатель обвиненных в преступлениях против советского государства жителей Латвии» («No NKVD līdz KGB. Politiskās prāvas Latvijā 1940–1986: Noziegumos pret padomju valsti apsūdzēto Latvijas iedzīvotāju rādītājs»). Эта книга – результат начатого в 1994 г. проекта «Политические дела в Латвии с 1940 по 1990 годы» Института истории Латвийского университета.

Анализ коммеморации депортаций был с 2010 по 2012 г. частью проекта «Латвийская социальная память и идентичность», осуществлявшегося в рамках государственной исследовательской программы «Национальная идентичность», финансируемой из государственного бюджета. Результатом работы стала вышедшая в 2012 г. книга «Память о советских депортациях в Латвии. Политика памяти и публичная сфера» Мартиныша Капранса, Ольги Процевской, Лауры Узуле, Андриса Саулитиса (см. сноску 2).

Сбор свидетельств о депортациях проходил также с 1988 по 1992 г. в рамках проекта «Человекоархив» («Silvēkarhīvs») Фонда культуры Латвии (Latvijas kultūras fonds), а с 1992 г. продолжает работу по этой теме проект «Национальная устная история» («Nacionālā mutvārdu vēsture») Института философии и социологии Латвийского университета. С 2003 г. множество историй жизни депортированных собрал Центр устной истории Даугавпилсского университета. Надо сказать, что ни один из

перечисленных проектов не специализируется на теме советских репрессий.

Доступ к архивной информации

Дела депортированных в 1941 и 1949 гг. хранятся в Латвийском государственном архиве, там же частично хранятся и дела осужденных за преступления против Советского государства (дела политзаключенных). Часть дел хранится в российских архивах, и все попытки добиться их перемещения в Латвию были неудачными.

Документы о советских репрессиях имеют разный статус закрытости. Списки депортированных не содержат так называемых сенситивных данных (такими по латвийскому законодательству считаются данные, «указывающие расовую и этническую принадлежность персоны, его религиозные, философские и политические убеждения, а также информация о здоровье и сексуальной жизни персоны»), поэтому они находятся в публичном доступе и были неоднократно опубликованы в прессе и в книгах «Увезенные». Документы по осужденным по политическим делам с 1940 по 1990 г. такие данные содержат, поэтому подпадают под регуляцию Закона о защите данных физических лиц. Доступ к этим документам имеют сами жертвы репрессий, их родственники (требуется подтверждение родственной связи), а также ученые (ими по латвийским законам считаются только доктора наук, но фактически работники Государственного архива допускают к работе с документам магистров и докторантов, подтверждающих причастность к исследовательским проектам или докторантуре). С 2013 г. по разрешению руководства Национального архива доступ к делам политически осужденных могут получить также студенты, библиотекари, сотрудники музеев и другие лица, занимаю-

щиеся исследовательской деятельностью. Таким образом, ограничения касаются только одной части документов о советских репрессиях, к тому же в ограничениях предусмотрены исключения, цель которых – предоставить документы для научных исследований, не допуская распространения сенситивных данных репрессированных. «Закон о научной деятельности» обязывает научных работников и исследователей использовать полученные данные только в научных целях.

Книги Памяти

В Латвии изданы три главных Книги Памяти, посвященные депортациям 1941 и 1949 гг. Две из них – «Увезенные. 14 июня 1941 года» и «Увезенные. 25 марта 1949 года» – содержат анализ подготовки, хода депортаций, социальной структуры сосланных, обзор документации, факты о жизни в ссылке, описание процесса реабилитации, а также список депортированных жителей Латвии. У проекта «Увезенные» есть также и интернет-страница на английском языке (созданная при финансовой поддержке Европейской комиссии), но она содержит информацию только о первой части проекта (о депортации 1941 г.): <http://www.itl.rtu.lv/LVA/dep1941/asakums.php>. Книга «Дети Сибири. Мы должны были это рассказать» состоит из аналитической статьи и историй жизни «детей Сибири».

Мемориальные комплексы, памятники, мемориальные доски жертвам политических репрессий

В Латвии не существует единого регистра памятников и мемориальных знаков, посвященных репрессиям и репрессированным, однако есть несколько отдельных регистров, наиболее полные находятся в распоряжении

СПРЛ и Латвийского музея оккупации. Известно, что большинство памятников – это простые кресты или каменные памятники у железнодорожных станций, откуда в 1941 и 1949 гг. отправляли депортированных жителей Латвии. Большинство памятников установлены в конце 1980–х годов, в период интенсивного формирования социальной и культурной памяти о советских репрессиях. Эти незатейливые памятники стали локальными центрами коммеморативных мероприятий. Обязанность заботиться о сохранении памятников по законам Латвии лежит на органах местного самоуправления.

По данным СПРЛ, именно 1989 г. был главным периодом установки памятников жертвам репрессий¹⁵. В середине 2000–х происходила мемориализация мест ссылки – в рамках экспедиций фонда «Дети Сибири» было установлено множество памятных знаков в местах проживания и захоронения жителей Латвии в Казахстане, Воркуте, Магадане, Красноярском крае и других местах¹⁶. Музей оккупации начал программу сбора информации о местах памяти в 2002 г., и на данный момент в музее собраны данные о 539 местах расположения памятных знаков жертвам депортаций и репрессий советского периода¹⁷.

Первый мемориал жертвам советских репрессий появился уже во время нацистской оккупации: мемориал «Белые кресты» был установлен на одном из самых больших кладбищ города Риги – Лесном кладбище (Meža kapī). Там были захоронены расстрелянные при отступлении Красной армии заключенные Рижской центральной тюрьмы, а также найденные в других местах расстрелянные, всего 120 человек. В 1969 г. «Белые кресты» были уничтожены, а

¹⁵ Liepiņa D., Lauva J., Cērmanis A. (red. kolēģija). Akmenī iecirstā sāpe. Rīga: Latvijas politiski represēto apvienība, 2006.

¹⁶ См.: www.sibirijasberni.lv

¹⁷ Kaprāns M., Procevska O., Uzule L., Saulītis A. Padomju deportāciju pieminēšana Latvijā. С.98.

на их месте начались другие захоронения. Мемориал был возрожден в 1990 г., – здесь был установлен один большой белый крест, а в последующие годы восстановлены и индивидуальные белые кресты¹⁸.

В то же время в Латвии до сих пор полностью не реализована идея центрального мемориала памяти репрессированных, выдвинутая уже в 1988 г. Таким памятником фактически стала работа скульптора Паулса Яунземса (Pauls Jaunzems) «В метели», установленная возле железнодорожной станции Торньякалнс (Torņakalns) в Риге. Памятник, открытый в 2001 г., до сих пор не закончен (предстоит установить несколько скульптур, которые должны символизировать места ссылки, реализовать замыслы автора по подсветке), к тому же памятником недовольна часть репрессированных, оспаривающих его главенствующий статус. Некоторые репрессированные недовольны, на их взгляд, слишком абстрактными образами мемориала, не способными передать степень страданий репрессированных, а также его расположением не в центре столицы. Однако станция Торньякалнс была признана самым подходящим местом для центрального мемориала уже в 1990 г., по результатам опроса жителей Латвии. Помимо памятника «В метели» там находятся еще два мемориальных объекта: памятный камень с выгравированной датой «1941» и железнодорожный вагон, подобный тому, в каких вывозили ссыльных в 1941 и 1949 гг. (вагон на самом деле произведен в 1950 г.)¹⁹. Памятные мероприятия также проходят и у другой железнодорожной станции Риги – Шкиротава, где в 2008 г. был установлен памятник работы Айвара Вилипсона (Aivars Vīlipsons) – стилизованный фрагмент железнодорожного вагона.

¹⁸ http://www.tvnet.lv/zinas/latvija/186648-baltie_krusti_cekas_upuriem

¹⁹ Kaprāns M., Procevska O., Uzule L., Saulītis A. Padomju deportāciju pieminēšana Latvijā. С.99–101, 110–111.

Несколько идей по увековечению памяти репрессированных так и не были реализованы из-за возникших разногласий. Недовольство вызывает визуальное решение памятников, которые, как и «В метели», представляются излишне абстрактными, претензии предъявляются к авторским правам и к месту установки памятников. В конце 1990–х годов на стадии проекта остановилась работа над памятником–скульптурой Кристапа Гулбиса (Kristaps Gulbis) «Связанный камень». Схожая судьба чуть не постигла и памятник работы Яниса Карлова (Jānis Karlovs) – «Сиротинушка», после затяжных споров в 2008 г. все-таки установленного в сквере напротив рижского замка (президентской резиденции) по инициативе и при поддержке фонда «Дети Сибири».

Для примирения разногласий, связанных с памятником «В метели», в 2007 г. СПРЛ и Министерством культуры был объявлен новый (очередной) конкурс на мемориал пострадавшим от советских репрессий. На этот раз местом нахождения была выбрана Площадь стрелков в самом центре Старого города. Концепция победившей идеи – «Прикосновение истории», авторы Илзе Микелсоне, Волдемарс Йохансонс и Кристапс Гелзис («Vēstures taktiļa»; Ilze Miķelsone, Voldemārs Johansons, Kristaps Ģelzis) – мультимедийная стена, комбинирующая визуальные и пространственные решения со звуковыми эффектами. Проект должен был быть реализован до 2014 года – Года Риги – Европейской столицы культуры, однако на данный момент строительство памятника даже не начато.

«Угловой дом» – здание на углу рижских улиц Стабу и Бривибас – изначально строился как жилой. С осени 1940 г. по 1990 г. в здании находился КГБ Латвийской ССР, здесь в подвалах и на нижних этажах содержались арестованные, проводились допросы и пытки. С 1991 по 2008 г. строение использовала Государственная полиция

Латвии, после этого несколько лет дом был заброшен. В 2003 г. у здания установлен «Черный порог» работы Глеба Пантелеева (Gļebs Pantelējevs) – памятная плита жертвам КГБ. В рамках программы Года Риги – Европейской столицы культуры в «Угловом доме» открыта выставка о деятельности КГБ, несколько экспозиций латвийских и иностранных художников на тему репрессий в СССР, а также проводятся экскурсии по прежде недоступной части здания, где располагались камеры²⁰.

Таким образом, на данной момент на карте столицы Латвии существуют следующие главные места коммеморации советских репрессий: станция Торньякалнс, станция Шкиротава, памятник «Сиротинушка», «Угловой дом» и «Белые кресты», но фактически центральным местом коммеморации стал не памятник, посвященный жертвам репрессий, а главный монумент страны – Памятник Свободы, построенный на народные пожертвования в 1935 г. К нему в дни памяти репрессий возлагают цветы сами репрессированные, их родственники, а также официальные лица и дипломаты.

Места массовых захоронений

Поскольку самыми масштабными советскими репрессиями в Латвии были депортации 1941 и 1949 гг., самые крупные захоронения их жертв находятся за границами Латвии. В местах ссылки процесс сбора информации о захоронениях, а также установление памятных знаков до сих пор продолжается, этим наиболее интенсивно занимается фонд «Дети Сибири». На территории Латвии самое большое захоронение жертв советских репрессий – участок на кладбище «Белые кресты», имеющий статус памятника, охраняемого государством (см. пункт V–5).

²⁰ <http://riga2014.org/rus/news/40770-ughlovoi-dom>

Тема советских политических репрессий в школьных учебниках

Формирование знаний о советских депортациях – обязательная часть государственного образовательного стандарта по предмету «История». Занятия на эту тему в объеме примерно одного урока проводятся в 9-м и 12-м классах (в Латвии 12-летнее школьное образование)²¹.

Все учебники истории, утвержденные Министерством образования Латвии, осуждают репрессии, осуществленные советской властью, но только в некоторых из них упоминается, что жертвами репрессий (в том числе и депортаций) были не только латыши, но и принадлежащие к национальным меньшинствам жители Латвии (в основном русские и евреи). Обходят стороной авторы учебников и тему коллаборационизма и участия в репрессиях самих латышей (репрессии преподносятся как агрессия извне).

В учебниках отсутствуют рассказы о стратегиях выживания в ссылке, случаях спасения и помощи репрессированным²². Стоит отметить, что часть информации о репрессиях в школах преподают факультативно.

Активную роль, особенно в маленьких городах и в деревнях, играют краеведческие кружки и музеи, которые часто вместе со школьниками собирают биографии и рассказы местных жителей. Однако уровень знаний школьников о репрессиях не очень высок. В 2008 г. только 37 % старшеклассников знали, что в 1949 г. происходила массовая депортация жителей Латвии, многие пу-

²¹ Ministru kabineta noteikumi Nr. 1027 "Par valsts standartu pamatizglītībā un pamatizglītības mācību priekšmetu standartiem", 38. Pielikums; Ministru kabineta noteikumi Nr. 715 "Par valsts vispārējās vidējās izglītības standartu un vispārējās vidējās izglītības mācību priekšmetu standartiem", 14. pielikums.

²² Kaprāns M., Procevska, O. Uzule, L. Saulītis A. Padomju deportāciju pieminēšana Latvijā. С.146–147.

тают этот факт с другими событиями, происходившими в 1940–1945 годах²³.

Топонимика

Смена топонимов и названий организаций с советских на досоветские или постсоветские началась в Латвии уже в 1989 г. За несколько лет были изменены все топонимы, имевшие четкую идеологическую привязку к СССР (остались только относительно неидеологизированные, но и те в основном были изменены). В рамках этого процесса названия в честь организаторов и активных участников государственного террора не выделялись в отдельную категорию. Все формальные (зарегистрированные, имевшие официальный статус) советские организации (пионерские отряды, колхозы, клубы) в 1991 г. были просто ликвидированы, безотносительно от того, в честь кого они были названы.

Судебные процессы над организаторами (исполнителями) политических репрессий

С 1991 г. обвинения в участии в организации или осуществлении депортаций были выдвинуты восьми лицам, но судебные дела против трех из них прекращены из-за состояния здоровья или по причине смерти обвиняемых. Обвинения основывались на квалификации депортаций как геноцида. За преступления против человечества (геноцид) были осуждены пять человек: Альфонс Новик, Михаил Фарбтух, Евгений Савенко, Николай Ларионов и Николай Тэсс. Ларионов и Тэсс обжаловали обвинитель-

²³ Makarovs V., Boldāne I. 20. gadsimta vēstures pretrunīgo jautājumu pasniegšana Latvijas skolās un muzejos. Rīga: Providus, 2009. С.9; Ločmele K. (Ne)izstāstītā vēsture. Skola. Māja. Atmiņa. Rīga: LU SPII, 2011. С.107.

ные приговоры латвийских судов в Европейском суде по правам человека (ссылаясь на то, что им определено наказание за деяния, которые в момент их совершения не были уголовно наказуемыми; так как в то время на территории Латвии и в международном законодательстве не существовало запрета на геноцид истцы также оспаривали применение к депортациям определения «геноцид»). Иск Фарбтуха против Латвии в ЕСПЧ не отрицал самого приговора, а был направлен против жестокого обращения с осужденным и плохих условий заключения ввиду его возраста и плохого состояния здоровья. ЕСПЧ частично удовлетворил иски Ларионова, Тэсса и Фарбтуха, обязав Латвию выплатить им материальную компенсацию²⁴.

Тема жертв политических репрессий в национальной повестке дня

Обычно в национальную повестку дня репрессии попадают лишь в дни памяти депортаций – 25 марта и 14 июня (период более активного интереса СМИ – примерно неделя до и неделя после памятных дней).

Внимания к теме советских репрессий возникает в случае провокационных и неоднозначных высказываний политиков и общественных деятелей. Так, в 2012 г. большую резонанс вызвала статья «Мифы 14 июня», написанная Александром Гильманом – членом правления партии «За права человека в единой Латвии» («ЗАПЧЕЛ», сейчас партия переименована в «Русский союз Латвии»), родившимся в ссылке. Статья впервые была опубликована в 2005 г., а в 2012 г. лишь перепечатана газетой «Час», но

²⁴ См.: [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx#{%22dmdocnumber%22:\[%22827920%22\],%22itemid%22:\[%22001-84538%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx#{%22dmdocnumber%22:[%22827920%22],%22itemid%22:[%22001-84538%22]), [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-84537#{%22itemid%22:\[%22001-84537%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-84537#{%22itemid%22:[%22001-84537%22]); [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/Pages/search.aspx#{%22fulltext%22:\[%22lettonie%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-67652%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/Pages/search.aspx#{%22fulltext%22:[%22lettonie%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-67652%22])

между двумя публикациями (в 2009 г.) произошли изменения в латвийском уголовном законе, криминализирующие «оправдание геноцида, преступлений против человечества, преступлений против мира, военных преступлений». После проведенного в 2012 г. расследования Полиция безопасности прекратила возбужденный против Гильмана уголовный процесс, не обнаружив состава преступления.

Во время расследования интернет-порталом «ИМХО-клуб» была запущена крупная по латвийским масштабам акция в поддержку Гильмана. Организаторы акции предлагали любому желающему подписаться под следующим текстом: «Статья Гильмана посвящена противоречиво трактуемому периоду истории Латвии, с его оценками можно спорить, но я категорически против того, чтобы переносить полемику об истории в уголовно-правовую плоскость. Чтобы не допускать подобных антиконституционных случаев впредь, публично заявляю, что я поддерживаю текст статьи “Мифы 14 июня”». Возможностью воспользовались более 200 человек²⁵.

Летом 2013 г. Полиция безопасности начала уголовное дело против лидера «Социалистической партии Латвии» Альфреда Рубикса за его высказывания на традиционном первомайском митинге. Рубикс в своей речи заявил, что «репрессии 1949 г. не могут оцениваться однозначно. Многие были репрессированы заслуженно, потому что сотрудничали с фашистами». Расследование было начато по заявлению ученого Мартиньша Капранса, но в начале 2014 г. за отсутствием состава преступления прекращено, однако по апелляции Капранса вновь возобновлено и продолжается по сегодняшний день²⁶.

²⁵ <http://www2.mixnews.lv/ru/politics/news/2012-07-23/101480?comment=true&replyTo=260433>

²⁶ <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/prokuratūra-vozobnovila-process-protiv-rubiksa.d?id=44206737>

В.А. ПАНОВ,
научный сотрудник Института языкознания РАН,
Кристина ЙОНУТИТЕ,
докторант Института социальной антропологии
им. М. Планка, Германия

Положение жертв политических репрессий и геноцида в Литовской Республике*

Отношение к жертвам репрессий в Литовской Республике определяется и регулируется законом № VIII-342 от 30 июня 1997 г. «О правовом статусе лиц, пострадавших от оккупаций 1939–1990 гг.»¹. Закон претерпел несколько поправок, последние внесены в декабре 2014 г.²

Вступительная статья к закону дает основные определения:

«Сейм Литовской республики, констатируя, что:
в 1939–1990 гг. оккупационные режимы Советского Союза и нацистской Германии проводили политику физического и духовного геноцида;

значительная часть населения Литвы пострадала в результате военных преступлений против человечества и человечности, а также подверглась иному насилию;

в результате жестоких репрессий и преследований было уничтожено, похищено и вывезено за рубеж большое количество имущества и ценностей культуры, население Литвы понесло огромный материальный и духовный урон;

причиненный оккупационными режимами Литве и ее населению ущерб не был оценен и возмещен должным образом;

* При подготовке статьи использованы тезисы выступления на конференции Бируте Бураускайте – директора Центра исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы.

¹ <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.FA7CC8021E9D>, http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=312308

² <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.FA7CC8021E9D/sOSEZNALto>

основываясь на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также ее протоколов;

признавая право и обязанность Литовской Республики проявлять заботу о своих гражданах, пострадавших в результате преступлений, совершенных оккупационными режимами, и привлечь к уголовной ответственности организаторов и исполнителей этих преступлений,

принимает настоящий Закон».

Таким образом, ключевыми для юридического отношения к событиям являются, прежде всего, само понятие «оккупации», осуществлявшейся нацистским и советским режимами, и понятие «геноцида». В законах Литвы, регулирующих процедуру реабилитации жертв политических репрессий, вместо термина «реабилитация» используется термин «восстановление гражданских прав».

Кто подлежит реабилитации?

Закон Литовской Республики «О правовом статусе лиц, пострадавших от оккупаций 1939–1990 гг.» охватывает все периоды немецкой и советской оккупаций с 1939-го по 1990 г., а также отдельные случаи репрессий, имевшие место в 1991 г.

Пострадавшими в результате оккупаций признаются лица

– лишенные свободы (заключенные в тюрьму, сосланные, высланные и пр.) оккупационными режимами по политическим мотивам или из-за своего происхождения,

– потерявшие в результате действий репрессивных или других структур оккупационных режимов жизнь, здоровье или имущество,

– насильственно принужденные к военной службе или к труду,

– по политическим мотивам или из-за своего происхождения лишены возможности заниматься научной или иной профессиональной деятельностью,

– в результате действий структур оккупационных режимов понесшие иной ущерб.

Закон выделяет несколько групп пострадавших:

– политические заключенные и лица, приравняемые к таковым,

– депортированные и лица, приравняемые к таковым,

– перемещенные лица,

– бывшие несовершеннолетние дети, оставшиеся вследствие оккупаций без попечения родителей,

– прочие жертвы оккупаций.

Закон признает *политическими заключенными* следующие категории граждан:

– приговоренные к лишению свободы или смертной казни в соответствии со ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР и ст. 62 Уголовного кодекса Литовской ССР, а также с аналогичными статьями УК советских республик,

– подвергнутые заключению репрессивными структурами оккупационного режима нацистской Германии или на основании решения судов за деятельность, направленную на восстановление независимости Литвы, сохранение имущества, защиту культурных ценностей,

– заключенные в тюрьму или осужденные без суда и следствия по политическим мотивам или из-за своего происхождения как «контрреволюционные» или социально опасные элементы,

– приговоренные к лишению свободы при оккупационных режимах за невыполнение назначенных структурами оккупационного режима натуральных и финансовых налоговых обязательств,

– приговоренные к лишению свободы или заключенные в тюрьму без суда и следствия в 1939–1991 гг. из-за

отказа служить в вооруженных силах по политическим мотивам,

– приговоренные к лишению свободы как политические беглецы из Советского Союза,

– подвергнутые заключению в качестве членов семьи участников сопротивления оккупациям или государственных должностных лиц Литовской Республики,

– подвергшиеся по политическим мотивам принудительному лечению в психиатрических учреждениях,

– сбежавшие из ссылки и осужденные за побег.

К *политическим заключенным* были приравнены:

– репатрианты и другие лица, отправленные без суда в заключение и в исправительно-трудовые лагеря после проверки в фильтрационных лагерях,

– лица, по политическим мотивам приговоренные к лишению свободы по сфабрикованным уголовным делам или приговоренные к тюремному заключению за поддержку партизан или подпольщиков,

– лица, арестованные по политическим мотивам или в ходе карательных мероприятий, но не осужденные, или сбежавшие из заключения, если срок их пребывания в тюрьме был не менее 6 месяцев,

– лица, родившиеся в тюрьмах, концентрационных лагерях и других местах заключения, если хотя бы один из родителей был политзаключенным или подвергнут принудительному психиатрическому лечению.

Статья 7 Закона, толкующая категорию *«прочие репрессированные»* предписывает, в том числе, считать таковыми:

– лиц, потерявших здоровье и ставших инвалидами во время обязательной военной службы или военных сборов, а также вследствие принудительного призыва в воинские формирования (сюда входит и служба в Афганистане);

– ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС, обретших заболевание (в случае смерти ликвидатора компенсацию получают члены его семьи), а также ликвидаторов стихийных бедствий;

– лиц, участвовавших в принудительном труде в Литве или за ее пределами.

Исключения в признании статуса лиц, пострадавших от оккупационных режимов 1939–1990 гг., регулируются п. 3-4 ст. 8 Закона «О правовом статусе лиц, пострадавших от оккупаций 1939–1990 гг.».

«3. Положения Закона о признании пострадавшими от репрессий не действуют в отношении:

1) лиц, совершавших преступления геноцида, против человечества и человечности, а также военные преступления;

2) кадровых работников репрессивных структур Советского Союза и нацистской Германии, агентов и информаторов этих структур, руководящих работников Национал-социалистической и Коммунистической партий, а также структур и организаций, действовавших против независимости Литвы, против ее территориальной целостности и ее жителей. К руководящим работникам Коммунистической партии причисляются секретари ЦК КПЛ, руководители подразделений (до инструкторов отделов), секретари райкомов, руководители и инструкторы отделов, штатные партийные секретари организаций и предприятий.

4. Утверждение 3-й части данной статьи о неприсуждении статуса пострадавшего лица в отношении лиц, перечисленных в п. 2 ч. 3 настоящей статьи, не действует, если лица в указанный в законе период сотрудничали с организациями сопротивления режиму и выполняли их специальные задания».

Отказ в реабилитации и выплате пособий может принять на основе архивных данных Центр исследования ге-

ноцида и сопротивления (резистенции) жителей Литвы (<http://genocid.lt>) или суд.

Реабилитация распространяется на граждан Литвы или тех, кто в данное время постоянно проживает в Литве. Ст. 8 Закона «О правовом статусе лиц, пострадавших от оккупаций 1939–1990 гг.» гласит:

«1. Настоящий Закон применяется в отношении лиц, которые в оккупационные периоды 1939–1990 годов являлись постоянными жителями принадлежащих Литве в настоящее время территорий.

2. В отношении лиц, пострадавших в результате репрессивных режимов Советского Союза и нацистской Германии, независимо от их гражданства и места жительства во время репрессирования или причинения ущерба, если в настоящее время они являются гражданами Литовской Республики, признается правовой статус лица, пострадавшего в результате оккупаций».

В случае, если человек не согласен с решением, касающимся реабилитации, выданным Центром исследования геноцида и резистенции жителей Литвы, он вправе обратиться в административный суд.

П. 2 ст. 9 Закона «О юридическом статусе лиц, пострадавших от оккупаций 1939–1990 гг.» (поправка была принята в 2009 г.) гласит:

«Признание правового статуса лиц, пострадавших в результате оккупаций 1939–1990 годов, выдача удостоверений, а также их учет в установленном Правительством порядке осуществляются Центром по изучению геноцида и резистенции населения Литвы. Решение относительно признания статуса должно быть принято не позднее чем в течение 6 месяцев с момента подачи ходатайства. Решение Центра по изучению геноцида и резистенции населения Литвы относительно признания или непризнания статуса пострадавшего лица может быть обжаловано лицом в

административный суд в течение 30 дней с момента получения извещения».

Социальные последствия реабилитации для бывших жертв

Единовременные компенсации регулируются Законом № VIII-871 «О государственной поддержке семей погибших участников сопротивления оккупационным режимам 1940–1990 гг.» от 6 июля 1998 г.³ При подготовке перехода Литвы на евро осенью 2014 г. компенсации были пересчитаны, что отражено в новой редакции закона⁴.

Суммы единовременных компенсаций по разным категориям жертв политических репрессий:

– члены семьи погибшего при вооруженном сопротивлении оккупационным режимам, в ходе карательной акции, при подавлении восстания, при аресте, во время допроса, приговоренного к смерти и казненного получают единовременно 8592 евро,

– члены семьи участника вооруженного сопротивления, воина-добровольца, лишеного свободы и осужденного по приговору, члены семьи участника невооруженного сопротивления, борца за свободу, погибшего в ходе столкновения, ареста, тайной операции оккупационных властей, в ГУЛАГе в ходе подавления восстания, убитого или умершего во время допроса до вступления в силу решения суда или приговоренного к смерти и казненного, получают единовременно 6444 евро,

– члены семьи участника невооруженного сопротивления, убитого или умершего в заключении после решения суда, получают единовременно 5156 евро.

³ <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.EDE1F707F4EE>

⁴ <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.EDE1F707F4EE/msazDyAwgO>

Ведущую роль в реализации этого закона играет вышеупомянутый Центр изучения геноцида и сопротивления. П. 4 закона (поправка принята в 2008 г.) предписывает:

«Единовременные пособия выплачиваются из государственного бюджета в установленном Правительством порядке. Основание для выплаты единовременных пособий устанавливается Центром исследования геноцида и резистенции жителей Литвы или решением суда на основании установленного факта».

Ссылным и заключенным в трудовые лагеря в соответствии с резолюцией № 327 от 12 августа 1991 г. «О возмещении материального ущерба лицам, во время Второй мировой войны и в период оккупации и вывезенным на принудительные работы, бывшим в гетто, концентрационных лагерях и местах заключения и прочих местах лишения свободы, а также лицам, незаконно переселенным в 1951–1952 гг.»⁵ выплачивается по 20 литов за каждый отбытый в ссылке или заключении месяц.

Существуют регулярные пенсионные надбавки для лиц, пострадавших в результате оккупационных режимов 1939–1990 гг. Они регулируются Законом № I-730 от 22 декабря 1994 г. «О государственных пенсиях»⁶. В параграфе III подробно перечислены все категории. В случае смерти человека, имеющего право на пенсию по указанным причинам, выплаты положены члену его семьи.

Категории граждан, получающих по достижении пенсионного возраста надбавку к пенсии (сумма индексируется):

– бывшие ссылные, политзаключенные (лица, отбывшие срок не менее 15 лет на Крайнем Севере СССР, начинают получать надбавку к пенсии за 5 лет до наступления пенсионного возраста),

⁵ <https://www.e-tar.lt/portal/ru/legalAct/TAR.0EAFB2BA284B>

⁶ <https://www.e-tar.lt/portal/ru/legalAct/TAR.ED38F243563C>

– несовершеннолетние на тот момент дети, родители которых погибли в гетто, в немецких и советских лагерях, в ссылке, в ходе карательных акций оккупационных режимов,

– солдаты, воевавшие в Афганистане,

– заболевшие или ставшие инвалидами во время прохождения службы в советской или немецкой армиях,

– ликвидаторы аварии на Чернобыльской АС,

– гражданские лица, пострадавшие во время Второй мировой войны,

– гражданские лица, вывезенные в Германию на принудительные работы;

– гражданские лица, пострадавшие от советской агрессии 13 января 1991 г.;

– жители Латвии, спасавшие евреев во время Холокоста (эта категория была включена в список в 2014 г.).

На сайте Пенсионного фонда Литвы (<http://www.sodra.lt/>) приводится подробный список лиц, которые имеют право на повышенную пенсию. О регулярных выплатах на сайте фонда сообщается следующее (с 1 июля 2005 г. понятие «инвалидности» в литовском законодательстве заменено понятием «утрата трудоспособности»):

«Лицам, ставшим нетрудоспособными или частично нетрудоспособными (до 1 июля 2005 г. – инвалидами) в результате неправоудного тюремного заключения или ссылки, сопротивления оккупационным действиям в 1940–1990 гг., вывоза на принудительные работы, нахождения в гетто, в концентрационных лагерях или принудительных лагерях иного типа, несения обязательной военной службы или проведения учений в советской армии; лицам, признанным нетрудоспособными или частично трудоспособными (до 1 июля 2005 г. – инвалидами) из-за болезней, связанных с военной службой, с последствиями, вызванными участием в ликвидации последствий

аварии на Чернобыльской АЭС, выплачивается пенсия пострадавших лиц в размере:

- двух базовых государственных пенсий для лиц, потерявших 75–100 % трудоспособности (до 1 июля 2005 г. – лицам 1-й группы инвалидности),
- полутора базовых государственных пенсий для лиц, потерявших 60–70 % трудоспособности (до 1 июля 2005 г. – лицам 2-й группы инвалидности),
- 0,75 % государственной пенсии для лиц, потерявших 45–55 % трудоспособности (до 1 июля 2005 г. – лицам 3-й группы инвалидности)».

Самый сложный вопрос в Литве, касающийся восстановления гражданских прав, это реституция, возвращение собственности. Закон «О порядке и условиях восстановления права собственности граждан на сохранившееся недвижимое имущество» был принят 18 июня 1991 г. Начался процесс возвращения натурой или деньгами «национализированного по законам СССР (ЛССР) или иным образом незаконно отнятого» имущества. Процесс этот был непрост и запутан, неоднократно Конституционный суд разбирал возникающие противоречия между законом и Конституцией Литвы, защищающей право гражданина на собственность (часто это касалось квартир и домов, в которых проживали новые владельцы). В начале 1997 г. действие закона было приостановлено из-за накопившихся несоответствий, и уже через полгода, 1 июля 1997 г., принят новый Закон № VIII-359 «О восстановлении права собственности на сохранившееся недвижимое имущество». В нем был расширен круг объектов, на которые восстанавливается право собственности и увеличена площадь земельных наделов, подлежащих реституции. Процесс реституции идет непросто: например, выросли цены на землю (поля, леса, водоемы) и прочие объекты

(здания, использующиеся под музеи или производства), что не позволяет государству выплачивать бывшим собственникам крупные денежные компенсации, как это предписано законом. Закон № VIII-359 претерпел немало правок, последняя редакция была в ноябре 2014 г.⁷

Законодательством предусмотрены льготы для жертв репрессий.

Основная из них – 80 %-ная скидка на проезд в транспорте внутри страны. Подразумеваются следующие виды транспорта: междугородные автобусы, городские автобусы и троллейбусы, пассажирские поезда, корабли и паромы регулярного сообщения. Категории граждан, для которых доступна скидка в 80 %, не имеют отношения к признанию статуса «пострадавшего от репрессий», речь идет о следующих категориях граждан:

- защитники свободы Литвы, признанные частично трудоспособными (до 2005 г. – инвалиды 2-й и 3-й групп),
- члены семей погибших защитников свободы Литвы во время и после советской агрессии 11–13 января 1990 г.,
- участники сопротивления оккупациям 1940–1991 гг., солдаты-добровольцы, достигшие возраста 70 лет.

Скидка на проезд в 50 % предоставляется участникам сопротивления оккупациям 1940–1991 гг., солдатам-добровольцам, не достигшим возраста 70 лет.

Закон Литвы № I-1343 «О медицинском страховании» включает в список лиц, подпадающих под обязательное медицинское страхование (льготное лечение и медикаменты), участников сопротивления, реабилитированных политзаключенных и приравняемых к ним, депортированных и приравняемых к ним, бывших узников (в том числе несовершеннолетних) гетто и концлагерей, ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС, воинов-

⁷ <https://www.e-tar.lt/portal/ru/legalAct/TAR.8A16A03D98D4/fXSIAgKXWp>

афганцев, а также пострадавших 13 января 1991 г. и во время других событий при защите независимости и государственности Литвы.

Как было сказано выше, родственники погибших участников сопротивления и других погибших в результате действий оккупационных режимов получают единовременные компенсации. Пенсионное законодательство не предусматривает постоянных льгот для родственников жертв, за исключением лиц, бывших несовершеннолетними детьми на момент гибели родителей (опекунов). Имеют привилегии родственники бывших жертв при реституции – законом предписано возвращать собственность ближайшим родственникам (родителям, детям, супругам) человека, эмигрировавшего в период оккупаций 1939–1991 гг. и утратившего гражданство, если они сейчас являются гражданами Литвы.

Исполнение законодательства о реабилитации

Вопрос о придании конкретному лицу статуса пострадавшего в результате действий советского и нацистского оккупационных режимов решается как уже было сказано Центром исследования геноцида и резистенции жителей Литвы (ЦИГРЖЛ). Его решение может быть оспорено в административном порядке. Деятельность центра регулируется Законом Литовской Республики от 5 июня 1997 г. № VIII-238 «О Центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы»⁸. В п. 20 ст. 5 сказано, что Центр в том числе «инициирует, разрабатывает проекты законов, других документов правовой оценки последствий оккупации (относительно правового статуса,

⁸ http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=43653

социального попечительства участников сопротивления, пострадавших, ответственности за геноцид и др. вопросов) или участвует в их разработке, а также осуществляет контроль за их исполнением, признает правовой статус воинов-добровольцев, участников борьбы за свободу, политзаключенных, ссыльных и пострадавших; в установленном законами порядке выдает справки установленной формы и ведет их учет».

Нынешний руководитель Центра – Бируте Тереса Бураускайте. Центр – учреждение государственное. Основные его задачи: исследовать проявления геноцида, преступлений против человечества и военных преступлений в Литве, преследований жителей Литвы в период оккупаций, процессов вооруженного и невооруженного сопротивления оккупационному режиму, инициировать юридическую оценку действий организаторов и исполнителей геноцида, увековечивать память борцов за свободу и жертв геноцида. Центр координирует исследования в этой области, проводимые другими учреждениями Литвы. С 2011 г. у ЦИГРЖЛ появилась новая функция – проверка, анализ и публикация документов спецслужб бывшего СССР, хранящихся в Особом архиве Литвы. Публикуются документы на сайте www.kgbveikla.lt (язык сайта литовский, документы в большинстве своем на русском). Все задачи и функции Центра перечислены в Законе «О Центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы»⁹.

В Литве действует основанная президентом Валдасом Адамкусом в 1998 г. Международная комиссия по оценке преступлений советского и нацистского оккупационных режимов, сайт на литовском и английском языках <http://www.komisija.lt>. С 2007 г. комиссия практически не рабо-

⁹ http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=43653

тала, в 2012 г. президент Даля Грибаускайте подписала новый декрет, давший старт активной деятельности комиссии.

Выплатой пенсий занимается SoDra (Управление фонда государственного социального страхования при Министерстве социальной защиты и труда – <http://sena.sodra.lt/ru>). Льготные квартиры и кредиты на льготных условиях для возвращающихся ссыльных предоставляют правительство Литвы, и Банк развития Совета Европы. Для вернувшихся ссыльных пенсионеров существуют специальные дома престарелых. Лицам, отказавшимся от службы в Советской армии в 1990–1991 гг. и пострадавшим за это, компенсации платит Министерство обороны. Специальный фонд, созданный в 1994 г., регулирует медицинскую помощь репрессированным – при предоставлении необходимых документов им оказывается помощь в приобретении лекарств.

Практически вся поддержка пострадавших от оккупационных режимов возложена на центральную власть Литовской Республики, за исключением единовременных выплат ссыльным или заключенным в трудовые лагеря, возложенных на районные налоговые инспекции. Бируте Тереса Бураускайте, глава ИГРЖЛ, отмечает ведущую роль муниципальных властей в помощи тем, кто потерял имущество в годы оккупаций, – они могут бесплатно получить документы в архивах и юридическую поддержку.

По словам Вилмы Юозявичюте (ИГРЖЛ, Музей жертв геноцида), компенсационные выплаты в основном вовремя доходят до лиц, которым они предназначены, в случае, если все документы были верно и в срок оформлены. Что касается реституции, здесь процесс может затянуться из-за формальных сложностей.

Бируте Тереса Бураускайте, комментируя работу архивов, говорит, что главную функцию (выдачу истори-

ческих справок о реабилитированных лицах, дающих основание для оформления компенсации и пенсии) архив исполняет очень хорошо. Правда, иногда сведения просто отсутствуют в архиве. Например, в 1945 г. людей арестовывали чуть ли не на улице и сразу отправляли на восстановление Беломорско-Балтийского канала без уголовного дела и без приговора. Похожая ситуация и с фильтрационными лагерями: часто сохранились только списки «отфильтрованных» и отправленных в ГУЛАГ, составленные уже в вагоне поезда. Таким людям было очень непросто доказать, что они потерпевшие, работать приходится со многими архивами, находящимися в том числе в России.

В 1988 г. со времен Саюдиса (литовского Народного фронта) началась работа по составлению списков репрессированных жителей Литвы. С 1993 г. этим занялся Центр исследования репрессий в Литве. По предварительным подсчетам, всего в Литве было репрессировано 300 тысяч человек. Однако после открытия фондов бывшего архива КГБ (теперь Особый архив Литвы) добавились новые данные. Сейчас Центром исследования геноцида и резистенции продолжается выпуск Книг Памяти. Считается, что за годы советской и нацистской оккупаций Литва потеряла треть своего населения. Юридический статус лиц, пострадавших от оккупационных режимов, на данный момент имеют около 100 тысяч граждан и жителей Литвы.

Достаточно подробно данные о различных категориях граждан и жителей Литвы, пострадавших от советского и нацистского оккупационных режимов, приведены на сайте Центра исследования геноцида и резистенции <http://genocid.lt/centras/ru/529/c/>. В период первой советской оккупации 1940–1941 г. были убиты, сосланы или заключены в тюрьмы около 23 тысяч человек, 700 человек

погибли во время Июньского восстания; в 1944–1953 гг. 186 тысяч арестованы и заключены в тюрьмы, 118 тысяч сосланы, погибли 20,5 тысяч партизан и их сторонников, 20–25 тысяч погибли в лагерях и тюрьмах, 28 тысяч погибли в ссылке; в 1954–1986 гг. по политическим мотивам были арестованы около 1 тысячи человек; во время событий 1991 г. погибли 23 человека, были ранены или пострадали около 900 человек.

Во время нацистской оккупации 1941–1944 гг. были убиты около 240 тысяч человек (из них около 200 тысяч литовские евреи), около 29 тысяч отправлены в тюрьмы и концентрационные лагеря, около 60 тысяч вывезены в Германию на принудительные работы.

Общественный статус жертв политических репрессий

В Литве действуют следующие общественные организации жертв и их родственников:

– Союз политзаключенных и ссыльных Литвы (Lietuvos politinių kalinių ir tremtinių sąjunga), президент Гвидас Руткаускас (его тел. 8 614 29 500, e-mail: gvidas.raudondvaris@gmail.com. Сайт союза <http://www.lpkts.lt/>),

– Общество политзаключенных и ссыльных (веб-страницы не имеет, адрес электронной почты: lpktb.valdas@gmail.com),

– Общество «Лаптевцы», объединение литовских ссыльных на море Лаптевых (адрес: Studentų g. 48a – 305 LT–51367 Kaunas, тел. 8 37 332743, сайт <http://www.laptevieciai.lt>).

Достаточно многочисленны организации бывших партизан и подпольщиков. Широко известен Союз борцов за свободу Литвы (<http://www.llks.lt/>), председатель Йонас Бурокас.

В интересах жертв работают:

– Центр исследования геноцида и резистенции жителей Литвы (адрес: Didžioji g. 17/1, LT-01128 Vilnius, тел. Секретариата (+370) 5 231 41 39, сайт <http://genocid.lt.>),

– Благотворительный фонд Jauniems («Молодым»), занимающийся патриотическим воспитанием молодежи, организующий исследовательские поездки в Сибирь, в места ссылок и гибели литовцев, восстановление захоронений, проводит встречи с жертвами депортаций. Директор Арнас Марцинкус (адрес: Didžioji g. 8-5, 01128 Vilnius, тел. +370 639 41183, сайт jauniems.wordpress.com),

– Ассоциация изучения советской оккупации (Sovietinės okupacijos tyrimo asociacija, S.O.T.A.), созданная в 2013 г. Она объединяет тех, кто исследует период советской оккупации и занимается его увековечением, – студентов, докторантов, учителей, историков и др. Инициатор создания историк Арвидас Анусаускас. (<https://www.facebook.com/pages/Sovietin%C4%97s-okupacijos-tyrimo-asociacija/587510927998179>),

– Государственный еврейский музей Виленского Гаона (адрес: Naugarduko g. 10/2, LT-01309, Vilnius, сайт на литовском и английском <http://www.jmuseum.lt>), в который входят отдельная экспозиция, посвященная Холокосту, расположенная на ул. Паменкальне (Pamėnkalnio g. 12) и Панярайский мемориал в 16 км от центра Вильнюса в месте массового уничтожения евреев в годы Второй мировой войны,

– Музей жертв геноцида, созданный при ЦИГРЖЛ и расположенный в бывшем здании КГБ. Посетители могут осмотреть бывшую внутреннюю тюрьму КГБ, помещение, в котором приводились в исполнение смертные приговоры, современные экспозиции, рассказывающие о потере Литвой независимости в середине XX в., о репрессиях, борьбе за восстановление независимости. Тема

геноцида евреев в музее не раскрывается. (тел. (+370) 5 249 8156, e-mail muziejus@genocid.lt),

– Друскининкайский музей сопротивления и депортаций (Druskininkų rezistencijos ir tremties muziejus, адрес: Vilniaus al. 24, LT-66119, Druskininkai, тел. (8 ~ 313) 45 842, директор Гинтаутас Казлаускас, его e-mail: kazlauskasrezmuziejus@gmail.com). Музей исследует историю партизанского движения, вооруженного и невооруженного сопротивления оккупации, а также судьбы ссыльных.

По нашим наблюдениям в обществе безусловно есть консенсус – несправедливость, совершенная в отношении дедушек и бабушек молодого поколения, никем не подвергается сомнению (большинство признанных пострадавшими – раскулаченные крестьяне, насильственно вывезенные в Сибирь или в Среднюю Азию, а такие есть в большинстве литовских семей). В то же время можно наблюдать и отношение к ним как к «ворчащим пенсионерам», которые только и делают, что требуют все новых и новых выплат, когда экономика страны трещит по швам. К тому же, эта проблематика, все-таки уходит на второй план, в связи с тем, что пострадавших от действий оккупационных режимов остается все меньше.

Сложный вопрос для литовского общества – память о геноциде евреев, прежде всего из-за того, что определенная часть населения приняла в нем участие (или молчаливо с ним согласилась), хотя инициирован и проведен геноцид был в основном нацистскими оккупантами. Холокост в Литве официально не отрицается – по закону о преступлениях против человечности, принятому в 1998 г., за отрицание его и осквернение памяти жертв положено наказание, однако дискуссионным остается вопрос об участии в нем литовцев. В 1990 г. принято постановление об охране и обозначении памятными знаками мест, где

были заключены в гетто, содержались в тюрьмах, погибали и были захоронены евреи. С 1992 г. 23 сентября стало официальным Днем памяти о жертвах Холокоста в Литве.

Можно сказать, что сбор имен, фактов, статистических данных, их систематизация, для Литвы уже почти пройденный этап, и это отражено в монографиях, Книгах Памяти, документах. Сейчас главное – понимание того, как чувствовал себя человек в ситуации унижения, принуждения, и работа с молодым поколением.

Сохранение памяти

Тема репрессий и оккупаций популярна, ею занимаются многие исследователи. Большинство из них так или иначе сотрудничают с ЦИГРЖЛ. Например, Дануте Гайлиене выполнила исследование «Психологические последствия репрессий нацистской и советской оккупаций» (*Sovietų ir nacių okupacijų represijų psichologinės pasekmės*), Далюс Жигялис из того же Центра руководит проектом «Живая память» (<http://www.genocid.lt/centras/lt/1489/a/>), фиксирующим видео- и аудиовоспоминания жертв репрессий. Историк Арунас Стрейкус занимается историей советских преследований Церкви в Литве. Историю советской Литвы исследуют историки Альгирдас Якубченис, Кристина Буринскайте, Инга Арлаускайте, Линас Татарунас (специализация – история евреев), Вальдемарас Клумбис.

Персональные дела осужденных и депортированных хранятся в Литовском особом архиве (*Lietuvos ypatingasis archyvas*, Gedimino pr. 40/1, 01110 Vilnius, тел. (+370 5) 264 9024, e-mail: lya@archyvai.lt, сайт <http://new.archyvai.lt>). В этом архиве собраны документы, относящиеся к деятельности службы госбезопасности СССР, МВД и Коммунистической партии Литовской ССР.

Доступ к делам жертв имеют все, пользоваться архивом можно после предоставления своей идентификационной карты. Однако, как говорит Бируте Тереса Бураускайте, закон Литвы об охране персональных данных очень жесткий. Далеко не все обнаруженные в архиве документы исследователь может опубликовать. Нередко дело доходит до судов. К тому же архив технологически устарел, мало оцифрованных фондов, сотрудники словно боятся перевода бумажных документов в цифровые, и до сих пор работа идет кустарным способом, с бумажной картотекой. КГБ при уходе из Литвы оставил много разрозненных, но очень важных документов. Их сшили в дела без особой логики, и внятную опись сделать теперь сложно. К сожалению, сотрудники архива стараются такие документы вообще не выдавать.

Историю репрессий и сопротивления террору раскрывают экспозиции музеев. Среди них:

- Музей жертв геноцида в Вильнюсе,
- Друскининкайский музей сопротивления и депортаций,

- IX форт – один из фортов Каунасской крепости. После Первой мировой войны здесь была тюрьма МВД Литвы, а потом НКВД СССР. Во времена нацистской Германии – место массовых убийств, в подавляющем большинстве евреев. После Второй мировой войны форт еще несколько лет использовался в качестве тюрьмы. Акцент в музее сделан на жертвы среди литовцев в годы советских репрессий (<http://www.9fortomuziejus.lt/>),

- Музей сопротивления советской оккупации и «Саюдиса» в Паневежисе (Paspriešinimo sovietinei okupacijai ir Sąjūdžio). Открыт в 2004 г. как филиал краеведческого музея. В экспозиции отражены сопротивление советской оккупации в Паневежисском крае в 1940–1990 гг. и роль движения «Саюдис» в восстановлении независимо-

сти Литвы (адрес: Respublikos g. 17 Panevėžys 35185, тел. (+370) 45 460466),

– Мемориальный музей в Панеряе (бывший Понарах: Panerių memorialinis muziejusna) в месте массовых убийств евреев, советских военнопленных, участников антинацистского сопротивления, представителей славянских народов (белорусов, русских, украинцев, поляков) в годы Второй мировой войны. По сути, единственный музей такого масштаба в Литве, посвященный жертвам нацизма (адрес: Agrastų g. 15, LT-02243, Vilnius, тел.: (+370) 680 81 278, +370 662 89575). Однако надо сказать, что этот мемориал был создан в советский период и сейчас несколько потерял свою актуальность из-за изменения политических векторов.

В Литовской Республике очень много мемориальных комплексов, памятников, памятных досок и т.п. Например, обширное партизанское движение Литвы отмечено множеством небольших монументов или иными знаками. Установлены мемориальные доски на зданиях, ранее принадлежавших НКВД–МГБ–КГБ. Специальная программа по увековечению есть у ЦИГРЖП, на сайте Центра представлен каталог памятных мест (<http://genocid.lt/centras/lt/765/a/>).

Места массовых захоронений жертв, места бывших лагерей и т.п. исследованы и многие из них мемориализированы, хотя нет уверенности, что сегодня известны все такие объекты. Например, место массового захоронения расстрелянных в 1941 г. евреев обнаружено в Каунасе, в районе Петрашюнай, только в 2011 г.

Целый район-мемориал с памятными досками на литовском, русском, английском и идиш – это Вильнюсское еврейское гетто, практически все жители которого были расстреляны или погибли. Создан проект «Вильнюсское гетто: виртуальный памятник» (<http://www.revilna.org/map.html>).

Известный мемориал – комплекс Тускуленского парка покоя, включающий, в частности, здания поместья и часовню-колумбарий, в которой захоронены жертвы репрессий НКВД–КГБ 1944–1947 гг. (<http://genocid.lt/tuskulenai/ru>).

Книг Памяти в Литве издано множество, главные из них связаны с Центром изучения геноцида и сопротивления (например, <http://www.genocid.lt/centras/lt/1976/a/>, <http://www.genocid.lt/centras/lt/1977/a/>), и список книг о партизанском движении (<http://www.partizanai.org/index.php/knygos>).

Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы выпускает многотомную Книгу Памяти репрессированных «Геноцид жителей Литвы» (Lietuvos Gyventojų genocidas; <http://genocid.lt/centras/lt/50/a/>), в 2014 г. вышел восьмой том, посвященный 1949 г. Работа над каждым томом занимает два-три года, поскольку о каждом человеке авторы стараются собрать как можно более полные сведения: и архивные документы, и воспоминания. Принцип, положенный в основу Книги Памяти, – история семьи; рассказ начинается с судьбы главы семьи, отца или матери, далее идут краткие рассказы о членах семьи.

В 2004–2006 гг. Комиссией по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве выпущены три тома книжной серии «Преступления тоталитарных режимов в Литве. Нацистская оккупация» (<https://archive.today/20120915234328/http://www.komisija.lt/en/naujiena.php?id=1174385747>).

Государственным еврейским музеем Виленского Гаона создан виртуальный Атлас Холокоста в Литве (<http://www.holocaustatlas.lt/EN/>).

Литву нередко обвиняют в том, что она не осуждает литовских преступников, принимавших участие в ге-

ноциде евреев. Мы утверждаем: громких судов не было просто потому, что такие люди не выявлены в Литве. Однако сотрудников советских органов госбезопасности и партийной системы, причастных к политическим репрессиям, судят до сих пор. В декабре 2014 г. Каунасский окружной суд признал 93-летнего Николая Крылова, бывшего заместителя начальника Варенского районного отдела Министерства госбезопасности, виновным в задержаниях и убийствах литовских партизан. Под стражу его поместили в медицинское учреждение. В марте 2015 г. Каунасский окружной суд признал 84-летнего Станислоvasa Дрелингаса виновным в причастности к задержанию в 1956 г. командира литовских партизан Адолфаса Раманускаса-Ванагаса. Подсудимый приговорен к пятилетнему заключению, хотя вину свою он не признал. По решению Конституционного суда Литвы, участие в советских репрессиях суды могут приравнять к геноциду.

Массовых процессов над организаторами репрессий не было. Это стало поводом для появления, в частности, вызвавшего неоднозначные интерпретации открытого письма директору Центра изучения геноцида и сопротивления, где говорится, что правосудие было лишь начато и не доведено до конца, а дети и внуки бывших вершителей судеб продолжают геноцид: «Для будущего создаются очень плохие задатки. Дети, внуки и правнуки людей, осуществлявших советский геноцид, знали, что их родственники совершали преступления, потом всю жизнь получали хорошую зарплату и пенсию, не интересуясь деятельностью своего родственника в прошлом. Такой внучек, если обстоятельства будут тому благоприятствовать, вновь может пойти по стопам своего деда, надеясь остаться безнаказанным».

Абсолютно массовый характер в Литве носит переименование населенных пунктов и улиц, называвшихся в честь советских политических деятелей или символов

советской пропаганды («мир», «труд», «май» и т. д.). Им либо возвращены исторические названия, либо даны новые, связанные с персонажами литовской средневековой истории, европейскими городами, странами. Многие бывшие «улицы Мира» стали «улицами Свободы». Центральная улица Вильнюса, в царские времена именовавшаяся Георгиевской, между Первой и Второй мировыми войнами называлась проспектом Мицкевича, в советское время – сначала проспектом Сталина, затем Ленина, в новой независимой Литве стала проспектом Гедимина, легендарного основателя Вильнюса.

Тема жертв политических репрессий до сих пор крайне актуальна. Несколько лет назад группа депутатов Сейма предложила принять закон о взыскании с России компенсаций за оккупацию. Закон, правда, не был принят, идут активные дискуссии.

На основании личного опыта полевой работы одного из авторов этого доклада можно утверждать, что тема репрессий до сих пор актуальна в литовской деревне, куда многие ссыльные так и не вернулись, о чем помнят оставшиеся в Литве соседи и родственники. К тому же, реально пострадавшие от коллективизации, лишённые имущества, но оставленные жить в родных местах чувствуют несправедливость по отношению к себе, потому что вернувшиеся из изгнания получают компенсации, а они – нет.

В календаре Литвы много дат, отражающих память о сопротивлении, репрессиях и геноциде. Назовем некоторые:

13 января – День защитников свободы. В этот день в 1991 г. при штурме зданий вильнюсской телебашни и литовского радио и телевидения Советской армией и специальными подразделениями погибли 14 защитников свободы, получили ранения или пострадали иным образом почти тысяча человек,

27 января – Международный день памяти жертв Холокоста. В этот день в 1945 г. был освобожден концентрационный лагерь Аушвиц (Освенцим) в Польше,

2–22 февраля 1949 г. в Радвилишкском уезде проходил съезд командиров литовских партизан, учредивший Движение борьбы за свободу Литвы (ДБСЛ). 16 февраля была провозглашена Декларация Совета ДБСЛ – документ конституционного значения, свидетельствующий о продолжительности оккупации литовского государства,

25–28 марта 1949 г. проходила одна из массовых депортаций жителей Литвы под кодовым названием «Прибой» (депортировано около 30 тысяч человек),

11 апреля – Международный день освобождения узников концлагерей. В этот день в 1945 г. были освобождены узники Бухенвальда в Германии,

8 мая – День памяти жертв Второй мировой войны,

14 мая – День гражданского сопротивления. В 1972 г. в этот день в Каунасе в знак протеста против оккупации Литвы Ромас Каланта совершил акт самосожжения,

Третье воскресенье мая – День памяти партизан и утверждения единства армии и общества,

22–23 мая 1948 г. проходила самая массовая депортация жителей Литвы под кодовым названием «Весна» (депортировано около 40 тысяч человек),

В мае 1953 г. в Норильске (Красноярский край СССР) началось восстание политических заключенных, подавленное лишь в августе 1953 г.

В мае 1954 г. в Кенгире (Карагандинская область Казахской ССР) началось восстание политических заключенных, продолжавшееся 40 дней,

14 июня – День скорби и надежды. В 1941 г. в этот день началась первая массовая депортация жителей Литвы (депортировано около 18 тысяч человек).

15 июня – День оккупации и геноцида. В 1940 г. в этот день Советский Союз оккупировал Литву, а в 1978 г. основана Лига свободы Литвы (ЛСЛ),

22 июня – начало войны между Германией и СССР и нацистская оккупация Литвы,

23 июня – День Июньского восстания 1941 г.,

24–26 июня 1941 г. проходило массовое уничтожение гражданских жителей Литвы (были убиты около 1,1 тысяч человек); 26–27 июня произошло массовое уничтожение политических заключенных в Червени (Белоруссия), среди которых были литовцы,

В конце июня 1941 г. начался геноцид литовских евреев (Холокост), во время которого были убиты почти 200 тысяч евреев,

В июле 1953 г. в лагере в Воркуте (Коми АССР) началось восстание политических заключенных, которое было подавлено в начале августа,

23 августа – Европейский день памяти жертв сталинизма и нацизма и День Балтийского пути. 23 августа 1939 г. были подписаны тайные протоколы к соглашениям между СССР и Германией, определившие оккупацию Прибалтики. 23 августа 1989 г. литовский «Саюдис» вместе с национальными фронтами Эстонии и Латвии организовал акцию «Балтийский путь», во время которой 2 миллиона человек с требованием независимости образовали непрерывную цепь от Вильнюса до Таллина.

23 августа 1979 г. был подписан и отправлен Генеральному секретарю ООН и правительствам иностранных государств Прибалтийский меморандум. Документ подписали тридцать восемь литовских, семь латвийских, четыре эстонских диссидента и самые известные российские защитники прав человека,

31 августа – День свободы. 1993 г. в этот день из Литвы была выведена российская армия,

23 сентября – День памяти жертв геноцида литовских евреев. В 1943 г. в этот день было ликвидировано вильнюсское гетто,

28 сентября – День памяти жертв Тускуленай. В 1944 г. в этот день в здании КГБ в Вильнюсе были убиты первые жертвы, чьи останки захоронены на территории бывшего поместья Тускуленай,

2–3 октября 1951 г. проходила массовая депортация жителей Литвы под кодовым названием «Осень» (депортировано около 17 тысяч человек),

16 октября – День геноцида жителей Малой Литвы. Малая Литва, или Прусская Литва – исторический этнографический регион Пруссии, позднее Восточной Пруссии в Германии, населенный прусскими литовцами. При наступлении Советской армии в 1944 г. жители региона подвергались насилию, а позже принудительной высылке. Данные о числе жертв разнятся. Принято считать, что более 300 тысяч жителей были убиты, 100 тысяч депортированы.

29 октября 1941 г. в Каунасском IX форте прошло крупнейшее за период нацистской оккупации убийство евреев в Литве (убиты 9200 человек).

Тема оккупации, главным образом советской, одна из важнейших в учебниках истории. Так, в школьном учебнике «Всемирная история и история Литвы XX века» (Kapleris I., Meištās A. Tamkutonytė-Mykailienė Ž. XX amžiaus Lietuvos ir pasaulio istorija. Vilnius: Briedis, 2009) тема оккупации занимает центральное место. Очевидно, что цель авторов – показать трагедию народа Литвы, вновь оказавшегося несвободным после двадцатилетнего периода независимости, при этом в особенности подчеркивается трагическая роль советской оккупации (точнее, двух советских оккупаций). Например, пятая глава учебника

(«Холодная война») имеет следующие разделы: «Советский союз – колосс на глиняных ногах» (раздел 2), «В королевстве кривых зеркал» (раздел 3), «Красная чума распространяется по миру» (раздел 6). Огромное внимание уделяется партизанам, «лесным братьям», о борьбе которых за свободу говорится практически в каждой главе. Нацистская оккупация также упоминается, однако теме «Трагедия литовских евреев» посвящено всего восемь страниц, несравненно меньше, чем теме жертв советских репрессий, что дисгармонизирует с цифрами жертв, приводимыми Центром изучения геноцида населения Литвы, ведь число литовцев, пострадавших от рук советской власти, и число евреев, погибших в период нацистской оккупации, если не одинаковы, то сопоставимы. В целом, по нашим наблюдениям, тема Холокоста в Литве, особенно в молодежной среде, недостаточно проработана. Так, многие молодые жители Вильнюса не представляют себе, каков был национальный состав населения города до Второй мировой войны. Однако работа в этом направлении ведется, а памятники еврейской истории города можно признать образцовыми.

К досадным особенностям приведенного в пример учебника можно отнести также практически полное отсутствие периодизации советской истории: термины «застой», «оттепель» и т. п. упоминаются лишь вскользь. То же можно сказать и о классификации советских репрессий – плохо раскрыты понятия «ссылка», «ГУЛАГ», «депортация» и пр.

Алексей ТУЛБУРЕ,
магистр истории, директор Хельсинкской
гражданской ассамблеи Республики Молдова

Жертвы политических репрессий в Молдавии: законодательство и его реализация

Начало массовой реабилитации в горбачевский период стало одним из первых серьезных сигналов, указывающих на то, что трансформации, вызванные перестройкой, имеют необратимый характер. После известного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г., отменяющего внесудебные решения, вынесенные в период 1930-х – начала 1950-х годов внесудебными «тройками» НКВД–УНКВД, коллегиями ОГПУ и «особыми совещаниями» НКВД–МГБ СССР, подобные постановления были приняты и в союзных республиках.

Необходимо отметить, что во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов реабилитация коснулась не очень большого числа репрессированных. В частности, были реабилитированы несколько сот человек, входивших в партийное и советское руководство Молдавской АССР и расстрелянных в 1937–1938 гг. Тысячи депортированных в 1940–1941 и 1949–1951 гг. были освобождены по амнистии, без реабилитации (было реабилитировано лишь очень небольшое число лиц из этой категории репрессированных) и, тем более, без возвращения конфискованного имущества, выплаты компенсаций и т.д.

Точное число репрессированных до сих пор не удалось установить, ученым еще предстоит это сделать. В том, что

касается депортаций, официальные данные публикует МВД Молдовы¹. Анализ находившихся в архивах министерства досье, касающихся депортаций в период 1930–1951 гг., показывает, что в 30-е годы из МАССР депортированы 1832 семьи «кулаков», а в 1940–1941 гг. в МССР были арестованы и депортированы около 20 000 человек из числа так называемых социально опасных элементов. В соответствии с германо-советским соглашением от 4 сентября 1940 г. 124 000 бессарабских немцев репатриировали в Германию².

Жертвами искусственно вызванного голода 1946–1947 гг. в МССР стали свыше 200 тысяч человек³.

В 1946–1949 гг., согласно Директиве МВД СССР № 97 от 20.04.1946, из МССР были депортированы (и осуждены) 2482 человека, служивших в немецкой армии, – «власовцы», полицаи, жандармы и другие «пособники антисоветского режима». Их дела до сих пор находятся в Иркутской, Архангельской областях и в бывшей Карельской АССР.

6–7 июля 1949 г., согласно Постановлению Совета Министров СССР от 6 апреля 1949 г. «О выселении из Молдавской ССР семей кулаков, бывших помещиков и крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов, лиц, сотрудничавших с немецкими и румынскими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев, участников нелегальных сект, а также семей всех перечисленных категорий» (а также на основании практически идентичного Решения Совета Министров МССР № 509 от 28 июня

¹ Управление по информации и связям с общественностью МВД, 13 июня 2011. <http://mai.gov.md/content/8605>

² Casu I. Represiunile politice in Moldova sovietica. Raportul Tismaneanu. 2006. P.583–584; Кашу И. Политические репрессии. Доклад Тисмэняну. 2006. С.583–584.

³ Gribincea M., Basarabia in primii ani de ocupatie sovietica, 1944-1950, ed. Dacia, Cluj-Napoca. 1995. P. 64.

1949 г.), депортации из МССР подверглись 11 293 семьи, или 34 270 человек, в том числе:

- 9374 мужчины, 13 651 женщина и 11 245 детей, включая 7628 семей кулаков, бывших помещиков, коммерсантов общим числом 23 205 человек,

- 3665 семей «пособников немецким оккупантам, лиц, сотрудничавших с немецкими и румынскими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев и членов нелегальных сект общим числом 11 065 человек⁴.

В 1951 г. из МССР были депортированы так называемые сектанты (свидетели Иеговы, баптисты и т.п.) общим числом 2617 человек (723 семьи).

Согласно данным, опубликованным в 1991 г. МГБ Молдовы, в годы советской власти на территории Молдавии к расстрелу были приговорены 5485 человек⁵.

Наибольшее число смертных приговоров приведено в исполнение в 1937–1938 гг. в МАССР в Тирасполе, Балте и Котовске (до 1935 г. – Бирзула). В одном Тирасполе в месте, называвшемся Срединная (Тираспольская) крепость, расстреляли свыше 4000 человек.

По другим данным⁶, смертные приговоры в советской Молдавии были вынесены в отношении 5736 лиц (5550 граждан МАССР и МССР и 186 иностранных граждан). 4913 приговоров привели в исполнение в МАССР в 1937–38 гг., и 344 в Кишиневе, Бельцах и Сороках в 1940–1941 и 1944–1953 гг.⁷

⁴ Пасат В. Трудные страницы истории Молдавии, 1940–1950 гг. М.: Терра, 1994. С.387.

⁵ Muzeul National de Istorie al Moldovei : Cartea Memoriei. Vol. I / Introducere dec Elena Postica. Chisinau: Stiinta, 1999. P.VI; Книга Памяти. Т.1.

⁶ Там же. См. также: Casu I. Represiunile politice in Moldova sovietica. P.582.

⁷ В Кишиневе большинство казней и захоронений происходили по адресу ул.Гренобля, 159 и в месте, где сегодня находится один из входов в Центральный парк отдыха «Валя Морилор» на ул.А.Матеевич.

Процесс массовой реабилитации жертв политических репрессий в Молдавии начался только в 1989 г. В соответствии с упомянутым Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. в Молдавии были реабилитированы 7520 человек, из которых 1789 – посмертно⁸.

10 апреля 1989 г. Совет Министров МССР аннулировал Решение Совета Министров МССР от 28 июня 1949 г. «О выселении из Молдавской ССР семей кулаков, бывших помещиков и крупных торговцев» и 24 мая 1989 г. принял Постановление № 151 «О порядке возврата имущества и возмещения ущерба гражданам, необоснованно выселенным в 1949 году». Согласно этому постановлению «всем гражданам, необоснованно выселенным из Молдавской ССР на основании постановления Совета Министров Молдавской ССР от 28 июня 1949 г № 509, возвращается их имущество или возмещается его стоимость»⁹.

9 апреля 1990 г. Совет Министров МССР принимает Постановление № 103 «О порядке возврата имущества и возмещения ущерба некоторым категориям граждан, необоснованно репрессированных в период 30–40-х и начала 50-х годов»¹⁰. Этим Постановлением расширен список категорий лиц, которым возмещался материальный ущерб, причиненный вследствие репрессий, а также определено, что компенсация ущерба за конфискованный дом не может превышать 5500 рублей.

⁸ Точное число реабилитированных в Республике Молдова в период с 1989 г. по сегодняшний день определить сложно, поскольку государственные органы не публикуют списки реабилитированных, как это предусмотрено законодательством. Процесс осложняется тем, что многие документы утеряны. Тысячи дел из архивов молдавского КГБ были уничтожены в 1990 г. Среди них могли находиться и дела репрессированных. Часть архива в начале 1990-х годов перевезли в Тирасполь. По сведениям Генпрокуратуры, в 1989–2013 гг. было реабилитировано свыше 60 тысяч человек.

⁹ Ведомости МССР. 1989. № 6. Ст.144.

¹⁰ Там же. 1990. № 5. Ст.96.

Уже 10 октября 1990 г. Правительство ССР Молдова¹¹ «в связи с обращением Ассоциации жертв репрессий сталинизма» принимает Постановление № 384 «О приостановлении действия постановления Совета Министров МССР от 24 мая 1989 г. № 151 “О порядке возврата имущества и возмещения ущерба гражданам, необоснованно выселенным в 1949 году”»¹². Очевидно, что приостановка действия Постановления Совета Министров была вызвана недоработкой механизма, а также неудовлетворительным размером компенсаций.

Главным документом, регулирующим процесс реабилитации и возмещения ущерба жертвам репрессий в Республике Молдова, стал Закон № 1225 «О реабилитации жертв политических репрессий, совершенных оккупационным тоталитарным коммунистическим режимом (7 ноября 1917 года – 23 июня 1990 года)»¹³, принятый 8 декабря 1992 г. парламентом Республики Молдова¹⁴. Закон в своей первоначальной версии вносил определенную терминологическую ясность и давал определения таким основным понятиям, как «политическая репрессия», «жертва политических репрессий».

В 1994 г. Парламент внес целый ряд поправок и изменений в первоначальный текст Закона, в том числе изменив его название. С 1994 г. – это Закон о реабилитации жертв политических репрессий. Надо отметить, что поправки к этому закону вносились и принимались также в 1996,

¹¹ 5 июня 1990 г. Верховный Совет МССР внес изменения в Конституцию. В соответствии с ними название республики – Молдавская Советская Социалистическая Республика – было заменено на Советская Социалистическая Республика Молдова.

¹² Ведомости ССРМ. 1990. № 10. Ст.256.

¹³ Опубликован 30.12.1992 в Monitorul Oficial Nr. 12. Закон был переиздан: Официальный монитор № 133–134. Ст.656 от 02.12.99.

¹⁴ 23 мая 1991 г. парламент изменил название страны с ССР Молдова на Республика Молдова; 27 августа 1991 г. Республика Молдова провозгласила свою независимость.

1998 (два раза), в 1999, 2000, 2001 (два раза), 2003, 2005, 2006, 2009 и 2010 гг. Из всех этих поправок мы остановимся только на поправке 2006 г.¹⁵, изменившей статью 12 Закона 1225 (регулирующую «возврат имущества, возмещение его стоимости путем выплаты компенсации лицам, подвергшимся политическим репрессиям») и добавившей статью 12¹ (регулирующую «порядок рассмотрения заявлений о возврате имущества или возмещении его стоимости»). Эти поправки позволили сделать Закон № 1225 от 8 декабря 1992 г. более функциональным. Но сначала проанализируем ту часть Закона, которая говорит о реабилитации жертв репрессий.

I. Реабилитация

В преамбуле «Закона о реабилитации жертв политических репрессий» молдавские законодатели четко формулируют **причины его принятия**:

«Начиная с 7 ноября 1917 года на территории нынешней Республики Молдова, вначале в Молдавской Автономной Советской Социалистической Республике, а с 28 июня 1940 года и в Молдавской Советской Социалистической Республике, государственными органами в период тоталитарного режима совершен ряд массовых политических репрессий.

В процессе рассмотрения дел в период тоталитарного режима государственными административными, судебными и внесудебными органами (ВЧК, ГПУ–ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, прокуратур и их коллегий, “двоек”, “троек”, “особых совещаний”, других органов с аналогичными функциями) грубо нарушались права и свободы граждан.

Парламент, решительно осуждая политические репрессии, совершенные государственными администра-

¹⁵ Закон № 186 от 29.06.2006 «О внесении изменения и дополнения в Закон о реабилитации жертв политических репрессий № 1225-ХП от 8 декабря 1992 г.».

тивными, судебными и внесудебными органами в период тоталитарного режима, и поправление ими норм права и морали, принимает настоящий закон в целях реабилитации жертв репрессий, восстановления их в политических, социальных и гражданских правах, возмещения им причиненного материального ущерба, а также устранения других последствий произвола тоталитарного режима».

В статье 1 Закона дается **определение политической репрессии**:

«Политической репрессией считаются лишение людей жизни, принудительные меры, применяемые государством к гражданам по политическим, национальным, религиозным или социальным мотивам, в форме лишения свободы, ссылки, высылки, направления на принудительные работы в условиях ограничения свободы, выдворения из страны и лишения гражданства, экспроприации, принудительного помещения в психиатрические учреждения, в других формах ограничения прав и свобод лиц, признанных социально опасными для государства или политического режима, осуществлявшиеся на основании решений государственных административных, судебных и внесудебных органов».

Статья 2 определяет, **кого можно считать жертвами политических репрессий** и обязывает местные власти выдать удостоверения жертвам политических репрессий по месту их постоянного жительства:

«Жертвами политических репрессий считаются:

лица, пострадавшие от политических репрессий, указанных в статье 1;

лица, по отношению к которым принимались решения о политическом репрессировании, но которым удалось избежать непосредственной репрессии, в том числе благодаря выезду за пределы республики;

члены семей репрессированных лиц, в том числе дети, родившиеся в местах репрессий или по дороге к ним, лица,

принужденные или вынужденные следовать за своими родителями, родственниками, опекунами в ссылку или места особого содержания либо оставшиеся без их попечения, а также дети лиц, казненных в результате политических репрессий.

Исполнительные комитеты и примэрии (мэрии. – А.Т.) муниципиев выдают соответствующие удостоверения жертвам политических репрессий по месту их постоянного жительства».

В Законе четко указываются **временные рамки реабилитации** и категории людей, подлежащих реабилитации (исправлены упущения Постановления Совета Министров МССР № 151 от 24 мая 1989 года, где реабилитация касалась только депортированных в 1949 г., и Постановления Совета Министров МССР № 103 от 9 апреля 1990 г., расширяющего список категорий, подлежащих реабилитации):

«Признаются невиновными и подлежащими реабилитации перед обществом с восстановлением в правах независимо от их настоящего местожительства все лица, которые в период с 7 ноября 1917 года по 23 июня 1990 года были подвергнуты политическим репрессиям на нынешней территории Республики Молдова, а также граждане Республики Молдова, которые были подвергнуты политическим репрессиям на территории другого государства:

а) репрессированы на основании решений судебных или внесудебных органов (ВЧК, ГПУ–ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, прокуратур и их коллегий, “двоек”, “троек”, “особых совещаний” и других органов с аналогичными функциями) за “контрреволюционную деятельность”, “измену Родине”, “распространение клеветнических измышлений, порочащих государственный и общественный строй” и другие “государственные преступления”, “нарушение законов и правил об отделении церкви от государства и школы от

церкви”, “посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов”;

б) осуждены за неуплату налогов или невыполнение плана сдачи хлеба государству на основании статей 58, 58-1, 58-2 Уголовного кодекса Украинской ССР (в редакции 1927 года);

с) помещены по решению судебных или внесудебных органов для принудительного лечения в психиатрические учреждения по политическим, национальным, религиозным или социальным мотивам;

д) подвергнуты экспроприации, депортированы или высланы из Молдавской АССР и Молдавской ССР на основании решений административных органов под предлогом борьбы с кулаками, противниками коллективизации или так называемыми бандитами и их семьями, а также вследствие обвинения в сотрудничестве с “оккупационным буржуазно-помещичьим режимом”;

е) привлечены к принудительным работам в условиях ограничения свободы, в том числе в трудовых колониях НКВД и дисциплинарных батальонах;

ф) заключены в государственные концентрационные или фильтрационные лагеря, осуждены к лишению свободы, сосланы или направлены на принудительные работы в условиях ограничения свободы, будучи мобилизованными во время Второй мировой войны;

г) осуждены или казнены за уклонение по политическим или религиозным мотивам от службы в рядах Красной Армии;

h) уволены с работы или исключены из учебных заведений по политическим, национальным, религиозным или социальным мотивам;

i) осуждены за участие в публичных манифестациях за провозглашение суверенитета и независимости Республики Молдова или в отношении которых уголовные дела

были возбуждены в связи с этими же действиями, а затем прекращены без реабилитирующих оснований, если эти лица не совершили уголовных преступлений».

Закон определяет лиц, не подлежащих реабилитации (ст. 4):

«Не подлежат реабилитации лица, законно осужденные за совершение преступлений геноцида, против мира, человечества или уголовных преступлений, а также лица, признанные виновными в фальсификации уголовных дел в этот период или непосредственно участвовавшие в политических репрессиях, даже если они сами впоследствии были репрессированы».

Из текста Закона ясно следует, что **репрессированные в административном порядке** (раскулаченные, депортированные, лишённые прав и т.п.) подлежат реабилитации. Также подлежат реабилитации **осужденные за неуплату налогов или невыполнение плана сдачи хлеба государству**.

В Законе предусмотрена и **процедура установления факта политической репрессии в судебном порядке (ст. 6):**

«В случае, если архивные материалы по политическим репрессиям не сохранились вследствие истечения срока хранения или по другим причинам, установление факта политической репрессии осуществляется в судебном порядке».

Материалы о реабилитации рассматриваются соответствующими органами после подачи заявления, однако *«органы, непосредственно занимающиеся реабилитацией с правом выносить решения по данному вопросу, обязаны рассматривать все дела, в том числе и те, по которым не поданы заявления о реабилитации»* (ст. 7).

Порядок реабилитации определен статьями 5, 5¹, 5² и 5³ Закона¹⁶:

¹⁶ Ст.5¹–5³ введены № 788-ХІІІ от 26.03.96.

Ст. 5:

«Заявление о реабилитации подается репрессированным лицом либо другими физическими или юридическими лицами:

в Министерство внутренних дел – в отношении лиц, указанных в пунктах d) и e) статьи 3;

в Генеральную прокуратуру – в отношении лиц, указанных в пунктах a) b), c), f), g) и i) статьи 3;

в районный, муниципальный (секторальный) суд – в отношении лиц, указанных в пункте h) статьи 3.

Заявления о реабилитации рассматриваются в трехмесячный срок со дня их подачи».

Ст. 5¹:

«Министерство внутренних дел по заявлению или по собственной инициативе рассматривает дело о реабилитации, устанавливает факт ссылки, высылки, экспроприации, направления на принудительные работы в условиях ограничения свободы или ограничения в других формах прав и свобод лиц на основании решений административных органов, оформляет заключение о реабилитации и выдает соответствующую справку.

Решение Министерства внутренних дел об отказе в реабилитации может быть обжаловано в судебную инстанцию».

Ст. 5²:

«Генеральная прокуратура по заявлению или по собственной инициативе выявляет и проверяет дела, по которым судебными и внесудебными органами вынесены решения в отношении лиц, указанных в статье 3 настоящего закона, в порядке, установленном приказом Генерального прокурора.

На основании изучения дел, по которым решения вынесены внесудебными органами, Генеральная прокуратура оформляет заключение о реабилитации и выдает соответствующую справку.

Решение Генеральной прокуратуры об отказе в реабилитации в случаях, предусмотренных частью второй настоящей статьи, может быть обжаловано в компетентную судебную инстанцию.

В результате изучения дел, по которым решения вынесены судебными органами, Генеральная прокуратура вносит жалобу для их отмены или выносит решение об отказе в реабилитации».

Ст. 5³:

*«Жалобы на решения Министерства внутренних дел и Генеральной прокуратуры об отказе в реабилитации, предусмотренные частью второй статьи 5¹ и частью третьей статьи 5² настоящего закона, рассматриваются **Высшей судебной палатой** в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом.*

Жалобы на отмену или решения Генеральной прокуратуры об отказе в реабилитации, предусмотренные частью четвертой статьи 5² настоящего закона, рассматриваются Апелляционной палатой в порядке, установленном для рассмотрения жалоб на отмену Уголовно-процессуальным кодексом. В результате рассмотрения дела о реабилитации судебная инстанция выдает соответствующую справку».

Число реабилитированных

По МВД. Согласно данным Центра информации и документирования МВД, с момента принятия в 1992 г. Закона о реабилитации жертв политических репрессий Министерство внутренних дел рассмотрело материалы 98 % депортированных лиц, а это свыше 11 000 досье. По каждому были приняты решения о реабилитации, о выдаче справок о реабилитации, копий документов из досье и личных вещей депортированных лиц (фотографий, рукописей, документов и т.д.).

16 ноября 2010 г. МВД начало процесс передачи архивных фондов, касающихся депортированных лиц, Государственной архивной службе (Национальному архиву РМ).

В МВД на момент начала передачи (по сведениям из самого МВД) хранились 40 458 дел, относящихся к политическим репрессиям в Молдавии в 1930–1952 гг. На сегодняшний день из МВД в Национальный архив РМ было передано около 25 тысяч дел, касающихся лиц, подвергшихся политическим репрессиям¹⁷. Согласно закону 1992 г. о реабилитации жертв политических репрессий, МВД обязано периодически публиковать списки подвергшихся гонениям в советский период, однако это не было сделано.

Прокуратура. По информации, предоставленной пресс-службой Генпрокуратуры, в период с 1989 по 2013 г. прокуратура выписала свыше 60 тысяч справок о реабилитации жертв политических репрессий.

Только в первой половине 2013 г. прокуроры приняли решения по 296 заявлениям о реабилитации. На основании этих решений были выписаны и переданы 215 справок о реабилитации в отношении 283 лиц. За этот же период времени прокуроры подали в Высшую Судебную палату десять жалоб с требованием отмены судебных решений, принятых в отношении десяти человек, прекращения уголовных дел и реабилитации осужденных¹⁸.

II. Возврат имущества и компенсации

Постановлением Совета Министров МССР № 151 от 24 мая 1989 г. устанавливался механизм возврата имущества или возмещения его стоимости. Реабилитиро-

¹⁷ Управление по информации и связям с общественностью МВД, 13 июня 2011. <http://mai.gov.md/content/8605>

¹⁸ Заявление пресс-службы Генеральной прокуратуры РМ от 26 июля 2013 г.: <http://www.procuratura.md/md/com/1211/1/5356/>

ванным возвращалось изъятое или оставленное в связи с репрессиями имущество (за исключением имущества, гражданский оборот которого запрещается). В случае невозможности возврата имущества возмещалась его стоимость (п.2). В пункте 3 говорилось о том, как определяется стоимость имущества: 1) стоимость строений и сооружений – по действующим в момент рассмотрения заявления оценочным нормам государственного обязательного страхования; 2) стоимость скота, птицы и сельхозпродукции – по закупочным ценам, действующим в момент рассмотрения заявления; 3) стоимость иного имущества – по розничным ценам, действующим в момент рассмотрения заявления, и т.д.

Имущество возвращают реабилитированным государственные органы, предприятия, общественные и кооперативные организации (в том числе колхозы), или их правопреемники, или граждане и их наследники, которым имущество было первоначально передано безвозмездно и у которых оно сохранилось.

Если имущество не сохранилось, компенсация его стоимости выплачивается как за счет местного бюджета, так и государственными органами и предприятиями, первоначально получившими имущество безвозмездно. Все, что было национализировано, включая дом, не возвращалось и не компенсировалось (п.6).

Вопрос о возврате имущества рассматривался исполнительными комитетами Советов народных депутатов тех районов и городов, на территории которых реабилитированные проживали до выселения. Для установления количества возвращаемого имущества или определения его стоимости районные и городские исполкомы Советов народных депутатов создавали специальные комиссии (п.7).

Устанавливались верхние пределы для компенсации стоимости домов – 5500 руб. стоимости скота, птицы и

сельхозпродукции – 1500 руб., всего имущества, включающего строения, скот, сельскохозяйственный инвентарь и т.п., – 7000 руб.

Компенсации были получены тысячами реабилитированных. Точное их число установить трудно, поскольку четкого документированного учета не велось, и общей статистики такого рода нам обнаружить не удалось. Сегодня многие скрывают факт получения в 1989–1991 гг. компенсаций, поскольку это не позволяет требовать от государства более справедливой компенсации (которая стала возможна после поправок 2006 г. к Закону о реабилитации).

Чтобы было понятно, **что представляла собой компенсация, полученная в 1989 г.**, приведем воспоминания Марии Васильевны Бырду из п. Ниспорены, которая в возрасте пяти лет была депортирована вместе с матерью в Сибирь: «Помню, мама (Евдокия Бырду. – А. Т.) в 1989 г. получила 5000 рублей, которые разделила между нами: тысячу дала мне, тысячу Васе, тысячу Любе (Вася и Люба родились в Сибири. – А. Т.) и по тысяче Иону и Саше (оба родились в Молдове после ссылки. – А. Т.). Я себе на тысячу рублей купила ковер на стену».

Все имущество Евдокии Бырду (дом, скот, земля, инвентарь, посуда, другая утварь и т.д.), конфискованное в 1949 г., было ей компенсировано в 1989 г. деньгами, за которые можно было купить пять (!) ковров на стену.

Действие Постановления Совета Министров МССР № 151 от 24 мая 1989 г. было приостановлено осенью 1990 г. по просьбе самих репрессированных.

После развала СССР исчезли Советы народных депутатов, исполкомы, колхозы и предприятия, которые, согласно Постановлению 1989 г. № 151, должны были возвращать имущество и выплачивать компенсации. Не работали и спецкомиссии, рассматривавшие дела репрессированных.

В принятом Парламентом Постановлении № 1226-ХІІ «О введении в действие Закона о реабилитации жертв политических репрессий №1225» выработан конкретный механизм реализации некоторых его положений:

«Статья 2 – единовременную компенсацию, предусмотренную статьей 14 указанного закона, выплачивать поэтапно:

в 1993 году – семьям лиц, приговоренных к смерти и казненных;

в 1994 году – семьям лиц, умерших в результате политических репрессий, независимо от места смерти.

Статья 3 – Правительству:

до 1 февраля 1993 года:

– представить Парламенту предложения о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство в соответствии с требованиями указанного закона;

– привести в соответствие с указанным законом все свои нормативные акты;

– разработать и утвердить образец удостоверения, дающего право на льготы реабилитированным жертвам политических репрессий;

– разработать и утвердить порядок и сроки возвращения материальных ценностей реабилитированным лицам;

– предусмотреть в двухсторонних договорах с государствами – бывшими союзными республиками – сотрудничество в вопросе выявления материалов по политическим репрессиям;

– поставить перед Правительством Российской Федерации – правопреемника СССР – вопрос о предоставлении денежных средств для компенсации материального ущерба, причиненного гражданам Республики Молдова, подвергшимся политическим репрессиям.

Статья 4 – Республиканской прокуратуре установить лиц, непосредственно участвовавших в политических репрессиях, и принять соответствующие меры.

Статья 5 – Комиссии по правам человека и национальным отношениям Парламента до 1 января 1993 года разработать проект закона о жертвах Второй мировой войны.

Статья 6 – Комиссиям Парламента по правам человека и национальным отношениям, по здравоохранению и социальному обеспечению контролировать исполнение требований указанного закона и ежегодно информировать Парламент о его соблюдении...».

Из всех поручений Парламента правительству полностью было выполнено только одно – разработан и утвержден образец удостоверения, дающего право на льготы реабилитированным жертвам политических репрессий. Образец этого удостоверения был утвержден постановлением Правительства Республики Молдова от 11 марта 1993 г. № 128¹⁹.

Уже 14 июня 1993 г. Правительство принимает Постановление № 367 «О внесении изменений и дополнений в постановление Правительства Республики Молдова»²⁰, согласно которому:

«В постановлении Совета Министров Молдавской ССР от 24 мая 1989 г. № 151 “О порядке возврата имущества и возмещения ущерба гражданам, необоснованно выселенным в 1949 году”» (с изменениями, внесенными постановлением Совета Министров Молдавской ССР от 9 апреля 1990 г. № 103 и постановлением Правительства Республики Молдова от 11 марта 1993 г. № 128) (Ведомости МССР, 1989 г., № 6, ст.144; 1990 г., № 5, ст.96; Монитор Парламента, 1993 г., № 3, ст.83):

¹⁹ Монитор Парламента. 1993. № 3. Ст.83.

²⁰ Monitorul Oficial. 30.06.1993. № 006.

дополнить пункт 3 абзацем следующего содержания:

“В случаях, когда реабилитированным лицам не был возмещен полностью ущерб (на основании ранее принятых решений райисполкомов и примэрий городов), размер суммы, подлежащей возмещению, определяется в порядке, установленном настоящим пунктом в части имущества, по которому выплаты не были произведены, но не более 100 тыс. рублей на одну выселенную семью”;

пункт 4 изложить в следующей редакции:

“Установить, что в случае невозможности возврата имущества или возмещения его стоимости ввиду отсутствия или несохранности документов, подтверждающих его изъятие и реализацию, ущерб возмещается реабилитированному лицу на основании других доказательств путем выплаты компенсации.

В данном случае компенсация реабилитированным лицам (на выселенную семью) выплачивается в размере 90 тыс. рублей за все имущество (включая строения, скот, сельскохозяйственный инвентарь и т.д.). Компенсация, выплачиваемая реабилитированному лицу, начисляется исходя из цен, действующих на момент удовлетворения заявления, но размер ее не должен превышать вышеустановленной суммы.

Предоставить право органам местного самоуправления устанавливать указанным лицам при наличии достаточных оснований размер выплат в пределах суммы, предусмотренной пунктом 3 настоящего постановления”.

Из пункта 6 постановления Правительства Республики Молдова от 11 марта 1993 г. № 128 “О мерах по реализации Закона Республики Молдова о реабилитации жертв политических репрессий, совершенных оккупационным тоталитарным коммунистическим режимом (7 ноября 1917 г. – 23 июня 1990 г.)” исключить слово “только” и дополнить его словами: “а также лицам, которым в связи

с приостановлением в 1990 году действия указанного постановления компенсации выплачены частично».

В этом постановлении **суммы компенсаций** (в абсолютных величинах) на порядок выше тех, которые были предусмотрены в документах 1989 г. Однако это был период, когда инфляция на постсоветском пространстве достигла своих максимальных показателей. В 1993 г. курс доллара вырос с 414 руб. на 1 января 1993 г. до 1247 руб. на последних торгах 1993 г., которые были проведены 29 декабря. То есть 100 000 руб. – это около 240 долларов США в начале 1993 г. и около 80 долларов в конце.

Молдова в 1993 г. перешла на национальную валюту – лей.

Нечеткость формулировок, как то: «Предоставить право органам местного самоуправления устанавливать указанным лицам при наличии достаточных оснований» или «ущерб возмещается реабилитированному лицу на основании других доказательств путем выплаты компенсации» и т.п., где не указаны ни обязательства органов местного самоуправления, ни что делать репрессированному, если он не согласен с решением этих органов, не указано, что может служить «другим доказательством», – эта нечеткость вносила сумятицу и практически блокировала процесс возмещения материального ущерба бывшим репрессированным.

Все это, а также то, что в 1994 г. в Молдове на досрочных парламентских выборах одержала убедительную победу Аграрно-демократическая партия Молдовы, не считавшая реабилитацию жертв репрессий и возвращение им утерянного имущества приоритетом, не способствовало нормальному функционированию механизма реабилитации и возмещения убытков репрессированным.

26 мая 1995 г. Правительство приняло Постановление № 338 «О порядке возвращения имущества, возмещения

его стоимости и выплате компенсаций репрессированным лицам». Пункт 2 этого Постановления предусматривал, что в случаях, когда по объективным причинам имущество реабилитированных лиц не сохранилось или не может быть возвращено, возмещается его стоимость, однако общая сумма выплат за это имущество не должна превышать 200 леев (около 50 долларов США) на одну выселенную семью. В соответствии с пунктом 3 Постановления при невозможности определить стоимость имущества из-за отсутствия необходимых документов, компенсация выплачивается в размере не более 90 леев на одну выселенную семью.

Однако Постановлением № 41 от 20 июля 1999 г. Конституционный суд признал положения пунктов 2 и 3 Постановления Правительства № 338 противоречащими ст.6 и ст.72 Конституции, поскольку они содержали первичные правовые нормы, которые устанавливаются только законом.

Кроме того, Конституционный суд признал суммы компенсаций, предусмотренных для выплаты выселенным семьям, мизерными, указав, что эти положения противоречат ст.53 ч. (1) Конституции.

До вступления в силу 1 января 2007 г. Закона № 186 от 29.06.2006 «О внесении изменения и дополнения в Закон о реабилитации жертв политических репрессий № 1225-XII от 8 декабря 1992 г.» в Молдове действовал целый ряд подзаконных актов, которые не обеспечивали сколько-нибудь работающего механизма возврата имущества или возмещения его стоимости. Процесс восстановления справедливости в отношении жертв политических репрессий был фактически блокирован.

Закон № 186-XVI был принят Парламентом во исполнение Постановления Конституционного суда № 41 от 20 июля 1999 г. и при этом следовал предписаниям ст.72

ч.(3) п.i) Конституции, согласно которой общий правовой режим собственности регламентируется органическим законом (т.е. законом, статус которого ниже конституционного, но выше обычного закона).

Часть 2 ст.12 Закона № 1225-ХII была изложена в новой редакции: *«Не могут быть возвращены участки земли, леса, многолетние насаждения, предметы, изъятые из гражданского оборота, а также другое имущество, конфискованное, национализированное или любым иным способом изъятое из владения по соображениям, не связанным с политическими репрессиями».*

Одновременно Парламент внес в Закон № 1225-ХII статью 12¹, устанавливающую механизм возврата имущества или возмещении его стоимости.

Во исполнение некоторых положений Закона № 1225-ХII, с последующими изменениями и дополнениями, 5 июня 2007 г. Правительство приняло Постановление № 627²¹, которым утвердило Положение о возмещении стоимости имущества путем выплаты компенсации лицам, подвергшимся политическим репрессиям а также выплате компенсации в случае смерти в результате политических репрессий, и признало утратившим силу Постановление Правительства № 338 от 26.05.1995, за исключением пункта 16.

Некоторые положения Закона, касающиеся, в частности, механизма возврата имущества или возмещении его стоимости были уточнены Постановлением Конституционного суда № 16 от 12.06.2007 «О проверке конституционности статьи II части второй Закона № 186-ХVI от 29 июня 2006 года “О внесении изменения и дополнения в Закон о реабилитации жертв политических репрессий № 1225-ХII от 8 декабря 1992 года”» и статьи 12 части вось-

²¹ Официальный монитор Республики Молдова. 2007. № 78–81. Ст.656.

мой Закона № 1225-ХІІ от 8 декабря 1992 года в редакции Закона № 186-ХVІ от 29 июня 2006 года»²².

Сегодня этот механизм работает следующим образом:

«Заявления о возврате имущества или возмещении его стоимости путем выплаты компенсации рассматриваются специальными комиссиями, созданными органами местного публичного управления районов, городов Кишинев и Бельцы, автономного территориального образования Гагаузия, на территории которых реабилитированные лица проживали в момент совершения политических репрессий.

Заявление о возврате конфискованного, национализированного или любым иным способом изъятого из владения имущества или о возмещении его стоимости подается в течение трех лет с момента извещения лица, подвергшегося политическим репрессиям, о его реабилитации и рассматривается в срок до 6 месяцев со дня подачи.

Комиссия устанавливает, какое имущество должно быть возвращено, и определяет его стоимость на основании документов, подтверждающих конфискацию, национализацию или любой иной способ изъятия из владения, выданных архивами и другими уполномоченными учреждениями, или на основании других законных доказательств.

Решение комиссии о возврате имущества, возмещении его стоимости или выплате компенсации может быть обжаловано в судебную инстанцию.

Споры в связи с возвратом имущества, возникающие между реабилитированными лицами или их наследниками, с одной стороны, и юридическими лицами любой формы собственности или физическими лицами, с другой стороны, разрешаются в судебном порядке.

²² Опубликовано 11.08.2006 в Monitorul Oficial Nr. 126-130

Для граждан Республики Молдова, подвергшихся политическим репрессиям на территории другого государства, имущество которых было конфисковано, национализировано или любым иным способом изъято из их владения на территории, которая в настоящее время не входит в состав Республики Молдова, возврат или возмещение стоимости данного имущества осуществляется на основании договора между Республикой Молдова и соответствующим государством. При разработке проектов межгосударственных договоров Министерство финансов, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел и европейской интеграции, Министерство экономики и торговли, другие министерства и компетентные органы должны предусматривать положения о возврате гражданам Республики Молдова, подвергшимся политическим репрессиям на территории других государств, конфискованного, национализированного или изъятого любым иным способом из их владения имущества или возмещении его стоимости путем выплаты компенсации».

Вместе с заявлением в специальные комиссии подаются и следующие документы:

- документ, подтверждающий гражданство Республики Молдова;
- решение о реабилитации;
- документы, касающиеся конфискации, национализации имущества;
- **сертификат наследника (документ о передаче права на компенсацию, которого нет у большинства родственников жертв репрессий. – А.Т.)** и документ, подтверждающий состояние родства с лицом, подвергшимся политическим репрессиям, в случаях, когда заявление подается наследниками лица, подвергшегося политическим репрессиям;

- документы, оценивающие имущество по рыночным ценам на момент рассмотрения заявления.

Стоимость конфискованного имущества оценивается следующим образом:

- дома и другое недвижимое имущество оценивается на основе расчетов, осуществляемых территориальным кадастровым органом, согласно рыночным ценам;

- стоимость домашнего скота, птицы и другого имущества оценивается согласно рыночным ценам (как правило, согласно справкам, выданным местными рынками);

Включение сертификата наследника в список обязательных документов резко сократило число тех, кто подпадал под действие нового Закона. Такие сертификаты были на руках у очень малого числа родственников умерших репрессированных.

После публикации этих поправок к Закону председатель Ассоциации бывших депортированных и политических узников Молдовы г-жа Валентина Стурза назвала его «мертвым законом», обвинив тогдашнего премьера Василия Тарлева в том, что он ее обманывал, когда обещал принять функционирующий закон, нацеленный на восстановление справедливости в отношении жертв политических репрессий и их родственников²³.

Приведем типичный пример действия механизма возмещения ущерба, нанесенного в результате политических репрессий.

В 1944 г. отец гражданки М. был приговорен к 10 годам тюрьмы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. В 1945 г. он умер в заключении. В августе 1949 г. мама гражданки М. была арестована и приговорена к 10 годам с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. Гражданка М. осталась сиротой. Все

²³ <http://romanism.ro/%C2%ABvasile-tarlev-m%E2%80%93a-mintit%C2%BB/>

имущество семьи было конфисковано. Мама отсидела срок и умерла в 1976 г. Решением Президиума Верховного Суда РМ от 26 декабря 1994 г. родители гражданки М. были реабилитированы посмертно.

В 2007 г. гражданка М. подает в районный совет заявление по поводу компенсации материального ущерба, нанесенного вследствие политических репрессий, в размере 1 200 000 леев (около 100 000 долларов). Комиссия, однако, отклонила заявление гражданки М.

Гражданка М. подала заявление в районный суд, который взыскал с районного совета в пользу гражданки М. материальный ущерб, нанесенный вследствие политических репрессий, в размере 150 000 леев (около \$12 500): дом – 52 000 леев, 4 лошади – по 5000 леев каждая; 6 коров – по 6000 леев каждая; 60 овец – по 300 леев каждая; 10 поросят – по 1200 леев каждый.

Суд отклонил заявление гражданки М. в части, касающейся компенсации стоимости земельных угодий размером 23 га и стоимостью 850 000 леев, поскольку, согласно Закону, гражданам, подвергшимся политическим репрессиям и впоследствии реабилитированным, земельные угодья, леса, многолетние плантации (сады) и т.п. не возвращаются.

Гражданка М. с этим решением не согласилась и обратилась в апелляционную инстанцию, которая решение районного суда оставила в силе²⁴.

Ежегодно для возмещения ущерба лицам, пострадавшим вследствие политических репрессий, и их родственникам выделяются средства из местных (районных) бюджетов и государственного бюджета РМ. Объем пере-

²⁴ Пример взят из реального дела, о котором писала молдавская пресса. Отвечником в такого рода делах может быть и Министерство финансов и другой орган государственной власти, который, по мнению истца, несет ответственность за (не)возмещение упомянутого ущерба.

числений из госбюджета определяется после изучения решений районных спецкомиссий и соответствующих решений суда. В 2013 г., например, для реабилитации жертв репрессий Министерство финансов перечислило районным администрациям 1,24 млн леев. В том же году Министерство финансов Молдовы выделило из государственного бюджета 15,7 миллионов леев для единовременной помощи жертвам политических репрессий. Каждый реабилитированный получил по 500 леев единовременной помощи. Кишиневская мэрия также предоставила материальную помощь бывшим депортированным и политическим заключенным. Из ресурсов муниципального фонда социальной поддержки населения было выделено 450 тысяч леев. Более 2500 жителей Кишинева получили по 500 леев к 6 июля, в 64-ю годовщину депортации.

Проблемы

Как видно, средства, выделяемые из бюджета на единовременные выплаты жертвам репрессий, намного превышают те, которые выплачиваются по решениям районных спецкомиссий и по судебным решениям о возмещении материального ущерба жертвам политических репрессий. Это объясняется относительно небольшим числом положительных решений, выносимых районными спецкомиссиями. Многие, получившие мизерные компенсации в предыдущие годы, по Закону о реабилитации в версии 2006 г. (который не устанавливает никаких нижних и верхних пределов компенсации) потеряли право претендовать на более справедливую компенсацию понесенного ущерба. Тем не менее в случае, если реабилитированные считают, что ущерб был им компенсирован в недостаточной мере, они могут претендовать на новое решение о компенсации. Однако недостаточность компенсации необходимо еще доказать.

Закон о реабилитации с поправками 2006 г. также предусматривает определенные сроки подачи заявлений в спецкомиссии: в течение трех лет с момента уведомления о реабилитации и в течение одного года после вступления Закона в силу (1 января 2007 г.) для тех, кого реабилитировали задолго до того, как были внесены соответствующие поправки (Закон №186-XVI) в Закон о реабилитации жертв политических репрессий. Именно этот срок в один год не был соблюден большинством из тех, кто намеревался потребовать более справедливых компенсаций утерянного вследствие репрессий имущества. Закон вступил в силу, но это не сопровождалось широким информированием населения. Многие просто не знали о новых положениях Закона и поэтому не обратились в срок в спецкомиссии с соответствующими заявлениями.

Есть проблемы с качеством работы районных спецкомиссий. В некоторых районах они действуют быстро, профессионально и эффективно, не вызывая нареканий со стороны заявителей. В других, наоборот, затягивают рассмотрение, требуют много дополнительных документов, необоснованно отказывают в удовлетворении заявлений, тем самым заставляя заявителей обращаться в суды. Судебные разбирательства при этом могут длиться многие годы.

Тем, что изначально денежная компенсация утерянного имущества осуществлялась из местных бюджетов (с **2012 г. в том числе и из трансфертов из госбюджета**²⁵),

²⁵ Изменения, утвержденные в Кишиневе в 2012 г., восстанавливали в правах и репрессированных с Левобережья Днестра. Согласно документу, специальным комиссиям молдавских районов, граничащих с Приднестровьем, вменена обязанность принимать заявления граждан, проживающих на левом берегу Днестра и в г.Бендеры. Таким образом, лица, проживающие в Рыбницком и Каменском районах, могут подать документы в г.Резина, жители Дубоссарского и Григориопольского районов – в г.Дубоссары, а репрессированные или их потомки из городов Тирасполь и Бендеры – в специальную комиссию Новоаненского района РМ.

во многом определялось качество и темпы работы районных комиссий, которые скорее защищали бюджеты своих районов, чем права жертв политических репрессий.

Серьезным препятствием к восстановлению справедливости в отношении бывших репрессированных служит **финансовая слабость государства**. В этой ситуации государство само, вопреки изначально провозглашенным стремлению и желанию восстановить справедливость в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, создает все новые и новые проблемы (законодательная сумятица, бюрократическая волокита, чрезмерная формализация процесса и т.д.) на пути восстановления справедливости в отношении указанных лиц.

В этом, на наш взгляд, и заключается главное противоречие процесса возмещения ущерба репрессированным в Республике Молдова: с одной стороны, закрепленное в законодательстве стремление государства восстановить справедливость в отношении этих лиц, с другой – воспрепятствование этому со стороны того же государства.

Доклад Центра по правам человека РМ

В 2008 г. эта ситуация оказалась в центре внимания молдавских омбудсменов. Центр по правам человека Республики Молдова в ежегодном докладе констатировал, что «несмотря на то, что вопросы депортированных лиц находятся в центре внимания законодателей многие годы, механизм возврата имущества или выплаты компенсаций остается несовершенным и создает дополнительные проблемы для граждан, подвергшихся политическим репрессиям, или их наследников.

Было установлено, что в некоторых районных архивах не сохранилась информация о конфискации имущества депортированных граждан. Следовательно, появились дополнительные препятствия в рассмотрении заявлений

специальными комиссиями, созданными местными органами публичной власти. <...> В большинстве случаев не существует документов, подтверждающих невозврат имущества или возмещение его стоимости.

В связи с этим были внесены изменения в Положение о возмещении стоимости имущества путем выплаты компенсаций лицам, подвергшимся политическим репрессиям, а также о выплате компенсации в случае смерти вследствие политических репрессий. Таким образом, сбор необходимой информации входит в компетенцию специальных комиссий. Если бы не появились очередные препятствия, можно было бы расценить внесение этих изменений как попытку облегчить положение людей и позволить им вписаться в установленный законом срок подачи заявления о возврате конфискованного имущества или возмещении его стоимости путем выплаты компенсаций. Ранее органы местного публичного управления не могли выдавать документы, подтверждающие невозврат имущества или возмещение его стоимости (в отсутствие документации, подтверждающей учет движения денежных средств, органы местного публичного управления не рисковали выдавать такие справки).

После внесения изменений в Постановление Правительства № 627 от 05.06.2007 органы местного публичного управления по запросу специальных комиссий начали предоставлять информацию о лицах, которым было возвращено имущество или возмещена его стоимость, в качестве доказательства предоставляя не документы, подтверждающие факт выплаты компенсаций, а лишь свои постановления об утверждении списков бенефициантов права на выплату компенсаций. Специальные комиссии принимали эти постановления в качестве доказательств и, соответственно, отклоняли заявления о возвращении конфискованного имущества или возмещении его

стоимости. По мнению парламентских адвокатов, такое положение вещей во многом сложилось из-за безответственного отношения членов специальных комиссий к данному вопросу и, возможно, нежеланию осознания всей тяжести положения, ответственности государства за совершенное когда-то беззаконие.

Безусловно, решение специальной комиссии может быть обжаловано в судебном порядке. В этом случае истец (репрессированный) должен представить суду доказательства обоснованности своих требований. Как правило, судебные инстанции отклоняют такие иски в связи с тем, что *«истец не представил доказательства, подтверждающие возмещение стоимости конфискованного имущества»*, игнорируя положения статьи 118 Гражданского процессуального кодекса, согласно которым *«каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений...»*, а судебная инстанция *«вправе предложить сторонам и другим участникам процесса в случае необходимости представить дополнительные доказательства и доказать факты, составляющие предмет доказывания, чтобы убедиться в их достоверности»*.

Следовательно, для принятия законного и обоснованного решения закон предоставляет судье возможность оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, беспристрастном и непосредственном рассмотрении всех имеющихся в деле доказательств в их совокупности и взаимосвязи, руководствуясь законом. <...>

Должное разрешение проблем, с которыми сталкивается эта категория лиц, предполагает активное вмешательство органов центрального и местного публичного управления, тем самым избегая предпосылки обращения граждан в международные судебные инстанции.

Одновременно парламентские адвокаты считают необходимым пересмотреть Ст. II Закона № 186 от 29.06.2006 о внесении изменения и дополнения в Закон о реабилитации жертв политических репрессий № 1225-XII от 8 декабря 1992 г. ввиду продления срока подачи заявления о возврате изъятого имущества»²⁶.

Высшая судебная палата

Учитывая разный уровень качества работы комиссий, методологический разноречивой и тот факт, что все больше и больше граждан обращаются в суды для решения проблем, связанных с возмещением ущерба вследствие репрессий, Высшая судебная палата разработала и опубликовала в декабре 2013 г. Рекомендацию № 60 О возвращении конфискованного имущества жертвам политических репрессий²⁷, в которой предлагает единую методику рассмотрения такого рода дел во всех судебных инстанциях страны.

Аудит Счетной палаты

В мае 2014 г. Счетная палата РМ опубликовала результаты финансового аудита механизма возврата имущества и выплаты компенсаций лицам, подвергшимся политическим репрессиям. В документе говорится, что для членов специализированных комиссий следовало организовано и в централизованном порядке обеспечить обучение, чтобы они лучше понимали полномочия и задачи, возложенные на них по закону. Члены этих комиссий ощутили и отсутствие практического руководства по применению законодательства, касающегося оценки, установления и выплаты возмещения лицам, которые

²⁶ Центр по правам человека Молдовы. Доклад о соблюдении прав человека в Республике Молдова в 2008 году. Кишинев, 2009 (http://www.ombudsman.md/sites/default/files/rapoarte/raport_rus_2008.pdf).

²⁷ http://jurisprudenta.csj.md/search_rec_csj.php?id=91

подверглись репрессиям. Все эти аспекты еще остаются очень сложными и разными.

В ходе аудита также выяснилось, что органы местного публичного управления в недостаточной мере обеспечили качество работы специализированных комиссий и максимально правильное применение норм Закона о реабилитации жертв политических репрессий. «Все вышеизложенное отрицательным образом сказалось на эффективности деятельности специальных комиссий, а прогресс в этом отношении не был достигнут», – указывается в отчете.

Как отмечает Счетная палата, «сложившаяся ситуация чревата тем, что не будут выполнены надлежащим образом задачи, установленные законодательством относительно возмещения реабилитированным лицам стоимости имущества, что влечет за собой выделение и выплату серьезных сумм из публичных средств». Только в 2008–2013 гг. финансовая помощь, предоставленная из госбюджета, составила 139,2 млн леев (это плохо согласуется с суммой, указанной для 2013 г. выше), получили ее 425 семей. Распределение по годам следующее: 2008 – 58 человек, 2009 – 148, 2010 – 47, 2011 – 67, 2012 – 32, 2013 – 83²⁸.

В отчет включены около двадцати примеров, из которых следует, что инструменты, внедренные и применяемые профильными учреждениями для установления и выплаты компенсаций лицам, которые подверглись политическим репрессиям, не были действенными и достаточными. При этом ведомство указывает на то, что не существует регистра, который ведется вручную, либо информационной системы учета компенсаций, установленных жертвам политических репрессий, не существует никакого учета этих лиц. Все названные факторы «сохра-

²⁸ http://www.ccrm.md/public/files/publication/Prezentare_16.05.2014.pdf

няют повышенный риск нерегламентированной выплаты компенсаций наследникам репрессированных лиц»²⁹.

Правительственная комиссия по проблемам жертв политических репрессий

Постановлением Правительства № 516 от 13 мая 2006 г. и во исполнение положений Закона о реабилитации жертв политических репрессий № 1225-ХІІ от 8 декабря 1992 г.³⁰, с последующими изменениями и дополнениями, была создана Правительственная комиссия по проблемам жертв политических репрессий³¹.

«Правительственная комиссия по проблемам жертв политических репрессий имеет целью продвижение государственной политики в области реабилитации жертв политических репрессий и разрешение вопросов, возникающих в процессе применения нормативных актов, регулирующих данную область. <...>

Основными задачами комиссии являются: а) участие в процессе разработки и реализации нормативных актов по политическим, социальным и гражданским правам реабилитированных лиц; б) разрешение иных проблем и мониторинг компетентными органами публичного управления применения положений о реабилитации жертв политических репрессий Закона № 1225-ХІІ от 8 декабря 1992 г., порядка возвращения имущества, конфискованного, национализированного или изъятого иным способом».

²⁹ <http://www.ccrm.md/libview.php?l=ro&idc=2&id=5255&t=/Biroul-de-presa/Noutati/Carente-i-vulnerabilitati-ale-procesului-de-stabilire-a-compensatiilor-represiunilor-politice>. Об этом докладе см. также: Менюк Н.: Деньги жертв политических репрессий украдены // Молдавские ведомости. 2014. 20 мая.

³⁰ Повторное опубликование: Официальный монитор Республики Молдова. 1999. № 133/134. Ст.654.

³¹ Согласно этому же Постановлению, Постановление Правительства № 307 от 27 мая 1993 г. «Об образовании Правительственной комиссии по проблемам, связанным с возмещением материального ущерба, причиненного лицам, подвергшимся политическим репрессиям» утратило силу.

Председателем этой комиссии в 2006 г. был назначен министр юстиции. В комиссию также вошли представители (на уровне заместителей министров) Минфина, Министерства экономики и торговли, Министерства социальной защиты, семьи и ребенка, МВД и Службы информации и безопасности РМ.

Эффективность этой комиссии была не очень велика. Вот статистика ее заседаний: 2006 – 3 заседания, 2007 – 4, 2008 – 2, 2009 – 0, 2010 – 1, 2011 – 1. В силу того, что во главе этой комиссии находился министр юстиции, в адрес министерства приходило ежегодно от 12 до 130 петиций от жертв политических репрессий (напрямую или через администрацию президента, правительство и т.д., куда эти петиции также поступали). Минюст отвечал на эти петиции, но не был в состоянии оказывать помощь авторам петиций.

В 2011 г. было принято решение передать эту комиссию под контроль Министерства труда, социальной защиты и семьи. Председателем комиссии стала министр труда, социальной защиты и семьи Валентина Булига, а в ее состав вошла и председатель Ассоциации бывших депортированных и политических узников Валентина Стурза.

Тем самым Правительственная комиссия по делам жертв политических репрессий из органа, вырабатывающего государственную политику в отношении жертв политических репрессий (что и является ее главной задачей), была превращена в еще одну инстанцию, оказывающую социальную помощь указанной категории лиц.

Никакой статистики или информации о работе комиссии после смены в 2011 г. концепции и руководства нам найти не удалось. Надо полагать, сегодня данная комиссия практически не действует.

Сближение Республики Молдова с Европейским Союзом, приведение молдавского законодательства в со-

ответствие с европейским, которое четко настаивает на эффективном возмещении ущерба³², похоже, приведет к тому, что в вопросе восстановления справедливости в отношении репрессированных в Молдове наступит новый качественный этап.

III. Социальные последствия реабилитации для бывших жертв

Льготы для жертв репрессий

Граждане Республики Молдова – жертвы политических репрессий имеют право на получение беспроцентного кредита для строительства нового жилья (в случае, если не имеют жилья в собственности) или ремонта возвращенных или имеющих в собственности домов. Размер кредита определяется органами местного публичного управления на основе технической экспертизы имущества (ст.18)³³.

Споры в связи с реабилитацией жертв политических репрессий рассматриваются в судах всех уровней без уплаты судебной пошлины (ст.19).

Граждане Республики Молдова, репрессированные и впоследствии реабилитированные, имеют право на пенсию согласно Закону о пенсиях государственного социального страхования (ст.20)³⁴.

Инвалиды и пенсионеры (установленного пенсионного возраста) – граждане РМ, репрессированные и впоследствии реабилитированные, пользуются правом:

– получения медицинской помощи в соответствии с минимумом бесплатного медицинского страхования,

³² Напр., Резолюция Парламентской Ассамблеи Европы № 1096 (1996) «О мерах по ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных систем».

³³ В редакции Закона № 295-ХІІІ от 23.11.94.

³⁴ Ст.20 изменена Законом № 552-ХІV от 28.07.99.

установленным законодательством, а также обеспечения специфическими лекарственными средствами согласно национальным программам;

– бесплатного изготовления и ремонта зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов), обеспечения на льготных условиях другими протезно-ортопедическими изделиями;

– санаторного оздоровления в порядке, установленном Правительством;

– первоочередного устройства в дома престарелых и инвалидов с бесплатным государственным обеспечением при сохранении не менее 25 % начисленной пенсии;

– первоочередной установки телефона.

Реабилитированным лицам, имеющим право на льготы, предусмотренные настоящим законом, выдается соответствующее удостоверение (ст. 21).

Ежемесячные государственные пособия

В соответствии с Постановлением Правительства № 730 от 02.10.2012 «О внесении изменений и дополнений и признании утратившими силу некоторых Постановлений Правительства»³⁵ и в соответствии со ст.2 п.1 Положения о порядке установления и выплаты ежемесячных государственных пособий некоторым категориям населения, утвержденного Постановлением Правительства № 470 от 2 мая 2006 г., реабилитированным жертвам политических репрессий 1917–1990 гг. устанавливается ежемесячное государственное пособие в размере 100 леев³⁶. Для получения этого вида пособия необходимо предоставить в Территориальную кассу социального страхования (ТКСС) заявление с приложением копий удостоверения

³⁵ Опубликован : 05.10.2012 в Monitorul Oficial Nr. 209-211, <http://lex.justice.md/ru/344918/>

³⁶ 100 леев – около 7,2 доллара.

личности и удостоверения, выданного соответствующими органами, которые подтверждают права реабилитированных жертв политических репрессий.

Сегодня эти ежемесячные государственные пособия получают 8475 жертв политических репрессий.

Как было отмечено выше, в последние годы Правительство принимает решения о **единовременных выплатах** жертвам политических репрессий, приуроченных к годовщине самой массовой депортации, 6–7 июля 1949 г. Согласно этим решениям, лица, подвергшиеся политическим репрессиям, ежегодно получают по 500 леев³⁷. В 2013 г. Министерство финансов Молдовы выделило из государственного бюджета 15,7 млн леев для единовременной помощи жертвам политических репрессий.

IV. Общественный статус жертв

Общественные организации жертв и их родственников

После провозглашения независимости Молдовы первыми организациями, активно занимающимися проблемами жертв политических репрессий в МССР, были Народный Фронт Молдовы и Ассоциация жертв оккупационного коммунистического режима и военных ветеранов румынской армии (11 июня 2000 г. на своем IV съезде переименованная в Румынскую национальную партию), во главе которой был Георге Гимпу³⁸.

В 2002 году в Молдове была зарегистрирована Ассоциация бывших депортированных и политических узников Молдовы, – на сегодняшний день одна из самых активных и влиятельных общественных организаций, зани-

³⁷ 500 леев – около 36,2 доллара.

³⁸ Г.Гимпу, политический заключенный в 1970-х годах, брат Михая Гимпу, исполнявшего обязанности президента в 2009–2010 гг., лидера Либеральной партии Молдовы. Георге Гимпу погиб в автокатастрофе в 2000 г.

мающихся проблемами жертв политических репрессий. Главная задача Ассоциации – оказание всемерной помощи жертвам политических репрессий в Молдове.

В то же время, поскольку тема репрессий в МССР крайне политизирована³⁹, Ассоциация вовлечена и в политическую жизнь страны, открыто поддерживает на выборах те или иные политические формирования Молдовы, делает заявления политического характера, комментирует происходящие в стране события. Председатель Ассоциации г-жа Валентина Стурза (бывший заместитель Георге Гимпу). Отцу Валентины в 1941 г. расстрел заменили на 10 лет лагерей. Семья была депортирована в Казахстан.

Из других общественных организаций, занимающихся проблемами политических репрессий советского периода, необходимо отметить также Институт общественной истории ProMemoria⁴⁰. В разных аспектах тему жертв политических репрессий советского периода затрагивают организации унионистского, прорумынского характера. Такие как, например, Совет Объединения (Consiliul Unirii), выступающий за объединение Молдовы и Румынии.

В 2012 г. Совет Объединения выступил с инициативой, чтобы международное сообщество признало геноцид жителей Бессарабии со стороны СССР. По мнению членов Совета, «геноцид означает преступление против

³⁹ Тема советских репрессий в МССР активно используется в политической борьбе в основном партиями, выступающими за объединение с Румынией. В идеологическом арсенале таких партий русофобия, отрицание молдавской идентичности (языка, истории и т.п.), признание советского периода МССР периодом советской оккупации, в крайних проявлениях – отрицание Холокоста.

⁴⁰ Возглавляет Институт доктор истории Анатоли Петренку, бывший председатель Ассоциации историков Молдовы. В своих ранних работах отрицал Холокост на территории Бессарабии во время Второй мировой войны и оправдывал действия диктатора Иона Антонеску.

человечества, которое не имеет срока давности. Таким образом, авторы геноцида должны ответить за содеянное и сегодня, а те, кто не признают этот геноцид, должны привлекаться к уголовной ответственности. Так же, как было сделано в отношении признания Холокоста»⁴¹.

Необходимо подчеркнуть, что все общественные организации, в той или иной форме и степени занимающиеся жертвами депортаций и репрессий, как правило, вовлечены в активную политическую деятельность.

Организации, работающие в интересах жертв политических репрессий

В октябре 2010 г. в Кишиневе на факультете истории и философии Госуниверситета был создан Центр по изучению тоталитаризма, который в основном концентрируется на исследованиях преступлений советской власти на территории МССР. Основателем и директором Центра стал доктор истории Игорь Кашу⁴². В 2006 г. г-н Кашу участвовал в составлении доклада президентской Комиссии по анализу коммунистической диктатуры в Румынии, известной как Комиссия Тисмэняну (Владимир Тисмэняну – ее председатель), созданной Президентом Румынии Трэяном Бэеску, стремившимся получить формальные основания для официального осуждения коммунизма в Румынии⁴³. Игорь Кашу – автор главы «Коммунистические репрессии в советской Молдавии».

В 2010 г. он участвовал в другой президентской комиссии – Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима в Республике Молдова, созданной указом исполняющего обязанности президента РМ

⁴¹ http://gzt.md/article/культура,_история/10364/

⁴² Информацию о Игоре Кашу (Igor Casu) см.: http://ro.wikipedia.org/wiki/Igor_Ca%C8%99u и <https://www.facebook.com/igorcasu>

⁴³ http://www.presidency.ro/static/ordine/RAPORT_FINAL_CPADCR.pdf

Михая Гимпу⁴⁴, о которой больше информации приведем чуть ниже. Игорь Кашу – автор целого ряда публикаций, касающихся политических репрессий в МАССР и МССР. В 2014 г. под эгидой Центра по изучению тоталитаризма И.Кашу публикует большое исследование под названием *Dușmanul de clasă. Represiuni politice, violență și rezistență în R(A)SS Moldovenească, 1924–1956* (Классовый враг. Политические репрессии, насилие и сопротивление в М(А)ССР 1924–1956 гг.)⁴⁵.

Другим центром, занимающимся изучением преступлений советского периода и увековечением памяти жертв политических репрессий, стал Национальный музей истории Молдовы (НМИМ). Здесь 6 июля 2010 г. была открыта первая выставка, посвященная жертвам политических репрессий⁴⁶.

В 2012 г. под руководством и при непосредственном участии заместителя директора музея, доктора исторических наук Елены Постикэ здесь же открылся постоянно действующий музей жертв депортаций и политических репрессий. Экспозиция музея была размещена в центральном здании НМИМ. Сегодня музей временно закрыт, поскольку выяснилось, что помещение, в котором он расположен, приватизировано частными лицами. Правительство в марте 2014 г. создало специальную комиссию, которая должна разобраться в сложившейся ситуации и обеспечить нормальное функционирование музея⁴⁷.

Серьезным вкладом сотрудников Национального музея истории Молдовы в увековечение памяти жертв по-

⁴⁴ Опубликовано: 19.01.2010 в Monitorul Oficial № 5–7 (<http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=333433&lang=2>).

⁴⁵ Краткое содержание на английском языке см.: https://www.academia.edu/616126/Class_Enemy_Political_Repressions_Violence_and_Resistance_in_Moldavian_A_SSR_1924-1956_Chisinau_Cartier_2014_396_p._Summary_in_English_in_Romanian-Russian_version_to_be_ready_soon

⁴⁶ <http://www.flux.md/editiii/201026/articole/9978/>

⁴⁷ Monitorul Oficial Nr. 53/59. 07.03.2014. Ст.173.

литических репрессий стало издание: «Книга Памяти. Каталог жертв коммунистического тоталитаризма», четыре тома которого вышли в свет соответственно в 1999, 2001, 2003 и 2005 гг. Руководитель проекта Елена Постикэ.

**Комиссия по изучению и оценке
тоталитарного коммунистического
режима в Республике Молдова
(т.н. Комиссия Гимпу)**

Политические репрессии советского периода – одна из тем, находящихся в центре общественных дискуссий в Республике Молдова. Однако надо с сожалением констатировать, что повышенное внимание к этой теме диктуется не столько заботой о жертвах репрессий, желанием восстановить справедливость в отношении этих лиц, сколько текущими политическими интересами, в поддержку которых мобилизуется «прошлое». Прошлое, получающее «нужную» интерпретацию.

Наша страна мало чем отличается от тех (очень многих) слабых государств, которые реальную работу по модернизации страны подменяют жесточайшими и непрекращающимися спорами и баталиями по поводу интерпретаций прошлого. Общество расколото в оценке прошлого, настоящего и будущего. Участвующим в этих «боях за непредсказуемое прошлое» кажется, что успех страны в настоящем и будущем зависит от «правильной» интерпретации произошедших когда-то событий. При этом у каждой стороны, естественно, своя «правильность», своя «историческая правда». В таких странах, как правило, нет политической культуры диалога, компромисса, нет традиции учета другого мнения, что превращает любую дискуссию в войну на уничтожение оппонента.

Тема политических репрессий в советский период активно используется в политических баталиях. Наиболее

активна и последовательна в этом смысле Либеральная партия Молдовы, возглавляемая Михаем Гимпу, с декабря 2009 г. по ноябрь 2010 г. исполнявшим обязанности Президента Республики Молдова. Одним из первых шагов, предпринятых г-ном Гимпу на этом посту, было создание **Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима в РМ**. Комиссия была создана Указом президента от 14 января 2010 г.⁵⁰, в нее вошли 30 историков и юристов. Возглавил Комиссию доктор исторических наук Георге Кожокару. Комиссия получила доступ к архивам Генпрокуратуры, МВД, Службы информации и безопасности (преемницы КГБ) и др.

Уже 31 мая 2010 г. на стол врио Президента лег многостраничный доклад. Среди рекомендаций Комиссии были следующие: осудить преступления коммунистического тоталитарного режима, запретить все коммунистические символы, запретить использование слова «коммунистический» и его производных в названиях политических партий и организаций, создать мемориал жертвам политических репрессий коммунистического режима.

Рекомендации Комиссии в случае их реализации означали бы фактический запрет Партии коммунистов Республики Молдова (ПКРМ), влиятельного политического формирования, находившегося у власти в Молдове с 2001 по 2009 г. Скорость, с которой была создана эта комиссия, и темпы подготовки доклада дали многим экспертам основания считать, что перед этой комиссией были поставлены не научные, а политические задачи.

Создание и работа этой комиссии стали очередным поводом для раскола в обществе. Наряду с выражением поддержки со стороны части общества звучала и жесткая

⁵⁰ Там же. Nr. 5/7. 19.01.2010. Ст.3; <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=333433&lang=2>

критика комиссии. ПКРМ обвиняла ее в политической ангажированности, считая, что цель комиссии и ее доклада не восстановление исторической правды, а ликвидация оппозиции, попытка сделать ПКРМ – современную парламентскую партию – ответственной за преступления прошлого.

Скептическое отношение к комиссии выражали и некоторые историки, политические аналитики, общественные деятели. Так, например, доктор исторических наук Виталий Андриевский отметил, что правящий «Альянс» (в данном случае в лице Гимпу) делает очень много ошибочных шагов. «Они предлагают обществу “ложные цели”, они уводят общество от реальных проблем». К таким “ложным целям” Гимпу, по мнению эксперта, можно отнести и инициативу по переименованию языка (молдавский или румынский) и преподавание курса «Истории румын», и ряд других инициатив, которые «не являются актуальными для нашего общества». Некоторых членов комиссии обвинили в сотрудничестве с КГБ в советское время⁵¹.

Получив доклад, врио Президента Михай Гимпу выступил с предложением осудить коммунистический режим и запретить символы советской эпохи. Парламент, однако, не поддержал его предложения.

Результатом работы комиссии стал Указ врио Президента от 24 июня 2010 г., по которому день 28 июня был объявлен «Днем советской оккупации»⁵². Указ впоследствии был отменен Конституционным судом РМ. Через два года правящая коалиция все-таки поддержала предложение Гимпу и проголосовала за запрет символа «серп и молот», который был партийной эмблемой Пар-

⁵¹ <http://www.nm.md/article/cel-komissii-gimpu-isklyuchenie-pkrm-iz-predvyborou-gonki>

⁵² 28 июня 1940 г. Красная армия вошла в Бессарабию. Нынешние власти Молдавии расценивают это как аннексию Бессарабии со стороны СССР. В советские времена 28 июня отмечалось как день «освобождения Бессарабии и Кишинева от бьяро-румынской оккупации и воссоединение с советской родиной».

тии коммунистов РМ. Этот запрет после рекомендации Венецианской комиссии Совета Европы также был отменен Конституционным судом Молдовы.

Инициативы Михая Гимпу по созданию комиссии, объявлению 28 июня «Днем советской оккупации», по запрету коммунистической символики большинством в Молдове и среди представителей диаспоры за ее пределами были расценены как действия, вносящие раскол в молдавское общество⁵³.

Полный текст доклада «Комиссии Гимпу» не был опубликован. Его общий обзор на молдавском (румынском) языке появился в прессе в июне 2010 г.⁵⁴

Комиссия практически прекратила деятельность сразу же после представления доклада в мае 2010 г., проработав всего несколько месяцев. Формально, однако, она еще существует.

Архивы и доступ к делам репрессированных

Персональные дела осужденных и депортированных в Республике Молдова хранятся в спецхранах СИБа (преемница КГБ), Социально-политическом архиве (бывший архив ЦК КПМ) и в Национальном Архиве Республики Молдова. До 2010 г. дела депортированных хранились и в специальных архивах МВД. Согласно Указу врио Президента Гимпу, начиная с 2010 г. все дела репрессированных, хранившиеся в МВД, были переданы в Национальный Архив РМ. Часть дел была передана в Национальный Архив и из СИБа.

До 2010 г. доступ в архивы, хранящие дела жертв политических репрессий, был сильно затруднен. К некоторым фондам исследователи впервые получили доступ только

⁵³ <http://www.kommersant.ru/pda/kommersant.html?id=1379905>

⁵⁴ <http://www.timpul.md/articol/exclusiv-citete-raportul-comisiei-pentru-studierea-regimului-comunist-12646.html>

после Указа о создании Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима. Члены «Комиссии Гимпу» получили доступ к делам репрессированных, хранящимся в первую очередь в Национальном Архиве и в Социально-политическом архиве РМ. В спецхраны СИБа имели доступ только единицы. В архивах Генпрокуратуры и Верховного суда члены «Комиссии Гимпу» не работали.

Доступ к собственным делам для реабилитированных жертв политических репрессий разрешен законом⁵⁵, однако проблемы возникают почти всегда. Поэтому говорить о свободном доступе к архивам, в том числе даже к собственным делам, пока не приходится. Получить доступ в архивы можно, но для этого необходимы немалые усилия, терпение и время, которого у жертв репрессий не так много. Получить доступ в архив можно и по решению суда, однако этот путь зачастую по разным причинам неприемлем для бывших репрессированных.

V. Общественная осведомленность

Исследователи, специализированные сайты, журналы

В этой работе нет надобности останавливаться подробно на историографии темы политических репрессий, реабилитации жертв и т.п. Однако следует отметить, что в период перестройки и в первые годы независимости тон в обсуждении темы политических репрессий и реабилитации жертв депортаций задавали не столько историки, сколько люди других творческих профессий –

⁵⁵ Закон о реабилитации... Ст.9. Материалы политических репрессий: «Реабилитированные лица, а в случае их смерти – родственники вправе ознакомиться с материалами, на основании которых они были подвергнуты репрессиям. Реабилитированные лица и их наследники вправе добиваться возвращения им сохранившихся рукописей, фотографий, личных документов».

писатели⁵⁶, журналисты⁵⁷. Жанр первых исследований можно отнести скорее к исторической и политической публицистике, чем к научным историческим исследованиям. После появления первых сборников документов⁵⁸ научные изыскания в этом направлении приняли более системный характер⁵⁹.

Из последних публикаций помимо упомянутых выше необходимо отметить сборник статей «Fara termen de prescriptie» («Без срока давности»), вышедший в 2011 г., координаторами которого стали доктора истории Игорь Кашу и Сержиу Мустяцэ⁶⁰. Не могу не упомянуть Сборник документов: «Массовые расстрелы в МАССР в период Большого террора, 1937–1938. Рассекреченные документы из архивов МВД и СИБ Республики Молдова»⁶¹.

Вышел первый том документов «Массовые депортации из Молдавской ССР 5–9 июля 1949 г. Операция “Юг”» под редакцией Иона Варты. По утверждению автора, более 90% включенных в книгу документов приводятся впервые. Большая часть документов (более 80%) взята из архива МВД, остальные – из архивов Службы информации и безопасности. Доступ к этим архивам стал возможен

⁵⁶ Ион Друцэ, Думитру Матковский, Ион Хадыркэ, Григоре Виеру, Владимир Бешлягэ, Георге Маларчук, Ион Чокан и другие.

⁵⁷ Статья Иона Цуркану и Леонида Бульмаги, опубликованная 10 мая 1987 г. в газете «Советская Молдавия», считается первым материалом, в котором говорилось о новых задачах исторической науки.

⁵⁸ В первую очередь необходимо отметить работу Валерия Пассата «Трудные страницы истории Молдавии, 1940–1950 гг.» (М., Терра, 1994 и все последующие переработанные издания), а также составленный Анатолом Цэрану сборник документов «Голод в Молдове, 1946–1947» (Кишинев, 1993).

⁵⁹ В первую очередь необходимо отметить исследования таких авторов, как Ион Цуркану, Михай Грибинча, Леонид Бульмага, Александру Мошану, Ион Шишкану, Виталие Вэратек, Елена Постикэ, Владимир Царанов, Владимир Бомешко, Кирилл Стратиевский, Елена и Георге Негру, Михай Ташкэ, Алексей Мемей, Ион и Татьяна Варта, Игорь Шаров.

⁶⁰ Casu I., Musteata S. Fara termen de prescriptie / ed. Cartier. Chisinau, 2011.

⁶¹ Varta I., Varta T., Şarov I., ed. Asasinările în masă din RASSM în perioada Marii Terori, 1937–1938 : Documente desecretizate din arhivele MAI și SIS ale Republicii Moldova. Vol. 1. Chişinău: Editura Arc, Cartdidact, 2010. 828 p.

после рассекречивания бывших архивов КГБ в 2010 г. Ион Варта утверждает, что располагает архивными документами для издания еще двух томов о депортациях 5–9 июля 1949 г., которые в целом составят более 2500 страниц⁶².

Сегодня в Молдове не издается ни одного специализированного исторического журнала по новейшей истории, в котором исследователи могли бы публиковать свои работы, в том числе по проблемам политических репрессий, реабилитации, социальной и правовой ситуации жертв репрессий. Материалы такого характера появляются, как правило, в газетах, электронной прессе, социальных сетях и т.п. Например, в молдавском отделении румынской газеты «Adevarul» («Правда»)⁶³ существует постоянная рубрика «Arhivele comunismului» («Архивы коммунизма»), где периодически появляются материалы по обсуждаемой теме.

Из исследований в жанре устной истории можно отметить попытку историка Юлиана Фрунташу создать мультимедийный портал, на котором размещены видео- и аудиосвидетельства жертв депортаций⁶⁴ (к сожалению, этот портал уже некоторое время не развивается).

Заслуживает внимания и проект историка Алексея Тулбуре «Устная история. Депортации 1949 года из МССР», материалы которого (десятки интервью с жертвами депортаций 1949 г.) публикуются на электронном портале <http://culturossica.ru/members/moldovan/>. В ближайшее время планируется издание этих интервью отдельной книгой.

Необходимо также отметить вышедшую на английском языке работу Мариуса Тэбырцэ (Молдова), Ма-

⁶² <http://www.infotag.md/news/588306/>

⁶³ Напр., http://adevarul.ro/moldova/politica/arhivele-comunismului-folcloristul-petre-Stefanuca-trimis-moarte-dosarul-refugiaticilor-transnistreni-1_537-e2afd0d133766a8e1d56d/index.html

⁶⁴ <http://www.deportari.md/>

риана Лопатэ (Украина) и Андрея Мастыка (Беларусь): «The deportations from the neighbouring Chernivsty region (Ukraine) in 1944–1953 and from the Bricheny, Oknitsa and Edinets regions (Moldova) in 1949–1951», содержащую интервью с жертвами депортаций из Черновицкой области и северных районов Молдовы⁶⁵.

Главными хранителями памяти жертв политических репрессий помимо самих жертв и их родственников по праву можно назвать **школьных учителей истории**, в учебных программах которых тема политических репрессий, массовых депортаций из МССР занимает достаточно значительное место. Все учебники национальной истории (которая в Молдове называется «Историей румын»⁶⁶) содержат главы, повествующие о политических репрессиях.

В некоторых изданиях (например, в учебнике «История румын» для 12-го класса Николае Енчу) ошибочно утверждается, что советские репрессии носили не классовый, а этнический, национальный характер: «По форме осуществления, количеству депортированных и, в особенности, по последствиям операция «Юг» стала апогеем массового террора на территории между Прутом и Днестром. Как и на остальной части советской империи, депортация *бессарабских румын* (курсив мой – А. Т.) имела ожидаемый эффект...»⁶⁷. Этот тезис повторяют в своих работах, выступлениях сторонники концепции «антирумынского» характера советских репрессий, однако в се-

⁶⁵ http://aap.gov.md/index.php?option=com_content&view=article&id=473%3Aa-fost-lansat-studiul-despre-deportarile-din-regiunea-cernui-ucraina-i-nordul-republicii-moldova&catid=18%3Anouti&Itemid=295&lang=ro

⁶⁶ Молдова – единственная в Европе страна, в которой название школьного курса истории не содержит названия страны. Вместо «Истории Молдовы» или просто «Истории» в школах РМ дети изучают «Историю румын». Споры о названии предмета, преподаваемого в школах, не прекращаются все двадцать с лишним лет независимости Молдовы.

⁶⁷ Enciu N. Istoria Romanilor. Epoca Contemporana : Manual pentru clasa XI-a / Civitas, 2001. P.113.

ррезных исследованиях и в большинстве учебников эта трактовка встречается все реже.

Судебные процессы над организаторами и исполнителями политических репрессий

Статья 23 Закона о реабилитации жертв политических репрессий, совершенных оккупационным тоталитарным коммунистическим режимом (7 ноября 1917 года – 23 июня 1990 года), предусматривает уголовную ответственность для организаторов и исполнителей политических репрессий⁶⁸. А статья 4 упомянутого выше Постановления № 1226-ХП (1993) «О введении в действие Закона о реабилитации» предписывает Республиканской прокуратуре «установить лиц, непосредственно участвовавших в политических репрессиях, и принять соответствующие меры».

Однако процессов над организаторами и исполнителями политических репрессий в Молдове не было. Это отчасти объясняется тем, что организаторов репрессий 1940-х–1950-х годов преимущественно уже не было в живых (речь идет о партийных и советских руководителях МССР, о главах МВД и МГБ МССР и других лицах), а отчасти и тем, что имена исполнителей (многих из которых тоже нет в живых) неизвестны. В копиях архивных дел, выдаваемых на руки жертвам репрессий или их родственникам, имена доносчиков, следователей, офицеров МВД, или МГБ вымараны.

⁶⁸ Ст.23. Уголовная ответственность за участие в политических репрессиях: «Работники органов ВЧК, ГПУ–ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ и прокуратуры, судьи, члены “двоек”, “троек”, “особых совещаний” и работники других органов с аналогичными функциями, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях и допустившие нарушения законов, действовавших на момент репрессирования, а также работники государственных, административных и партийных органов, которые преднамеренно участвовали в политических репрессиях, фальсифицируя материалы дел, несут по решению суда уголовную ответственность согласно действующему законодательству».

В Молдове после развала СССР к лицам, сотрудничавшим с органами госбезопасности, доносчикам, исполнителям политических репрессий и другим категориям лиц, замешанным в преступлениях советского режима, не была применена люстрация. Имена большинства из них неизвестны.

Не исключено, что дела многих либо уничтожены, либо вывезены с территории Молдовы. По сведениям молдавских исследователей, в период с октября по декабрь 1990 г. молдавский КГБ уничтожил 10 004 досье, содержащих имена информаторов, доносчиков и хозяев конспиративных квартир КГБ⁶⁹.

После провозглашения независимости новые власти Молдовы выразили отношение к советскому периоду в том числе и тем, что из **названий улиц, населенных пунктов, организаций и т.д. исчезли советские имена и названия**. В некоторых случаях в этом процессе зашли слишком далеко, убрав из городской и сельской топонимики имена людей, имевших выдающиеся и бесспорные заслуги перед молдавским народом – военные (освободили Молдавию от нацистских захватчиков), трудовые, научные и т.д. И сегодня в Молдове не прекращаются споры и дискуссии по вопросам названия и переименования улиц. Сходные процессы имели место и в отношении памятников советской эпохи.

Памятники, мемориалы

Первым памятником жертвам политических репрессий стал мемориальный камень, установленный в Кишиневе на ул. А.Матеевича (ранее ул. Садовая) у одного из входов в парк «Валя Морилор» (Долина Мельниц).

⁶⁹ Tasca M., Postica A. Accesul la arhive in Republica Moldova : Studii si jurisprudenta. Chisinau: Pontos, 2011. P.59–61.

На камне выбита надпись, информирующая о том, что на этом месте в 40-е годы прошлого столетия органы НКВД расстреливали тех, кто был для них «врагами народа».

В 90-е годы прошлого и нулевые годы нынешнего века процесс установки памятников и мемориалов жертвам сталинских репрессий имел несистемный характер и (за исключением первых лет независимости), не пользовался особой поддержкой со стороны сменяющих друг друга правительств. В этот период были установлены памятные камни, напоминающие о массовых депортациях из Молдавской ССР, в скверах Кишиневского и Бельцкого железнодорожных вокзалов, в некоторых населенных пунктах страны.

Ситуация резко изменилась после 2009 г., когда к власти в Молдове пришла коалиция, в составе которой была и Либеральная партия Молдовы во главе с Михаем Гимпу. В программе этой партии поддержка жертв политических репрессий (коммунистического режима), увековечение их памяти была одним из приоритетов.

Уже в июне 2010 г., после известного Указа Михая Гимпу об объявлении 28 июня «Днем советской оккупации» (указ, как я уже говорил, был отменен решением Конституционного суда), на центральной площади Кишинева (Площадь Великого Национального Собрания), на месте, где на протяжении более ста лет сменяли друг друга памятники царям, молдавским господарям и руководителям советского государства, был установлен мемориальный камень **в память жертв советской оккупации**, который М.Гимпу и мэр Кишинева Дорин Киртоакэ, вице-председатель Либеральной партии (племянник М.Гимпу) пообещали заменить памятником. Несмотря на то, что против установки камня и памятника жертвам политических репрессий в центре Кишинева протестовали социалисты, коммунисты и некоторые

общественные организации, этот памятный камень до сих пор остается на месте.

Первый мемориал жертвам политических репрессий в Республике Молдова был открыт 21 ноября 2012 г. в коммуне Прутень Фэлештского района. Мемориальный комплекс посвящен жителям коммуны, подвергшимся в период 1940–1952 гг. депортациям и политическим репрессиям со стороны советской власти. Комплекс включает в себя Капеллу, Распятие и мраморную доску, на которой выбиты имена 101 жертвы репрессий, жителей коммуны Прутень.

В сентябре 2012 г. памятник жертвам депортаций и политических репрессий был установлен в сквере ж.-д. вокзала г.Шолдэнешты Республики Молдова.

В этот период установка мемориальных камней и памятников жертвам политических репрессий приобретает массовый характер. 22 июля 2013 г. мемориальный камень в память жертв голода 1946–1947 гг. и политических репрессий установлен в с.Милешты Ниспоренского района. На месте камня в самое ближайшее время будет возведен памятник. 28 июля того же года в с.Попяска района Штефан Водэ был установлен памятник «Крест памяти» в память о 70 жертвах депортаций из этого села.

23 августа 2013 г. в сквере Кишиневского ж.-д. вокзала по инициативе мэрии Кишинева был установлен памятник жертвам депортаций. «Это аллегорическое произведение, представляющее поезд, который мчится в бездну – поезд боли, страха и смерти. В одном конце вагона видны четкие силуэты людей, но с каждым сантиметром очертания становятся все более стертыми, и в конце вагона людей не видно, они стали компонентами поезда, кусками металла, дверей и окон, винтиками и т.д.», – так описывает памятник автор проекта скульптор Юрий Платон. Памятник получил неоднозначную оценку

со стороны кишиневцев, в том числе со стороны самих депортированных⁷⁰.

28 августа того же года мемориал жертвам депортаций и политических репрессий был открыт в г. Чимишлия. На открытии присутствовал премьер-министр страны. В 1946–1947 гг. в Чимишлии от голода умерло около 5 тысяч человек 1200 было депортировано из этого города в 1940–1941 и 1949–1951 гг.

В стране в память о жертвах репрессий устанавливаются каменные распятия. Так, в Кэлэрашском районе в 2011–2013 гг. такие распятия были установлены в селах Вэрзэрештий Ной, Бравича, Деренеу, Питушка, Садова, Сэсень и Волчинец. Такое же распятие в апреле 2014 г. было установлено в Кишиневе перед зданием Союза писателей Молдовы в память о писателях – жертвах политических репрессий советского периода.

Музейный комплекс, посвященный жертвам политических репрессий, строится в с. Мерены Ново-Аненского района. На площади в 3 га будут установлены экспонаты (крестьянский молдавский дом той эпохи, транспорт, на котором перевозили депортированных, землянки, в которых они жили в Сибири), рассказывающие о трагедии депортаций из советской Молдавии. Из Мерен в 1940–1950-х годах было депортировано свыше 600 человек.

Памятник жертвам политических репрессий будет построен и в г. Леова. Соответствующее решение принято

⁷⁰ «Поезд смерти едет в Румынию, а не в Россию», – заявила в открытом письме председатель Ассоциации жертв депортаций и политических репрессий Валентина Стурза. По ее словам, монумент похож на крокодила. «Я думаю, что это памятник семьи Гимпу, а не нам, депортированных, и не будет у нас памятника, как не было до сих пор, не будет у нас будущего, и как мы собирались у камня в сквере железнодорожного вокзала, так и будем собираться там вновь, а Киртоакэ и его дядя Михай [Гимпу] могут возлагать цветы к монументу “Поезд боли”, как они его и окрестили», – написала она. http://www.vedomosti.md/news/Valentina_Sturza_Poezd_Smert_i_Edet_V_Rumyniyu_A_Ne_V_Rossiyu_Eto_Pamyatnik_Semi_Gimpu_A_Ne_Nash

городским советом в 2013 г. Из Леова в период репрессий было депортировано 1200 человек.

Возведение таких мемориалов в каждом населенном пункте страны было рекомендовано и Комиссией Гимпу. С такой инициативой выступали и некоторые общественные организации, занимающиеся проблемами жертв политических репрессий советского периода⁷¹. Как видно по темпам строительства мемориалов, эта цель может быть реализована в ближайшем будущем. Сегодня для этого есть и политическая воля, и поддержка со стороны государства. Если бы так же обстояли дела с возмещением материального ущерба репрессированным, то можно было бы с уверенностью говорить, что Молдова возвращает и моральный, и материальный долг жертвам политических репрессий так, как это принято и должно в цивилизованных демократических государствах.

Отношение к жертвам политических репрессий в обществе

Молдавское общество расколото. Линия разлома проходит по вопросам национальной идентичности, которые иначе как «проклятыми вопросами Молдовы» не назовешь: «молдаване или румыны?», «молдавский или румынский язык?», «История румын или История Молдовы?», «Россия (Румыния – в версии оппонентов) – освободитель или оккупант?» и т.п. К сожалению, не все однозначно и с отношением к жертвам политических репрессий из-за отсутствия национального консенсуса по поводу ключевых событий национальной истории, различной интерпретации.

Население Молдавии в XX в. страдало не только от репрессий советской власти, но и от дискриминацион-

⁷¹ <http://www.zdg.md/stiri/apel-catre-cetatenii-r-moldova-cate-un-monument-in-memoria-deportatilor-in-fiecare-sat>

ной политики румынского государства в межвоенный период⁷², от нацистского террора во время Второй мировой войны, когда только в Транснистрии (вновь созданной румынской провинции на территории современного Приднестровья и Одесской области Украины) были уничтожены около 300 000 евреев, цыган и людей других национальностей, жителей Бессарабии и близлежащих регионов.

Поскольку в современной Молдове нет согласия по множеству вопросов, касающихся прошлого, то и к разным жертвам разных тоталитарных режимов XX в. люди относятся по-разному, деля их на «своих» и «не наших». В крайних проявлениях нетерпимости люди оправдывают одни репрессии другими. Так, некоторые оправдывают Холокост враждебным (как они считают) отношением евреев к отступающей в 1940 г. из Бессарабии румынской армии (очень распространенная среди сторонников «унионизма» точка зрения). А другие (в основном люди, идеализирующие СССР и его политику в Молдавии), фактически повторяя сталинскую интерпретацию событий тех лет, оправдывают репрессии и массовые депортации 1940–1941 и 1949–1951 гг. сложной международной обстановкой того времени, соображениями безопасности, не сомневаясь в том, что репрессированные были в чем-то виноваты перед советской властью. У каждой стороны свой мартиролог жертв.

В этом контексте хочется привести отрывок из статьи «Молдавский русофон» молдавского историка и издателя Сергея Эрлиха, который анализирует феномен конфликта мартирологов: «Может ли человек даже с элементарным нравственным чувством оправдывать зверства сталинского режима как вынужденный ответ на зверства ре-

⁷² В 1918–1940 гг. Бессарабия входила в состав Великой Румынии.

жима румынского? Помимо того что такой подход бесчеловечен, он отнюдь не противодействует русофобской пропаганде. Более того, подпитывает ее самым действенным образом. Ведь радикальные румыноунионисты работают в той же человеконенавистнической логике: “Кто первый начал?” По их мнению, режим Антонеску справедливо уничтожал евреев за поддержку большевиков. Замалчивание сталинских репрессий, проводившихся в основном по имущественному (“классовому”) признаку, только помогает этнократической пропаганде представить бесчеловечные акции, которые затронули в равной степени представителей всех народов Молдавии, в качестве русского геноцида “бессарабских румын”. Не стоит подогревать каннибальское единство неофашистской и неосталинской противоположностей. Пора усвоить очевидную мысль о том, что не только акции устрашения и “очищения нации” межвоенного и военного режимов королевской Румынии, но и сталинские репрессии были направлены против ВСЕХ наших предков: молдаван, украинцев, русских, гагаузов, болгар, цыган, евреев и др. Выбить почву у русофобов можно единственным достойным способом – создать мартиролог жертв всех политических режимов, сменявшихся на территории Молдавии в течении XX века, поставить им общий памятник»⁷³.

Идея создания единого мартиролога жертв XX в. в Молдове представляется нам не только глубоко гуманной, но плодотворной и конструктивной. Именно с нее может начаться процесс (если он вообще возможен) интеграции и объединения раздробленного, расколотого молдавского общества.

⁷³ См. на портале eNews.md 8 июня 2013 г. (<http://enews.md/articles/view/3617/>).

Л.О. ИВАНОВ,
ответственный секретарь Комиссии
при Президенте Российской Федерации
по реабилитации жертв политических репрессий

Об исполнении российского Закона «О реабилитации жертв политических репрессий»

Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий регулярно проводит обобщение и анализ информации о ходе исполнения Закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». Основой для этой работы служат материалы, направляемые в Комиссию государственными органами власти, комиссиями по восстановлению прав реабилитированных в субъектах Российской Федерации, а также непосредственные обращения (письменные и устные) в Комиссию граждан по вопросам применения норм реабилитационного законодательства. Число таких обращений из года в год сокращается, но все-таки остается достаточно большим – так, в 2011 г. в Администрацию Президента РФ поступило 705 таких обращений, в 2012 – 610.

На основании материалов Комиссии вкратце представим итоги работы по исполнению закона о реабилитации с момента его принятия до начала 2013 г., рассмотрим вопросы практики Конституционного и Верховного судов, связанные с проверкой и применением норм реабилитационного законодательства, а также проблему социальной поддержки реабилитированных.

Деятельность федеральных государственных органов

По информации Генеральной прокуратуры, на 1 января 2013 г. из 79 субъектов Российской Федерации, занимающихся реабилитацией жертв политических репрессий, работа по пересмотру архивных уголовных дел была практически завершена в 78 регионах. В 2011 и 2012 гг. органами прокуратуры проверено 350 архивных уголовных дел в отношении 815 лиц, обвинявшихся в контрреволюционных, особо опасных государственных преступлениях. В результате 747 лиц реабилитированы, 63 признаны не подлежащими реабилитации.

За период действия закона о реабилитации по состоянию на 1 января 2013 г. органами прокуратуры реабилитировано 686 302 гражданина (большинство жертв репрессий были реабилитированы судебными органами до принятия Закона). В связи с внесенными в Закон изменениями и дополнениями с 2001 по 2012 г. признаны подвергшимися политической репрессии и подлежащими реабилитации 264 085 граждан (детей репрессированных лиц), с выдачей им соответствующих справок о реабилитации.

Органы военной прокуратуры в 2011–2012 гг. истребовали из архивов и проверили 554 архивных уголовных дела на 736 человек.

По проверенным делам реабилитировано 130 граждан, отказано в реабилитации 488 лицам. Поскольку по 45 % ранее проверенных в органах военной прокуратуры архивных уголовных дел решения об отказе в реабилитации принимались при отсутствии обращений, в 2011–2012 гг. в связи с обращениями заявителей вновь пересмотрено и направлено в военные суды 187 уголовных дел на 292 лица

с заключениями об отказе в реабилитации и надзорными представлениями об отмене или изменении состоявшихся ранее судебных решений. Все судебные решения приняты в соответствии с позицией военных прокуроров.

По состоянию на 1 января 2013 г. в порядке исполнения закона о реабилитации в 1991–2012 гг. военными прокурорами реабилитировано 124 244 человека.

Возложенные на **органы внутренних дел** задачи реабилитации жертв репрессий, осуществлявшихся в административном порядке, выполняются главным образом Центром реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр МВД России» (ФКУ «ГИАЦ МВД России») и информационными центрами (ИЦ) территориальных органов МВД России. В 2011 г. в органах МВД России на региональном уровне на рассмотрении (с учетом нерассмотренных в 2010 г. и перешедших на 2011 г.) находилось 54 805 запросов организаций социально-правового характера и заявлений граждан по вопросам реабилитации. Из них рассмотрено 53 684 заявления. Выдано справок о реабилитации 19 577, отказано в выдаче справок по 10 991 заявлению.

В 2012 г. в органах МВД России на региональном уровне на рассмотрении (с учетом нерассмотренных в 2011 г. и перешедших на 2012 г.) находилось 46 612 запросов организаций и заявлений граждан по вопросам реабилитации. Рассмотрено 45 135 заявлений. Выдано справок о реабилитации 14 189, отказано в выдаче справок по 9713 заявлениям.

Отказы в реабилитации выносились главным образом в связи с отсутствием архивных документов, подтверждающих факт применения репрессии.

Из общего числа заявлений в 2011–2012 гг. 54,9 % составляли заявления репрессированных по национальному признаку, 26,8 % – заявления раскулаченных.

Ряд положений Закона о реабилитации вызывали затруднения при рассмотрении обращений граждан. Так, действующее российское законодательство о реабилитации зачастую не позволяет удовлетворять заявления о реабилитации российских граждан, репрессированных на территории государств – бывших союзных республик СССР. Это обусловлено тем, что в большинстве из них принятые законодательные и нормативные акты о реабилитации не включают в круг лиц, подлежащих реабилитации, те категории граждан, к которым применена политическая репрессия в административном порядке. Органы внутренних дел Российской Федерации не имеют правовых оснований для реабилитации граждан, репрессированных по национальному признаку, например, турок-месхетинцев, выселенных из Грузии, немцев и поляков, выселенных с территории Украины, и др. В связи с этим органы МВД ставят вопрос о необходимости разработки законодательного механизма реабилитации граждан Российской Федерации, репрессированных на территории государств – бывших союзных республик СССР.

В период с 1992 г. по декабрь 2012 г. территориальными органами МВД России на региональном уровне всего выдано 2 679 522 справки о реабилитации.

Деятельность органов судебной власти

Конституционным судом РФ в 2011–2012 гг. было вынесено 20 определений по делам, связанным с проверкой законодательства о реабилитации жертв политических репрессий. Во всех определениях заявителям было отказано в принятии обращений к публичному рассмо-

трению, но в то же время в ряде решений Конституционный суд подтвердил либо развил ранее выраженные правовые позиции, важные для истолкования и применения положений Закона о реабилитации.

В определениях от 14 июля 2011 г. № 1014-О-О, от 22 марта 2012 г. № 528-О-О и от 18 октября 2012 г. № 1919-О Конституционный суд подтвердил ранее неоднократно сформулированную в его решениях позицию (определения от 15 мая 2007 г. № 383-О-П, от 17 июля 2007 г. № 574-О-О и др.), согласно которой Закон о реабилитации (действующий в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ), цель которого, как следует из его преамбулы, – реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 г., восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального ущерба, представляет собой, по существу, публично-правовое обязательство, направленное на компенсацию в имущественной сфере ущерба, причиненного пострадавшей категории граждан. Поскольку данное публично-правовое обязательство федеральный законодатель принял на себя, исходя из социально-экономического положения государства на момент вступления этого закона в силу, и поскольку размер названных денежных компенсаций не пересматривался с 1 января 2001 г., Конституционный суд РФ указал на необходимость определения Правительством РФ и Федеральным Собранием в пределах их компетенции посильного в настоящее время размера такой компенсации, с тем чтобы возмещение вреда лицам, на которых распространяется действие Закона о реабилитации, осуществлялось в наиболее полном объеме и чтобы достижение провозглашенной названным Законом цели не ставилось под сомнение.

(Несмотря на неоднократные указания Конституционного суда и многочисленные обращения общественных организаций и ряда региональных законодательных органов, размеры единовременных компенсаций остаются по существу издевательскими – 75 рублей за месяц заключения в лагерях и тюрьмах, не более 10 000 рублей за изъятое имущество в случае, если был изъят дом, не более 4000 за изъятое движимое имущество. – Прим. ред.)

В Определении от 14 июля 2011 г. № 1025-О-О Конституционный суд указал, что хотя в норме пункта «в» статьи 1 Закона о реабилитации названы конкретные меры принуждения, которые квалифицируются в качестве репрессивных (ссылка, высылка, направление на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы), их перечень в целях более полной защиты прав граждан является открытым. Поэтому для отнесения лица к категории репрессированных имеет значение, чтобы примененные к нему меры принуждения ограничивали права и свободы в административном порядке и были приняты по политическим мотивам.

Таким образом, оспариваемая норма, закрепляя гарантии реализации права на реабилитацию (восстановление в правах) граждан, подвергшихся политическим репрессиям в административном порядке, сама по себе не может расцениваться как нарушающая конституционные права заявителя. Проверка же законности и обоснованности решений судов общей юрисдикции, которые не усмотрели фактов ограничения прав и свобод заявителя (объявлением ему в 1986 г. органом КГБ СССР официального предостережения о недопустимости антиобщественных действий, противоречащих интересам государственной безопасности СССР), не относится к компетенции Конституционного суда РФ.

Это Определение Конституционного суда чрезвычайно важно, поскольку на практике нередки случаи ограничительной трактовки перечня мер принуждения, квалифицируемых в качестве репрессивных. Высказывались и предложения нормативного определения понятия «иные ограничения прав и свобод», что фактически означало бы превращение открытого перечня в закрытый (исчерпывающий) список.

Приведем примеры. Гражданка О.А.Кирпу, воспитанница детского дома, финка по национальности, эвакуированная во время Великой Отечественной войны из г.Сестрорецка Ленинградской области в Кировскую область вместе с детским домом, по окончании войны была лишена права вернуться на постоянное место жительства в Ленинградскую область, поскольку в отношении финнов было введено ограничение проживания в г.Ленинграде и Ленинградской области. О.А.Кирпу обратилась в Конституционный суд РФ с жалобой на неконституционность статьи 1 Закона о реабилитации, в силу которой, по ее мнению, судебные инстанции, куда она обращалась, отказали в признании ее жертвой политических репрессий и выдаче справки о реабилитации. При этом Калининский районный суд г.Санкт-Петербурга согласился с позицией ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, согласно которой введенное для финнов ограничение паспортного режима, запрещавшее прописку и проживание в г.Ленинграде и Ленинградской области, не является политической репрессией. Как установил Конституционный суд в принятом по жалобе О.А.Кирпу решении (Определение от 1 ноября 2012 г. № 2003-О), нормативными правовыми актами СССР, действовавшими в период Великой Отечественной войны, предусматривалась обязательная эвакуация немецкого

и финского населения из г. Ленинграда и некоторых районов Ленинградской области (постановления Военного совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 г. № 196 с/с, от 9 марта 1942 г. № 00714 и от 20 марта 1942 г. № 00714-а, приняты в соответствии с пунктом 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»). Эта мера, как отмечено в решении суда, была обусловлена объективной необходимостью обеспечения обороны страны в период Великой Отечественной войны. Однако после окончания войны рядом неопубликованных подзаконных актов и соответствующей правоприменительной практикой был установлен ничем не мотивированный запрет возвращения финнов (ингерманландцев) к местам их прежнего проживания, что означало не обусловленное целями обеспечения обороны страны и безопасности государства ограничение свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства в виде запрета возвратиться с целью постоянного проживания к месту прежнего расселения.

По смыслу оспариваемой заявителем статьи 1 Закона о реабилитации, приведенный в ней перечень мер принуждения является открытым, что способствует наиболее полной защите прав и свобод граждан. Таким образом, сделал итоговый вывод Конституционный суд, сама по себе статья 1 Закона о реабилитации не препятствует признанию политической репрессией установление для граждан – финнов по национальности, депортированных во время Великой Отечественной войны из г. Ленинграда и Ленинградской области без помещения на спецпоселения, запрета вернуться к прежнему месту жительства для постоянного проживания, а потому не исключает признание лиц, относящихся к данной категории, жертвами политических репрессий. *(Данное решение Конституционного суда не помогло заявительнице добиться реабилитации.)*

В Определении от 29 сентября 2011 г., проверяя на соответствие Конституции РФ статью 2 Закона Краснодарского края от 15 декабря 2004 г. № 808-КЗ «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей Краснодарского края», устанавливающую меры социальной поддержки жертв политических репрессий, Конституционный Суд отметил (подтвердив сформулированную в Определении от 1 декабря 2005 г. № 462-О правовую позицию), что при издании органами государственной власти субъектов Российской Федерации нормативных правовых актов, определяющих меры социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, вновь устанавливаемые размеры и условия предоставления социальных выплат, гарантии и компенсации в денежной форме не могут быть ниже прежних размеров (по состоянию на 31 декабря 2004 г.); при изменении после 31 декабря 2004 г. порядка реализации льгот и выплат, предоставлявшихся им до указанной даты в натуральной форме, совокупный объем финансирования соответствующих льгот и выплат не может быть уменьшен, а условия предоставления ухудшены; в случае избрания субъектом Российской Федерации иного порядка, чем тот, который существовал на 31 декабря 2004 г. (например, замена отдельных льгот на денежные компенсации), субъект Российской Федерации обязан вводить эффективные правовые механизмы, обеспечивающие не только сохранение, но и возможное повышение ранее достигнутого уровня социальной защиты указанных категорий граждан.

Сам по себе Закон «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей Краснодарского края», как направленный в том числе на установление системы мер социальной поддержки проживающих на террито-

рии Краснодарского края граждан – жертв политических репрессий, не может рассматриваться как нарушающий конституционные права заявителей. Оценка же достаточности и экономической обоснованности установленных в Законе Краснодарского края мер социальной поддержки (в том числе при замене части мер денежной выплатой), эквивалентности этих мер тому объему льгот (в денежном выражении), которые предоставлялись указанным категориям граждан до 1 января 2005 г., связана с осуществлением проверки соответствия норм этого Закона федеральному законодательству, что не относится к компетенции Конституционного суда РФ.

В своем запросе в Конституционный суд РФ Государственный Совет Республики Татарстан просил подтвердить конституционность абзаца первого статьи 6 и абзаца первого статьи 7 Закона Республики Татарстан от 8 декабря 2004 г. «Об адресной социальной поддержке населения в Республике Татарстан», согласно которым меры социальной поддержки, предусмотренные названным Законом, предоставляются реабилитированным гражданам и гражданам, пострадавшим от политических репрессий, лишь при условии, что они являются пенсионерами.

Решением Верховного суда Республики Татарстан от 22 марта 2011 г. указанные законоположения были признаны недействующими как противоречащие федеральному законодательству, поскольку по смыслу статьи 16 Закона о реабилитации меры социальной поддержки должны предоставляться всем гражданам из числа указанных категорий, независимо от того, являются ли они пенсионерами. Рассматриваемые же положения законодательства Республики Татарстан, как указал суд, неправомерно сужают установленный федеральным законодательством круг лиц, наделенных правом на получение мер социаль-

ной поддержки¹. (Сходное решение по такому же вопросу было принято Свердловским областным судом и подтверждено Верховным судом РФ.)

Конституционный суд РФ в Определении от 4 октября 2011 г. № 1341-О-О констатировал, что само по себе определение в Законе Республики Татарстан «Об адресной социальной поддержке населения в Республике Татарстан» мер социальной поддержки жертв политических репрессий не может рассматриваться как не согласующееся с установленным Конституцией РФ разграничением предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Оценка же конституционности положений абзаца первой статьи 6 и абзаца первой статьи 7 данного Закона в части, касающейся определения круга лиц из числа реабилитированных и граждан, признанных пострадавшими от политических репрессий, имеющих право на получение мер социальной поддержки, не может быть осуществлена вне их связи с нормами Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», в том числе с учетом ранее действовавшего правового регулирования. Однако, учитывая, что конституционность соответствующих норм указанного Федерального закона заявителем не оспаривается², такая оценка в данном случае означала бы выход за рамки определенного заявителем предмета запроса и тем самым – за пределы полномочий Конституционного суда РФ.

¹ Практика рассмотрения Верховным судом РФ дел, связанных с необходимостью правовой оценки схожих норм законодательства субъектов Российской Федерации, сужающих круг реабилитированных лиц, получающих меры социальной поддержки, представлена ниже.

² Важно учесть, что Государственный Совет Республики Татарстан не оспаривал норм, а поставил вопрос о подтверждении их конституционности.

Таким образом, Конституционный суд РФ по существу поддержал в данном деле позицию Верховного суда РТ.

В своей жалобе в Конституционный суд РФ гражданка Н.А.Лось, которой было отказано в признании пострадавшей от политических репрессий и выдаче органами внутренних дел справки о реабилитации, поскольку ее родители были репрессированы на территории Украинской ССР, оспорила конституционность абзаца второго статьи 2 Закона о реабилитации, в соответствии с которым данный Закон в части порядка реабилитации не позволяет реабилитировать граждан Российской Федерации, подвергнутых политическим репрессиям не на территории Российской Федерации.

По мнению заявительницы, оспариваемое законоположение не соответствует статьям 2, 6 (часть 2), 17 (части 1 и 2), 45, 46 (части 1 и 2), 52, 53 и 55 (часть 2) Конституции РФ, поскольку не позволяет реабилитировать граждан Российской Федерации, подвергнутых политическим репрессиям не на территории Российской Федерации. В принятом по этой жалобе определении (от 16 февраля 2012 г. № 286-О-О) Конституционный суд (подтвердив свою позицию, ранее высказанную в Определении от 13 октября 2009 г. № 1341-О-О) указал, что целью Закона о реабилитации, согласно абзацу третьему его преамбулы, является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года. Оспариваемое нормативное положение, будучи направленным на защиту прав лиц, репрессированных на территории Российской Федерации, не может рассматриваться как нарушающее конституционные права лиц, репрессированных на иных территориях СССР.

В Определении от 24 сентября 2012 г. № 1560-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Б.Г.Карпова, который обжаловал Закон Ивановской области «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий», Конституционный суд подтвердил неоднократно высказанную позицию, согласно которой правовое регулирование, при котором лицам, имеющим одновременно право на социальную поддержку по нескольким предусмотренным законодательством основаниям, социальная поддержка предоставляется по одному из оснований по выбору получателя как устанавливающее право выбора гражданином наиболее выгодного основания пользования мерами социальной поддержки, не может расцениваться как ущемляющее права граждан (определения от 19 февраля 2009 г. № 159-О-О, от 15 июля 2010 г. № 1019-О-О, от 22 марта 2011 г. № 443-О-О, от 19 июня 2012 г. № 1085-О и др.). *(Вопрос о праве реабилитированных, являющихся инвалидами, получать социальную поддержку по двум основаниям, поднимался многократно. Главным аргументом было то, что социальная поддержка реабилитированных – это не льгота, а форма компенсации ущерба, нанесенного государством. Дополнительную остроту вопросу придает то обстоятельство, что граждане, подвергшиеся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, могут получать социальную поддержку по двум основаниям.)*

Заслуживает быть отмеченным и рассмотренное Конституционным судом РФ (Определение от 22 ноября 2012 г. № 2226) дело, хотя и не связанное непосредственно с проверкой Закона о реабилитации, но имеющее важное значение для защиты права на информацию в части доступа к изучению ранее секретных документов о прово-

димых в СССР политических репрессиях. Основанием для его рассмотрения стало обращение в Конституционный суд исследователя истории политических репрессий Н.В.Петрова, которому решениями Московского городского суда, оставленными без изменения определениями Судебной коллегии по административным делам Верховного суда РФ, было отказано в ознакомлении с рядом приказов МГБ СССР. Судебные инстанции в своих решениях согласились с мнением представителей ФСБ, что определенный в части четвертой статьи 13 Закона РФ «О государственной тайне» максимальный срок засекречивания сведений распространяется на документы, засекреченные после введения в действие данного закона, и не распространяет эту гарантию на ранее засекреченные носители.

Конституционный суд дал иное истолкование спорного законоположения, указав, что по буквальному смыслу части четвертой статьи 13 Закона РФ «О государственной тайне», 30-летний срок засекречивания подлежит применению в отношении сведений, отнесенных к государственной тайне как до, так и после вступления в силу данного Закона. Таким образом, сама по себе эта норма направлена на сохранение баланса между обеспечением безопасности государства и правом граждан на получение информации и не может рассматриваться как нарушающая права заявителя в данном деле.

Верховный суд РФ в 2011–2012 гг. в качестве суда первой инстанции рассмотрел два гражданских дела об оспаривании нормативных правовых актов, принятых федеральными органами государственной власти, затрагивающих права реабилитированных граждан и граждан, признанных пострадавшими от политических репрессий. Также Судебной коллегией по административным делам Верховного суда РФ в рамках реализации полно-

мочия апелляционной (до 1 января 2012 г. кассационной) инстанции было рассмотрено семь дел об оспаривании нормативных правовых актов, принятых органами государственной власти субъектов Российской Федерации, затрагивающих права указанной группы граждан.

Гражданка Л. обратилась в Верховный суд РФ с заявлением о признании недействующим Положения о наградных знаках Федеральной службы безопасности Российской Федерации (утверждено приказом ФСБ России от 16 мая 2001 г.), запрещающего изготовление дубликатов ведомственных наград (пункт 3.5). По мнению Л., названное Положение противоречит Закону о реабилитации и нарушает ее права на компенсацию нанесенного ущерба и восстановление доброй памяти о реабилитированном отце. Заявительница ссылалась также на то, что при издании оспариваемого нормативного правового акта ФСБ были нарушены требования законодательства о введении нормативных правовых актов в действие. В частности, названный нормативный правовой акт не направлялся в Министерство юстиции РФ для решения вопроса о государственной регистрации и не был зарегистрирован, хотя затрагивает права и свободы граждан.

Верховный суд решением от 2 марта 2012 г. в удовлетворении заявленных требований отказал, сославшись на то, что оспариваемый нормативный правовой акт имеет гриф «для служебного пользования», поскольку содержит служебную информацию ограниченного распространения, связанную со служебной деятельностью органов федеральной службы безопасности и не подлежит опубликованию в установленном порядке.

Апелляционная коллегия Верховного суда РФ 5 июня 2012 г. решение Верховного суда РФ отменила и прекратила производство по делу, мотивировав это тем, что в

соответствии с пунктами 8, 10 Указа Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, прошедшие государственную регистрацию в Министерстве юстиции РФ, подлежат обязательному официальному опубликованию, кроме актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера. В связи с этим оспоренное Положение как содержащее сведения конфиденциального характера и имеющее гриф «для служебного пользования» официальному опубликованию в установленном порядке не подлежало. Однако содержание ряда пунктов Положения затрагивает права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также имеет межведомственный характер.

На основании этого Апелляционная коллегия пришла к выводу, что, поскольку при введении в действие Положения органом, издавшим его, не были соблюдены правила государственной регистрации этого нормативного правового акта, оспоренный нормативный правовой акт не мог быть признан судом первой инстанции законным, а подлежал признанию недействующим без необходимости исследования других обстоятельств по делу, в том числе без исследования содержания оспариваемого акта.

В заседании Апелляционной коллегии представителями ФСБ России был представлен приказ этой службы № 261 от 1 июня 2012 г. о признании утратившим силу приказа ФСБ России от 16 мая 2001 г. (оспоренного нор-

мативного правового акта). Таким образом, Верховным судом РФ было установлено, что оспоренный заявителем пункт 3.5 Положения не действует. В соответствии с абзацем вторым статьи 220 ГПК РФ суд прекратил производство по данному делу.

В ряде случаев лица, признанные пострадавшими от политических репрессий, обращались в суды общей юрисдикции с требованиями о признании недействительными таких положений законов субъектов Российской Федерации, в которых закреплялся перечень льгот, отличающийся от того, который содержался в статье 16 Закона о реабилитации, действовавшей в редакции, предшествующей вступлению в силу Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ. Как правило, заявители обосновывали свои требования несоответствием положений такого рода законов субъектов Российской Федерации преамбуле и статье 153 Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, предусматривающих, что при изменении порядка реализации льгот и выплат, предоставлявшихся отдельным категориям граждан в натуральной форме, совокупный объем их финансирования не может быть уменьшен, а условия их предоставления ухудшены.

Разрешая заявленные требования, суды в ходе проверки соблюдения положений преамбулы и ст. 153 Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, устанавливали, что совокупный объем финансирования мер социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, в бюджетах субъектов Российской Федерации постоянно увеличивался. На этом основании судами выносились решения об отказе в удовлетворении означенных требований. Судебная коллегия по административным делам Верховного суда

РФ, соглашаясь с выводами судов, оставляла их решения в силе, а апелляционные (до 1 января 2012 г. кассационные) жалобы граждан – без удовлетворения.

Например, в Определении от 19 сентября 2012 г. (по делу № 16-АПГ 12-4) по апелляционной жалобе В.А.Шульгина на решение Волгоградского областного суда от 22 июня 2012 г., которым заявителю было отказано в удовлетворении требований о признании противоречащей федеральному законодательству ст. 4 Закона Волгоградской области от 3 марта 2005 года «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан, проживающих на территории Волгоградской области», Верховный суд указал, что, разрешая дело В.А.Шульгина, суд первой инстанции установил, что совокупный объем финансирования мер социальной поддержки для реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, в бюджете Волгоградской области последовательно увеличивается (в решении приведены соответствующие цифры). Кроме того, судом установлено, что отдельные меры социальной поддержки предоставляются реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий на основании иных нормативных актов (постановлений администрации области, областных целевых программ и др.).

Учитывая указанные обстоятельства и отсутствие в федеральном законодательстве норм о видах льгот, видах и размерах денежных компенсаций, исходя из того, что указанные категории граждан обеспечиваются мерами социальной поддержки в соответствии с законами субъектов Российской Федерации (ст. 16 Закона о реабилитации), Судебная коллегия нашла решение суда законным и обоснованным и не усмотрела оснований к его отмене.

В 2012 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ рассмотрела в кассационном порядке следующее дело.

Решением суда, оставленным без изменения последующей судебной инстанцией, отказано в удовлетворении требований гражданина Г. о признании незаконным решения ГУВД по Нижегородской области об отказе в выдаче справки о реабилитации его родственников. Судебные инстанции, отказывая в удовлетворении требований Г., исходили из того, что заявителем не было представлено доказательств того, что члены семьи К. были раскулачены, выселены, лишены хозяйства и признавались социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, а избирательных прав К. были лишены в соответствии с законодательством, действовавшим в период с 1918 по 1936 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ отменила судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В соответствии со статьей 1 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (с изменениями и дополнениями) политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического

строю по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями.

Согласно п. «в» статьи 3 этого Закона подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам были подвергнуты в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», а также иным ограничениям прав и свобод.

Между тем судом установлено, что, согласно выпискам из протоколов заседаний Нижкрайисполкома и Варнавинского райисполкома о лишении и восстановлении в избирательных правах жителей района за 1929 – 1930 гг., имеется список лиц, лишенных избирательных прав по Варнавинскому сельсовету от 10 апреля 1930 г., где указаны члены семьи К. Кроме того, имеется выписка из протокола № 1 заседания комиссии при Варнавинском РИК от 18 апреля 1930 г., из которой следует, что «лишенного в 1917 г. избирательных прав жителя Варнавинского района К. <...> считать лишенным избирательных прав как торговца, перекупщика скота, живущего в настоящее время на доход, накопленный от торговли». Согласно п. «в» статьи 65 Конституции РСФСР 1918 г. не избирают и не могут быть избранными частные торговцы, торговые и коммерческие посредники. Таким образом, имело место ограничение прав и свобод членов семьи К., заключавшееся в лишении избирательных прав по социальному признаку, однако судом в этом случае не были применены положения статей 1, 3 Закона о реабилитации.

Социальная поддержка реабилитированных

На 1 января 2013 г. было 839 743 гражданина, на которых распространяется действие Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» (и соответствующих региональных актов). По имеющимся неполным данным, численность данной категории за 2012 г. сократилась по отдельным регионам на 3–6 %.

Решение вопросов, касающихся обеспечения мерами социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», с 1 января 2005 г. отнесено к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации, которые самостоятельно определяют объем и порядок предоставления мер социальной поддержки этой категории граждан.

До 2012 г. Российская Федерация обеспечивала финансирование мер социальной поддержки указанным категориям граждан путем предоставления бюджетам субъектов Российской Федерации субсидий, исходя из фактической численности реабилитированных, в пределах объемов средств, выделяемых на эти цели в федеральном бюджете на очередной финансовый год. Однако с 1 января 2012 г., с учетом перераспределения налоговых поступлений между бюджетами различных уровней, финансирование было прекращено.

По сведениям **Министерства юстиции РФ**, на 1 января 2013 г. в федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации было включено

1032 действующих нормативных правовых акта по вопросам реабилитации жертв политических репрессий.

Вместе с тем, по данным территориальных органов Министерства юстиции РФ, в некоторых субъектах Российской Федерации не приняты нормативные правовые акты в целях реализации Закона о реабилитации, регулирующие вопросы:

- установления порядка принятия на учет и обеспечения жилыми помещениями вернувшихся на прежнее место жительства реабилитированных лиц и членов их семей (республики Карелия, Северная Осетия – Алания, Хакасия, Амурская, Ленинградская, Сахалинская области, Ненецкий автономный округ),

- обеспечения своевременного рассмотрения вопросов и выполнения принятых решений по возмещению реабилитированным лицам или их наследникам причиненного материального ущерба (Хабаровский край, Сахалинская область, Еврейская автономная область),

- принятия решения о возврате имущества, возмещении его стоимости или выплате денежных компенсаций на основании заключений комиссий по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий (Приморский край, Сахалинская область, Еврейская автономная область),

- обеспечения реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, мерами социальной поддержки, а также установления порядка восстановления реабилитированных лиц в утраченных ими в связи с репрессиями социально-политических и гражданских правах, воинских и специальных званиях, возвращения им государственных наград, предоставления мер социальной поддержки, выплаты компенсации (Приморский край, Сахалинская область),

– установления порядка принятия решений органами исполнительной власти на основании заключений комиссий по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий о возврате им конфискованного, изъятого и вышедшего иным путем из их владения в связи с репрессиями имущества, возмещении его стоимости или выплате денежных компенсаций (Кабардино-Балкарская Республика),

– определения порядка получения бесплатной юридической помощи гражданами, пострадавшими от политических репрессий, по вопросам, связанным с реабилитацией (Сахалинская область).

Реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими от репрессий, составляют в Российской Федерации 0,58 % от всей численности населения. При этом необходимо отметить существенную неравномерность распределения этой категории граждан по регионам России. Наибольшая доля реабилитированных (от общей численности населения) приходится на республики, где проводились массовые депортации по национальному признаку:

Чеченская Республика	15,76 %
Республика Калмыкия – Хальм Тангч	10,47 %
Ингушская Республика	9,58 %
Кабардино-Балкарская Республика	6,66 %
Карачаево-Черкесская Республика	6,30 %

Также относительно высока доля реабилитированных в регионах, где располагались крупные лагеря системы ГУЛАГа и места массовых ссылок (спецпоселений):

Томская область	1,40 %
Кемеровская область	1,20 %
Алтайский край	1,02 %

Республика Хакасия	0,89 %
Красноярский край	0,82 %
Омская область	0,80 %
Новосибирская область	0,76 %
Республика Коми	0,74 %
Челябинская область	0,69 %
Республика Карелия	0,61 %
Свердловская область	0,57 %
Хабаровский край	0,53 %
Пермский край	0,50 %

В то же время в 19 регионах доля реабилитированных составляет 0,15 % и менее (Тува – 0,05 %, Марий Эл – 0,07 %, Орловская обл. и Чукотский АО – по 0,1 %, Нижегородская, Пензенская и Воронежская области – по 0,11 % и некоторые др.).

В связи с такой неравномерностью нагрузка на региональные бюджеты, связанная с социальной поддержкой реабилитированных, существенно различается. При этом различия в объеме и качестве социальной поддержки связаны не только с числом проживающих реабилитированных граждан, но и в не меньшей степени с отношением к решению этих вопросов региональных властей.

Так, например, при практически одинаковом доходе на душу населения и при совпадающих мерах поддержки, предоставляемых в натуральной форме, в Кемеровской области ежемесячная выплата составляет 733 рубля, а в Иркутской области, где доля реабилитированных втрое меньше, – 348 рублей.

Размеры ежемесячной денежной выплаты (ЕДВ), как и определение того, какие из льгот, предоставлявшихся до «монетизации» в натуральной форме, заменяет ЕДВ, в разных субъектах федерации отличаются весьма существенно.

Так, в Московской области ЕДВ составляет 91 рубль (при отказе от бесплатного проезда в транспорте выплата

увеличивается до 540 рублей), а в Пермском крае ЕДВ – 541 рубль при бесплатном проезде на городском и пригородном транспорте.

В восьми регионах ЕДВ вообще не установлена: республики Ингушетия, Марий Эл, Хакасия, Хабаровский край, Астраханская, Ростовская, Свердловская и Тюменская области – но в этих регионах предоставляются почти все из предусмотренных ранее льгот в натуральном виде. В Республике Тыва все без исключения меры поддержки заменены на ЕДВ, которая составляет 916 рублей.

Самые высокие размеры ЕДВ установлены в Чукотском АО (4092 рубля), Чувашской Республике (2456 рублей), Калининградской области (1500 рублей), в Санкт-Петербурге (1487 рублей), Ставропольском крае (1355 рублей), Республике Саха (Якутия) (1168 рублей), – но в этих регионах, за исключением г. Санкт-Петербург, практически отсутствуют иные меры поддержки.

Особого внимания и распространения заслуживает пример Санкт-Петербурга, где реабилитированным лицам, подвергшимся политическим репрессиям в виде лишения свободы или необоснованного помещения по решениям судов и несудебных органов на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, а также детям, находившимся вместе с репрессированными по политическим мотивам родителями или лицами, их заменявшими, в местах лишения свободы, установлена ЕДВ в размере вдвое большем, чем находившимся в ссылке или оставшимся в результате репрессий без попечения родителей.

Несмотря на отмеченную и, в известной мере, оправданную обратно пропорциональную зависимость размера ЕДВ и объема мер социальной поддержки, предоставляемых в натуральной форме, порой разница между регионами в этом отношении необъяснимо велика.

Так, например, в Челябинской области ЕДВ (одна из самых низких в стране – 300 рублей) фактически заменила первоначально предусмотренные областным законом 50 %-ную скидку на лекарства, бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов, бесплатный проезд всеми видами городского пассажирского транспорта, бесплатный проезд на железнодорожном транспорте пригородного сообщения и в автобусах пригородных маршрутов, бесплатный проезд (туда и обратно) один раз в год железнодорожным транспортом и первоочередную бесплатную установку телефона.

Законом «О реабилитации жертв политических репрессий» 1991 г. было предусмотрено право реабилитированных на ряд мер поддержки. В региональных законах значительная часть этих мер теперь отсутствует:

- первоочередное получение путевок для санитарно-курортного лечения и отдыха в той или иной степени сохранилось только в 31 регионе из 83,

- внеочередное оказание медицинской помощи и снижение стоимости лекарств по рецепту врача на 50 % сохранилось в 24 регионах,

- в семи регионах лекарства предоставляются бесплатно, в 50 регионах скидка на лекарства отсутствует,

- бесплатное обеспечение автомобилем (класса «Запорожец») при отсутствии противопоказаний к вождению автомобиля отсутствует вовсе,

- только в Самарской области предусмотрено (при наличии медицинских показаний) бесплатное обеспечение транспортным средством в порядке и на условиях, определяемых Правительством Самарской области,

- бесплатный проезд всеми видами городского пассажирского транспорта (кроме такси), а также автомобильным и водным транспортом общего пользования (кроме такси) в пределах административного района проживания – сохранился в 11 регионах, еще в 40 регионах есть

скидки на проезд в размере около 50 %, в 30 регионах эта важная мера поддержки отсутствует,

– бесплатный проезд на железнодорожном и водном транспорте пригородного сообщения и в автобусах пригородных маршрутов сохранился в 29 регионах, еще в 23 предоставляются скидки на весь год или только на весенне-летний период; бесплатный проезд (туда и обратно) один раз в год железнодорожным транспортом, а в районах, не имеющих железнодорожного сообщения, – водным, воздушным или междугородным автомобильным транспортом со скидкой 50 % стоимости сохранился в 38 регионах (на Камчатке раз в два года),

– снижение (для реабилитированных лиц и совместно с ними проживающих членов их семей) размеров оплаты жилой площади и коммунальных услуг на 50 % в пределах норм, предусмотренных законодательством, а также стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, проживающему в домах без центрального отопления, – эта наиболее существенная мера поддержки сохранилась в 74 регионах; отсутствует в Калининградской и Костромской областях, Башкортостане, Туве, Ставропольском крае и в Чувашии; в двух последних регионах это отчасти компенсируется относительно высокой ЕДВ,

– первоочередная бесплатная установка телефона предусмотрена в 44 регионах, при этом в Бурятии допускается приобретение мобильных телефонов, а в Хабаровском крае и Саратовской области предусмотрены льготы на пользование коллективной антенной и радио, а также частичная оплата расходов за телефонные разговоры,

– внеочередной прием в дома-интернаты для престарелых и инвалидов, проживание в них на полном государственном обеспечении с выплатой не менее 25 % назначенной пенсии обеспечивают 56 регионов,

– бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов), льготное обеспечение другими протезно-ортопедическими изделиями предусмотрено в 41 регионе.

Из перечисленных мер поддержки наиболее существенны для пожилых людей (после скидки на оплату жилья и ЖКУ) медицинские (скидка на лекарства и бесплатное зубопротезирование) и обеспечение бесплатного проезда городским транспортом. В целом, именно медицинские меры поддержки оказались наиболее урезаны – в 50 регионах нет скидки на лекарства, столько же не обеспечивают санаторно-курортным лечением, в 40 субъектах федерации не предоставляются бесплатные услуги зубопротезирования.

В самом плохом положении оказались реабилитированные в 16 регионах, где ни одна из этих мер поддержки не предусмотрена (республики Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Тыва, Чувашия, Забайкальский и Ставропольский края, Вологодская, Воронежская, Калининградская, Кировская, Курганская, Орловская, Сахалинская, Челябинская области, Чукотский АО). Еще шесть регионов предоставляют услуги протезирования, но не дают льгот на лекарства и транспорт (Республика Алтай, Карачаево-Черкесская Республика, Волгоградская, Магаданская, Новгородская, Смоленская области).

Таким образом, в результате непродуманности известных законодательных решений, не установивших минимальный обязательный стандарт поддержки реабилитированных граждан, в настоящее время сложились серьезные диспропорции в части социальной поддержки со стороны государства в различных регионах. Более того, положение многих реабилитированных с точки зрения социальной поддержки оказалось хуже, чем до «монетизации» льгот (т.е. до передачи финансирования социаль-

ной поддержки на региональный уровень), что привело к фактическому возникновению неравенства прав граждан, до 2005 г. имевших равный уровень обеспечения.

Практически во всех регионах реабилитированные стремятся получать социальные льготы (если они одновременно со статусом реабилитированного лица, являются участниками войны, инвалидами и т.д.) по соответствующей иной категории льготников. Лишь около 50 % реабилитированных граждан и граждан, признанных пострадавшими от политических репрессий, получают меры социальной поддержки, полагающиеся данной категории граждан. В этом достаточно отчетливо проявляется несправедливо низкий статус этой категории граждан.

Необходимо отметить, что многие законодательные органы субъектов Российской Федерации, отдельные депутаты и члены Совета Федерации стараются изменить сложившуюся ситуацию, разрабатывая и внося в Государственную думу законопроекты, направленные на отнесение мер социальной поддержки реабилитированных к расходным обязательствам Российской Федерации, на увеличение предельных размеров и регулярную индексацию денежных компенсаций за утраченное имущество (на необходимость этого, как уже отмечалось, неоднократно указывал в своих решениях Конституционный суд), уточнение норм об обеспечении реабилитированных жильем и др. В настоящее время на рассмотрении в Государственной думе, как свидетельствует ее официальный сайт, находится 12 проектов федеральных законов по указанной проблематике. Но, к сожалению, законопроекты, например, Государственной думы Томской области, Читинской областной думы и Московской городской думы ждут своего «парламентского часа» с 2005 г.! Правительство Российской Федерации пока не дало положительного заключения, и их рассмотрение постоянно откладывается.

Евгений ЗАХАРОВ,
председатель правления Украинского
Хельсинкского союза по правам человека,
директор Харьковской правозащитной группы

Правовые и социальные аспекты положения жертв политических репрессий советского периода в современной Украине

Реабилитация

До принятия 17 апреля 1991 г. специального Закона о реабилитации жертв политических репрессий украинское законодательство полностью соответствовало общему советскому законодательству, никаких своих внутренних нормативных актов не было.

Закон охватывает временной период с 1917 г. по апрель 1991 г. и распространяется на *«лиц, необоснованно осужденных за это время судами Украины или репрессированных на территории республики иными государственными органами в любой форме, включая лишение жизни или свободы, переселение в принудительном порядке, высылку и ссылку за пределы республики, лишение гражданства, принудительное помещение в лечебные учреждения, лишение либо ограничение иных гражданских прав или свобод по мотивам политического, социального, классового, национального и религиозного характера»*. Это определение политической репрессии, данное в преамбуле Закона, породило на Украине довольно большое число заявлений от людей, требующих признать их жертвами репрессий на осно-

вании преамбулы и статьи 1 Закона, однако суды их в основном отклоняли.

В статье 1 перечислены категории лиц, которые автоматически реабилитируются: осужденные судами или репрессированные «двойками», «тройками», особым сощанием (то есть внесудебными органами и в любом ином внесудебном порядке) за совершение на территории Украины деяний, квалифицируемых как контрреволюционные преступления по уголовному законодательству Украины до вступления в силу Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 года, за исключением лиц, указанных в статье 2 Закона. Также признаются реабилитированными люди, осужденные за:

«антисоветскую агитацию и пропаганду по статье 7 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 года и статье 62 Уголовного кодекса Украинской ССР в редакциях до принятия Закона Украины от 28 октября 1989 года «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета Украинской ССР» от 14 апреля 1989 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украинской ССР»;

распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, то есть по статье 187-1 Уголовного кодекса Украины;

нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, посягательство на личность и права граждан под предлогом совершения религиозных обрядов, если совершенные действия не были соединены с причинением вреда здоровью граждан либо половой распушенностью».

Кроме того, в статье 1 указано, что подлежат реабилитации лица, в отношении которых по политическим мотивам были применены меры медицинского характера.

В статье 1 речь идет о реабилитации граждан Украины, то есть на репрессированных по политическим мотивам иностранцев закон не распространяется. Например, поляки, расстрелянные НКВД в апреле-мае 1940 г. в Харькове, реабилитации в соответствии с украинским законом не подлежат. Согласно части 3 статьи 1 ее действие *«распространяется на лиц, граждан Украины, которые постоянно проживали в Украине и которые по разным причинам были перемещены за пределы бывшего Советского Союза, необоснованно осуждены военными трибуналами, Верховным судом Союза ССР либо подвергнуты репрессиям внесудебными органами»*. Таким образом, Закон о реабилитации действует и в отношении граждан Украины, репрессированных за пределами СССР военными трибуналами или центральными органами.

Следует заметить, что категория «политических мотивов» является оценочной, понятие политических мотивов государства не определяется нормативными актами и фактически отдается на усмотрение суда. Украинская практика в этой сфере сложилась таким образом, что если человека обвиняли по перечисленным выше статьям УК, а потом к нему были применены меры принудительного медицинского характера, то его реабилитировали. А если обвинения не были связаны со статьями, по которым Закон предполагает автоматическую реабилитацию, то шансы на реабилитацию у него мизерны, в случае же психиатрических репрессий – практически отсутствуют. То есть фактически в случае психиатрических репрессий суды признавали политическими мотивами только те мотивы, по которым обвиняли в преступлениях по статьям, подлежащим реабилитации.

Статья 2 Закона указывает на случаи, когда статья 1 не может быть применена:

«Реабилитации не подлежат лица, в отношении которых в материалах уголовных дел имеется совокупность доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения их к ответственности за:

– измену Родине, шпионаж, диверсии, вредительство, саботаж, террористические акты;

– преступления против человечества и человечности, карательные акции в отношении мирного населения, убийства, истязания граждан и пособничество в этом оккупантам в период Великой Отечественной войны;

– вооруженные вторжения на территорию Украины, организацию вооруженных формирований, совершавших убийства, разбои, грабежи и другие насилия, и личное участие в совершении этих преступлений.

Не подлежат реабилитации также лица, осужденные за преступления против правосудия, связанные с применением репрессий, даже если они сами впоследствии подверглись репрессиям».

Порядок применения статей 1 и 2 установлен статьей 7 Закона о реабилитации: *«Органы прокуратуры во взаимодействии с органами государственной безопасности проводят проверки и составляют соответствующие заключения по всем уголовным делам, указанным в статьях 1 и 2 настоящего Закона, решения по которым не были отменены к моменту его принятия».*

Нужно отметить, что все, кто был подвергнут политическим репрессиям так, как описано в статье 1, реабилитировались автоматически. Справки о реабилитации выдавали органы прокуратуры, которые пересматривали подряд все архивно-следственные дела, находящиеся в архиве Службы безопасности Украины, и либо выносили решение о реабилитации, либо отказывали в ней на основании статьи 2 Закона. В этом случае *«прокурор направляет дело с заключением:*

в отношении осужденных судами – в те же суды, которые выносили последнее судебное решение. Дела, по которым приговоры, определения, постановления были вынесены упраздненными или расформированными судами, а также военными трибуналами в отношении гражданских лиц, передаются на рассмотрение тех судов, к подсудности которых эти дела отнесены действующим законодательством. Территориальная подсудность дела определяется по месту вынесения последнего судебного решения;

в отношении подвергшихся наказанию по решению внесудебных органов – в Верховный суд Украины, областные и Киевский городской суды, военные трибуналы округов, Черноморского флота, на территории которых применялись репрессии».

Вследствие рассмотрения дела суд может принять одно из следующих решений:

«признать, что лицо обоснованно осуждено или подвергнуто наказанию внесудебным органом и на него не распространяется действие статьи 1 настоящего Закона;

признать, что лицо необоснованно осуждено или подвергнуто наказанию внесудебным органом и оно подлежит реабилитации согласно статье 1 настоящего Закона.

При рассмотрении дела суд может также внести изменения в ранее вынесенные приговор, определение и постановление судов либо в решение внесудебных органов».

Кроме того, статья 7 предоставляет Верховному суду Украины полномочия по пересмотру в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам уголовных дел, рассмотренных Верховными судами Украины, Союза ССР, военными трибуналами и внесудебными органами, в том числе за пределами территории бывшего Советского Союза, в отношении лиц, которые на момент применения репрессий были постоянными жителями Украины.

На перечисленных в статье 2 исключениях нужно остановиться более подробно. Обвинения в диверсиях, вредительстве и саботаже были очень распространены во время искусственного голода 1932–1933 гг. в отношении прежде всего председателей колхозов, учетчиков, бухгалтеров, которые пытались каким-то образом спасти людей от голода и шли на самые разные ухищрения – например, оплачивали заработанные трудовни. Люди по-разному сопротивлялись государственной политике, направленной на то, чтобы не выдавать никому хлеб до тех пор, пока не будет выполнен спущенный сверху абсолютно нереальный план по хлебозаготовкам. Многие осужденные по таким уголовным делам так и не были реабилитированы. Такой вывод можно сделать на основании материалов уголовного дела, возбужденного в 2009 г. Службой безопасности Украины по факту совершения геноцида в 1932–1933 гг. (имелся в виду искусственный голод). СБУ с апреля по декабрь 2009 г. провела огромную работу с архивными документами и вскрыла весь механизм осуществления искусственного голода. Она составила список руководителей высших партийных и советских органов, ОГПУ и ГПУ УССР, и список документов, подписанных ими лично, которые привели к искусственному голоду и обуславливали репрессии против тех, кто пытался сопротивляться этой политике. СБУ составила также списки руководителей и сотрудников местных органов ГПУ УССР, прокуратуры, органов юстиции областного и районного уровней во всех существовавших тогда областях Украины – Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской, Черниговской, а также в Молдавской АССР. Эти списки включают 136 главных организаторов и исполнителей искусственного голода и политических репрессий на всесоюзном, всеукраинском, областном и районном уровнях.

СБУ составила также подборку документов из созданных фигурантами этих списков уголовных дел против крестьян, сопротивлявшихся в различных формах, – сопротивление хлебозаготовкам, помощь другим голодающим, попытки скрыть хлеб и др. Рядом с именами осужденных по этим делам указано, реабилитированы они или нет. Так вот, большинство из них не реабилитировано.

Далее следует отметить, что приговор по статье «измена Родине» стандартно получали люди, пытавшиеся бежать из СССР (в послесталинский период именно они составляли большинство «изменников»). На сайте Харьковской правозащитной группы изложено 115 таких историй, собранных из разных источников. Обычное наказание в таких случаях было – 10 лет лишения свободы. Эти люди по большей части не реабилитированы.

Также в Законе идет речь о преступлениях против человечности и карательных акциях в отношении мирного населения в период Великой Отечественной войны (осужденные по статье 58 УК СССР). Если в деле есть доказательства таких действий, то реабилитация невозможна. Это положение применялось в отношении воинов Украинской повстанческой армии, дела их пересматривали индивидуально, и если находились доказательства их участия в насилии в отношении мирного населения, в реабилитации отказывали. Во всяком случае, такова норма Закона, а практика складывалась по-разному в разных регионах.

В 1992 г. на семинаре в Киеве для членов комиссии по восстановлению прав реабилитированных выступал прокурор из Львовской области и рассказывал о результатах реабилитации. Он сказал, что 90 % дел воинов УПА по Львовской области пересмотрены, и почти все они реабилитированы. Данных в целом по стране, касающихся воинов УПА, у нас нет, но, поскольку проживают они в

основном именно в Галичине, в западных областях, можно с большой степенью вероятности утверждать, что львиная доля воинов УПА по этому Закону реабилитирована. Чем дальше мы движемся на восток и на юг страны, тем ниже этот процент. Когда говорят о необходимости реабилитации бойцов УПА, не очень понятно, о чем идет речь, поскольку на сегодняшний день большая часть их уже реабилитирована.

Статья 3 гласит: *«Реабилитировать всех граждан, сосланных и высланных с постоянного места жительства и лишенных имущества по решению органов государственной власти и управления по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам под предлогом борьбы с кулачеством, противниками коллективизации, так называемыми бандпособниками и их семьями».*

Справки о реабилитации этой группе граждан выдаются комиссиями по восстановлению прав реабилитированных на основании архивных и иных документов.

Число реабилитированных в Украине уменьшается в силу естественных причин, и на сегодня в целом по Украине не более нескольких сотен бывших узников лагерей.

Жертвы политических репрессий, которые не подпадают под действие Закона о реабилитации

Рассмотрим категории репрессированных, которые вообще не упомянуты в законе.

Во-первых, это депортированные по этническому признаку: представители так называемых репрессированных народов, в частности жертвы депортаций из Крыма в период и по окончании Второй мировой войны – крымские татары, греки, болгары а также депортированные поляки, немцы и представители других депортированных этниче-

ских групп. К этой же категории относятся жертвы масштабных депортаций, связанных с украинско-польскими отношениями в конце и после войны, и депортаций за пособничество УПА, которые коснулись около двух миллионов человек. На самом деле это огромная категория репрессированных, и они, казалось бы, должны подпадать под действие статьи 3 Закона, как и жертвы крымских депортаций. Однако пункт 4 Постановления ВС УССР о введении в действие Закона о реабилитации гласит: *«Действие статей 3, 4 и 9 Закона Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» не распространяется на репрессированные народы, насильственно переселенные (крымские татары, немцы, греки, болгары, поляки, армяне и другие), поскольку вопрос о реабилитации этой категории граждан решен Постановлением Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 года «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года “О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав”».*

Была предпринята попытка принятия отдельного закона о реабилитации крымско-татарского народа, этим занимались сами крымские татары. К сожалению, они не ставили вопрос о реабилитации жертв депортаций по этническому признаку в целом. Но даже и крымские татары не смогли добиться принятия такого закона, хотя многократно вносили соответствующие законопроекты и добились принятия одного из них в первом чтении. Нежелание государства принять такой закон связано с чисто экономическими причинами. Крымских татар в Крыму примерно 260 тысяч, к тому же большое число людей готово сняться с места и переехать в Крым из Узбекистана, где осталось много потомков депортированных. Они не

едут только потому, что не имеют финансовой возможности переехать и поселиться.

Закон о реабилитации депортированных должен быть принят не относительно представителей одной этнической группы, а относительно всех депортаций этнических групп, а также депортаций по иным признакам. Однако для реализации такого закона нужны огромные средства, которые наше государство просто не способно изыскать.

Во-вторых, это жертвы депортаций по политическим или социальным признакам, люди, подвергшиеся за неплату непомерных налогов ссылке, высылке, лишению гражданства. Это значительная группа людей, если учитывать членов семей репрессированных.

В-третьих, Закон о реабилитации никоим образом не касается детей репрессированных. Многократно говорилось о дискриминации: люди, живущие в России и Украине, подвергавшиеся фактически одинаковым репрессиям, находятся в неравном положении. В России после известного решения Конституционного суда был изменен закон и введен статус пострадавшего от политических репрессий, а затем дети репрессированных сами были признаны репрессированными и реабилитированы. В Украине же ничего подобного нет. Мы часто сталкивались с ситуацией, когда пожилые люди, переехавшие к своим детям из России (где они имели статус реабилитированных и льготы) в Украину, теряли все права. Это прямая дискриминация. Было много попыток принудить парламент принять такие законы, всего больше десятка законопроектов, и один из них в 2010 г. даже прошел первое чтение. Но на этом все и застопорилось. Закон о реабилитации жертв политических репрессий на Украине с 1991 г. претерпел чисто косметические изменения, по существу он не изменялся ни разу. Дети репрессированных, а также их вдовы или вдовцы не охватываются законом.

К категории репрессированных, которые должны быть реабилитированы, относятся дети, содержащиеся в спецприемниках и распределителях НКВД, детских домах, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, на спецпоселении или высланные, а также родившиеся в этих местах до освобождения родителей.

Надо сказать, что в отдельных городах Украины были приняты решения за счет местных бюджетов предоставить каким-то из перечисленных категорий те же льготы, что и реабилитированным. В частности, в Харькове еще в 1990 г., впервые в СССР, нам удалось провести решение о льготах для вдов и, в исключительных случаях, детей репрессированных. Если ребенок вследствие репрессий остался без опеки родителей, мы всегда предоставляли эти льготы, независимо от его нынешнего материального положения. Если ребенок содержался в спецприемнике НКВД, мы тоже льготы предоставляли автоматически, так как это был тот же лагерь и это те же жертвы политических репрессий, которые должны были бы подпадать под действие Закона. Кроме того, в отношении каждого сына или дочки репрессированных производилось обследование материальных условий, и результат был дополнительным основанием для предоставления льгот из местного бюджета или отказа в них. В 2006 г. нам удалось добиться решения об отмене этих «исключительных случаев» – в Харькове льготы получают абсолютно все дети репрессированных. На сегодняшний день их примерно 300 человек, а население Харькова 1,4 млн человек, – и это позволяет оценить процент представителей этой категории жертв репрессий.

Такие же решения были приняты еще в нескольких городах Украины, но отнюдь не всюду. В то же время в трех западных областях Украины – Львовской, Тернопольской,

Ивано-Франковской – бывшие бойцы УПА получают из местного бюджета пособия, построен специальный санаторий для их лечения и т.д.

Четвертая категория – значительная часть верующих протестантских церквей, которые были осуждены по статье 72 Уголовного кодекса УССР за отказ от службы в армии по религиозным мотивам (санкция до 3 лет лишения свободы). Это баптисты, пятидесятники, иеговисты, адвентисты седьмого дня и прочие – на Украине представлено 18 протестантских церквей. В советский период, когда не было закона об альтернативной службе (он принят в декабре 1991 г.), за отказ от службы в армии верующие до 28 лет успевали посидеть дважды, по два-три года. На наш взгляд, это типичные узники совести, которые должны были быть реабилитированы в обязательном порядке, и то, что они не включены в Закон, ненормально. Российским Законом они тоже не охватываются, и на бывшей территории СССР ни один Закон о реабилитации эту категорию не охватывает. По-видимому, это связано в том числе и с тем, что сами репрессированные не добиваются реабилитации. Наши попытки помочь осужденным по этой статье не увенчались успехом – они благодарили за предложение помочь, но считали, что все в руках Божьих. До сих пор такое отношение к этому вопросу в их среде превалирует. Списка осужденных по статье 72 не существует, его никто не составил, хотя многие из пострадавших считают, что это должно быть сделано. Я говорил с пастором одной из баптистских церквей Харькова Михаилом Дубовиком, и он согласился, что надо составить такой список, – но не составил.

Пятая категория – немалая группа людей, подвергшихся психиатрическим репрессиям, в частности, авторы антисоветских анонимных листовок. По данным Президентского архива РФ, опубликованным в 1992 г., КГБ в

течение года «отлавливал» примерно 100 авторов таких листовок, и только 7 % из них шли под суд, остальных отправляли в психушку. Таким образом, только из этой группы репрессированных ежегодно примерно 90 человек попадали в психбольницы. Где они и что с ними стало, нам неизвестно.

Шестая категория – люди, которые были осуждены по сфальсифицированным уголовным делам (что особенно характерно для Украины, по-видимому, с нее началось апробирование этих технологий) по разным статьям – от хулиганства до самых гнусных: изнасилование, мужеложство и пр. Мало кто из них был реабилитирован. Известные нам политзаключенные, которые имели по три судимости, одна из которых сфабрикованная уголовная, не хотели этим заниматься и не обращались за реабилитацией. Так, остались не реабилитированными Вячеслав Чорновил, Мыкола Горбаль, Василь Овсиенко, Мыкола Плахотнюк и многие другие украинские политзаключенные. Некоторые вообще скрывают факт такой судимости и даже запретили доступ к своим архивно-следственным делам.

Седьмая категория жертв политических репрессий – люди, которые по политическому, социальному, классовому или этническому признаку были ограничены в праве проживания в некоторых городах и регионах СССР, направлялись в «трудовые армии», были лишены избирательных прав (их называли «лишенцами»). К этой же категории относятся и так называемые тунеядцы.

Восьмая категория – лица, вернувшиеся в СССР по репатриации после окончания Второй мировой войны и содержавшиеся в проверочно-фильтрационных лагерях (пунктах).

Мы указали большие группы людей, которые пострадали от политических репрессий, но не охватываются

Законом о реабилитации. В апреле-июне 2014 года был подготовлен законопроект о реабилитации жертв политических репрессий советского периода, который охватывает все перечисленные группы. Однако перспектива его принятия неясна, поскольку его реализация предполагает значительные бюджетные ассигнования, которые в современных условиях представляются нереальными. Число людей, подпадающих под действие этого закона, если он будет принят, по разным оценкам колеблется от нескольких сотен тысяч человек до нескольких миллионов.

Социальные последствия реабилитации для бывших жертв политических репрессий

Выплата компенсаций реабилитированным, возврат им изъятого имущества или компенсация его стоимости регулируется Законом о реабилитации и Положением, утвержденным Постановлением правительства.

Компенсация за лишение свободы выплачивается только тем, кто отбывал наказание в виде лишения свободы или принудительного помещения в лечебные учреждения по приговору суда и был реабилитирован в соответствии со статьей 1 Закона. Компенсация выплачивается из местных бюджетов в размере одной минимальной заработной платы, установленной на время рассмотрения заявления, за каждый месяц лишения свободы, но не более 75 минимальных заработных плат. Та же категория реабилитированных получает льготы согласно статье 6 Закона. Реабилитированные согласно статье 3 Закона за лишение свободы в виде ссылки, спецпоселения и спецучета компенсацию за время ссылки не получают.

Те, кто был репрессирован на территории Украины, признан реабилитированным по статье 1 Закона, но про-

живают в других странах, обращаются с заявлениями о компенсации в дипломатические представительства и консульские учреждения Украины, а если их нет – в областные советы по месту репрессии.

Объем льгот для реабилитированных в соответствии со статьей 1 Закона примерно соответствует льготам для участников Великой Отечественной войны (*«получение льготных путевок для санаторно-курортного лечения и отдыха; при наличии медицинских показаний для обеспечения автомобилем и отсутствии противопоказаний к управлению им – обеспечение автомобилем бесплатное, при наличии медицинских показаний для обеспечения автомобилем и противопоказаний к управлению им – обеспечение автомобилем с правом передачи управления автомобилем члену семьи на льготных условиях; бесплатный проезд всеми видами городского пассажирского транспорта (кроме такси) и на автомобильном транспорте общего пользования (за исключением такси) в сельской местности в пределах административного района; снижение оплаты жилой площади и коммунальных услуг на 50 процентов в пределах норм, предусмотренных действующим законодательством; внеочередное оказание медицинской помощи и 50-процентную скидку стоимости лекарств по рецепту; преимущественное право на вступление в садоводческие товарищества, первоочередное право на вступление в жилищно-строительные кооперативы; первоочередную установку телефона; право на бесплатную правовую помощь по вопросам, связанным с реабилитацией»*). Участники Великой Отечественной войны имеют дополнительно льготу – снижение на 50 % платы за телефон¹. Оформление и возмещение льгот воз-

¹ Участники боевых действий имеют 75 % скидки там, где для участников войны предусмотрено 50 %, а инвалиды Великой Отечественной войны полностью освобождаются от уплаты.

ложено на местные советы, и их реализация существенно зависит от того, кто возглавляет советы, как на местах относятся к реабилитированным. Когда в Харькове изменился состав местных органов власти, нам приходилось отстаивать права стариков, добиваться, чтоб из местного бюджета выделяли деньги для реализации льгот.

Согласно статье 5 Закона о реабилитации, *«изъятые строения и иное имущество по возможности (если дом не занят, а имущество сохранилось) возвращаются реабилитированному или его наследникам в натуре. При отсутствии такой возможности заявителю возмещается стоимость строений и имущества <...> Порядок выплаты компенсации, возврата имущества или возмещения его стоимости реабилитированным регулируется Положением, утверждаемым Кабинетом Министров Украины».* Решение вопросов, связанных с установлением факта раскулачивания, административного выселения, с возмещением материального ущерба, восстановлением трудовых, жилищных, пенсионных и иных прав граждан, возлагается на штатные комиссии по вопросам восстановления прав реабилитированных при местных Советах народных депутатов. Постановлением Кабинета министров Украины № 112 от 18 февраля 1993 г. (с последующими изменениями) были введены Положение о порядке выплаты компенсаций, возврата имущества или возмещения его стоимости реабилитированным гражданам и Положение о комиссиях Советов народных депутатов по вопросам восстановления прав реабилитированных.

На практике эта формулировка – «если дом не занят» – практически исключает передачу домов, потому что они, если сохранились, то, как правило, заняты. Тем не менее в случаях, когда дома заняты не просто живущими в них людьми, а какими-то учреждениями, местные органы власти имеют возможность перевести учреждения в другие

помещения и отдать дом хозяину. Такие случаи были, в Харькове их зафиксировано несколько, вернули как-то дом в 500 квадратных метров. Это всегда длительный судебный процесс, фактически имущественный спор между человеком и государством в лице органа местного самоуправления.

Если имущество не сохранилось, его стоимость компенсируется теми предприятиями и организациями, которые первыми получили это имущество, или их правопреемниками. В иных случаях возмещение стоимости имущества производится за счет средств местного бюджета. Независимо от определенной стоимости изъятых зданий и имущества общая сумма компенсации не должна превышать 65 минимальных заработных плат. В случае, если вернуть имущество или возместить его стоимость невозможно, реабилитированным на семью выплачивается денежная компенсация в размере до 15 минимальных заработных плат. Эти суммы (65 и 15 минимальных заработных плат) настолько мизерны, что многие реабилитированные отказывались от получения компенсации за изъятое имущество, считая это для себя унижительным.

Согласно статье 77 Закона Украины «О пенсионном обеспечении», всем реабилитированным пенсия увеличивается на 50 %, а членам их семей, кто был принудительно переселен, – на 25 % от минимальной пенсии по возрасту. Практика сложилась таким образом, что решения о надбавке принимались комиссиями при местных советах, которые обычно доброжелательно относились к реабилитированным и членам их семей и назначали надбавку тем, чью семью выгнали из занимаемого жилья после репрессии. Однако на самом деле это были совершенно унижительные суммы, поскольку до 2008 г. расчет проводился исходя из суммы минимального необлагаемого налогом минимума доходов граждан – 19,91 гривен, и

размер надбавки к пенсиям составлял около 10 гривен, а члены семей получали вообще около 5 гривен. С 1 сентября 2008 г. эти надбавки были увеличены соответственно до 54,4 гривны и 43,5 гривны. Но и эти суммы мизерны².

Общественный статус жертв.

Сохранение памяти

Вопросам изучения истории политических репрессий на Украине и сохранения памяти государство уделяет серьезное внимание. Еще в 1992 году по инициативе СБУ, Академии наук Украины и общественных организаций были созданы редакционно-издательские группы во всех 27 регионах Украины (Автономная республика Крым, 24 области, города Киев и Севастополь) для подготовки и издания тематической серии «Реабилитированные историей» в каждом регионе. Эти группы работают в составе областных государственных администраций, финансируются из местного бюджета. Они уже частично подготовили и издали региональные книги «Реабилитированные историей» (иногда многотомные) во многих регионах страны и создают банк данных жертв политических репрессий. Например, в Харькове планируется издать шесть книг в восьми частях. На сегодняшний день издана первая книга в двух частях, которая охватывает период с 1917 г. до середины 1934-го. Планируется издать следующие две книги, охватывающие период с середины 1937 г. до конца 1938-го. Эта работа координируется Институтом истории НАН Украины и архивом Службы безопасности Украины. С 1993 г. дважды в год выходит в свет научный журнал «Из архивов ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ».

² Ср.: в 1996 г. за 1 доллар США давали около 2 гривен, а к концу 2008 г. 1 доллар стоил уже 8 гривен, в 2014 г. – 12 гривен.

Историческая память о политических репрессиях воплощена в многочисленных мемориалах памяти, памятниках, памятных досках, многочисленных публикациях, выставках, отмечаемых на государственном уровне Дней памяти. В 2005 г. был создан специальный государственный орган – Институт национальной памяти, который можно назвать основным проводником государственной политики Памяти. Эти вопросы отражались в нескольких президентских указах, от Кравчука до Януковича. В 1998 г. президентом Леонидом Кучмой был введен День памяти жертв голодомора, отмечаемый в последнюю субботу ноября. Позже президент Виктор Ющенко расширил название – День памяти жертв голодоморов и политических репрессий. В 2007 г. этот памятный день «разделили» на День памяти жертв голодоморов и День памяти жертв политических репрессий (третье воскресенье мая). В торжественных церемониях в этот день участвуют и представители власти, и простые люди, в память о жертвах обычно проводятся молебны и зажигается множество свечей.

При этом приоритетное значение уделяется многочисленным жертвам искусственного голода 1932–1933 гг. Перед 75-летием Голодомора было дано указание областным государственным администрациям в каждой области установить памятник жертвам голодомора и политических репрессий, создать Книгу Памяти. И это указание было в основном выполнено. Мемориалов построили немало. Кроме того, и раньше были мемориалы в местах массовых захоронений погибших во время террора, но они поставлены не везде – хотя практически все известные места отмечены какими-то памятными знаками. Не все места массовых захоронений известны, в конце 1980-х – начале 1990-х годов сведения о них предоставляли довольно легко, а потом перестали, и сейчас этого делать упорно не хотят.

Еще надо сказать, что был указ президента Ющенко о переименовании улиц, названных в честь советских политических деятелей, имевших отношение к репрессиям, и о снятии памятников им. На основании этого указа часть улиц и площадей (но далеко не все) были переименованы, демонтированы многие памятники Ленину и другим партийным деятелям (Свердлову, Дзержинскому). В последние годы это происходило в городах, руководство которых находилось в оппозиции Януковичу, словно в пику центральной власти: Борисполь, Бровары и др. В Харькове, наоборот, местные власти не выполнили указ президента, и сессия горсовета не выделила участок земли для установки памятника погибшим от искусственного голода, сказав, буквально, что голодомор был на территории области, пусть там и ставят памятник. В итоге памятник поставили за окружной дорогой, недалеко от границы города, но все-таки не в городской черте. Весной 2014 года памятники Ленину были демонтированы во многих городах Украины, это явление получило название «ленинопад».

Следует сказать, что довольно регулярно выходят указы президента и постановления правительства о мерах по поддержке реабилитированных и сохранению исторической памяти, которые, по сути, во многом повторяют законодательство, но радует именно то, что они обязательны для исполнения местными органами власти. В постановлении правительства от декабря 2012 г. фактически повторены нормы закона, касающиеся льгот, но есть и дополнительные задачи, например, провести мониторинг исполнения законодательства по вопросам социальной защиты бывших политзаключенных, репрессированных и членов их семей; провести обследование материальных условий представителей названных категорий, по результатам которого обеспечить их в уста-

новленном порядке материальной помощью; обеспечить предоставление социальных услуг одиноким гражданам. Есть и такие пункты:

- содействовать освещению в государственных СМИ причин и следствий политических репрессий в Украине, проблем жизнеобеспечения бывших политзаключенных, репрессированных и членов их семей,

- обеспечить объективное освещение в программах учебных заведений причин и следствий политических репрессий в Украине начиная с 1917 г. и вплоть до 1990-х годов; содействовать изданию исторической литературы о событиях, связанных с политическими репрессиями,

- обеспечивать проведение книжных выставок; принять меры для публикации рассекреченных архивных документов о репрессиях.

Следует отметить, что в последние десять лет в Украине изменилась ситуация с доступом к архивной информации о политических репрессиях. В архиве СБУ процесс регулярного рассекречивания начался в 2009 г. после соответствующего указа президента Ющенко. Сначала дела пересматривались медленно, в индивидуальном порядке, и за первый год было пересмотрено всего 2–3 % от общего числа архивно-следственных дел и других документов о политических репрессиях. Потом их стали пересматривать целыми категориями, процесс ускорился, и к концу 2011 г. был пересмотрен весь архив документов советского периода о политических репрессиях с грифами «секретно» и «совершенно секретно». Практика отказа в доступе к советским документам с этими грифами была незаконной, поскольку документ, на основании которого они были засекречены, а именно известная инструкция № 0126, сам был секретным, что противоречит Конституции Украины. Эти документы в основном были рассекречены, в СБУ называлась цифра 95 % от общего коли-

чества, а остальные 5% получили гриф секретности в соответствии уже с украинским Законом о государственной тайне. Более того, в архиве МВД произошло то же самое, а архив МВД – это более миллиона дел раскулаченных и депортированных с советским грифом секретности, хотя прошло 75 лет (по украинскому закону об архивных учреждениях – максимальный срок ограничения доступа). Пересмотрели, открыли, и сегодня доступ к этим документам не ограничивается грифами секретности. В архиве МВД другие проблемы: всего шесть сотрудников, очень маленький зал, и работать с документами фактически невозможно, поэтому посетителей почти не принимают. Но архивные справки стали выдавать.

Нельзя сказать, что все это коренным образом изменило практику доступа к архивным делам на Украине, поскольку действует такое же правило, как и в России, – информация о гражданине конфиденциальна, и доступ к ней может быть дан только с разрешения самого лица или его потомков, которых зачастую просто невозможно найти. Ограничение доступа по мотивам секретности сменилось ограничением по мотивам конфиденциальности. Архивно-следственные дела реабилитированных переданы из архива СБУ в областные архивы, а дела тех, кто не реабилитирован, остались в архиве СБУ. Этих дел довольно много (по разным данным, их почти столько же, сколько и дел реабилитированных), и доступ к ним по-прежнему закрыт, хотя никаких законных оснований для ограничения доступа к этим делам нет.

Практика доступа к архивно-следственным делам реабилитированных складывается по-разному и напрямую зависит от тех, кто работает в архиве, и от тех, кто пытается получить доступ к документам. Чтобы получить доступ к делу, нужно подтверждать родство или иметь разрешение на доступ, данное исследователю реабилитиро-

ванным или его наследниками. Но тут действуют разные факторы (давнее знакомство исследователя с архивистами, сотрудничество, отношение архивистов к исследователю, его репутация и т.п.). На практике некоторые авторитетные исследователи (например, профессор Юрий Шаповал) получают доступ к любым документам, особенно если они работают по совместным программам архива СБУ и НАН Украины. При этом запрещается копировать документы процессуального характера. Этот запрет сформулирован следующим образом: *«Реабилитированные или с их согласия, либо в случае их смерти близкие родственники имеют право знакомиться с материалами закрытых производством уголовных и административных дел и получать копии документов непроцессуального характера. Знакомиться с такими делами они могут только в случае, если в них отсутствуют данные, которые могут отрицательно повлиять на достоинство, законные права и интересы граждан – как самих потерпевших, их родных, так и других граждан. Реабилитированные лица и их наследники имеют право на получение рукописей, фотографий, других личных вещей, сохранившихся в делах. Государственные органы обязаны сообщить родным реабилитированного о месте его гибели (смерти) при наличии таких данных»* (п.15 Постановления Верховного Совета Украины от 24 декабря 1993 года «О толковании Закона Украины “О реабилитации жертв политических репрессий на Украине”»). В то же время документы процессуального характера из архивно-следственных дел постоянно публикуются.

На Украине действуют государственные и общественные музеи, специализирующиеся на теме политических репрессий, большинство их сосредоточено в западных областях страны. Работают общественные организации жертв политических репрессий. Самая известная такая организация – Всеукраинское товарищество политзаклю-

ченных и репрессированных. Оно большое, разветвленное, его отделения есть в каждом областном центре и во многих провинциальных городах. Все зависит от того, сколько бывших репрессированных в конкретном населенном пункте, насколько они активны. Там, где их много и они активны, они влияют на местные власти, занимаются издательской деятельностью и т.д. С 2001 г. эта организация время от времени получала бюджетное финансирование. В целом это товарищество сегодня, к сожалению, сходит на нет по естественным причинам. Кроме того, есть местные отделения «Мемориала», есть Украинское добровольное культурно-просветительское благотворительное товарищество «Мемориал» имени Василия Стуса. Но надо сказать, что эти организации делают немного. Более активен Киевский городской «Мемориал» им. Василия Стуса, которым руководит Роман Круцик, дважды бывший депутатом парламента. Это отделение близко к правым политическим силам. Именно они создали Музей советской оккупации в Киеве по образцу таких музеев в Латвии, Эстонии и Грузии, но украинский музей создан непрофессиональными историками, что сказывается на качестве его экспозиции.

Работало также несколько исследовательских центров по истории политических репрессий. «Общественный комитет по чествованию памяти жертв Голодомора» создан в 2010 г., объединяет многих известных историков и общественных деятелей (сайт Комитета <http://holodomor33.org.ua/>). Есть и другие общественные организации, объединяющие исследователей искусственного голода 1932–1933 гг. Известны также львовский Центр исследования освободительного движения (<http://cdvr.org.ua>), Харьковская правозащитная группа, одна из программ которой – исследование истории диссидентского движения в СССР и Украине (<http://archive.khpg.org>), Музей шестидесятников и другие организации.

Вело ПЕТТАЙ,
профессор сравнительной политики,
Институт управления и политики
Тартуского университета

Судьба жертв политических репрессий в Эстонии – право на реабилитацию и память¹

Реабилитацию жертв политических репрессий в Эстонии и сохранение памяти о них можно охарактеризовать по трем основным параметрам. Во-первых, в связи с тем, что все три прибалтийских государства вошли в состав СССР только в 1939–1940 гг., и поэтому основной акцент при реабилитации жертв политических репрессий был сделан на периоде сразу после присоединения этих стран к СССР (т.е. 1940–1941 гг.) и послевоенном периоде (1944–1950 гг.). Для обоих периодов были характерны массовые депортации, которым уделялось особое внимание. Во-вторых, в конце 1980-х годов в Эстонии, как и во многих советских республиках, начался процесс реабилитации жертв сталинского террора и увековечения памяти о них. Однако после принятия первых законов в период с 1988 по 1992 г. внимание к этому вопросу ослабело, и лишь в 2003 г. вновь возник политический интерес, в результате чего был принят закон о постоянном статусе жертв политических репрессий. В-третьих, эта последовательность событий свидетельствует о том, что, несмотря на поддержку жертв советских депортаций

¹ Большинство фактических данных для этого доклада взяты из кн.: Pettai E.-Cl., Pettai V. *Transitional and Retrospective Justice in the Baltic States*. Cambridge: University Press, 2015.

с помощью политических мер, социальной политики и программ памяти, этот вопрос занимает не такое видное место в государственной политике, как в некоторых других бывших республиках СССР (например, в Литве). В частности, жертвами репрессий занимаются главным образом различные департаменты социальной защиты, нет централизованного учреждения по работе с жертвами репрессий. К тому же число категорий жертв в Эстонии меньше, чем в двух других государствах Балтии.

Историческая справка о политических репрессиях в Эстонии

Как и в двух других прибалтийских государствах, Латвии и Литве, центром внимания политической реабилитации в Эстонии были два периода сталинского террора – 1940–1941 и 1944–1950 гг. Первый период включает один год советской власти, установившейся после оккупации и аннексии прибалтийских государств Советским Союзом в соответствии с пактом Молотова–Риббентропа, подписанным в августе 1939 г. Политические репрессии, направленные против лидеров еще сохранявшей независимость страны, начались вскоре после размещения 25 тысяч советских войск в Эстонии в сентябре 1939 г. Однако они усилились после того, как в июне 1940 г. Эстонии было навязано просоветское правительство. После фальсифицированных выборов в июле того же года новый парламент просоветской направленности обратился к Советскому Союзу с просьбой о вхождении Эстонии в состав СССР, которая была немедленно удовлетворена. С ликвидацией независимости Эстонии политические репрессии начались всерьез: сотни политических и других общественных лидеров были арестованы, брошены в тюрьмы, депортированы, а в некоторых случаях казнены

без суда. Президент Эстонии Константин Пятс был арестован 30 июля и депортирован в Россию, где его держали в различных тюрьмах и психиатрических больницах до самой смерти в 1956 г.

В ноябре 1940 г. СССР ввел в действие на территории прибалтийских республик Уголовный кодекс РСФСР, который допускал, в частности, осуждение людей за «контрреволюционную деятельность» по подпунктам постыдной статьи 58. В результате многие эстонцы (а также латыши и литовцы) подверглись репрессиям за действия, совершенные, когда их страны еще были независимыми. Другими словами, советские репрессии распространялись на период независимости, который теперь называли «контрреволюционным». В результате этих политических репрессий пострадали, по оценкам, в общей сложности 8000 человек.

Другим направлением репрессий в период 1940–1941 гг. была волна массовых депортаций, начавшаяся во всех трех прибалтийских государствах 14 июня 1941 г. В Эстонии от депортации пострадали, по оценкам, 9267 человек, около 2400 из них погибли, а около 4260, по некоторым сведениям, смогли вернуться в Эстонию после 1950-х годов. Большинство депортированных хотя и были противниками нового советского режима, но никак не боролись с ним.

В июле 1941 г. пострадало еще больше эстонцев, которых после нападения нацистов на СССР насильно призывали в Красную армию или эвакуировали в Россию.

В период последовавшей нацистской оккупации оставшееся в Эстонии еврейское население (около 1000 человек) было уничтожено (и Эстония стала одной из первых территорий, объявленных нацистами «свободной от евреев» – Judenfrei). Тысячи евреев из Центральной Европы были вывезены в Эстонию для принудительного труда и

последующего уничтожения. Согласно законодательству Эстонии, уцелевшие имеют статус жертв (их относительно немного – несколько сот человек).

После восстановления советского режима в сентябре 1944 г. сталинские репрессии возобновились.

Во-первых, НКВД была поставлена задача обнаружить и уничтожить вооруженное сопротивление советскому режиму. Этот процесс включал преследования, захват или уничтожение эстонских партизанских отрядов, которые начали действовать, надеясь восстановить независимость или хотя бы сопротивляться восстановлению советского режима. В Эстонии эта партизанская война была наименее интенсивной среди трех прибалтийских республик (дольше всего она продолжалась в Литве). И все же известно, что за деятельность в рамках движения сопротивления были репрессированы почти 8500 человек, из них около 4000 расстреляны.

Во-вторых, в марте 1949 г. началась новая волна депортаций. В рамках политики принудительной коллективизации сельского хозяйства в Прибалтике Сталин отдал приказ о массовых депортациях во всех трех республиках, и 25 марта около 21 400 человек были насильственно вывезены из Эстонии в Россию (в основном в Сибирь). На пути в ссылку умерли около 3000 человек. Несколько сот членов семей, которых сразу не могли найти или которые нашлись позже, в конце концов последовали за своими близкими к месту ссылки. Наконец, около 10 000 человек смогли избежать депортации, но вынуждены были скрываться. Несколько тысяч депортированных выжили в ссылке и либо пытались тайно вернуться в Эстонию в начале 1950-х годов, либо получили разрешение вернуться после 1956 г. Некоторых выпустили из мест заключения, но они не получили разрешения вернуться в Эстонию, поэтому им пришлось поселиться в других местах.

В 1960–1970-х годах политические репрессии были направлены против диссидентов и других противников советского режима. Однако таких людей было гораздо меньше – в общей сложности несколько сот человек.

В целом процесс реабилитации и признания жертв политических репрессий в Эстонии тесно касается сталинского террора до и после Второй мировой войны. Помимо депортированных к таким жертвам относились члены сопротивления, которые были реабилитированы (если остались живы), либо была увековечена их память (если они были расстреляны или умерли до реабилитации).

Эволюция законодательства

Как хорошо известно, процесс пересмотра советской истории и признания жертв сталинских репрессий по-настоящему начался при М.Горбачеве уже в 1986 г. Решение КПСС начать заниматься вопросом реабилитации было принято в 1988 г., в прибалтийских республиках о нем стало известно во втором полугодии того же года. Эстония стала второй после Литвы прибалтийской республикой, принявшей закон о реабилитации всех жертв репрессий.

7 декабря 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР признал все «внесудебные массовые репрессии» 1940–1950-х годов «преступлениями против человечности» и объявил об автоматической реабилитации всех лиц, депортированных из Эстонии в этот период. Кроме того, в законе содержалось поручение правительству разработать не только систему компенсаций, но и программу увековечения памяти и сохранения всех возможных документов, связанных с внесудебными репрессиями сталинской эпохи. К тому же в этом законе впервые в прибалтийских республиках предусматривалось прове-

дение уголовного расследования массовых расстрелов и преступлений против человечности и возможных процессов в отношении лиц, чье участие в таких мероприятиях доказано.

Хотя благодаря этому первому закону дело сдвинулось с мертвой точки, в феврале 1990 г. Президиум Верховного Совета Эстонской ССР принял дополнительный указ, в котором четко определялось, на осужденных по каким пунктам Уголовного кодекса РСФСР распространяется реабилитация. В этот перечень включены некоторые из самых одиозных форм сталинских репрессий, в частности, «измена Родине» (ст. 58-1а), поддержка «контрреволюционной деятельности» (ст. 58-11), «антисоветская пропаганда и контрреволюционная агитация» (ст. 58-10) и членство в «контрреволюционном правительстве» до 1940 г. (ст. 58-13). По данным Союза «Меморто» – крупнейшей эстонской организации, объединяющей жертв репрессий, – более 65 % из примерно 50 000 политических приговоров были вынесены в Эстонии в сталинскую эпоху по этим четырем пунктам. [Õispuu. С. 56–59*]. В то же время в новом указе выделены некоторые более конкретные обвинения, связанные с депортациями: осуждение за попытку бежать с места депортации и попытку вернуться домой (§ 82). Кроме того, в указе были отмечены некоторые осуждения по экономическим обвинениям, в частности признание зажиточных фермеров кулаками или конфискация их имущества.

В административном отношении новый указ поручал работу с более чем 20 000 лиц, признанных репрессированными по этим конкретным пунктам советского УК, двум инстанциям. Одной из них был Верховный суд Эсто-

* Здесь и далее в квадратных скобках даны отсылки к библиографическим описаниям, помещенным в конце доклада.

нии (для работы с лицами, официально осужденными советскими судами), другой – Генеральная прокуратура Эстонии (работа с лицами, осужденными такими внесудебными органами, как Особое совещание при МГБ – большинство приговоров было вынесено именно им).

На основании этого февральского указа 1990 г. процесс реабилитации в Эстонии стал набирать силу, и тысячи людей получили свидетельства реабилитированных. Еще один толчок был дан в феврале 1992 г., когда Верховный Совет Эстонии принял полномасштабный закон о реабилитации. В нем был расширен список статей УК РСФСР, обвиненные по которым подлежали реабилитации, и содержались четкие указания относительно процесса реституции собственности для тех, чье имущество было конфисковано в связи с депортацией или репрессией. В начале 1993 г. в этот закон были внесены изменения, наделяющие Верховный суд Эстонии правом рассматривать прошения лиц, которые хотели быть реабилитированными по политически мотивированным, по их мнению, обвинениям советской эпохи. К ним относились обвинения в хулиганстве и других преступлениях, когда, например, в советское время люди пытались вывесить эстонский национальный флаг или выкрикивали антисоветские лозунги.

Вопрос реабилитации и политических репрессий перестал быть в центре внимания политиков, когда проблемы нового государственного строительства, экономических реформ и европейской интеграции в Эстонии вышли на первый план. Только в конце 2002 г. и в начале 2003 г. несколько организаций, объединяющих жертв репрессий, постарались придать новый импульс этому вопросу, заключив союз с новой эстонской политической партией *Res Publica*. Непосредственно перед парламентскими выборами, запланированными на март 2003 г., *Res Publica*

и союз «Мементо» (основная группа, занимающаяся увековечением памяти о репрессированных в Эстонии) подписали соглашение о сотрудничестве, в котором Res Publica обязалась поддержать принятие закона о репрессированных лицах, если она войдет в будущие правящие коалиции. После того как 7 марта Res Publica одержала впечатляющую победу на выборах и ее председатель Юхан Партс стал премьер-министром, новое правительство быстро сформировало специальную экспертную комиссию для подготовки единого закона о статусе жертв репрессий в Эстонии. Комиссия, в состав которой входят несколько организаций жертв репрессий, использовала значительную часть предложений, разработанных союзом «Мементо» и другими организациями [Raude]. В начале ноября 2003 г. законопроект был внесен в парламент, и менее чем через месяц подавляющим большинством голосов был принят «Закон о лицах, репрессированных оккупационными режимами» [Eesti Vabariigi Riigikogu]. Этот закон остается основным нормативным документом при решении вопроса о реабилитации и правах и льготах жертв репрессий.

Реабилитация

Лица, имеющие право на реабилитацию

Формальный процесс юридической реабилитации регулируется серией законодательных актов, принятых в 1990 и 1992 гг. Основными категориями реабилитированных являются лица, пострадавшие от репрессий сталинской эпохи. В частности, законодательные акты 1990 и 1992 гг. содержат перечни всех репрессивных пунктов УК РСФСР, которые использовались для осуждения людей за разные виды якобы антисоветских преступлений. Любой человек, осужденный по этим статьям, мог подать проше-

ние о реабилитации. Перечень включает статьи 58^{1a}–58¹⁴, 59², 59³, 59⁴–59⁶, 59¹⁰, 59¹³, 60–62, 64, 66, 68–70, 79¹–79⁴, 81, 82, 84, 121, 122, 125, 126, 182 п. 1, 192^a, 193⁷ п. «Г» и 193¹⁰.

По данным, собранным Эстонским бюро репрессированных лиц, 58 % репрессированных сталинским режимом были осуждены по статьям 58^{1a} и 58¹¹ [Õispuu]. По первой статье (использовалась в 35,7 % случаев) человека обвиняли в «измене родине», вторая (22,3 % случаев) представляла собой универсальное обвинение, в соответствии с которым уголовное наказание предусматривалось за любую деятельность, связанную с любыми другими преступлениями, указанными в «политическом» разделе УК, или за принадлежность к организации, которая готовила перечисленные в УК политические акты.

В статье 2 эстонского закона 2003 г. «О лицах, репрессированных оккупационными режимами» перечислены следующие категории противоправно репрессированных лиц:

- лица, являющиеся жертвами геноцида, как это определено в Конвенции 1948 г.,

- лица, наказанные тюремным заключением, высылкой на поселение или помещением в специальное психиатрическое лечебное учреждение за свои убеждения, политические взгляды, вероисповедание, расовую или этническую принадлежность, гражданство, семейное или социальное происхождение или имущественное положение,

- лица, наказанные тюремным заключением или высылкой на поселение за невыполнение специальных обязанностей, установленных оккупационным государством для своих граждан (военная служба, лояльность, обязательное мировоззрение, запрет покидать территорию),

- лица, наказанные тюремным заключением или высылкой на поселение за то, что они совершили до или в

период временной оккупации, за исключением случая, если деяние было также наказуемо и на основании законов Эстонской Республики,

– лица, наказанные тюремным заключением или высылкой на поселение на основании происхождения или общих персональных признаков без установления индивидуальной вины,

– лица, наказанные тюремным заключением или высылкой на поселение за участие в акте протеста, носящем антиоккупационный характер, либо в акте, подчеркивающим государственное право на самоопределение, либо за иное осуществление или попытку осуществления международно признанных прав человека или основных свобод, независимо от вида преступления, формально приписанного ему оккупационным государством,

– лица, депортированные (сосланные или перемещенные) с их постоянного места жительства, находящегося на оккупированной территории, на территорию оккупационного или какого-либо иного государства – оккупированного или не оккупированного, или оставленные после отбытия наказания на принудительное поселение за пределами территории Эстонии,

– лица, перемещенные из Эстонии в 1941 г. в СССР и подвергнутые принудительным работам с ограничением свободы в трудовом батальоне, строительной колонне или в подразделении трудовой колонны, либо принудительно высланные во время фашистской оккупации на работу за пределы территории Эстонии,

– лица, подвергнутые после пребывания в плену или в качестве репатрируемого лица принудительным работам с ограничением свободы в трудовом батальоне, в строительной или трудовой колонне СССР,

– лица, наказанные как укрывающиеся от противоправных репрессий тюремным заключением или высылкой на

поселение за деяние или деяния, совершенные ими с целью необходимой обороны, не выходя за рамки, установленные законом Эстонской Республики, за исключением случая, если деяние было также наказуемо и на основании законов Эстонской Республики,

- лица, которым запрещено проживание в Эстонии,
- лица, подвергнутые в качестве подопытных объектов облучению при взрыве ядерной бомбы,
- лица, принудительно перемещенные в район ядерной катастрофы для ликвидации ее последствий,
- дети, родившиеся в период пребывания родителя на поселении или в местах заключения, или после освобождения родителя до того времени, когда родителю было выдано разрешение и предоставлена реальная возможность вернуться в Эстонию.

В соответствии с эстонскими законами 1992 г., лица, осужденные за геноцид, преступления против человечности или военные преступления, не имеют права на реабилитацию. Вместе с тем закон 2003 г. о репрессированных лицах устанавливает, что право на статус репрессированного не имеют лица, которые были членами коммунистической партии до 1 января 1954 г. или принимали участие в репрессиях на территории Эстонии.

К репрессированным приравниваются:

- граждане Эстонии, принимавшие участие в вооруженной борьбе за восстановление государственной независимости Эстонии, которая велась с 16 июня 1940 г.,
- граждане Эстонии, которые получили увечье, являясь мобилизованными или военнослужащими срочной службы в вооруженных силах СССР, и не принимали участия в репрессиях на территории Эстонии.

Здесь есть исключение – приравненными к репрессированным не считаются лица, мобилизованные в Крас-

ную армию, будучи членами или кандидатами в члены ВКП(б), ВЛКСМ или ЛКСМЭ, или входившие в состав истребительного батальона НКВД (МВД), или мобилизованные в германскую армию, будучи членами или кандидатами в члены НСДАП.

Поскольку данный закон в большей степени касается определения лиц, имеющих право на социальные льготы в связи с тем, что они были репрессированы (в отличие от формально-правового процесса реабилитации), в нем используются более общие категории. Например, в них не проводится четкое различие между людьми, пострадавшими при советском и нацистском оккупационных режимах. (В отличие от Эстонии, в Литве категории жертв перечислены по конкретным историческим периодам репрессий.) Кроме того, в эстонском законодательстве признаны имеющими равное право на льготы те лица, которые получили увечья или стали инвалидами в результате службы в Советской армии (например, во время войны СССР в Афганистане) или во время ликвидации чернобыльской аварии.

Закон Эстонии 1992 г. о реабилитации применяется в отношении граждан Эстонии и всех постоянно проживающих в Эстонии лиц, которые были осуждены по обвинению в одном из указанных выше преступлений. Закон не применяется в отношении лиц, которые были репрессированы в СССР до вхождения Эстонии в состав СССР.²

Установление факта репрессии и вынесение решения о реабилитации

Эстонские суды могут установить факт репрессии в отношении какого-нибудь человека, особенно в тех случаях, когда люди были осуждены в позднесоветский пе-

² В отличие от Латвии, где этнические латыши, которые жили в Сибири в 1930-х годах и были репрессированы в конкретный период сталинских репрессий, были также объявлены имеющими право на реабилитацию, если они впоследствии вернулись в Латвию.

риод за такие антисоветские поступки, как хулиганство, которые в действительности были обусловлены политическими мотивами. Были случаи, когда люди пытались подавать апелляцию в случае осуждения по обвинению в таких уголовных преступлениях, как кража или нанесение телесных повреждений, заявляя о том, что они были совершены в ходе партизанской или другой антисоветской деятельности, поэтому их можно считать политически мотивированными. Некоторые из этих обвинительных приговоров были впоследствии отменены судом. Кроме того, судебные действия требовались в тех случаях, когда заявители утверждали, что их держали в психиатрических больницах по политическим мотивам.

Социальные последствия реабилитации бывших жертв

Бывшие жертвы репрессий не получают никаких разовых компенсационных выплат.

Лица, признанные репрессированными по политическим мотивам, имеют право на получение надбавок к пенсиям. Лица, которые были депортированы при сталинском режиме или жили в гетто при нацизме, имеют право на надбавку к пенсии в размере 20 % от базовой пенсии, что эквивалентно примерно 28 долларам в месяц. Кроме того, репрессированные имеют право на досрочный выход на пенсию – на пять лет раньше наступления официального пенсионного возраста (если они провели в заключении или ссылке не менее пяти лет). Кроме того, все время, проведенное в заключении, ссылке или перемещении в места репрессий и обратно, засчитывается в стаж с коэффициентом 3. Это время также учитывалось при расчете числа приватизационных ваучеров, которые человек получал при приватизации жилья в первой поло-

вине 1990-х годов. Для многих людей это была заметная сумма, позволившая им приватизировать квартиру или дачу, несмотря на короткий стаж.

Реституция, возвращение имущества или компенсация за утраченное имущество

Эстонское законодательство 1990 и 1992 гг. о реабилитации предусматривало реституцию собственности, изъятой у депортированных и других лиц, репрессированных по политическим мотивам. Во многих случаях этот процесс был осложнен, поскольку судьба такой собственности оказалась неоднозначной. В одних случаях в дома, покинутые депортированными, заселялись другие люди, в других – имущество забирали местные колхозы. Поскольку советская власть национализировала все имущество уже в ноябре 1940 г., депортируемые уже не имели крупных ферм или другого значительного имущества. И все-таки речь шла об отдельных домах и другом небольшом имуществе. В июне 1991 г. Эстония приняла общую программу реституции имущества (в том числе тем, чье имущество было национализировано уже в 1940 г.), поэтому заявки, поданные депортированными лицами в отношении возврата имущества, утраченного после 1940 г., обычно включались в общий процесс реституции собственности. Заявки репрессированных составляли сравнительно небольшую долю – около 12 200 из 200 000 ходатайств. При этом более 90 % таких ходатайств от репрессированных были удовлетворены [Raidla].

Льготы, предоставляемые жертвам репрессий

На основании закона 2003 г. «О лицах, репрессированных оккупационными режимами» жертвы репрессий имеют право бесплатно посещать государственные музеи,

общий певческий праздник и общий танцевальный праздник, который проводится раз в пять лет. Кроме того, они имеют право бесплатно заниматься любительским ловом рыбы. Репрессированные имеют право на льготный (50 %) проезд в общественном транспорте во внутригосударственных перевозках. Некоторые муниципалитеты (например, Таллин) также предоставляют льготы на проезд в городском транспорте или льготы по уплате налога на имущество.

Члены семьи или родственники репрессированных не имеют дополнительных льгот.

Помимо участия в системе государственного здравоохранения, репрессированные имеют право на получение пособия в размере 160 евро, которое они могут использовать для восстановления здоровья или оплаты медицинских услуг. Кроме того, репрессированные имеют право на посещение (раз в год) специального реабилитационного центра Министерства обороны.

Реализация закона о реабилитации

Законом 1990 г. о реабилитации ответственность за реабилитацию осужденных по приговору суда возложена на Верховный суд Эстонии, а за реабилитацию репрессированных во внесудебном порядке – на Генеральную прокуратуру.

Организации жертв политических репрессий

Основной организацией жертв политических репрессий в Эстонии является эстонский союз «Мементо» (*Eesti Memento Liit*, Endla 4, Tallinn 10142, тел. +372 626 3200, liit@memento.ee, www.memento.ee). Он был основан 25 марта 1989 г., то есть в 40-ю годовщину депортаций

1949 г. Помимо организации поминальных служб через местные отделения «Мементо» также является основной организацией, представляющей интересы репрессированных в государственных органах.

В 1992 г. Информационный комитет «Мементо» отделился от организации и реорганизовался в Эстонское бюро регистрации репрессированных лиц (*Eesti Represseeritute Registri Büroo*). Бюро поставило перед собой задачу составить полную базу данных обо всех лицах, репрессированных по политическим мотивам в Эстонии. Подготовив 11 томов списков и дополнительные исследования и комментарии, оно помогло сохранить память о судьбах более чем 87 000 человек, пострадавших от сталинских и более поздних политических репрессий в Эстонии. Все тома можно скачать с сайта союза «Мементо» <http://www.memento.ee/trukised/memento-kaamatud/>. Большинство томов составлены на двух языках – эстонском и английском.

Наконец, в соответствии с законом 2003 г. о статусе репрессированных был образован специальный Фонд поддержки эстонских репрессированных лиц, с помощью которого государство направляет около 250 000 евро в год не только союзу «Мементо», но и другим организациям жертв репрессий.

Институты, отвечающие за государственную и социальную поддержку репрессированных

Право на получение социальных льгот подтверждается удостоверением, которое выдается эстонским Национальным департаментом социального страхования (*EestiSotsiaalkindlustusamet*). Департамент также предоставляет льготы (наряду со всеми остальными социальными выплатами в стране).

Ассигнования в Фонд поддержки эстонских репрессированных лиц первоначально проводились через Госу-

дарственное казначейство Эстонии, а в последние годы – через Министерство внутренних дел.

Основная поддержка репрессированным осуществляется через национальные органы. Муниципальные органы власти могут принять решение о предоставлении репрессированным дополнительных льгот или услуг (например, бесплатный проезд на общественном транспорте) или оказать помощь в координации местных мероприятий по увековечению памяти.

Как выполняется законодательство о статусе жертв репрессий

Эстонские законы о реабилитации репрессированных и об их поддержке выполняются в целом хорошо. Процесс реабилитации проходил довольно гладко, а услуги социальной защиты предоставляются практически без проблем. Основные противоречия касались выдачи удостоверений в некоторых неоднозначных случаях, например, лицам, которые ходатайствовали о получении статуса репрессированного в связи с тем, что в советское время были осуждены за неполитические преступления, или лицам, которые первоначально не считались прямыми жертвами репрессий (например, тем, кто добровольно уехал в Сибирь к депортированным близким).

Наличие статистических данных о реабилитации репрессированных до и после распада Советского Союза

Точная статистика о числе официально реабилитированных в Эстонии в рамках правового процесса в начале 1990-х годов не велась. Наиболее полная статистика имеется у Министерства социальных дел о лицах, имеющих право на специальные социальные пособия.

Например, в 2001 г. существовали следующие категории и статистические данные:

Категория	Число лиц
лица, досрочно вышедшие на пенсию в связи с тем, что были репрессированы и находились в заключении или на поселении	1171
лица, репрессированные в связи с тем, что в 1941–1942 гг. находились в концентрационном лагере или гетто либо в трудовом или строительном батальоне и получающие пенсию по инвалидности или дополнительную пенсию	413
участники послевоенного сопротивления или лица, скрывавшиеся из-за боязни быть репрессированными, при этом эти годы были включены в стаж, необходимый для получения пенсии	61
депортированные лица, в отношении которых время, проведенное в заключении, включено в пенсионный стаж с коэффициентом 3	20 604
лица, в чей стаж включено время заключения в военных лагерях, концентрационных лагерях или гетто, а также лица, вынужденные работать в трудовых или строительных батальонах в 1941–1942 гг.	52
реабилитированные лица, которым не было разрешено вернуться в Эстонию сразу после освобождения; время депортации включено в стаж, необходимый для получения пенсии, с коэффициентом 1,5	151

лица, принудительно переселенные в октябре 1941 г. с полуострова Сорве (на острове Сааремаа) в Германию; это время включено в стаж, необходимый для получения пенсии с коэффициентом 3	11
реабилитированные лица или лица, содержащиеся в концентрационных лагерях, гетто или вынужденные работать в 1941–1942 гг. в трудовых или строительных батальонах; по достижении пенсионного возраста эти лица получают надбавку к пенсии помимо пенсии по инвалидности	915
Всего	23 378

[Источник: Oviir]

Другим источником статистических данных служит число удостоверений репрессированных, которые были выданы в соответствии с законом 2003 г. «О лицах, репрессированных оккупационными режимами». По данным руководителя одной из организаций, объединяющих жертв репрессий, ходатайство о получении удостоверения репрессированного подали 15 851 человек, из них две трети обратились в течение первого года после принятия закона [Raude].

Организации, работающие в интересах жертв репрессий

В июне 2003 г. был открыт эстонский Музей оккупаций. Музеем управляет частный фонд (Фонд Кистлер-Ритсо), основанный в 1998 г. американской семьей эстонских эмигрантов. Помимо постоянной экспозиции в основном помещении (Toompea 8, 10142 Tallinn, тел. +372

66 80 250, <http://www.okupatsioon.ee/en>) музей организует лекции и спонсирует независимые исследовательские проекты. Музей издал множество работ о деятельности и структуре эстонской Коммунистической партии в период советской оккупации.

Вторая группа исследователей, «С-центр» (S-Keskus, lähiajaloouurimiskeskus), издала несколько монографий о руководителях КГБ и советской власти в Эстонии и о разных формах диссидентства в советской Эстонии. Центр вел активную работу главным образом в 1990-х и начале 2000-х годов, привлекая широкий круг историков к вопросам недавнего прошлого Эстонии (см. <http://www.s-keskus.arhiiv.ee/eng/next.htm>).

Формирование общественного мнения и сохранение памяти

Существует очень мало прямых сведений об общественном мнении относительно репрессированных в Эстонии. В каком-то смысле это понятно, поскольку история политических репрессий в период сталинизма и после него стала в Эстонии таким краеугольным камнем исторической памяти и публичного дискурса и настолько очевидна, что нет смысла проводить опросы общественного мнения. Общество сочувственно и с пониманием относится в жертвам репрессий, о чем свидетельствуют ежегодные общественные акции и церемонии памяти.

Национальные исследовательские организации, занимающиеся темой жертв репрессий

Как уже говорилось, основные научно-исследовательские организации, работающие над темой истории политических репрессий в Эстонии, – это Музей оккупа-

ций и S-Keskus, хотя в последние годы они стали менее активно заниматься некоторыми видами деятельности. Анализ того, как проводились депортации и другие формы репрессий, представило эстонское Бюро репрессированных в многочисленных томах, содержащих списки жертв репрессий.

Кроме этих организаций Эстония образовала три специальные комиссии для изучения политических репрессий в стране. Первая была образована в ноябре 1989 г. (до восстановления независимости) Верховным Советом Эстонии. В январе 1990 г. эта группа ученых и историков, известная как Комиссия Кахка, подготовила доклад с оценкой ущерба, понесенного Эстонией в период советской оккупации. Ущерб включал человеческие жертвы, ухудшение состояния окружающей среды, стагнацию экономики и другие воздействия на качество жизни, язык и культуру.

После восстановления независимости Верховный Совет Эстонии образовал более институционализированную комиссию историков – Государственную комиссию по расследованию репрессивной политики в период оккупаций (ОРУРК). Этой независимой экспертной комиссии, состоявшей из 27 человек, было поручено изучение политики репрессий и геноцида против эстонских граждан в период советской и нацистской оккупаций и представление общей оценки этих режимов. Первоначально было объявлено, что комиссия будет работать в течение двух лет, однако она работала до 2004 г., получая регулярное государственное финансирование в размере нескольких тысяч евро в год. В течение этого срока комиссия выпустила несколько текущих докладов и аналитических материалов, а в 2005 г. опубликовала итоговую «Белую книгу». В ее выводах содержались оценки потерь от советского и нацистского режимов.

Однако результаты работы ОРУРК несколько отошли на второй план в связи с деятельностью третьей *специальной комиссии историков*, которая работала с 1998 по 2008 г. Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности была образована президентом Леннартом Мери как международный орган по изучению истории советской и нацистской оккупации Эстонии. Мери образовал эту комиссию в ответ на постоянные замечания международных организаций (в частности Центра Симона Визенталя) о том, что Эстония недостаточно изучает происходившее в стране в период нацистской оккупации. В ответ на эти замечания президенты всех трех стран Балтии образовали такие исторические комиссии, которым поручили в том числе и изучение преступлений против человечности, совершенных в годы советской власти.

В Эстонии комиссия состояла только из неэстонцев, ее председателем был финский дипломат в отставке Макс Якобсон. Комиссия заседала обычно один или два раза в год и рассматривала архивную информацию, собранную эстонскими исследователями. Итогом деятельности комиссии стало издание трех томов выводов, касающихся соответственно нацистской оккупации (1941–1944 г., вышел в свет в 2001 г.), первого периода советской оккупации (1940–1941 г., вышел в свет в 2004 г.) и второго периода советской оккупации (до середины 1950-х годов, вышел в свет в 2008 г.). Кроме того, комиссия финансировала издание докладов по итогам изучения архивов (в общей сложности 1300 страниц), в которых работающие по поручению комиссии эстонские историки представили результаты своих разысканий. С одной стороны, трудно назвать эстонскую комиссию группой «национальных исследователей», поскольку почти все результаты были в итоге опубликованы на английском

языке, вся деятельность комиссии финансировалась эстонским государством, с другой стороны, комиссия создала предпосылки для огромного количества исторических исследований, которые предстоит провести и результаты которых будут доступны эстонским ученым и обществу в целом.

Доступ к архивам

Управление официальными архивами в Эстонии осуществляет Национальный архив – *Rahvusarhiiv*. Национальный архив разделен на девять подразделений, одно из них – Государственный архив (*Riigiarhiiv*), основная обязанность которого заключается в хранении документов советской эпохи, в том числе КГБ и советского МВД, а также полного собрания документов эстонской Коммунистической партии. Таким образом, это собрание включает все оставшиеся документы, отражающие репрессии сталинского периода. Досье, касающиеся слежки КГБ в более позднее время, были вывезены советскими властями в Россию в конце 1980-х годов и пока недоступны для эстонских исследователей или властей.

В соответствии с п.9 «Порядка сбора, регистрации, сохранения и использования материалов органов безопасности и разведки других стран, осуществлявших деятельность в Эстонии», все лица имеют право ознакомиться с касающимися их материалами советского периода, которые хранятся в Национальном архиве. В отношении умерших лиц право запрашивать информацию о них имеют их родители, супруги, сестры, братья и дети. По специальному разрешению директора архива эти материалы могут также быть предоставлены для изучения исследователям и правоохранительным органам.

Музеи или специальные музейные экспозиции, посвященные истории репрессий и сопротивлению террору

Музей оккупаций в Таллине является центральной национальной экспозицией, посвященной истории советских репрессий и сопротивлению советской власти. Это место, куда приводят иностранных деятелей, приезжающих с государственными визитами в Эстонию, а музейный маршрут включает введение в историю Эстонии недавнего времени. Кроме того, существуют небольшие музеи в других городах (например, в Тарту работает музей в подвале, где находились камеры заключения МВД/МГБ в конце 1940-х годов)³. В сельской местности открыто несколько выставок в убежищах, где прятались бойцы сопротивления в конце 1940-х и начале 1950-х годов.

Мемориалы, памятники и знаки, посвященные жертвам репрессий

Существуют десятки мемориальных досок и памятных знаков, посвященных местам депортации или расстрелов в Эстонии во время советской или нацистской оккупации, но одно из наиболее значимых национальных мест памяти находится в городе Пилистере, где уже в ноябре 1988 г. был установлен деревянный крест, а каждого посетителя просили приносить по камню, что символизировало стойкость эстонской деревни в период депортаций 1949 г., которые были частью политики коллективизации. За последние 25 лет гора камней разрослась до нескольких кубометров, а весь комплекс украшен дополнительными памятниками и символами.

³ См. http://linnamuseum.tartu.ee/?m=2&page=front&change_lang=en

В Таллине церемонии в память депортаций 25 марта и 14 июня проводятся на Домской горе, в Тарту – возле специального памятника жертвам коммунизма в центре города. С середины 2000-х годов эстонские власти регулярно отмечают также 28 января как Международный день памяти жертв Холокоста.

Поскольку большинство лагерей для депортированных, куда вывозили эстонцев в 1940-х годах, находились на территории Российской Федерации, в этих отдаленных местах установлено очень мало памятных знаков. В Литве многие группы бывших жертв репрессий после 1988 г. организовывали регулярные посещения этих мест поселений и даже привезли на родину останки погибших там литовцев, но в Эстонии такая масштабная кампания не проводилось.

Как отмечено выше, некоторые места заключения и пыток в Эстонии мемориализованы, – как и несколько мест уничтожения, связанных с Холокостом (например, концлагерь Клоога).

«Книги воспоминаний» о жертвах репрессий, базы данных в Интернете

Все составленные эстонским Бюро репрессированных 11 томов, в которых перечислены имена жертв репрессий, опубликованы в электронной форме на сайте союза «Мементо»⁴. К сожалению, в Интернете нет базы данных с функцией поиска. Десятки книг были изданы Музеем оккупаций и другими организациями, хотя большинство из них – научные работы. Мемуары и другую литературу издают различные частные издательства. Кроме того, специальная группа исследователей работа-

⁴ <http://www.memento.ee/trukised/memento-raamatud/>

ет в Эстонском литературном музее, собирая рассказы и другие личные материалы депортированных.

Судебные процессы над организаторами и исполнителями политических репрессий

Все три государства Балтии стремились привлечь к ответственности тех, кто участвовал в сталинском терроре в 1940-х годов. Это оказалось затруднительным, поскольку слишком часто сотрудники НКВД или другие официальные лица, ответственные за акты террора, уже умерли или переехали в Россию либо в другие регионы бывшего СССР. И все же следователи эстонской Генеральной прокуратуры и эстонской Полиции безопасности (*EestiKaitsepolitsei*) постоянно собирали информацию и свидетельства об этих лицах и с 1996 г. организовали почти 30 судебных процессов.

Правовой основой процессов было обвинение этих людей в преступлениях против человечности, военных преступлениях, а в некоторых случаях – в геноциде. В ноябре 1994 г. эстонский парламент внес поправки в старый советский Уголовный кодекс Эстонии (который в то время все еще действовал), включив в него четыре пункта, содержащих определения преступлений против человечности и военных преступлений. В 2002 г. Эстония приняла совершенно новый Уголовный кодекс, в котором геноцид и преступления против человечности были определены как самостоятельные виды преступлений.

Прокуратура предъявила официальные обвинения 26 лицам в связи с преступлениями советского периода и одному – за деятельность в период нацистской оккупации. Большинство этих обвинений были выдвинуты по статье «преступления против человечности», поскольку геноцид часто очень трудно доказать. При этом одним из самых известных стало дело Арнольда Мери (двоюродного

брата бывшего президента Леннарта Мери), который, хоть и имел советские воинские награды, участвовал в депортации сельских жителей на остров Хиума в конце 1940-х годов. Однако, как и во многих случаях, которые в конце концов были доведены до суда, многочисленные процессуальные отсрочки (по просьбе обвиняемых и их юристов) обычно приводили к тому, что обвиняемый умирал раньше вынесения приговора. Только 11 человек были реально осуждены по предъявленным им обвинениям, еще меньше было приговорено к тюремному заключению. В настоящее время в эстонских судах больше нет таких процессов.

Проблемы топонимики

В Эстонии никогда не было мест, названных в честь фактических организаторов государственного террора (например, Ф. Дзержинского). Только один город, Курессааре, в 1952 г. был переименован в честь эстонского революционера начала 1920-х годов Виктора Кингисеппа. Однако в 1989 г.⁵ городу было возвращено название Курессааре.

Тема политических репрессий как часть национальной программы

Сохранение памяти о политических репрессиях входит в национальную программу, и это демонстрируют высокопоставленные государственные чиновники Эстонии, регулярно присутствуя на национальных церемониях, посвященных памяти о советских депортациях (25 марта и 14 июня) или Холокосте (28 января). Знаком

⁵ Этот город не следует путать с российским городом Кингисеппом в Ленинградской области, который назывался Ямбург и был переименован в честь эстонского революционера.

признания депортированных и других жертвами политических репрессий была специальная кампания, проведенная при поддержке президента Леннарта Мери в 2001 г. В рамках памятных мероприятий, посвященных 60-й годовщине депортаций 1941 г., Мери организовал для молодежи конкурс, на который нужно было представить интервью и рассказы людей, пострадавших при советском режиме. Конкурс получил грант в размере 30 тысяч евро от эстонского правительства и широкое освещение в СМИ. Кроме того, Мери проехал по стране, лично встречаясь с тысячами депортированных, каждому из которых он приколот значок с изображением сломанного василька (василек – национальный цветок Эстонии). В конце концов этот символ стал официальной эмблемой для людей, которые были объявлены репрессированными по закону 2003 г. «О лицах, репрессированных оккупационными режимами». После принятия этого закона было решено, что в дополнительных законодательных актах нет необходимости.

Вместе с тем некоторые правоцентристские политики предпринимали попытки добиться более явного признания жертвами тоталитаризма тех эстонцев, которые воевали в частях вермахта в годы Второй мировой войны. В частности, многие из этих эстонцев пошли служить в нацистскую армию в 1943 и 1944 гг., чтобы постараться отсрочить возвращение Эстонии в СССР, чему они сопротивлялись, помня о сталинских депортациях 1940–1941 гг.

Конечно, попытки добиться признания этих лиц жертвами репрессий были спорными и неоднозначными. Несколько внесенных в парламент проектов резолюций, в которых такие эстонцы названы «борцами за свободу» или иным образом отмечена их историческая судьба, были приостановлены в парламенте либо их окончательные формулировки были изменены. На сегодняшний день

эта категория не включена в число лиц, пострадавших от политических репрессий.

К неоднозначным сюжетам относится запоздалая готовность представителей эстонских властей выразить сожаление или принести извинения за участие эстонцев в Холокосте. Лишь в мае 2005 г. премьер-министр Эстонии Андрус Ансип произнес речь на месте бывшего концентрационного лагеря Клоога, в которой принес извинения за то, что в числе ответственных за преступления во время нацистской оккупации были и граждане Эстонии. Это было воспринято как выражение сожаления Эстонией на государственном уровне. Эти вопросы никогда не оказывали серьезного негативного влияния на двусторонние отношения Эстонии с Израилем.

Напротив, отношения с Россией по вопросу об увековечении памяти репрессий советского периода были обостренными. Эстония пока не получила доступа к досье КГБ, которые были вывезены в Россию в конце 1980-х годов. В то же время Россия несколько раз выражала протесты по поводу проводившейся в Эстонии политики расследования преступлений против человечности и геноцида, совершенных бывшими сотрудниками НКВД–МГБ–КГБ. Кроме того, Россия выступила с критикой попыток Эстонии признать историческую судьбу эстонцев, которые служили в немецкой армии. В довершение всего полемика по поводу решения эстонского правительства перенести «Бронзового солдата» в апреле 2007 г. лишь еще больше обострила конфликты между двумя странами по вопросу памяти. В результате всего этого вопрос политических репрессий советского времени остается одним из ключевых вопросов национальной политической программы в отношениях с Российской Федерацией.

Тема советских политических репрессий в школьных программах и учебниках истории

Репрессии советского времени как важная часть эстонской исторической памяти должным образом освещены в эстонских учебниках истории. Международная комиссия, другие историки собрали достаточно материала, который могут использовать учителя. С середины 2000-х годов видное место в школьных программах также занял Холокост, каждый год организуются специальные мероприятия, посвященные 28 января. Но эта тема развивалась медленно, поскольку первоначально многие эстонцы считали: поскольку Эстония была в гораздо меньшей степени затронута Холокостом, чем соседние Латвия или Литва (в стране были убиты «всего» около 1000 эстонских евреев, около 7–8 тысяч были привезены из Восточной Европы), страна в меньшей степени обязана выполнять масштабную программу увековечения памяти. Тем не менее Эстония в конце концов стала членом Международного альянса памяти жертв Холокоста – международной неправительственной организации, задача которой заключается в координировании просветительских и памятных мероприятий, посвященных жертвам Холокоста.

Источники

Eesti Vabariigi Riigikogu 2003. «Okupatsioonirežiimide poolt represseeritud isiku seadus». 4 December, Riigi Teataja, I, 2003, 88, 589. For English-language translation, see: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/529052014007/consolide>

Õispuu L. Poliitilised arreteerimised Eestis, 1940–1988 (§ 58), Kõide 1. Tallinn: Eesti Represseeritute Registri Büroo, 1996.

Pettai E.C. Estonian International Commission for Investigation of Crimes Against Humanity / L.Stan, N.Nedelsky, eds.

// Encyclopedia of Transitional Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P.117–121.

Raidla J. Presentation before the plenary of the Supreme Council of Estonia, 8 May 1991 (http://www.riigikogu.ee/index.php?rep_id=9786950&uni=40).

Raude K. Kümme aastat okupatsiooni režiimide poolt represseritud isiku seadust. 2013 // Riigikogutoimetised, 28: 178-180.

Содержание

От издателей	3
А.Л. Кононов. К истории принятия российского Закона «О реабилитации жертв политических репрессий»	5
Материалы конференции	
Сергей Румянцев. Память о жертвах политических репрессий в Азербайджане: этнизация событий сталинского террора . . .	31
Грануш Харатьян. Реабилитационный ли закон РА «О репрессированных лицах» и кто такие репрессированные в Армении	80
Гаяне Шагоян. Ставить ли памятник Анастасу Микояну? Опыт «социальной люстрации» в Армении	127
Ираклий Хвадагиани. Жертвы политических репрессий в Грузии: отношение общества и процесс реабилитации	152
С.В. Елеуханова. Положение репрессированных в Казахстане.	193
П.И. Дятленко. Правовое и социальное положение жертв политических репрессий в Киргизской Республике.	236
Клаудиа Маттес. Жертвы политических репрессий в Латвии	274
Ольга Процевска. Общественный статус жертв политических репрессий в Латвии	295
В.А. Панов, Кристина Йонутите. Положение жертв политических репрессий и геноцида в Литовской Республике . . .	311
Алексей Тулбуре. Жертвы политических репрессий в Молдавии: законодательство и его реализация	339
Л.О. Иванов. Об исполнении российского Закона «О реабилитации жертв политических репрессий»	395
Евгений Захаров. Правовые и социальные аспекты положения жертв политических репрессий советского периода в современной Украине	424
Вело Петтай. Судьба жертв политических репрессий в Эстонии – право на реабилитацию и память	448

РЕАБИЛИТАЦИЯ И ПАМЯТЬ

Отношение к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР

Редактор *Л.С. Еремина*
Корректор *О.В. Яцух*
Художник *Д.А.Сенчагов*

Подписано в печать 27.07.2016. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 30. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО «Информполиграф». Заказ 110.
111123 Москва, ул.Плеханова, 3а.

Общество «Мемориал»
127051 Москва, ул. Каретный Ряд, 5/10

Издательство «Звенья»
127051 Москва, Малый Каретный пер., 12